

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

(1)24'2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

(1)24'2008

Научное издание

Екатеринбург 2008
Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

(1)24'2008

Editor-in-Chief

A. P. Chudinov

Editorial Board

E. V. Budaev

S. A. Eremina

B. M. Igoshev

N. B. Ruzhentseva

A. M. Strelnikov

Yekaterinburg 2008

УДК 409.34

ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ,
кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА

Члены редакционной коллегии:

ректор УрГПУ, профессор Б. М. ИГОШЕВ
доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА,
кандидат филол. наук, доцент А. М. СТРЕЛЬНИКОВ

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2008. Вып. (1)24. – 184 с.
ISBN 5-7186-0203-4

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три основных раздела – «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ВЫПУСК (1)24

Подписано в печать 14.03.2008. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 11,5. Тираж 150 экз. Заказ 2388.
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0203-4

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2008
© Политическая лингвистика, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
<u>РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ</u>		
Будаев Э. В., Чудинов А. П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия	Лингвистическая парасоветология	10
Вайс Д. Цюрих, Швейцария	Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде	16
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Методы и методики исследования политической коммуникации	22
Иванова С. В. Уфа, Россия	Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии	29
Иньиго-Мора И. Севилья, Испания	Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование	33
Красильникова Н. А. Новоуральск, Россия	Концептуализация современной России в метафорах американских СМИ	39
Маслова В. А. Витебск, Белоруссия	Политический дискурс: языковые игры или игры в слова?	43
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Прецедентное имя <i>Керенский</i> в современных отечественных СМИ	48
Солопова О. А. Челябинск, Россия	Образ будущего в программных документах политических партий	55
Фернандес-Диас Г. Севилья, Испания	Корпус языка политики и его приложение к преподаванию языка	64
Червиньски П. Катовице, Польша	Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности (статья 2).	72
Чудинов А. П. Екатеринбург Россия	Российская политическая метафора в начале XXI века	86
Шейгал Е. И. Волгоград, Россия	Проблемы гендерной идентичности военнослужащих в современном американском политическом дискурсе	93
Антипина О. В. Иркутск, Россия	Метафорический всплеск и метафорическое затишье: образ политической России в англоязычных СМИ	102
Кутенева Т. А. Екатеринбург, Россия	Смысловая динамика лексем <i>пропаганда</i> и <i>агитация</i> в русском языке	106

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Базылев В. Н. Москва, Россия	Семиотическая модель перевода	115
Гришаева Л. И. Воронеж, Россия	Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации	118
Колтышева С. Я. Челябинск, Россия	Шоу-бизнес как сфера-магнит для религиозной метафоры	123
Коптякова Е. Е. Сургут, Россия	Германия в национальных стереотипах русских и американцев	129
Надэль-Червиньска М. Катовице, Польша	Категория <i>несвободы</i> в тоталитарном контексте и вариативность текста: <i>Райские яблоки</i> у Вл. Высоцкого	132
Чащина С. С. Нижний Тагил, Россия	Категория «Качество товара» в рекламе	140

РАЗДЕЛ 3. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Американская лингвистическая советология в середине XX века	148
Баргхорн Ф. К. Коннектикут, США	Советский образ Соединенных Штатов: преднамеренное искажение	149
Симмонс Э. Дж. Бостон, США	Политический контроль и советская литература	156

РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Красильникова Н.А. Новоуральск, Россия	Международная научная конференция «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования»	164
Пирогов Н. А. Екатеринбург, Россия	Диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.283.02 в 1994–2007 гг.	165
Гиниатуллин И. А. Екатеринбург, Россия	Диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций К 212.283.05 в 1998–2007 гг.	176
ERRATA		182
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ПЕРЕВОДЧИКАХ		184

CONTENTS

EDITORIAL		8
<u>PART 1. POLITICAL COMMUNICATION</u>		
Budaev E. V., Chudinov A. P. Nizhnii Tagil, Yekaterinburg, Russia	The Linguistic Parasovietology	10
Weiss D. Zurich, Switzerland	Parasites, Carrion and Rubbish. The Image of the Enemy in Soviet Propaganda	16
Gavrilova M. V. St. Petersburg, Russia	Methods and Methodologies in Studying Political Communication	22
Ivanova S. V. Ufa, Russia	Political Media Discourse in the Focus of Linguo-Cultural Studies	29
Iñigo-Mora I. Seville, Spain	Questioning in Political Broadcast Interviews: Neutralism and Conduciveness	33
Krasilnikova N. A. Novouralsk, Russia	American Mass Media Metaphors Conceptualizing Modern Russia	39
Maslova V. A. Vitebsk, Belorussia	Political Discourse: Language Games or Playing Words?	43
Nakhimova E. A. Yekaterinburg, Russia	Precedent Name <i>Kerenskiy</i> in Modern Russian Mass Media	48
Solopova O. A. Chelyabinsk, Russia	The Image of Future in the Political Parties' Election Platforms	55
Fernandez-Diaz G. Sevilla, Spain	Exploiting Corpora for Language Teaching: a Case-study Based on Political Language	64
Czerwinski P. Katowice, Poland	Semantics of Negative Evaluative Categories for Denoting Persons in the Language of the Soviet Reality (2)	72
Chudinov A. P. Yekaterinburg, Russia	Russian Political Metaphorics at the Beginning of XXI Century	86
Sheygal E. I. Volgograd, Russia	Gender Identity Problems of Military Men in Modern American Political Discourse	93
Antipina O. V. Irkutsk, Russia	Metaphorical Splash and Metaphorical Lull: The Image of Political Russia in the British Mass Media	102
Kuteneva T. A. Yekaterinburg, Russia	Semantic Dynamics of Lexemes <i>Propaganda</i> and <i>Agitatsiya</i> in the Russian Language	106

PART 2. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE

Bazylev V. N. Moscow, Russia	Semiotic Model of Translation	115
Grishayeva L. I. Voronezh, Russia	Precedent Text as Universal Means of Transferring and Keeping National Culture	118
Koltysheva S. Ya. Chelyabinsk, Russia	Show Business as a Target Domain for Metaphors of Religion	123
Koptyakova E. E. Surgut, Russia	National Russian and American Stereotypes of Germany	129
Nadel-Czerwinska M. Katowice, Poland	The Category of <i>Non-Freedom</i> in Totalitarian Context and Variation in <i>Paradise Apples</i> Text by Vladimir Vysotsky	132
Chashchina S. S. Nizhniy Tagil, Russia	Category “Quality of Goods” in Advertising	140

PART 3. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Budaev E. V. Nizhnii Tagil, Russia	Linguistic Sovietology in the USA in the Middle of XX Century	148
Barghoorn F. K. Connecticut, USA	The Soviet Image of the United States: A Deliberately Distorted Image	149
Simmons E. Boston, USA	Political Controls and Soviet Literature	156

PART 4. CHRONICLE, REVIEWS, CORRESPONDENCE

Krasilnikova N. A. Novouralsk, Russia	The Second International Conference «Mass Media Language As the Subject of Interdisciplinary Research»	164
Pirogov N. A. Yekaterinburg, Russia	Dissertation Council D 212.283.02 in 1994 - 2007	165
Giniatullin I. A. Yekaterinburg, Russia	Dissertation Council K 212.283.05 in 1998 - 2007	176
ERRATA		182
LIST OF CONTRIBUTORS, EDITORS AND TRANSLATORS		184

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцать четвертый выпуск «Политической лингвистики». Мы начинали 13 лет назад как межвузовский сборник научных трудов «Лингвистика», но постепенно происходила специализация издания и изменение его характера. Сначала в сборнике появился раздел «Политическая лингвистика», затем – этот раздел стал основным, а двадцатый выпуск уже вышел с новым названием.

У нас по-прежнему многонациональный состав авторов. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои статьи известные зарубежные специалисты по политической лингвистике профессора Даниэль Вайс (Цюрих, Швейцария), Валентина Авраамовна Маслова (Витебск, Белоруссия), Изабель Иньиго-Мора (Севилья, Испания), Маргарита Надэль-Червиньска (Катовице, Польша), Габриэла Фернандес-Диас (Севилья, Испания), Петр Червиньски (Катовице, Польша).

Мы благодарны за предоставленные для публикации исследования ведущим российским специалистам, работающим в различных регионах России: профессорам Владимиру Николаевичу Базылеву (Москва), Марине Владимировне Гавриловой (Санкт-Петербург), Людмиле Ивановне Гришаевой (Воронеж), Светлане Викторовне Ивановой (Уфа), Елене Иосифовне Шейгал (Волгоград).

Уральскую школу политической лингвистики и лингвокультурологии представляют профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов (Екатеринбург), доценты Эдуард Владимирович Будаев (Нижний Тагил), Наталья Алексеевна Крайильникова (Новоуральск), Елена Анатольевна Нахимова (Екатеринбург) и Ольга Александровна Солопова (Челябинск), аспиранты Елена Евгеньевна Коптякова (Сургут), Светлана Яковлевна Колтышева (Челябинск), Татьяна Александровна Кутенева (Екатеринбург) и Светлана Сергеевна Чащина (Нижний Тагил).

В первом разделе традиционно представлены исследования по политической коммуникации. Здесь рассматриваются общие принципы изучения политической коммуникации, методология политической лингвистики, лексика и метафорология политической публицистики и ее жанры (предвыборное выступление, интервью). Авторы обращаются к общим закономерностям метафорического представления власти в различных национальных дискурсах (американском, британском, немецком, российском), а также к проблемам политической коммуникации в России (СССР), Соединенных Штатах, Западной и Центральной Европе. Статья Э. В. Будаева и А. П. Чудинова посвящена истории лингвистической парасоветологии, а статьи Д. Вайса, М. Надэль-Червиньской и П. Червиньского (а также статьи Ф. Баргхорна и Э. Симмонса,

включенные в третий раздел) можно считать своего рода иллюстрациями, представляющими различные этапы развития европейской и американской советологии и парасоветологии.

Во втором разделе сконцентрированы статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы межкультурной коммуникации, прецедентности, рекламы и перевода, коммуникативных аспектов шоу-бизнеса, а также использования политических концептов в художественном тексте. Все эти проблемы, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

Третий раздел, как и в предыдущих выпусках, представляет впервые переведенные на русский язык публикации, которые важны для истории политической лингвистики. На этот раз опубликованы работы американских советологов, написанные в разгар «холодной войны» и ярко демонстрирующие соответствующий уровень «толерантности». Это широко известная статья американского дипломата (пресс-атташе посольства в Москве), а позднее – профессора Йельского университета Фредерика К. Баргхорна «Образ США в советской пропаганде» (1954 г.) и статья профессора из Бостона Эрнеста Дж. Симмонса «Политический контроль и советская литература» (1961 г.). Названные статьи помогают лучше понять, каким американцы видели Советский союз в середине XX века. Но если в предыдущих выпусках мы печатали подлинную «классику» политической лингвистики, то в этом выпуске представлены статьи не столько лучшие, сколько типичные для соответствующего этапа развития советологии.

Мы выражаем особую благодарность переводчикам – кандидату филологических наук, преподавателю Челябинского государственного университета Евгению Евгеньевичу Аникину, аспиранту Людмиле Владимировне Быковой (Сургут), аспиранту Светлане Яковлевне Колтышевой (Челябинск), аспиранту Ирине Сергеевне Поляковой (Шадринск), кандидату филологических наук, доценту Александру Михайловичу Стрельникову (Нижний Тагил). Каждый наш переводчик активно занимается политической лингвистикой или медиалингвистикой, а поэтому хорошо знает соответствующую методологию и терминологию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 июня и 1 ноября. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответство-

вать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Срок выпуска каждого сборника – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических тестов, созданных И. В. Сталиным, В. В. Жириновским, Т. Блэром или А. Гитлером, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru. На этом же сайте размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru

Приятно сообщить, что наш журнал теперь включен в Каталог Роспечати (индекс 81955) и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России.

***С уважением и надеждой
на сотрудничество:***

Профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов
Доцент Эдуард Владимирович Будаев
Доцент Светлана Александровна Еремина
Профессор Борис Михайлович Игошев
Профессор Наталия Борисовна Руженцева
Доцент Александр Михайлович Стрельников

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Будаев Э. В., Чудинов А. П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАСОВЕТОЛОГИЯ¹

Abstract

The paper reviews and classifies modern studies adjacent to sovietological investigations, namely researches into political discourses of socialistic states, world Communist propaganda, non-communist totalitarian discourses, contemporary Russian political communication (postsovietology).

В нашей предшествующей статье [Будаев, Чудинов 2007] были рассмотрены становление и эволюция лингвистической советологии – направления в зарубежной политической лингвистике, предметом исследования которого служат особенности политической коммуникации в СССР, а также языковая политика советского государства, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза. Отмечалось также, что в зарубежной традиции рассматриваемый термин не имеет какой-либо оценочной коннотации, тогда как в Советском Союзе его обычно использовали с уничижительными определениями и относили к сфере враждебной пропаганды, которая не имеет ничего общего с наукой, во всяком случае – с «подлинной» марксистско-ленинской наукой.

В процессе подготовки указанной статьи было обнаружено, что многие исследования не могут быть однозначно отнесены к сфере лингвистической советологии либо столь же однозначно признаны не имеющими отношения к указанному научному направлению. Это вполне закономерно, поскольку давно замечено, что многие важные научные результаты можно получить именно в процессе междисциплинарных исследований. Кроме того, в науке всегда существуют «зоны диффузности», изучение которых может оказаться полезным для различных научных направлений.

В настоящей статье рассматриваются исследования, которые не в полной мере соответствуют представленному определению лингвистической советологии, однако посвящены смежным проблемам или относятся к другим периодам развития России. Некоторые из этих работ созданы авторами, которые не в полной мере воспринимаются как зарубежные или же имеют преимущественно нелингвистический характер, но включают фрагменты, которые способны заинтересовать филологов. Для обобщающего обозначения указанных исследова-

ований мы решили использовать в качестве рабочего термин «лингвистическая парасоветология».

Изучение публикаций по лингвистической парасоветологии позволит лучше понять дискурс лингвистической советологии, политические и экономические условия, в которых она существовала, научную парадигму, в рамках которой она развивалась, а следовательно, представляет несомненный интерес для российских и зарубежных специалистов по советской политической коммуникации.

Следует подчеркнуть, что к задачам настоящей статьи относится определение оснований для выделения парасоветологических исследований и критериев их классификации, но мы не стремились перечислить все или хотя бы наиболее известные и широко признанные публикации рассматриваемой проблематики. В наши задачи не входила также оценка качества или объективности этих исследований, а также выявление зависимости от политических и иных условий создания или публикации. Отметим только, что лишь немногие зарубежные специалисты были искренними сторонниками советской идеологии, но едва ли все они с искренней симпатией относились к России, русскому языку и российской культуре.

Первая группа рассматриваемых публикаций объединяется по «географическому» признаку: все они посвящены политической коммуникации ВНЕ ПРЕДЕЛОВ Советского Союза (или преимущественно вне территории Советского Союза), но в то же время соответствующие тексты в той или иной мере близки к тем текстам, которые создавались в Советском Союзе. Лингвистическая парасоветология объединяет по меньшей мере следующие группы таких публикаций:

– исследования, посвященные лингвополитическому дискурсу стран-сателлитов СССР (например, характеристика «нового» в Польше, Чехии или Румынии);

– исследования, посвященные коммунистическому дискурсу в демократических странах с рыночной экономикой (например, коммунистическая пропаганда в США, Великобритании или Франции);

– исследования (часто сопоставительные), посвященные тоталитарному дискурсу и ориентированные на обнаружение общих и особенных свойств в политической коммуникации коммунистических и других диктаторских режимов в различных регионах мира (Европа, Латинская Америка, Азия и Африка).

Ко второй группе публикаций по лингвистической парасоветологии следует, видимо, отнести исследования, которые посвящены советскому лингвополитическому дискурсу, но не в полной мере воспринимаются как ЗАРУБЕЖНЫЕ или ЗАПАДНЫЕ. Это такие исследования, которые:

¹ Статья подготовлена при финансовой помощи РГНФ (грант 07-04-02002а – «Образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе»).

– подготовлены после распада СССР не в России, а в других постсоветских государствах; такие публикации едва ли могут интерпретироваться как «внешние», как «взгляд со стороны», поскольку они написаны бывшими нашими соотечественниками;

– созданы в странах, выступавших как политические союзники СССР и отличавшихся соответствующей организацией политического дискурса (Болгария, Польша, Венгрия и др.).

Выделение последней подгруппы может вызвать возражения, однако следует учитывать, что лингвистов из указанных стран в советское время не называли советологами, поскольку это обозначение использовалось только по отношению к «буржуазным наймитам и клеветникам».

К третьей группе парасоветологических, видимо, следует отнести исследования, не советского, а досоветского и постсоветского лингвополитического дискурса. Среди публикаций, относящихся к постсоветскому дискурсу, целесообразно разграничить две подгруппы:

– исследования, посвященные лингвополитическому дискурсу современной России (постсоветология).

– исследования, посвященные не лингвополитическому дискурсу России (как правопреемника СССР), а политической коммуникации в других постсоветских государствах.

Включение последней подгруппы в состав парасоветологических исследований может вызвать возражение, но следует учитывать, что политическая коммуникация во многих постсоветских странах все еще сохраняет многие свойства, характерные для советского периода.

К четвертой группе рассматриваемых публикаций мы отнесли такие, которые не относятся к числу собственно ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ, но включают материалы, которые могут быть интересны филологам и учитываться филологами в своих профессиональных изысканиях.

В нашем обзоре не рассматриваются публикации, которые посвящены общим проблемам развития и функционирования русского языка в советский период, хотя вполне закономерно, что процессы в художественной, официально-деловой или разговорной речи оказывают определенное воздействие и на политическую коммуникацию в ее медийном и институциональном вариантах.

Рассмотрим специфику выделенных направлений парасоветологии и наиболее показательные публикации соответствующих авторов. В первом из указанных направлений отчетливо выделяются следующие подгруппы.

1.1. Исследования, посвященные политической коммуникации в «странах народной демократии», то есть государствах, идеологически близких к Советскому Союзу. В таких публикациях нередко выявляются общие законо-

мерности политической коммуникации в условиях коммунистической диктатуры. Например, анализ публикаций И. Борковского [Borkowski 2003], Е. Бральчика [Bralczyk 2001], А. Вежбицкой [Вежбицка 1993], Д. Галасиньского и А. Яворского [Galasiński, Jaworski 1997], М. Гловиньского [Głowiński 1990], А. Зволинского [Zwołiński 2003], И. Карпиньского [Karpiniński 1989] и А. Северской-Хмай [Siewierska-Chmaj 2006], посвященных польскому «новоязу» и языковому сопротивлению, показывает, что многие выявленные закономерности присущи не только советской, но и польской политической коммуникации. Вместе с тем за многочисленными сходствами исследователи находили и специфические отличия между советским «новоязом» и официальными дискурсами других коммунистических стран (см., например, исследование Й. Бральчика, посвященное анализу политической пропаганды в ПНР [Bralczyk 2001]).

Французский исследователь Ж.-Ж. Куртин пишет о дискурсе «государственных языков», «процеживающих воспоминания об исторических событиях и наполняющих коллективную память определенными высказываниями, которым они обеспечивают повторяемость, при том что другие высказывания обрекаются ими на уничтожение или забвения» [Куртин 2002, с. 96]. В качестве яркого примера такого «процеживания» приводится рассказ о двух вариантах одной и той же фотографии лидера чехословацких коммунистов Клемента Готвальда, который с балкона произносит знаменитую речь, открывающую историю социалистической Чехословакии. На Готвальде меховая шапка, а рядом с ним стоит с непокрытой головой другой коммунистический лидер – Клементис. Журналисты трогательно описывали, что было холодно и именно Клементис отдал Готвальду свою шапку, чтобы уберечь руководителя от простуды. Через четыре года Клементис был обвинен в измене и повешен. Вскоре появился отретушированный вариант фотографии: оказывается, что Клементиса не было на том балконе и не так уж важно, откуда у Готвальда взялась шапка. Хорошо известно, что примеры выборочной памяти и намеренного беспамятства демонстрирует политическая коммуникация любого тоталитарного государства: особенно яркие примеры приводят В. Клемперер, Д. Вайс, А. Вежбицка, М. Гловинский, М.В. Горбаневский и Н.А. Купина.

1.2. Исследования, посвященные коммунистическому дискурсу в демократических странах с рыночной экономикой. Специальные наблюдения свидетельствуют о существенных различиях коммунистической пропаганды при ее использовании, с одной стороны, в тоталитарных государствах, а с другой – в странах, где возможны политические дискуссии между

различными партиями, где коммунисты находятся в оппозиции.

Едва ли не первым крупным лингвополитическим исследованием методики, стилистики и прагматики коммунистической пропаганды в США стала знаменитая монография Гарольда Лассвелла и Дороти Блюменсток «World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study» [Lasswell, Blumenstock 1939; см. также: Лассвелл, Блюменсток 2007], посвященная комплексному исследованию коммунистической пропаганды в Чикаго периода Великой депрессии, которая весьма способствовала распространению радикальной идеологии. Поставленные задачи потребовали детального и многоаспектного рассмотрения факторов, способствующих успехам агитаторов. На основе теории семиотики пропаганда рассматривается авторами как манипуляция символами, в ходе которой символы политической элиты должны быть заменены символами контр-элиты, с вытекающей отсюда переоценкой действительности. Это исследование в дальнейшем стало своего рода образцом, который был использован при изучении коммунистического движения в различных экономически развитых странах.

Совершенно иной подход наблюдается во французской школе анализа дискурса [Куртин 2002; Серио 2002 и др.], участники которой активно занимались изучением политической коммуникации, в том числе и коммуникативной практики французских коммунистов. Как пишет П. Серио, французская школа анализа дискурса рождалась «под знаком стыковки, как это тогда называлось, трех «китов»: Лингвистики, Исторического материализма и Психоанализа. [Серио 2002 : 33]; три имени стали знаменем этого подхода – Маркса, Фрейд и Соссюр Ж. Ж. Куртин делает вывод о том, что «коммунистический дискурс является продуктом реальной истории, но одновременно он является и продуктом фиктивной истории: «эффекты памяти <...> создают иллюзию застывшей истории, истории неподвижного времени, которое стоит на месте; происходит замораживание исторического времени, в котором формируется дискурсивность» [Куртин 2002 : 102].

1.3. Исследования, посвященные тоталитарному дискурсу и ориентированные на обнаружение общих и особенных свойств в политической коммуникации диктаторских режимов в различных регионах мира (фашистская Германия, маоистский Китай, Кампучия времен «красных кхмеров», Куба по руководством Кастро, Румыния при Чаушеску, Ливия при Каддаffi и др.) [Arendt 1973; Ilie 1998; 2005; Ji 2004; Lu 1999; Schäffner, Porsch 1993; Schoenhals 2007; Young 1991 и др.]. Первой в этом отношении, несомненно, была книга Виктора Клемперера «Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога» [Клемперер 1998], которая была впервые опубликована в 1946 году и

содержала не только материалы по языку фашизма, но и некоторые сопоставления советского и фашистского языка. По существу сходные проблемы рассматриваются в публицистических и художественных произведениях Джорджа Оруэлла, где дается развернутая характеристика не только потенциального английского «новояза» («newspeak»), но и коммуникативных приемов, характерных для британских социалистов и коммунистов в 30-е – 40-е годы прошлого века [Оруэлл 2006].

На следующих этапах развития политической лингвистики специалисты все снова и снова стремятся к сопоставлению коммунистического и фашистского дискурса. Весьма показательна в этом плане статья Даниэля Вайса «Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении» [Вайс 2007]. В отличие от многих других специалистов Д. Вайс обращает преимущественное внимание на различия двух тоталитарных дискурсов.

Сопоставление тоталитарного и демократического дискурсов показывает, что одним из наиболее ярких признаков первого могут служить существенные различия в средствах политической коммуникации, которые используются правящей партией и оппозицией. Свободный от критики, официальный политический язык в тоталитарном государстве все более приобретает черты «новояза». Соответственно протест против него в значительной степени проявляется в языковой сфере: возникает «языковое сопротивление», специфическая лексика и фразеология, своего рода диссидентские жаргоны, политический протест нередко проявляется в форме насмешки над коммуникативной практикой правящей партии.

Объединяющим признаком следующей группы зарубежных исследований служит тот факт, что их авторы испытали на себе то или иное влияние советского политического дискурса и российской лингвистики. В советскую эпоху эти специалисты не воспринимались (и в большинстве своем до настоящего времени не воспринимаются) как «западные советологи». Здесь можно выделить следующие подгруппы.

2.1. Исследования, которые посвящены советскому лингвополитическому дискурсу, но были созданы не в России, а в других постсоветских государствах. Такие публикации юридически считаются зарубежными, они полностью свободны от советской и постсоветской цензуры. Однако последнее вовсе не означает полной свободы от политического давления и тем более полного идеологического нейтралитета. В целом ряде случаев такие публикации полны ненавистью не только к советской идеологии, но и ко всему русскому. Нередко бывшие «советские филологи» удивительно быстро становятся активистами антироссийских политических движений, черпая факты для своих

разоблачений именно в советских политических текстах.

Вместе с тем лучшие специалисты стремятся к максимальной объективности. Важным преимуществом подобных авторов (по сравнению с западными исследователями) служит то, что они «изнутри» знакомы с советской политической коммуникацией, а поэтому лучше понимают ее скрытые механизмы и реальную степень эффективности. Многие специалисты по политической коммуникации из постсоветских государств испытали в своем научном развитии значительное воздействие советской лингвистической науки (учились в России, защищали диссертации в российских вузах и др.).

Среди лучших публикаций подобного рода следует назвать монографию литовского лингвиста Элеоноры Лассан «Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ» [Лассан 1995], в которой детально рассматриваются различия в политической коммуникации между представителями коммунистической элиты и инакомыслящими. Значительный интерес представляют также работы А. Д. Дуличенко, Н. Н. Ключко, С. Н. Муране, Б. Ю. Нормана, И. Ф. Ухвановой-Шмыговой и других специалистов из постсоветских государств.

2.2. Исследования по проблемам советской политической коммуникации, подготовленные специалистами из государств, которые были политическими союзниками СССР. Когда советские идеологические лидеры говорили об ущербности западной советологии, то они вовсе не имели в виду языковедов из идеологически близких государств, многие из которых учились в Советском Союзе, хорошо знали советскую действительность и не позволяли себе некорректных высказываний. До середины 80-х гг. прошлого века публикации болгарских, чешских, словацких русистов по многим признакам были ближе к публикациям советских филологов, чем к исследованиям западных советологов. Многие из этих ученых до сих пор изучают советский политический язык, нередко обнаруживая тонкие закономерности, которые способен увидеть только специалист, хорошо знакомый с соответствующими материалами. В качестве одного из примеров можно назвать статью Петра Червиньского, где рассматриваются оценочные характеристики при обозначении лиц в позднесоветском языке [Червиньски 2007].

Вместе с тем во многих подобных публикациях проблемы идеологического воздействия на развитие русского языка и особенности политической коммуникации в советском обществе рассматриваются с достаточно критических позиций. Примером может служить монография И. Коженевской-Берчиньской о «советизации» русского языка [Korzeniewska-Berczyńska 1991].

Отметим также, что к числу специалистов, испытавших значительное влияние советского политического дискурса, можно было бы отнести и большинство эмигрантов, ставших со временем известными на Западе специалистами по советской политической коммуникации (С. Карцевский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко, И. Земцов и др.). Однако эти публикации традиционно рассматриваются в общем массиве советологических исследований, что вполне закономерно, если учесть их остро критическую направленность, разоблачительный пафос и подчеркнутую противопоставленность исследованиям, созданным в Советском Союзе.

Объединяющим признаком третьей группы исследований служит тот факт, что они ХРОНОЛОГИЧЕСКИ не соответствуют рамкам собственно советского лингвополитического дискурса и отражают политическую коммуникацию в досоветской или постсоветской России. Рассмотрим основные разновидности подобных публикаций.

3.1. Постсоветология, исследование современной российской политической коммуникации. Процесс преобразования советской политической коммуникации в российскую политическую коммуникацию все чаще привлекает внимание зарубежных специалистов. Примером может служить публикация британского лингвиста Джона Данна, которая так и названа – «Трансформация русского языка от языка советского типа в язык западного типа» [Dunn 1995]. Более специфический анализ представлен в книге Дж. Беккера, посвященной сопоставлению представлений о США в советской и постсоветской российской прессе [Becker 2002].

Следует отметить возросший интерес к анализу советско-российского политического дискурса переходного периода в сравнении с политической коммуникацией других стран, в которых протекали схожие политические процессы [Ключко 2006; Downing 1996; Jones 2002; Political Discourse 1998].

Очевидно, что политическая коммуникация не могла мгновенно измениться в новогоднюю ночь, которая знаменовала собой прекращение существования Советского Союза. Вместе с тем не менее очевиден и тот факт, что современная политическая коммуникация все меньше и меньше походит на советский «новояз»: в своих лучших образцах она следует общемировым тенденциям и вместе с тем сохраняет национальные особенности.

Множество интересных наблюдений над современной российской политической коммуникацией содержится в книге польского исследователя Иоанны Коженевской-Берчиньской «Мосты культуры: Диалог поляков и русских» [Коженевска-Берчиньска 2006]. В статье литовского исследователя В. В. Макаровой рассматриваются способы убеждения, применяемые

российскими политиками в ситуации предвыборной борьбы [Макарова 2006].

Авторы подобных исследований постоянно сопоставляют развитие советской политической коммуникации в России и аналогичными процессами в других посттоталитарных странах, что способствует более широкому рассмотрению проблемы, позволяет выявлять общие и особенные признаки в параллельных процессах развития политических дискурсов. Вместе с тем эти специалисты иногда способны более точно, чем их западные коллеги, фиксировать неочевидные процессы.

Во многих публикациях представлено сопоставление политической коммуникации в России и других посттоталитарных государствах. Так, в исследовании А. Зых и О. Малысы рассмотрены способы дискредитации противников в официальных выступлениях политиков и отмечается, что в современной Польше принципы взаимного уважения и толерантности нарушаются еще чаще, чем в постсоветской России [Зых, Малыс 2006]. Интересные данные о параллелизме театральной метафоры в российском и болгарском политическом дискурсе начала XXI века представлены в статье Е. Стояновой. Вместе с тем автор отмечает, что в российской прессе более распространены метафорические образы, связанные с цирком, а в болгарской – метафоры, относящиеся к фрейму-источнику «кукольный театр» [Стоянова 2006].

Авторы подобных исследований постоянно сопоставляют развитие советской политической коммуникации в России с аналогичными процессами в других посттоталитарных странах, что способствует более широкому рассмотрению проблемы, позволяет выявлять общие и особенные признаки в параллельных процессах развития политических дискурсов. Вместе с тем специалисты из Восточной Европы иногда способны более точно, чем их западные коллеги, фиксировать неочевидные процессы и следы уходящего коммунистического дискурса.

3.2. Зарубежные исследования, посвященные досоветскому этапу развития российской политической коммуникации, относительно немногочисленны. Чаще всего это только отдельные разделы или даже частные замечания в общих обзорах и учебниках: см. в частности, вводный раздел в учебнике Л. Рязановой-Кларк и Т. Вэйда [Ryazanova-Clarke, Wade 1999]. Среди монографических исследований можно назвать, в частности, диссертацию украинского специалиста Л. Л. Бантышевой «Структурно-системный анализ общественно-политической лексики русского языка конца XIX – начала XX века» [Бантышева 2007].

Видимо, уже совершенно выходят за рамки советологии исследования, посвященные политическому дискурсу постсоветских государств (в том числе русскоязычному), например, напи-

санная по материалам латвийской прессы статья И. Милевич по проблемам этикетности речевого поведения политика [Милевич 2007], диссертация А. В. Завражиной [2008] или публикации О. И. Андрейченко, Ф. С. Бацевича, В. В. Демецкой, Л. Ф. Компанцевой, Л. А. Кудрявцевой, И. Литовченко, К. С. Серажим, Л. А. Ствицкой, Г. М. Яворской, посвященные современному политическому дискурсу Украины и охарактеризованные в обзоре Л. Е. Бессоновой [2007]. Вместе с тем нетрудно заметить, что политическая коммуникация в постсоветских государствах обнаруживает множество общих закономерностей: так, рассмотренные А. В. Завражиной средства речевой агрессии в русскоязычном политическом дискурсе Украины, едва ли не идентичны тем, что используются в современной российской политической коммуникации.

В рамках четвертой группы рассматриваются публикации, которые лишь косвенно связаны с лингвистикой, но включают материалы, которые могут быть в той или иной степени интересны специалистам по политической коммуникации. Это работы, посвященные советской журналистике, литературе, культуре, социальным и политическим проблемам Советского Союза. Возможно, сюда же следует отнести и не претендующие на строгую научность статьи и книги зарубежных журналистов и политиков, посвященные (полностью или частично) проблемам политической коммуникации в Советском Союзе.

Заканчивая обзор «парасоветологических» публикаций, необходимо отметить, что эти исследования (вместе с «классической» лингвистической советологией и – в меньшей степени – российской политической лингвистикой) внесли важный вклад в дело формирования образа Советского Союза (и всего мирового коммунистического движения) в сознании зарубежной общественности. Эти исследования в значительной степени определяли политику США и других западных стран по отношению к странам социалистического лагеря. Созданные в советскую эпоху стереотипы до сих пор в той или иной степени сказываются на том, как воспринимается Россия в сознании западной общественности и политических лидеров.

Отметим также, что в последние годы советологические и парасоветологические публикации привлекают все большее внимание отечественных специалистов по лингвистике, межкультурной коммуникации, журналистике, политологии и социологии. При всем разнообразии политических взглядов соответствующих авторов, при всех различиях используемых методов и приемов, а также поставленных и решенных задач эти публикации отражают (хотя не всегда полно и объективно) важные закономерности развития советской политической коммуника-

ции. Как справедливо отметил, выступая в Колумбийском университете, президент России В. В. Путин, американская школа советологии, как и советская школа американистики (или «изучения американского империализма») «долгие годы были заложниками большой политики», а поэтому «в этих условиях наука была излишне политизирована» [Путин 2003]. Далее президент отмечает, что «инерция таких подходов очень и очень сильна». Представляется, что для преодоления этой инерции, для правильной оценки постсоветологии (россиеведения?) необходимо как можно лучше знать сильные и слабые стороны традиционной советологии (и парасоветологии). Поэтому рассмотренные в настоящей статье исследования должны в полной мере учитываться российскими специалистами, работающими в сфере политической лингвистики и смежных научных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бантышева Л.Л. Структурно-системный анализ общественно-политической лексики русского языка конца XIX – начала XX века. Автореф. дис. канд. филол. наук. Симферополь, 2007.
- Бессонова Л. Е. Новые лингвополитические исследования в Украине // Политическая лингвистика. Екатеринбург. – 2007. – № 1 (21).
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).
- Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).
- Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24).
- Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания, 1993. – № 4.
- Дуличенко А. Д. Русский язык конца II тысячелетия. Мюнхен, 1995.
- Завражина А. В. Речевая агрессия и средства ее выражения в массмедийном политическом дискурсе Украины (на материале русскоязычной газетной коммуникации). Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 2008.
- Земцов И. Советский политический язык. – Лондон, 1985.
- Зых А., Мылыса О. О некоторых языковых средствах дискредитации противника в официальных выступлениях политиков // Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуханова, 2006.
- Карцевский С. Язык, война, революция. – Берлин, 1923.
- Клемперер В. ЛТГ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.
- Клочко Н. Н. Этноцентрические мифологемы в современном славянском коллективном сознании // Политическая лингвистика. Екатеринбург. – 2006. – № 3 (20).
- Коженевска-Берчинска И. Мосты культуры: диалог поляков и русских. – Минск, 2006.
- Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. П. Серию. М., 2002.
- Макарова В. В. Наша партия лучше: способы убеждения в ситуации предвыборной борьбы // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20.
- Милевич И. Г. Этикет политика в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2006. – № 2 (22).
- Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20.
- Путин В. В. Выступление и ответы на вопросы в Колумбийском университете 26 сентября 2003 года // Официальный сайт Президента России www.kremlin.ru.
- Ржевский Л. Язык и тоталитаризм. Мюнхен, 1951.
- Серию П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. П. Серию. М., 2002.
- Стоянова Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2006.
- Ухванова-Шмыгова И. Ф. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000.
- Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. – Нью-Йорк, 1955.
- Червиньски П. Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).
- Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога после 1945 года. // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / ed. D. Weiss. – Bern; Frankfurt, 2000.
- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
- Becker J. Soviet and Russian Press Coverage of the United States. – London: Palgrave, 2002.
- Borkowski I. Świt wolnego słowa: język propagandy politycznej 1981-1995. Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.
- Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. Warszawa: Trio, 2001.
- Downing J. Internationalizing Media Theory. Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary 1980-95. – London: Sage Publications, 1996.

Dunn J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // *Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies*, Warsaw, 1995. – Basingstoke: Macmillan Press, 1999.

Galasiński D., Jaworski A. The linguistic construction of reality in the Black Book of Polish Censorship // *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8(3).

Głowiński M. Marcowe gadanie: komentarze do słów 1966-1971. Warszawa: PoMost, 1991.

Głowiński. Glosy // *Teksty Drugie*. 1998. № 3. S. 169-172.

Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1990.

Ilie C. An integrated approach to the analysis of participant roles in totalitarian discourse: The case of Ceausescu's agent roles // *Manipulation and ideologies in the twentieth century: Discourse, language, mind* / ed. by L. de Saussure & P. Schulz. Amsterdam: John Benjamins, 2005.

Ilie C. The ideological remapping of semantic roles in totalitarian discourse or How to paint white roses red // *Discourse & Society*. 1998. Vol. 9(1).

Język polityki a współczesna kultura polityczna / Pod red. Janusza Anusiewiczza i Bogdana Sicińskiego. Wrocław, 1994.

Ji F. Linguistic engineering: Language and politics in Mao's China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2004.

Jones A. The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.

Karpiński J.: Mowa do ludu: szkice o języku polityki. Warszawa: Wydaw. Grup Oporu "Solidarni", 1989.

Korzeniewska-Berczyńska J. Sowietyzacja języka rosyjskiego. Warszawa: UW. CBR, 1991.

Lu X. An Ideological/Cultural Analysis of Political Slogans in Communist China // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10(3).

Marody M. Język propagandy i typy jego odbioru. Warszawa, 1984.

Pisarek W. Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych "Universitas", cop. 2002.

Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991 / Ed. by P. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey. – Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Pub, 1998.

Schäffner Ch., Porsch P. Meeting the Challenge on the Path to Democracy: Discursive Strategies in Government Declarations in Germany and the Former GDR // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4(1).

Siewierska-Chmaj A.: Język polskiej polityki: politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919-2004. Rzeszów: Wyższa Szkoła Informatyki i Zarządzania, 2006.

Schoenhals M. Demonising Discourse in Mao Zedong's China: People vs Non-People // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007. Vol. 8 (3/4).

Socjalizmu model liryczny: założenia o rzeczywistości w mowie publicznej: Polska 1975-1979 Jan Strzelecki / tekst przygot. do wyd. Jadwiga Strze-

lecka; posł. Jerzego Szackiego. Warszawa: Czytelnik, 1989.

Weiss D. 1986. Was ist neu an „Newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion. In: *Slavistische Beiträge 200. Slavistische Linguistik 1985*. S. 247-325.

Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // *Rev. Étud. slaves*. Paris, 1982, V. 54, № 3.

Zwoliński A. Słowo w relacjach społecznych. – Kraków: WAM, 2003.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2008

Вайс Д.

Цюрих, Швейцария

Перевод: Быкова Л. В.

ПАРАЗИТЫ. ПАДАЛЬ. МУСОР. ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ¹

Abstract

The article presents metaphorical representation of ideological opponents in Soviet propaganda. The author focuses on figurative representation of enemies as parasites, carrion, spiders, flies, germs and rubbish.

Данная статья возникла в контексте междисциплинарного исследовательского проекта по истории пропаганды в Советском Союзе и Польской Народной Республике. Она опирается прежде всего на работы Ренаты Куммер² и Даниеля Вайса³, предметом которых является использование в пропагандистских целях элементов научного (медицинского, биологического) дискурса. При этом речь шла о современном оформлении метафоры *Тело социума и его недуги*. До нового времени последние приписывались, как указывает Гульдин, социально маргинальным группам (евреи, нищие, бродяги, преступники, проститутки и т. д.); источниками метафор наряду с такими традиционными заразными болезнями с явной внешней симптоматикой (гнояники, язвы), как чума и проказа, чаще всего служили распространенные в это время среди городского населения глистные заболевания⁴. С развитием со-

¹ Поддержку проекта осуществлял Швейцарский Национальный фонд (1996-2001 гг.) В разное время в проекте участвовали семь сотрудников, на сегодняшний день опубликовано более 30 статей. Полную информацию см. на www.unizh.ch/slav/ (последнее обновление 15.07.05).

² Ср. Kummer R. Ljubi Rodinu bol'se žizni - Ja bol'se ne mogu. Der plakatpropagandistische Todesdiskurs im Spannungsfeld der Gut-Böse-Dichotomie // *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S. 259-335.

³ Ср. Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščevs Umgang mit "alt" und "neu" // *Vertograd "mnogocvetnyj. Festschrift für H. Jachnow / Wolfgang Girke, Andreas Guski u.a. (Hg.). München, 1999. S. 271-292; Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Faulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S.191-257.

⁴ Ср. Guldin R. Körpermetaphern. Zum Verhältnis von Medizin und Politik. Würzburg, 2000. S. 187-211.

временной медицины и гигиены, строительством канализационных систем и пр. чума и гельминты утратили силу своей образности в коллективном сознании. Благодаря достижениям бактериологии в употребление вошли наименования новых возбудителей болезней. Наряду с этим в метафорическом употреблении остались зооморфные переносчики болезней (насекомые-паразиты). Сильные и слабые стороны отдельных групп маркеров пейоративного отчуждения очевидны. Нарывы, язвы и прочее прекрасно визуализировались и непременно вызывали отвращение, но их можно было при необходимости вскрыть и обезвредить⁵. Гельминты же – как внутренний враг человека, ползающий по его собственным внутренностям, перед которым он совершенно бессилён. Бактерии и вирусы творят свое бесчинство в микроскопически скрытом мире, что исключало возможность их какой-либо визуализации, и за счет этого они представлялись еще более страшными. Исследование относительного веса различных групп метафор в политическом дискурсе может, такова наша гипотеза, помочь в дальнейшем сделать вывод о стратегиях отнесения к не-своим, лежащих в основе различных политических систем. Для более полного освещения своеобразия советской пропагандистской метафорики с этой точки зрения, в отдельных случаях были привлечены примеры из пропаганды Третьего Рейха⁶.

Медицинский дискурс оставил свой след в языках обеих пропаганд. Так называемые «Иные», подлежащие изолированию и вытеснению, приравнивались к инородным телам, паразитам и возбудителям болезней. В случае идеологии национал-социализма эта разновидность диффамации использовалась значительно интенсивнее. В качестве примера можно привести следующие отрывки из «Майн кампф» / «Mein Kampf»: «революционные клопы», «еврей – это личинка в гнойнике на теле немецкого народа»; «паразит в теле других народов»; «паразит, который, как бацилла, распространяется все больше»; «вечная грибковая бактерия человечества»; «еврейский возбудитель болезней»; «ужасное отравление здоровья тела народа»; «зараза, худшая, чем сама черная смерть»; «заражение нашей крови»; «разложение нашей крови», «тела нашего народа»; «трупный яд марксистских представлений»⁷.

⁵ Ср. существующую с античности метафору социального хирурга. Об этом Münkler H. Politische Bilder, Politik der Metaphern. Frankfurt am Main, 1994. S. 134-138.

⁶ О систематическом сравнении языка сталинской и национал-социалистической пропаганды Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Konstanz; München, 2003. S. 311-361.

⁷ Цитировано по: Winckler L. Studie zur gesellschaftlichen Funktion faschistischer Sprache. Frankfurt am Main, 1970. S. 84 f.; Neumayr A. Diktatoren im Spiegel der Medizin. Napoleon – Hitler –

Навязчивые состояния Гитлера, например диагностированная Эрихом Фроммом склонность к некрофилии, приняли здесь особенно отвратительные формы; однако антисемитская традиция уже в 19 веке использовала те же мрачные источники⁸. Гитлера, в его вербальной необузданности, не смущали и катахрезы, как в следующей цитате: «*выжечь до мяса язвы внутреннего отравления наших колодцев*»⁹.

В появившейся в то же время советской пропаганде дело обстояло по-другому. Там особенно популярным было слово «паразит», которое оставалось центральным ругательством до конца существования языка советской политической пропаганды, и уже давно стало одним из самых частотных ругательств в повседневной речи. Новая социалистическая система претендовала на то, что сумела создать общество без паразитов и нахлебников, то есть без бездельников и эксплуатируемых классов. Эта метафора как абстрактное родовое понятие (паразиты могут быть растительными и животными и принимать все возможные формы) едва ли может быть визуализируемой и, соответственно, не вызывает отвращения. Более годными оказались метафоры *гниения* и *разложения*, употребительные со времен Ленина, как в следующей цитате 1913 года: «Цивилизация, свобода и богатство при капитализме напоминают вконец зажавшегося богача, гниющего уже при жизни, который не позволяет жить всему, что молод»¹⁰.

Возможность употреблять эту группу метафор не только абстрактно («прогнившая система») или применительно к группе людей («загнивающая буржуазия»), но и по отношению к отдельным людям сохранилась и позднее. Так Сталин в письмах к Молотову обрушивался с нападками на «насквозь прогнившего Туманова». В своем докладе на закрытом заседании двадцатого Съезда партии Хрущев говорит о сталинском судебном следователе Родосе, «ничтожной личности с куриными мозгами, морально полностью разложившемся человеке», а сре-

Stalin. Wien, 1995. S. 178 (здесь без точного указания источников). Все выделения курсивом в последующих цитатах сделаны мной.

⁸ Так, Гитлер по Неймайеру сказал в начале 1941 г.: «Я чувствую себя Робертом Кохом от политики. Он открыл бациллу и указал медицине новые пути. Я изобличил в еврее бациллу, которая разлагает общество» (Neumayr, op. cit., S. 202). Но удивительным образом обнаруживаются более ранние примеры употребления подобных метафор. Так, Анри Лагард еще в 1888 г. рекомендовал следующее «радикальное средство»: «С трихинеллами и бациллами не ведут переговоров, их также не „воспитывают“, их как можно быстрее и основательнее обезвреживают». Прочитировано по: Heid L. Was der Jude glaubt, ist einerlei ... Der Rassenantisemitismus in Deutschland // Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen. Wien, 1995. S. 240.

⁹ Цитировано по: Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Konstanz; München, 2003. S. 325 f.

¹⁰ Хрущев Н. С. Коммунизм – мир и счастье народов, т. 2. Москва, 1962. С. 18.

ди главных героев одного из современных фильмов в 1963 году он обнаружил «иногда еще встречающихся бездельников и полуразложившихся типов»¹¹. Дополнительная связь с продуктом гниения плесенью порой приводила к причудливым конструкциям, как в следующем примере из прессы позднего сталинского периода: «Что иное, кроме гнилостной плесени на теле разлагающейся буржуазии, представляют собой разные Сартры?». Не чужды этому дискурсу были также гнойники, язвы и пр. Так, приговоренный в 1937 году к смертной казни Рудзутак дал во время допроса следующие показания о пыточных методах: «Единственная просьба к суду довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными»¹².

В этом примере примечательно то, что возбудитель болезни является частью собственной системы, в то время как обычно язвы были привилегией гнивающего Запада. Так еще в 1981 году «Литературная газета» писала о «терроре, коррупции и многих других язвах на теле капитализма, которые с каждым годом воняют все сильнее». Очевидно, что здесь привлекается и чувство обоняния, как и у Хрущева, который говорил о «тухлой идее „абсолютной свободы“».

Исследование показывает, что если использовался каузатив «разлагать» со значением истлевания, соответствующий агент всегда был неметафорическим (например, буржуазные идеи, эгоистическая психология, идеология декаданса). Возбудители болезней, напротив, хотя и встречались в ранней советской пропаганде, но указывали на вполне реальные, неметафорические опасности заражения. Так, на пропагандистском плакате 1920 г. доминирующими становятся два огромных идущих на задних лапах черных таракана, за которыми следует смерть с косой. Из своих сумок с надписью „заразные бактерии“ они сеют повсюду подобную насекомым и микробам тварь, от чего один за другим погибают люди. Надпись на плакате гласит: «Все на борьбу с переносчиками болезни насекомыми» (в параллельной версии на украинском языке вместо насекомых „паразиты“)¹³. И платяная вошь как переносчик сыпного тифа, от которого за четыре года умерли три миллиона человек, побудила Ленина сказать: «Или вошь побе-

дит социализм, или социализм победит вошь»¹⁴. И наконец, на политических плакатах фигурирует червяк, но не в своем историческом метафорическом образе маргинальных гельминтов в теле общества, а как сельскохозяйственный вредитель, который ассоциируется с кулаками и торговцами¹⁵.

Но самым популярным из использовавшихся метафорически животных раннего советского зверинца был паук. Его иконографический эффект был двояким. С одной стороны, паук олицетворял кровососа, и, соответственно, классового врага. Интересно, что чаще всего так называли попов, как в «народной загадке» 1932 г.: «В деревне маленький паук отбирает деньги у крестьянок»¹⁶. С другой стороны, паутина индизировала все старое, запущенное, пришедшее в упадок, что представлялось особенно привлекательным в 1920-х гг. в связи с повсеместным использованием противопоставления «старый мир» – «новый мир» (= социалистическая система)¹⁷. Так в правом верхнем углу плаката 1920 г. с надписью «Долой кухонное рабство – даешь новый быт» видна паутина. Изобразительное послание раскрывается в прямом смысле слова плакатными средствами. Молодая рабочая представляет своей соратнице взгляд на светлое будущее, основанное на разделении труда, в котором и современное здание фабрики, и «столовая», и «ясли», и «клуб». Кровососы и пыль, конечно, тоже хорошо комбинировались друг с другом. Плакат 1920-х гг. изображает толстого попа, окруженного паутиной, который протягивает руку, чтобы схватить верующего крестьянина. В сопроводительном тексте певца пропаганды Д. Бедного среди прочего можно прочесть: «Ваши души он „спасал“ – Вашу кровушку сосал / Да кормил жену и чад – / Паучиху, паучат».

Пауки и змеи относятся в наивной зоологии к *гадам*, то есть вызывающим отвращение пресмыкающимся. Это слово также относится к излюбленным ругательствам повседневной речи. В плакатной пропаганде времен Второй мировой войны *гад* превращается в монстра в виде то змееподобной, то скорпионообразной свастики с

¹⁴ Ibid., S. 285.

¹⁵ Подробнее об этом см. Guldin, op. cit., S. 206-211; Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Faulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S. 218.

¹⁶ Weiss D. Missbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij folklor“ // Slavistische Linguistik Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien, 15.-18.9.1998. München 1999. S. 312.

¹⁷ Об этом противопоставлении в общем и его втором рождении при Хрущеве см. Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščevs Umgang mit „alt“ und „neu“ // Vertograd „mnogocvetnyj. Festschrift für H. Jachnow / Wolfgang Girke, Andreas Guski u.a. (Hg.). München, 1999. S. 271-292.

¹¹ Эта связь между ленью и плесенью, как указывает Гульдин, восходит к античности. Так еще Платон называл лентяев гнойными нарывами общества. Ср. Guldin, op. cit., S. 183. Стагнация как причина загнивания также ментальный образ у Гегеля. Ср. Münkler, op. cit., S. 138.

¹² Оба примера из: Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Faulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S. 322.

¹³ Цит. по Kummer, op. cit., S. 322.

когтями, раздавленной прикладом винтовки, или наколотой на штык¹⁸.

По сравнению с языком советской пропаганды в пропаганде национал-социализма метафора кровососа получила намного более творческое оформление. Так дополнительно к уже процитированному в начале формулировка постоянно обнаруживаются метафоры, подобные следующим: «трутень, затаившийся среди людей»¹⁹, «паук, который медленно сосет кровь из пор народа», «враждующая друг с другом до крови стая крыс», «вечная пиявка»²⁰, «вампир народов»²¹. Перечень можно продолжить «мировым полипом» в образе ведомого инстинктом еврейского насильника, который склоняется над беззащитной Германией²². Всех этих жутких тварей – личинки, пиявки, полипы, вампиры, бактерии – в советской пропаганде практически не было²³, только трутень использовался как одно из многочисленных обозначений исключения из общества уклоняющихся от работы личностей. На фоне такой сдержанности следующую цитату из одного из сочинений Ленина 1917 г., не опубликованных при его жизни, можно считать настоящей находкой:

Многообразие форм контроля за богачами, мошенниками и лентяями это гарантия успеха в достижении общей цели: очищения русской земли от *вредных насекомых*, от *блох* (мошенников), от *клопов* (богачей). В одном городе около десяти богачей, дюжину мошенников и полдюжины лентяев, уклоняющихся от работы, посадят в кутузку. (...) В другом их отправят убирать туалеты. В третьем им после содержания в карцере выдадут желтый билет²⁴, чтобы народ мог следить за ними как за вредными элементами вплоть до их исправления. В третьем каждого

¹⁸ Ср. изображения плакатов в Finkova D., Petrova S. *The Militant Poster 1936-1985*. Prague, 1986. S. 57.

¹⁹ Этот образ паразитирующего еврейского трутня входил в постоянный инвентарь антисемитских стереотипов. Его графическое изображение со стереотипными „еврейскими“ чертами было помещено в журнале «Кукареку» (1894 г.), оно сопровождается стихотворением для запоминания правила: «Зачем трудиться рабочим пчелам, они должны постоянно служить ленивым трутням, которые вкушают плоды их трудов, и при этом их количество постоянно увеличивается». См. Heid, *op. cit.*, S. 239.

²⁰ Уже тогда вызывающая отвращение визуализация пиявки как червяка доминировала над изначальной терапевтической полезностью ее как инструмента для кровопускания.

²¹ Процитировано по: Winckler, *op. cit.*, S. 87; Neumayr, *op. cit.*, S. 178.

²² von Braun Ch. *Antisemitische Stereotype und Sexualphantasien // Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen*. Wien, 1995. S. 187.

²³ Однако Хрущев позднее привнес монополистического спрута.

²⁴ Желтым билетом в царской России называли удостоверение проститутки. Текстуальное сопоставление туалета и проституции в этой цитате указывает на метонимическую и метафорическую связь между опорожнением тела и контролируемой сегрегацией маргинальных слоев общества.

десятого виновного в туеядстве расстреляют по приговору военно-полевого суда²⁵.

Здесь мы наблюдаем ранний аналог революционных клопов национал-социалистической пропаганды. Двумя страницами выше автор осыпает тех же самых врагов настоящей лавиной ругательств. Он называл их «отбросами человечества, этими безнадежно прогнившими, некротными членами, этой эпидемией, чумой, этой язвой, которую капитализм оставил в наследство социализму»; чуть дальше они превращаются во «врагов народа». Несмотря на позднюю публикацию этой работы Ленина 1929 г., пассаж о «вредных насекомых» стал модельобразующим. Слегка видоизмененный вариант обнаруживается в дальнейшем в «Правде»²⁶ 1923 г. Показательным является возобновление использования его в передовице в «Правде» от 9 января 1938 года, накануне открытого процесса в Москве против Бухарина, Рыкова и других: «Наш народ беспощаден к своим врагам (...) Он стремится к достижению поставленной Лениным цели "очищения русской земли от всех *вредных насекомых*", и успешен в этом».

Традиционным становилось в особенности графическое изображение: на плакате 1920 г., сюжет которого заимствован из газеты «Беднота» от 10 октября 1918 г., можно увидеть Ленина, который выметает метлой легко узнаваемых по их знакам отличия пережитки феодализма, а именно царя, духовенство, буржуазию. Надпись на плакате гласит: «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти». Зооморфное происхождение метафоры, однако, не отображается графически.

Здесь налицо все обороты речи, обладавшие образным воздействием. Сейчас вредители животного происхождения больше не упоминались по отдельности²⁷, а обобщались в языке как паразиты или насекомые, ассоциировавшиеся с грязью или мусором, которые следует *вымести метлой*²⁸. Последняя поначалу постоянно присутствовала в пропагандистском арсенале и служила для удаления всех видов органических отходов. Тем самым она выполняла ту же функцию, что и пинок сапога красноармейца, который намного реже представлялся графически. Опе-

²⁵ Процитировано по: Константин Душенко. Русские полицейские цитаты от Ленина до Ельцина. Что, кем и когда было сказано? Москва, 1996, с. 44 и след.

²⁶ Приведено (к сожалению, без указания источника) у Ромашова «Основная задача состоит в очищении русской земли от разных насекомых: от блох (мошенников), от клопов (богачей)». См.: Ромашов Н. Н. Ранняя советская публицистика: использование в ней образных мотивированных единиц // Сообщения для преподавателей славянских языков. 2000. С. 9.

²⁷ Отдельное упоминание есть в примере из «Правды», который приводит Ромашов (опять же без точного указания источника): «очистим железной метлой ряды партии от осиних гнезд».

²⁸ Следует отметить, что В. И. Ленин использует не лексему „чистка“, которая была столь популярна с 20-х годов применительно к рядам партии или сотрудникам предприятий, а „очистка“.

рирующими метлой наряду с Лениным и после него действовали и другие. На расписанном агитационном поезде, курсировавшем в 1919 году, в этой роли изображен молодой человек, который обращается прямо к метле: «Вымети, метла, быстро и безжалостно завшивевших царей и королей!» На одном из плакатов известного карикатуриста Виктора Дени в 1930 г. красная метла выметала из советского канцелярского кабинета совсем другой мусор, причем выметаемые снабжены надписями: «лодырь», «бюрократ», «оппортунист» (в сопутствующем лозунге используется другое сочетание: «Волокитчика, бюрократа, вредителя вон из Совета!»).²⁹ Как и другие обороты речи времен Гражданской войны, метла пережила второе рождение во время Второй мировой войны. На плакате того же карикатуриста в 1943 году ее можно увидеть как продолжение винтовки в руках красноармейца: на винтовке написаны названия выигранных битв, а лозунг гласит: «Красной Армии метла нечисть выметет дотла». Этот вербальный прогноз предвосхищается изображением: на левой стороне плаката (это значит, на Западе) летят по воздуху изображенные маленькими и звероподобными обезоруженные нацистские офицеры. В 1945 г. будущее время сменяется прошедшим, указывающим на свершившееся действие: «Метла Красной Армии вымела всю нечисть», при этом на выполненной красным цветом надписи черным выделяется слово «нечисть», а красноармеец топчет разорванное нацистское знамя.

«Нечисть» представляла собой центральную лексему. Русское слово „нечисть“, как и его немецкий аналог, является собирательным именем. Но в отличие от нем. *Ungeziefer* оно полисемично: его этимологическое значение – «нечистый»³⁰, поэтому оно также обозначает в поверьях всех возможных нечистых духов (лесных и речных духов, ведьм и даже черта, который считался «нечистой силой»). Его зоологическое значение описывается в словарях как «неприятные, вызывающие отвращение насекомые», затем оно было метафоризировано и приобрело релевантное в данном случае значение «достойные презрения люди». В немецком языке оно обозначает то же, что и «сброд» или «отребье». Оба этих факта – абстрактное происхождение и собирательная референция – с одной стороны, затрудняли визуализацию (тех, кого надо было отнести к не-своим, никогда не изображали насекомыми), но с другой стороны, позволяли включение новых образов врага, недостатка в которых в советской пропаганде, действительно,

никогда не было. Если первоначально *нечистью* называли различных противников в Гражданской войне, то позднее так стали называть новых, преимущественно мнимых внутренних врагов сталинской системы, и, наконец, немецкого противника во время войны. Последнее подтверждают, например, строки из песни времен Второй мировой войны: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой. *Гнилой фашистской нечисти* загоним пулю в лоб, *отребье человечества* скотлим крепкий гроб!» Значение «нечистая сила» здесь, явно, тоже присутствует. Так или иначе, речь идет о мусоре и нечистотах, которые надо удалить куда следует.

Первоначальный зверинец сохранился в коллективном сознании и в послевоенное время. Еще в 1963 г. Н. С. Хрущев воспользовался этим в своей инвективе против художников и режиссеров-диссидентов:

В первые годы советской власти против революции, Ленина и власти рабочих и солдат открыто выступили социал-революционеры, анархисты, меньшевики, конституционные демократы и прочее *отребье*, которые выражали волю эксплуататоров и интервентов, будучи их агентами и слугами (...) Весь меньшевистский, социал-революционный, анархистский сброд поступил на службу контрреволюции, стал ее прислугой³¹.

Хрущев проявил себя здесь, как обычно в пропагандистском плане, продолжателем традиции, почитающим то или иное слово из досталинского периода. Но он также был сенсуалистом, смакуя разрисовывающим именно отвратительные картины, как показывает следующий пассаж из процитированной выше речи: «Чем меньше у человека чувства ответственности, тем с большей легкостью устремляются на этот материал любители сенсаций и любители «жареного». (...) Вы состряпаете сенсацию, подадите ее как „жареное“, и кто же на это набросится? На такое «жареное» слетятся, как на падаль, мухи, огромные жирные мухи, и сползется вся буржуазная *нечисть из-за границы*»³². Контекст здесь образуют дебаты о разоблачении культа личности Сталина, начатые первоначально Хрущевым, сделавшим доклад на закрытом заседании в конце двадцатого Съезда КПСС в 1956 г., отголоски которых обнаруживаются и в советской литературе периода оттепели. Слово „жареное“ первоначально было использовано

²⁹ Victor Deni. Ein russischer Karikaturist im Dienst der Propaganda, Museum für Kunst und Gewerbe. Hamburg, 1992. S. 102.

³⁰ Дореволюционные словари приводят значение «грязь, мусор, отбросы», позднее оно исчезает из лексикологической практики. Надпись на рис. 3 по-русски звучит: «Тов. Ленин очищает землю от нечисти», здесь присутствует игра с первоначальными антонимами (очищать – нечисть).

³¹ Н. С. Хрущев «Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. Речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 г.» в: «Знамя», 1963 г., № 4, с. 7 и след.

³² Там же.

как синоним «сенсации»³³, но затем оратор на свой обычный манер вошел в импровизационный раж – при втором упоминании жареное сравнивается с падалью, которая своим запахом привлекает мух и иностранную нечисть. Тем самым, однако, актуализируется фразеологизм *пахнет жареным* – «пахнет сенсацией» (в словаре дается с пометкой «просторечие»). То, что та же «падаль»* семью годами ранее было поднята тем же оратором в отношении партийной общественности, казалось неважным: тот, кто об этом заговаривал, так или иначе становился потенциальным сообщником внешнего врага. По принципу «Рыбак рыбака видит издалека» мусор в собственных рядах будет притягивать нечисть извне³⁴.

* [Имеется в виду содержание (разоблачение культа личности), не слово как таковое!]

В выборе обозначения «питающегося падалью» Хрущев останавливается на нейтральном обозначении *муха*, а не *козявка*, имеющем в русском языке коннотацию крошечного и недостойного³⁵.

Еще одна метафора чужеродного тела относится не к животной, но к органической сфере – *сорняк*. В ней суммируется значение всего неугодного, что подтверждает следующий пример: «На современном этапе коммунистического строительства необходимо вести еще более решительную борьбу против таких пережитков капитализма, как лодырничество и тунеядство, пьянство и хулиганство, жульничество и стяжательство, против рецидивов великодержавного шовинизма и местного национализма, бюрократизма, неправильного отношения к женщине и другим. Этим сорнякам не должно быть места в нашей жизни»³⁶. Хотя здесь речь идет о якобы унаследованных, уже давно растущих сорняках, сохраняется, однако, и опасность занесения семян новых сорняков извне: «Ведь буржуазным кругам на Западе очень понравилось бы, если бы мы сложили руки и дали бы расти в нашем обществе идеологическим сорнякам, чьи семена выведены идейными селекционерами капитализма. Нет, мы хотим, чтобы наше поле было чистым, и оно будет чистым»³⁷.

Этот отрывок содержит также этимологический антоним *чистый*, корень *сор-* в слове *сорняк* обозначал „отходы“. Производный глагол *засорять* мог быть употреблен для обозначения «живого» мусора, что подтверждает следующий отрывок из мемуаров Хрущева, в котором речь идет об уничтожении украинских антисоветских партизан после окончания Второй мировой войны: «Местное население было сильно засорено украинскими националистами, которые сотрудничали с немцами»³⁸. Данное употребление слова было не только агитационной провокацией, оно обнаруживается также, например, в прошении об отставке на имя Сталина оказавшегося в опале и обреченного на смерть начальника НКВД Ежова от 23.09.1938: «Иностранную разведку по существу придется создавать заново, так как ИНО было засорено шпионами, многие из которых были резидентами за границей и работали с подставленными иностранными разведками агентурой»³⁹. Здесь еще раз был перекинут мостик от чужеродных тел, бактерий и паразитов к мусору, сору или грязи (сравните выше *нечисть*).

В итоге можно сделать на первый взгляд удивительный вывод. Если рассматривать только зоологическую метафору, оказывается, что национал-социалистическая пропаганда со всем разнообразием своей лексики нападала на единственного врага, в то время как советская пропаганда после Ленина употребляла единственную лексему «нечисть» для обозначения множества врагов. Причина языковой асимметрии этих дискурсов кроется в различной генеалогии: хотя и советская, и национал-социалистическая пропаганда основывались на дискурсе современной медицины и гигиены, он был намного ближе нацистской идеологии из-за ориентации на биологический принцип. Кроме того, нацисты использовали два сомнительных источника, которые не могли быть использованы основанной на идее равенства советской идеологией, а именно антисемитскую традицию XIX века и псевдонаучную биологическую расовую теорию.

Такое дискурсивно-историческое объяснение, однако, не является достаточным. Также вряд ли можно говорить о сдвиге в сторону гуманизма в политической метафорике сталинского СССР, где на смену гельминтам пришла метафора грязи и мусора. Возможно, решающую роль в этом сыграла неконгруэнтность образов врага: мишенью национал-социалистической пропаганды была единственная группа врагов, в итоге, всех врагов можно было свести к общему «еврейскому знаменателю» (ср. мировой жид,

³³ Немецкая идиома «den Braten riechen» имеет другое значение – «смекнуть, понять, чем дело пахнет»: жареное обозначает здесь не сенсацию, а приманку или разгаданную хитрость.

³⁴ Вообще-то в советской пропаганде наряду с „паразитом“ существовал еще один пожиратель падали, этимология которого также восходит к падали. На плакате Виктора Дени 1944 г. изображена сильная рука советского солдата, которая душит нацистского стервятника (ср. др.-русск. стьрва = ‘труп’, польск. scierwo ‘падаль’ и т.п.). Надпись на плакате: «Фашистский стервятник понял, что у нас нет овчарни».

³⁵ Так, в «Кратком курсе», т.е. официальной истории партии 1938 г. представителей так называемого троцкистско-бухаринского блока, т.е. жертв московского открытого процесса 1938 г. носили сначала как «белогвардейских пигмеев», а затем как «ничтожных козляков».

³⁶ Хрущев Н. С. Коммунизм, т. 2, см. прим. 10, с. 130.

³⁷ Хрущев Н. С. К победе разума над силами войны, Москва, 1964 г., с. 119.

³⁸ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты, Москва, 1997, с. 99.

³⁹ Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Составители: Л. Кошелева, Л. Рогова, О. Хлевнюк и др., Москва, 1995, с. 157.

жидовской, мировое еврейство, оевреевшийся, еврейско-либеральный, / еврейско-марксистский / еврейско-большевистский / еврейско-интеллектуальный и т. д.). Советская пропаганда, напротив, кишела самыми разнообразными образами врага, каких только можно было выдумать. Частично они были дореволюционного происхождения и внутри страны уже были истреблены (царь, поп, помещик, буржуазия), но на Западе они все еще существовали и представляли опасность заразы (капиталист, монополист, империалист), другие появились в процессе развития самой партии (уклонист, предатель, Иуда), после коллективизации сельского хозяйства к ним присоединились новые – кулак, лентяй, вредитель, саботажник, паразит, бюрократ; сталинская параноя также внесла свою лепту в виде шпионов, агентов и диверсантов. И наконец, Вторая мировая война привнесла последнего врага – немецкого фашиста.

Следует также назвать различные механизмы террора. Гитлеровский террор был предсказуем, так как он был направлен на тех, кто изначально как чужак был исключен из числа «Фольксгеноссен» (*Volksgenossen*). Сталинский же террор, напротив, был направлен исключительно на «своих», которые в любой момент могли превратиться в чужаков, и рационально предсказать это было невозможно. Поэтому враг не имел лица (примечательно, что в сталинской пропаганде он изображался в маске, самым популярным было выражение «сорвать маску с врага»), его невозможно было визуализировать⁴⁰, и если требовалось изображение, годилось в лучшем случае абстрактное обобщение, как например, нечисть; в остальных случаях фигурировал чаще всего летальный маркер исключения (унаследованный от Французской революции) «враг народа».

В завершение следует указать, что при всей интеллектуализации современного политического языка некоторые обороты речи из описанного здесь арсенала оказываются очень живучими не только в современной России или в странах третьего мира⁴¹, но и в немецкоязычной публицистике. Похоже, что отдельные метафоры тем лучше сохраняются, чем более абстрактны и деперсонифицированы их мишени: такие лексемы как «социальный паразит» и «мусор благосостояния» (*Wohlstandsmüll*) выдают свое политическое происхождение и обществом не особенно прини-

⁴⁰ При этом следует подчеркнуть, что это касалось только внутреннего врага. Внешние, капиталистические противники в сталинской плакатной графике постоянно изображались со звериными мордами – разными жабами, обезьянами, собаками, волками и стервятниками.

⁴¹ Ср. Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Faulnis-, Aas- und Müllmetaphern// Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S. 251 и ф. Самый «свежий» пример – из Зимбабве, где правит диктатор Мугабе. Жестокое уничтожение поселений бедняков и изгнание их жителей там называют «мурамбатсвина» – «избавление от мусора».

маются, в то время как «эпидемии», «опасность заражения» и даже «раковая опухоль» по-прежнему используются авторами любой «политической окраски» по отношению к таким феноменам, как инфляция, коррупция и т.д.

© Вайс Д., 2008

Гаврилова М.Г.

Санкт-Петербург, Россия

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Abstract

The article presents the academic program and teaching aids for the course «Methods and techniques of political communication», designed for students majoring in «Public relations».

Программа курса и методические указания к курсу «Методы и методики исследования политической коммуникации» составлены в соответствии с требованиями к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки дипломированного специалиста по циклу «Общепрофессиональные дисциплины» (региональный компонент) государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 350400 «Связи с общественностью».

Место курса в профессиональной подготовке. Специальная профессиональная дисциплина «Методы и методики исследования политической коммуникации» является элективной в цикле социальных и гуманитарных дисциплин.

Курс опирается на знания, полученные студентами при изучении таких гуманитарных дисциплин, как: «Основы теории коммуникации», «Философия», «Политология», «Социология», «Риторика», «Стилистика и литературное редактирование», «Логика и теория аргументации».

Знания, полученные в результате освоения курса, в дальнейшем используются в самостоятельной работе студентов и при изучении профессиональных дисциплин «Методы практических исследований в связях с общественностью», «Коммуникационный менеджмент», «Политический PR», «Кризисный PR», «Связи с общественностью в бизнесе», «Организация и проведение PR – кампаний», «Теория и практика массовой информации», «Консалтинг в связях с общественностью».

Курс включает в себя изучение:

- политической коммуникации как объекта междисциплинарного исследования;
- лингвистического направления исследования политической коммуникации;
- психологического направления исследования политической коммуникации;
- когнитивных исследований политической коммуникации;
- психолингвистического направления политической коммуникации;

политической коммуникации как дискурса и нарратива;

политологических концепций политической коммуникации;

социологических исследований политической коммуникации;

взаимосвязи языка и власти, языка и общества, содержательных связей между языком, идеологией и политикой.

Цель – сформировать у студентов базовые навыки прикладной аналитики с применением различных методов и методик изучения политической коммуникации.

Задачи курса – 1) научить студентов определять цели специальных исследований и использовать для их осуществления методы изученных наук; 2) познакомить студентов с основными подходами к прикладному изучению политической коммуникации; 3) представить возможности применения междисциплинарных методов в деятельности PR – специалиста; 4) развить навыки самостоятельной исследовательской работы с текстовой информацией и подготовки аналитических заключений.

Компетентностными характеристиками в освоении данного спецкурса следует считать: 1) умение применять различные методики научного анализа общественно-политических текстов в практической деятельности специалиста по связям с общественностью; 2) умение на основе полученных знаний оптимизировать речевое воздействие PR-текста; 3) способность проводить лингвистический мониторинг общественного сознания; 4) умение оценивать и прогнозировать развитие ситуации в краткосрочной и среднесрочной перспективе на основе анализа текстовой информации.

Формы проведения занятий: лекции.

Спецкурс рассчитан на **38 лекционных часов**, форма контроля – **зачет без оценки**.

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Тема 1. Политическая коммуникация как объект междисциплинарного исследования

Многозначность политики как явления общественной жизни. Основные подходы к изучению политической коммуникации. Коммуникация – дискурс – текст. Текст как единица политической коммуникации. Отличительные черты политического текста. Текстотрический принцип анализа коммуникации. Фундаментальное и прикладное научное знание. Монодисциплинарные и междисциплинарные исследования. Метод и методика.

Тема 2. Язык и власть. Язык и общество

Перевод властных отношений в дискурсивную форму. Средства осуществления дискурсивной власти: определенная речевая стратегия, определенные коммуникативные права, определенные риторические качества речи. Язык как инструмент социальной власти (Р. Блакар). Языковые «инструменты власти»: выбор слов и вы-

ражений, создание новых слов, выбор грамматической формы, выбор последовательности в синонимическом ряду, использование суперсегментных признаков, выбор имплицитных предпосылок. Язык и общество. Социальные функции языка. Политическая корректность: философия мультикультурализма и языковая политика идеологов политкорректности.

Тема 3. Лингвистическое направление исследования политической коммуникации

Риторическое направление. Понятийное направление. Семантическое направление. Лингвостилистическое направление. Логико-лингвистическое направление. Теория речевого воздействия. Теория лингвистической аргументации.

Теория управления истиной (Х. Вайнрих, Ю. Левин). Категория истины и категория лжи. Управление пониманием. Лингвистические и экстралингвистические предпосылки осуществления контроля за восприятием текста (А. Н. Баранов, П. Б. Паршин). Способы искажения истины (Ю. Левин).

Политическая лингвистика. Возникновение и основные этапы развития. Ведущие направления в российских и зарубежных исследованиях политической коммуникации. Политическая филология (В. З. Демьянков).

Лингвоидеологический анализ (Н. А. Купина, Е. А. Земская, Т. М. Николаева). Идеология как основа социальных представлений и практик членов группы. Прагматическая тетрада М. Эпштейна. Корреляции идеологических и языковых структур (П. Б. Паршин).

Тема 4. Психологическое направление исследования политической коммуникации

Политическая психология (А. И. Юрьев, Е. Б. Шестопал). Значение личностного фактора в политическом процессе.

Психологический анализ (Д. Винтер). Взаимосвязь между типичными грамматическими структурами и определенными психологическими типами. Психобиографический анализ (П. И. Ковалевский, Г. И. Чулков). Психоанализ.

Основные понятия и процедура применения мотивационного анализа. Классификация лидеров Д. Винтера. Классификация мотивов Д. Маклелленда и Дж. Аткинсона. Языковые репрезентанты мотивов власти, достижения, аффилиации.

Интенд-анализ. Определение интенции. «Психологическое содержание» речи. Процедура интенд-анализа. Сферы применения интенд-анализа.

Тема 5. Когнитивные исследования политической коммуникации

Основные положения когнитивистики. Междисциплинарная природа когнитивной науки. Текст как динамичное когнитивное образование, форма фиксации знаний о мире и источник исследования этих знаний.

Когнитивное моделирование политического и переговорного процессов. Переговоры как взаимодействие различных структур знания. Когнитивное объяснение тактических приемов ведения переговоров. Когнитивные характеристики лиц, участвующих в переговорах. Национальные стили ведения переговоров.

Когнитивное картирование. Применение когнитивного картирования для установления особенностей мышления индивидуальных и групповых субъектов. Основные понятия и процедура применения когнитивного картирования. Выделение опорных слов выступления. Установление причинно-следственных связей между опорными понятиями теста. Содержательная интерпретация результатов когнитивного картирования. Возможности применения компьютерных программ.

Операционный код. Исторический контекст появления методики. Значимость выявления устойчивых представлений о природе политики.

Метафорическое моделирование. Когнитивная теория метафоры. Политическая метафора как способ познания, структурирования и объяснения мира. Функции метафоры в общественно-политическом тексте. Метафора как признак кризисного состояния общества (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов). Формула вычисления «метафорической силы» текста К. де Ландшер. Роль метафоры в принятии политических решений. Метафора как «проект действий по изменению нашей жизни». Классификация метафор по степени активности субъекта в принятии решений (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов).

Концептуальный анализ. Различное толкование концепта. Методологические направления изучения концептов: рассмотрение контекстов употребляемых политических понятий (М. В. Ильин), реконструкция когнитивной схемы (В. М. Сергеев, К. В. Сергеев, А. А. Казанцев), этимологический подход.

Тема 6. Психолингвистическое исследование политической коммуникации

История становления, основные этапы развития, исследовательские программы психолингвистики. Методика перефразирования текста, методика семантического шкалирования текста, психосемантические исследования.

Методика ассоциативного эксперимента. Определение. История возникновения и развития. Процедура эксперимента: инструкции для испытуемого, критерии выбраковки результатов). Интерпретация ответов. Сферы применения методики.

Методика предикативного анализа текста (Т. М. Дридзе). Текст как иерархия коммуникативных программ. Процедура анализа.

Фоносемантический анализ эмоциональной нагрузки текста. Этапы становления фоносемантики как науки. Теория фонетического значения А. П. Журавлева. Система VAAL. Воз-

можности фоносемантики в психолингвистической экспертизе различных типов текста.

Тема 7. Политическая коммуникация как дискурс и нарратив

Определение понятий «дискурс», «политический дискурс», «политический нарратив». Нарративный анализ. Дискурсивный анализ. Национальные школы дискурсивного анализа.

Ориентация научного исследования на решение социальных проблем в новом междисциплинарном направлении – критическом дискурс-анализе. Роль дискурса в становлении и воспроизводстве гендерного неравенства. Критические работы о роли дискурса в воспроизводстве этнического неравенства (этноцентризм, национализм, расизм). Критические исследования о злоупотреблении властью конкретными социальными группами в различных социальных сферах. Особенности критических исследований в различных странах мира (Австралия, Австрия, Великобритания, Германия, Голландия, Латинская Америка, США, Франция).

Тема 8. Политологическое изучение политической коммуникации

Коммуникативная концепция политики. Политика как система коммуникаций и информационных потоков (Х. Арндт). Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Концепция общества Н. Лумана. Концепция Р. Дебре.

Тема 9. Социологические исследования политической коммуникации

Контент-анализ. Определение, основные понятия. Виды контент-анализа. Различия количественного и качественного контент-анализа текстовой информации. Условия отбора информационного материала. Определение единиц анализа текстовых массивов. Основные этапы применения процедуры контент-анализа. Обобщение и интерпретация результатов проведенного исследования. Использование компьютерных программ.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная:

1. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М., 2001.
2. *Боришполец К. П.* Методы политических исследований: Учебное пособие для студентов вузов (рекомендовано УМО вузов РФ). М., 2005.
3. *Почепцов Г.* Теория и практика коммуникации. М., 1998.
4. *Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики.* М., 2004.
5. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
6. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. М., 2007.
7. *Язык и моделирование социального взаимодействия.* М., 1987.

Дополнительная:

1. *Аринштейн В. М.* Движение за «политическую корректность» и его языковая политика // Языковая система и социокультурный контекст. Серия: *Studia Linguistica* № 4. СПб., 1997. С. 36-52.

2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации. М., 2008.

3. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1998.

4. *Гаврилова М. В.* Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб., 2001.

5. *Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1987. С. 268-304.

6. *Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология. М., 1980.

7. *Ильин М. В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

8. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

9. *Кибрик А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания, 1994. № 5. С. 126-139.

10. *Лассвел Г.* Почему количественный метод? // Перевод Е. Е. Аникина. Политическая лингвистика. Вып (2) 22: Из-во УрГПУ. Екатеринбург, 2007. С. 177-186.

11. *Левин Ю. И.* Способы искажения истины // Левин Ю. И. Поэтика. Семиотика. Избр. труды. М., 1998.

12. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск, 1998.

13. *Михальская А. К.* Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.

14. *Паршин П. Б.* Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // *Scripta linguisticae applicatae*. Проблемы прикладной лингвистики-2001. М., 2001.

15. *Плотинский Ю. М.* Моделирование социальных процессов. М., 2001.

16. Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Отв. ред. и составитель Герасимов В. И., Ильин М. В. М., 2002.

17. *Сергеев В. М., Цымбурский В. Л.* Когнитивные механизмы принятия решений: модель и приложения в политологии и истории. М., 1990.

18. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб., 2000.

19. *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика. М., 2002

20. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-200). Екатеринбург, 2001.

21. *Шестогал Е. Б., Новикова-Грунд М. В.* Восприятие двенадцати ведущих российских

политиков (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5.

22. *Эпштейн М. Н.* Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

23. *Юрьев А. И.* Введение в политическую психологию. СПб., 1992.

24. *Bolinger D.* Language: The Loaded Weapon. London, New York, 1980.

25. *Fairclough N. L.* Discourse and Social Change. Cambridge, 1992.

26. *Fowler R., Hodge R., Kress G., Trew T.* Language and Control. London, 1979.

27. *Fowler R.* Language and the News. Discourse and Ideology in the Press. London, New York, 1993.

28. *Politically Speaking: a Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / Ed. O. Feldman and C. de Landtsheer.* New York, 1998.

29. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis.* London, 1996.

30. *Van Dijk T. A.* Ideology. A Multidisciplinary Study. London, 1998.

31. *Winter D.* Leader Appeal, Leader Performance and the Motive Profiles of Leaders and Followers: a Study of American Presidents and Elections // *Journal of Personality and Social psychology*, 1987. № 1.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Дискурс – комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном, социально-политическом и прочих контекстах (определение Т. Ван Дейка).

Интент-анализ – исследование речи, позволяющее реконструировать интенции говорящего и раскрыть скрытый подтекст выступлений.

Интенция – направленность сознания, мышления на какой-либо предмет, намерение сделать что-либо; коммуникативное намерение говорящего.

Когнитивная наука – одно из ведущих направлений прикладных и фундаментальных исследований XXI века. Это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов (определение Е. С. Кубряковой).

Когнитивная картирование – прикладная аналитическая методика изучения особенностей индивидуального (реже группового) мышления.

Коммуникация – обмен информацией между двумя индивидами посредством общей для них знаковой системы.

Контент-анализ – количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

Концепт – это основная единица ментального плана, – содержащийся в словесном знаке и явленный через него как образ, понятие и символ (определение В. В. Колесова).

Модель – аналог реальности, упрощенное отображение, используемое для научного изучения различных явлений.

Моделирование – изучение реальности посредством построения ее упрощенных образов (моделей) и при соблюдении правил проведения этой процедуры.

Мотив – побудительная причина поведения и действий человека, возникающая под воздействием его потребностей и интересов и представляющая собой образ желаемого человеком блага.

Мотивационный анализ – методика, позволяющая на основе текстовых данных определить доминирующий мотив в структуре личности говорящего.

Метафора – основная ментальная операция, способ мышления, инструмент познания действительности и способ существования в ней.

Метод – способ достижения какой-либо цели, совокупность приемов практического или теоретического познания действительности.

Методика – комплекс средств, предназначенный для решения определенного класса задач, как правило, часто повторяющихся.

Политический дискурс – коммуникативное взаимодействие между людьми по поводу целедостижения с помощью циркуляции власти как символического посредника такого общения (определение М. В. Ильина).

Политическая корректность – явление культурной, политической и общественной жизни, зародившееся в Америке в 60-х годах XX века. Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства социально угнетенных групп, ущемляют их человеческие права прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.

Политическая лингвистика – научное направление, занимающееся исследованием многообразных взаимоотношений между языковыми формами, мышлением субъектов политики и состоянием общества в конкретные исторические периоды.

Политическая психология – наука, изучающая психологические компоненты в полити-

ке, роль “человеческого фактора” в политических процессах; взаимодействие психологических и политических феноменов.

Прогноз – оценка будущих тенденций развития ситуации с помощью изучения и анализа доступной информации.

Психолингвистика – научная дисциплина, изучающая взаимоотношения языка, мышления и сознания.

Семантический дифференциал – метод количественного и качественного исследования значений понятий (объектов) с помощью набора биполярных шкал с определенным количеством делений на каждой, задаваемых парой антонимичных прилагательных или другими аналогичными оппозициями.

Текст – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность.

Шкала – средство измерения, позволяющая соотнести некоторые признаки с числовыми характеристиками.

Шкалирование – метод присвоения числовых значений отдельным атрибутам некоторой системы.

Фоносемантика – научная дисциплина, изучающая способность звука как знака языковой системы выражать те или иные значения и смыслы, а также изучающая характер связи между звучанием звука или слова и его значением.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ

В курсе предполагается следующая самостоятельная работа студентов:

а) чтение научной литературы по предмету;
б) выполнение письменных практических работ. С целью развития навыков самостоятельного применения различных техник анализа общественно-политических текстов студентам предлагается выполнить следующие практические работы:

- обнаружить механизмы использования языка как инструмента социальной власти в выступлениях политиков;
- провести мотивационный анализ политического текста;
- провести интен-анализ текста;
- определить языковые значения концептуальной переменной;
- выявить метафоры в выступлении политиков и определить функции политической метафоры;
- составить когнитивную карту общественно-политического текста;
- провести ассоциативный эксперимент;
- определить способы искажения истины в выступлениях политиков.

ФОРМЫ КОНТРОЛЯ

Текущий – фронтальные опросы, выполнение практических работ.

Срезовой – выполнение аттестационного теста (см. образец аттестационного теста).

Итоговый – зачет в форме проведения мини-конференции.

Образец аттестационного теста по курсу «Методы и методики исследования политической коммуникации»

Аттестационный тест содержит десять вопросов по пройденным темам и варианты ответов. Тест проверяет знания основных теоретических положений курса. На аттестационный тест отводится 20 минут в ходе десятой лекции.

1. По мнению голландского ученого Т. ван Дейка, дискурс – это

а) комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном, социально-политическом и прочих контекстах;

б) указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия;

в) особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации.

2. Известно, что существуют лингвистические и экстралингвистические предпосылки, позволяющие осуществлять контроль за восприятием текста. Подбор и дозировка информации, соотношение негативных и позитивных деталей в описании явлений и событий, учет стереотипов и мифов массового сознания, ориентация на «Мы – группу», использование авторитетных заявлений – это

а) семиотические предпосылки;

б) социологические предпосылки;

в) когнитивные предпосылки;

г) психологические предпосылки;

д) лингвистические предпосылки.

3. Какая категория не является составной частью понятия «контекст коммуникативного события»?

а) Обстановка (время, место события).

б) Действующие лица (включая речевые жанры).

в) Языковое окружение, в котором употребляется конкретная единица языка в тексте.

г) Участники, выступающие в различных коммуникативных, социальных или институциональных ролях.

д) Ментальные представления участников (цели, знания, мнения, позиции и идеологии).

4. Каковы основные мотивы, содержащиеся в выступлениях политических лидеров?

а) Мотив труда, мотив безопасности, мотив признания.

б) Мотив власти, мотив достижения, мотив аффилиации (близости отношений).

в) Мотив самореализации, социальная значимость профессии, возможность помогать другим людям.

5. Какие синтаксические преобразования являются идеологически значимыми?

а) Выбор слов и выражений.

б) Создание новых слов и выражений.

в) Выбор грамматической формы.

6. В когнитологии метафора – это

а) способ мышления, инструмент познания действительности;

б) слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений.

7. Какова формула метафорической силы текста, используемая для лингвистического мониторинга общественного сознания?

а) Сумма метафорической частотности, интенсивности и содержания.

б) Количество метафор на каждые 100 слов текста.

в) Сумма стертых и креативных метафор, деленная на общее количество метафор в тексте.

8. Какая из перечисленных методик не относится к психолингвистическим исследованиям?

а) Методика перефразирования текста.

б) Интент - анализ.

в) Методика семантического шкалирования.

г) Методика свободного ассоциативного эксперимента.

д) Методика предикативного анализа.

е) Фоносемантический анализ.

9. Какова цель когнитивных исследований дискурса?

а) Определить психологический тип автора, опираясь на вербальные характеристики его текстов.

б) Выявить особенности мышления автора текста и социально значимых действий, что, в свою очередь, позволяет моделировать социальные процессы.

в) Качественно-количественный анализ содержания текста или текстовых массивов с целью последующей интерпретации выявленных числовых закономерностей.

10. Какое исследовательское направление занимается изучением как вербальных компонентов (сочетание языковых знаков, их распределение в речевой линии), так и прагматических факторов (ситуации порождения и восприятия текста, коммуникативные и прагматические установки автора)?

- а) Психологический анализ.
- б) Лингвостилистический анализ.
- в) Дискурс – анализ.
- г) Понятийный анализ.

Ключи:

1 а); 2 б); 3 в); 4 б); 5 в); 6 а); 7 а); 8 б); 9 б); 10 в).

Содержание и форма итогового контроля

Требования к зачету:

К сдаче письменного зачета допускаются студенты, набравшие в течение семестра от 65 до 85 баллов (см. положение о рейтинговой системе оценки знаний студентов)

Рейтинговая система оценки знаний студентов

Рейтинговая система оценки знаний студентов представляет собой интегральную оценку результатов следующих видов деятельности студента: 1) посещение лекций (конспектирование и познавательная активность); 2) своевременное выполнение практических работ; 3) успешное выполнение аттестационного теста.

Для каждого показателя рейтинга установлено определенное количество баллов:

- 1) посещение лекции – 3 балла;
- 2) своевременное выполнение практической работы – 5 баллов;
- 3) успешное написание аттестационного теста – 15 баллов. Аттестационный тест состоит из 10 заданий, каждое из которых оценивается по 1,5 балла. Тест считается успешно выполненным, если студент набрал минимум 9 баллов, т.е. правильно ответил на 6 вопросов теста.

Максимально возможное количество баллов – 100, из которых 45 баллов (посещение лекций), 40 баллов (выполнение восьми практических работ), 15 баллов (аттестационный тест).

К сдаче зачета допускаются студенты, набравшие в течение семестра от 65 до 85 баллов. «Зачет автоматом», освобождающий от зачета, получают студенты, набравшие 85 баллов и выше.

За дополнительные, не предусмотренные программой виды деятельности студентов (доклады на конференциях, участие в СНО и олимпиадах и др.), предусматриваются премиальные баллы – максимум 10 баллов.

ФИО студента	Лекция 1	Лекция 2 и т.д.	Аттест. тест	Практ. работа 1	Практ. работа 2	Итого
--------------	----------	-----------------	--------------	-----------------	-----------------	-------

					и т.д.	
Иванов И.И.	3	3	15	5	5	100

Форма зачета

К сдаче зачета допускаются студенты, набравшие в течение семестра от 65 до 85 баллов. «Зачет автоматом», освобождающий от зачета, получают студенты, набравшие 85 баллов и выше (см. положение о рейтинговой системе).

Зачет проходит в форме мини-конференции. Студенты объединяются в группы по 2-3 человека. Каждая группа выступает в качестве докладчика и в качестве дискуссанта. Группа готовит сообщение по одному из контрольных вопросов к зачету. Сообщение должно быть представлено дискуссантам за неделю до проведения конференции в мультимедийной форме. Каждой группе докладчиков назначается группа дискуссанта, в задачу которой входит оценка содержания сообщения, а также пояснительные вопросы либо критические замечания.

Контрольные вопросы к зачету по курсу «Методы и методики исследования политической коммуникации»

1. Основные подходы к изучению политической коммуникации.
2. Соотношение понятий «коммуникация», «дискурс», «текст».
3. Взаимодействие языка и общества.
4. Языковые механизмы воздействия на сознание.
5. Теория управления истиной. Способы искажения истины.
6. Лингвистические и экстралингвистические предпосылки речевого воздействия.
7. Предмет и задачи политической лингвистики.
8. Корреляции идеологических и языковых структур.
9. Философия мультикультурализма и языковая политика идеологов политкорректности.
10. Психологический анализ.
11. Мотивационный анализ.
12. Интент-анализ.
13. Политическая метафора как способ познания, структурирования и объяснения мира.
14. Метафора как признак кризисного состояния в обществе.
15. Основные этапы проведения контент-анализа.
16. Количественный контент-анализ
17. Качественный контент-анализ
18. Основные этапы и особенности применения когнитивного картирования.
19. Метод моделирования политического и переговорного процессов.
20. Правила проведения и сферы прикладного применения психолингвистических методов в PR – деятельности.

21. Различные толкования понятия «политический дискурс». Характеристика политического дискурса.

22. Национальные школы дискурсивного анализа.

23. Критический дискурс-анализ.

24. Коммуникативные концепции политики.

© Гаврилова М. В., 2008

Иванова С. В.

Уфа, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИА-ДИСКУРС В ФОКУСЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Abstract

The paper focuses on the cultural approach to the investigation of political media discourse. The article reviews a number of works related to this sphere and suggests its own understanding of the question under study. First the author proves why the undertaken approach may yield new insightful results. Then the author steadily singles out different constitutive features (technological and manipulative) and sides (syntactic, semantic and pragmatic) of political media discourse the study of which on the whole may contribute to a consistent three-dimensional scheme of the object under consideration.

При осуществлении руководства целым рядом работ (см. [Аникина 2004; Губик 2006; Никитина 2006; Ожгихина 2006; Щипицына 2006; Якушина 2003]) и оппонировании или рецензировании диссертационных исследований по дискурсу СМИ (см. [Декленко 2004; Захарчук 2007; Южакова 2007]) нельзя было не заметить существования прочных связей между лингвокультурным пространством и пространством масс-медиа. Представляется, что назрела настоятельная необходимость обобщить результаты проведенных исследований, поставив во главу угла лингвокультурологический потенциал масс-медийного дискурса политической направленности. Последовательное освещение основополагающих направлений лингвокультурологического анализа данного типа дискурса и является целью настоящей статьи.

Интерес лингвокультурологии к дискурсу масс-медиа обусловлен несколькими весомыми причинами. Как известно, лингвокультурология предполагает исследование и описание культурного пространства того или иного лингвокультурного сообщества (далее: ЛКС) сквозь призму языка. Масс-медийный дискурс, в свою очередь, понимается как речь участников масс-медийного общения. Таким образом, дискурс СМИ представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, поскольку в силу своей природы отражает как языковое, так и культурное статус-кво социума. Отдавая отчет в том, что дискурс масс-медиа разнопланов и многообразен, объектом исследования данной статьи является медиа-дискурс политической направленности, который пони-

мается как совокупность медиа-текстов, относящихся к политической сфере общества.

Дискурс, по замечанию М. Л. Макарова, воспроизводит социальные институты, культурные схемы, системы ценностей социума [Макаров 2003: 41]. Соответственно, дискурс масс-медиа предполагает процесс порождения соответствующих текстов¹ в определенном культурном контексте. Культурный контекст понимается как совокупность институциональных, ролевых, ценностных, когнитивных условий реализации событий или фактов, с одной стороны, и совокупность выразительных средств, используемых людьми в этих обстоятельствах, с другой [Орлова 2004: 465]. Это означает, что в тексте масс-медиа будут реализованы имеющиеся в том или ином ЛКС установки и требования к созданию речевого продукта, соответствующего внешним условиям ситуации порождения данного продукта. Тот факт, что масс-медийный текст является своеобразной проекцией культурного пространства, имеет целый ряд следствий в плане особенностей структуры, содержания и языкового наполнения данного вида текста.

Исследователи подчеркивают, что структура текста масс-медиа последовательно отражает тенденцию к сохранению стандарта. Так, по мнению Т. А. ван Дейка, структура медиа-текста не имеет произвольного характера, а является результатом сложившейся в определенных институционалистских условиях социальной и профессиональной практики журналистской деятельности [Дейк 1989: 230]. Следовательно, можно говорить о структуре масс-медийного текста как культурно детерминированной сущности. Совершенно естественным является предположение о том, что выявленная рядом авторов иерархия тематических структур в медиа-тексте [Дейк 1989; Bell 2001: 249-250] не является унифицированной и общепринятой в любом лингвокультурном сообществе, а требует уточнения применительно к тому или иному ЛКС. Таким образом, культурная специфика отражается как в иерархии тематических структур текста, так и более широко – в тематике самих обсуждаемых материалов. Тематика масс-медийных текстов обусловлена социальными факторами, с одной стороны, но, с другой, испытывает влияние культурных традиций, что объясняет существование предпочтительных или, наоборот, табуированных или же нежелательных тем для обсуждения.

Кроме структуры масс-медийного текста, лингвокультурологическому анализу может быть подвергнута его содержательная сторона. Общеизвестно, что текст является информаци-

¹ В нашем понимании текст как связанное, целостное речевое произведение является конкретной реализацией, то есть формой существования дискурса.

онной структурой, то есть несет информацию того или иного плана. Как известно, по прагматическому назначению И. Р. Гальперин предложил различать содержательно-фактуальную («передний план» текста), содержательно-подтекстовую («второй план») и содержательно-концептуальную (глубинный смысл) информацию текста [Гальперин 1981: 26-50]. Наибольший интерес в данном случае вызывает содержательно-концептуальная информация текста, ибо она является контентообразующей, то есть относящейся к основной идее, замыслу текста. Исследования показывают, что контентообразование современного медиа-текста политической направленности в настоящий момент обнаруживает свойство технологичности. Речь в данном случае идет о технологиях, посредством которых автор целенаправленно воздействует на адресата и внедряет в его сознание ту или иную концептуальную информацию. Данные контент-технологии понимаются как информационная система использования совокупности языковых средств речевой манипуляции для целенаправленного управления восприятием действительности массовой аудиторией. Таким образом понимаемые контент-технологии предполагают порождение текстов, содержательно-концептуальная информация которых сводится к некоторому набору идей. Так, К. В. Никитина сумела выявить ряд оппозиций философского, аксиологического, социокультурного характера, при помощи которых происходит контентообразование политического медиа-текста. Набор этих оппозиций включает «хорошо/плохо», «свои/чужие», «комическое/трагическое», «герой/антигерой», «истина/не-истина» [Никитина 2006: 14-20]. Выявление данных оппозиций производится за счет определенной процедуры анализа. На первом этапе происходит выделение содержательно-концептуальной информации, то есть анализу подвергается создаваемое мнение об обсуждаемом объекте. На втором этапе идентифицируется информационное ядро, то есть та часть концептуальной информации, которая инвариантна для большого количества текстов. Полагаем, что данный список может пополниться за счет новых или еще неидентифицированных контент-технологий. В плане лингвокультурологического анализа было бы интересно проследить, какие оппозиции наиболее привлекательны для того или иного ЛКС. В конечном итоге, результаты подобного исследования позволят в той или иной степени проникнуть в ментальность нации. Ведь, по справедливому замечанию В. А. Масловой, лингвокультурологический анализ представляет собой «путь, по которому мы проникаем в <...> ментальность нации» [Маслова 2001: 3].

Наряду с лингвокультурологическим анализом структурного и содержательного аспектов медиа-текста, изучению с позиций лингвокуль-

турологии может быть подвергнута и его прагматическая сторона. Поскольку для политического текста характерна «пропаганда тех или иных идей, эмотивное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, выработка общественного консенсуса, принятие и обоснование социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов], манипулятивность представляет собой прагматический эффект политического текста масс-медиа и, по мнению исследователей, представляет собой конститутивное свойство текстов такого рода [Никитина 2006: 5]. Ориентация на целенаправленное управление восприятием адресата достигается посредством дискурсивных практик, то есть систем действий в рамках дискурса, направленных на реализацию избранной стратегии. В данном случае речь идет об используемых метафорических моделях, стереотипах данного ЛКС, структурном своеобразии текстов масс-медийного дискурса, системе номинативных, аксиологических, риторических средств.

Следующий пласт, который может быть подвергнут лингвокультурологическому анализу в рамках политического медиа-дискурса, представляет собой непосредственную языковую составляющую. Речь идет о лингвокультурологическом подходе к изучению языковых средств, отобранных для описания/ представления того или иного события. Языковой срез позволяет составить картину функционирования современного языка в данный конкретный момент его развития: выявить изменения в семантике, прагматике, синтактике языковых единиц, проследить за образованием новых единиц, заметить исчезновение существовавших донинде². Масс-медийный дискурс особо чувствителен к такому рода языковым и культурным влияниям и мгновенно реагирует на них. Это связано с тем, что масс-медийный дискурс, как дискурс любого типа, несет на себе печать генерирующего его лингво-культурного кода, который понимается нами как «система культурно-языковых соответствий, обслуживающих коммуникативные нужды членов ЛКС» [Иванова 2003: 22], а, следовательно, отмечен культурологической маркированностью. Безусловно, культурологическая маркированность текстов медиа-дискурса, то есть детерминированность в выборе языковых средств факторами этнокультурного порядка, прежде всего, является следствием наполняющих текст языковых единиц. Лингвокультурная специфика реализуется в семантике, синтактике, прагматике языкового знака [Иванова 2003: 26]. Таким образом, создается культуроносное полотно текста, которое предполагает дополнительный квант текстовой информации. Так, ис-

² Некоторые из перечисленных процессов отражены в работе Р. М. Якушиной, посвященной аксиологической лексике современного английского языка [Якушина 2003: 19-23].

следование экономического медиа-дискурса, проведенное С. В. Губик, показало, что даже терминосистемы испытывают влияние лингвокультурных факторов, что обуславливает культурологическую маркированность и этого, на первый взгляд, нейтрального пласта лексической системы [Губик 2006: 19].

Социально-культурные установки общества отражаются и в другом аспекте выбора лексического наполнения масс-медийных текстов. В данном случае речь идет о феномене так называемой политкорректности. Политкорректность как отражение установки на толерантность массово-информационного дискурса США (см. [Южакова 2007]) в настоящее время можно отнести к сфере техники безопасности работы в данном сегменте журналистики.

Еще одним интересным языковым следствием институциональных установок является своеобразное функционирование категории оценки в новостном жанре текстов масс-медийного дискурса политической направленности. Известно, в англоязычных странах существует законодательный запрет на выражение оценки в новостных материалах. Тем не менее, исследования показывают, что и это не освобождает данные материалы от оценивания их автором. Однако в силу указанных обстоятельств оценка в новостном дискурсе СМИ меняет свой характер и становится опосредованной. Так, в работе А. А. Щипицыной было выявлено, что при подобном оценивании авторы прибегают к использованию кавычек (из двух знаков, одного знака), дают оценку в цитатах лиц, комментирующих данный материал, в самой постановке проблемы [Щипицына 2006: 15, 17, 19].

Таким образом, лингвокультурологическое исследование масс-медийного дискурса политической направленности можно проводить в трех плоскостях: структуры, семантики и прагматики текстового целого, ибо текст, репрезентируя дискурс, представляет собой его продукт. Возможно анализировать языковую составляющую медиа-дискурса, преследуя цель обнаружить культурноносные единицы языковой системы, то есть те единицы языка, в которых представлена культурная информация. Вместе с тем, представляется, что лингвокультурологический анализ масс-медийного дискурса требует обращения не только и не столько к отдельным культурологически маркированным текстообразующим и языковым единицам, как анализа своеобразия, возникающего в результате языковой реализации лингвокультурологических категорий. В данном случае речь идет о смене «системы координат» при проведении исследования – от языковой к лингвокультурологической. Такого рода непосредственный лингвокультурологический анализ становится возможным в связи с дальнейшим развитием и упрочением позиций лингвокультурологии как

самостоятельного направления лингвистических исследований.

Лингвокультурологическая параметризация текста проходит по тем направлениям, которые задаются при реализации лингвокультурологических категорий. Под лингвокультурологической категорией понимаются особые категории, которые посредством последовательного выражения при помощи различных языковых средств несут культурную информацию, характеризующую определенное ЛКС [Иванова 2007: 17]. К таким категориям относятся категории «свой-чужой», прецедентность и ценностность.

Дискурс масс-медиа в целом, не говоря уже о такой его разновидности, как политический медиа-дискурс, *per definitionem*, не может быть свободен от разграничения адресата на принадлежащих кругу своих и «иных», чуждых, или чужих. Лингвокультурологическая категория «свой-чужой» служит дифференциации по принадлежности/ непринадлежности к кругу, умозрительно очерченному говорящим субъектом вокруг себя и себе подобных. По замечанию акад. Ю. С. Степанова, «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2001: 126]. Дейктивная суть данной лингвокультурологической категории связана с ее указательно-отношенческой природой: окружающий мир параметрируется с точки зрения соотнесенности тех или иных объектов окружающей действительности с личным пространством говорящего лица, что служит идентификации адресанта и адресата с позиции принадлежности к своим или чужим.

Необходимо отметить, что в политическом медиа-дискурсе прецедентность и ценностность подчинены категории «свой-чужой» и одновременно направлены на ее реализацию, так как весь вопрос политики состоит в разделении на своих и чужих. Прецедентность понимается как воспроизводимость явлений культуры в языковой форме, своего рода интертекстуализация культурных феноменов. Естественно, что текст масс-медийного дискурса как проекция порождающего его лингвокультурного пространства содержит упоминания разного рода реалий, исторических событий, ключевых слов той или иной исторической эпохи³, которые и «привязывают» текст к генерирующему его лингвокультурному пространству и делают его понятным «здесь и сейчас». Лингвокультурное пространство понимается как совокупность языковенных культурных феноменов, широко известных в данном ЛКС и составляющих культурную грамотность среднего его представителя. Соответственно, использование прецедент-

³ Об интертекстуализации подобных явлений см. в [Аникина 2004: 12-13, 18-20].

ных феноменов повышает степень аутентичности высказывания, способствует созданию “своей” атмосферы, закрытости от “коммуникативных чужаков” и, таким образом, является эффективным средством обращения к культурной идентичности аудитории, что, в конечном итоге, и помогает разграничивать мир на своих и чужих.

Ценностность как лингвокультурологическая категория предполагает реализацию в рамках дискурса ценностей того или иного ЛКС. И, вновь необходимо отметить, что апелляция к общим ценностям служит одновременно и дифференциации по принципу «свой-чужой». Ценностность масс-медийного дискурса может быть раскрыта через интерпретацию коннотаций лексических единиц, а также когнитивных смыслов, на интерпретацию которых, по словам М. Л. Макарова, сориентирован дискурс как таковой [Макаров 2003: 14]. Масс-медийный дискурс предполагает обращение к особо значимым или привычным для того или иного социума концептам, фреймам, сценариям. Так, Е. В. Декленко, исследуя лингвокультурологический аспект патриотического дискурса, отмечает культурную специфику задействованных в нем концептов [Декленко 2004: 10-11]. Нам же, итожа исследование Е. С. Ожгихиной [Ожгихина 2006], хотелось бы подчеркнуть что, помимо прочего, интерес представляет и сам набор частотных концептов, поскольку существует совершенно определенное отношение зависимости между частотностью и ценностью упоминаемого объекта или явления.

Завершая размышления о перспективах лингвокультурологического исследования политического медиа-дискурса, считаем необходимым отметить, что дискурс масс-медиа порождается как социальный продукт и отмечен противоборством в своих рамках двух противоположных политико-социокультурных тенденций. С одной стороны, масс-медийный дискурс не может не отражать стремления к глобализации, которое характеризует современное общество. С другой стороны, любой масс-медийный текст создается представителем того или иного лингвокультурного сообщества и не может не отражать ценностные установки этого сообщества, его культуру. Даже задачи глобализации, обуславливающие сильнейшие интеграционные силы, не могут окончательно справиться с центробежными тенденциями, которые способствуют передаче этнокультурной специфики. Представляется, что эти две взаимоисключающие и взаимообуславливающие друг друга тенденции – к глобализации и к интеграции – являются на настоящий момент определяющими для существования дискурса масс-медиа.

Процессы глобализации требуют подведения всего идиознческого разнообразия под общий, понимаемый всеми знаменатель. Естественно, что эти процессы унификации нацио-

нально-культурной специфики порождают «сопротивление материала», направленное на сохранение имеющихся этнокультурных различий. Кроме того, языковая личность, которая понимается как говорящий субъект, владеющий основными кодами культуры и средствами их языковой трансляции, то есть лингво-культурным кодом, не может не оперировать тем самым лингво-культурным кодом при создании речевых произведений. Борьба этих двух тенденций не может не отражаться в текстах масс-медийного дискурса. Соответственно, чрезвычайно интересно проследить как лингвокультурологическую маркированность данного дискурса, так и нейтрализацию этой маркированности.

Таким образом, лингвокультурологический анализ масс-медийного дискурса может быть проведен с разных позиций. За точку отсчета при анализе может быть принят текст как форма существования дискурса. Соответственно, объектом лингвокультурологического исследования может стать структура, семантика и прагматика медиа-текста. Объемность исследованию придаст лингвокультурологический анализ языкового наполнения масс-медийных текстов. С другой стороны, изучение дискурса СМИ может предполагать раскрытие особенностей реализации лингвокультурологических категорий. Такое изменение системы координат – от традиционной лингвистической парадигмы к лингвокультурологической – будет способствовать полноценному, полномасштабному лингвокультурологическому представлению политического медиа-дискурса.

ЛИТЕРАТУРА:

Аникина Э. М. Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.

Губик С. В. Когнитивно-дискурсивное исследование английского экономического массмедийного дискурса (на материале журнала “The Economist”): Автореферат дисс... канд. филол. наук. – Уфа, 2006.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.

Декленко Е. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004.

Захарчук О. А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007.

Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Автореферат дисс. ... док. филол. наук. – Уфа, 2003.

Иванова С. В. Лингвокультурологический потенциал текста // Лексические и грамматические категории в свете типологии языков и лингвокуль-

турологии: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 17-19.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2006.

Ожгихина Е.С. Концептуальный анализ рекламного текста с позиции гендера (на материале современного английского языка): Автореферат дисс... канд. филол. наук. – Уфа, 2006.

Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический Проект, 2004.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm.

Щипицына А. А. Дескриптивные и оценочные прилагательные в политическом медиа-дискурсе (на материале современной британской периодической печати): Автореферат дисс... канд. филол. наук. – Уфа, 2006.

Ужакова Ю. В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007.

Якушина Р. М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003.

Bell A. News stories as narratives // The Discourse Reader. – London & New York: Routledge, 1999. – P. 502-514.

© Иванова С. В., 2008

Иньиго-Мора И.

Севиля, Испания

Перевод: Стрельников А. М.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ:
НЕЙТРАЛИТЕТ И ПРОВОЦИРОВАНИЕ**

Abstract

The main aim of this paper is to analyze the discursive strategies used by interviewers in order to cope with a schizophrenic situation in which they are expected to be both professionally neutral and skillfully provocative. Studies were carried out on two specific interviewers: Mr. David Frost and Mr. Jeremy Vine. They interviewed four people with different political ideologies: a Conservative MP (Ms. Theresa May), the Labour PM (Mr. Tony Blair), a UK Independence Party MP (Mr. Robert Kilroy-Silk), and a Liberal Democrat MP (Mr. Charles Kennedy). The analysis revealed that Mr. Vine and Mr. Frost deployed six main types of strategies: contradictions, if-clauses, footing shift, dis-agreements, statements proposing that the politician's policies are misguided, and dangerous presuppositions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Политическое интервью, нейтралитет, провоцировать, задавать вопросы, враждебность, политическая идеология.

1. Вступление

Телеинтервью представляют собой достаточно благодатную и интересную сферу исследования, доказательством чему служит большое количество публикаций по данной тематике (Bull & Elliot 1998; Carter & Mccarthy 2002; Clayman 1988, 1991, 1992, 1993; Greatbatch 1986, 1988, 1992; Harris 1986, 1991; Heritage & Greatbatch 1991). Существует множество статей о жанре интервью вообще (Bennett 1982; Bolinger 1957; Koshik 2005; Quirk и др. 1972; Weber 1993) и о телеинтервью, в частности (Heritage 2002, 2003; Heritage & Roth 1995).

В настоящей работе я проанализирую конкретные типы техник интервьюирования, используемые двумя журналистами (Дейвидом Фростом и Джереми Вайном). Они провели интервью с четырьмя приверженцами различных политических идеологий: членом парламента от партии консерваторов Терезой Мэй (Theresa May), премьер-министром от партии лейбористов Тони Блэром (Tony Blair), членом парламента от Независимой партии Соединенного Королевства Робертом Килрой-Силком (Robert Kilroy-Silk) и членом парламента от Либерал-демократической партии Чарльзом Кеннеди (Charles Kennedy). Я попытаюсь выяснить, являются ли применяемые техники интервьюирования схожими или зависимыми от а) интервьюера и б) от интервьюируемого.

Телевизионное интервью отличается от обычной беседы. Для него характерно предварительное распределение смены очередности участников общения на основании институциональной принадлежности, в нашем случае речь идет о представителях политических партий. Интервью должно состоять из последовательности вопросов и ответов. Интервьюерам следует ограничиться постановкой вопросов, а интервьюируемые должны отвечать на вопросы и воздерживаться от своих собственных, как и от невостробованных комментариев по поводу сказанного ранее (Heritage & Greatbatch 1991).

Как отмечает Хэритидж (2003), при постановке вопроса интервьюер сталкивается с двумя различными по характеру журналистскими принципами: беспристрастностью и враждебностью. В своей работе (2003:57) автор отмечает: «... интервьюеры должны быть беспристрастны, незаинтересованны, объективны и непредвзяты в своих беседах с общественными деятелями. Они должны питать уважение к фактам и взглядам, сообщаемым интервьюируемыми, и сделать эту информацию всеобщим достоянием».

Итак, с одной стороны, журналисты не могут быть только рупорами интервьюируемых,

напротив, интервьюеры должны провоцировать своих собеседников. Но, с другой стороны, Хэритидж и Рос (1995:1-2) отмечают, что в большинстве западных стран у интервьюеров не принято оспаривать или критиковать точку зрения собеседника, как и соглашаться, поддерживать или защищать ее.

Хэритидж и Грейтбетч (1991:116-118) упоминают ряд способов соблюдения нейтралитета в рамках новостного интервью.

1) интервьюеры задают вопросы, не делают заявлений и не выражают собственного мнения.

2) интервьюерам нельзя (как в обычной беседе) выделять отдельные фрагменты информации и оценивать их. Подобные действия исключаются из речи интервьюера как выражающие его симпатию или отсутствие таковой по отношению к изложенным мнениям.

Интервьюеры могут нарушить принцип соблюдения нейтралитета двумя способами: 1) не ограничивать себя только лишь постановкой вопросов, а утверждать и высказывать мнения, 2) не исключать проявления форм дружественного поведения (достаточно распространенных в обычном общении).

Однако, хороший интервьюер должен получить как можно больше информации от своего собеседника. По этой причине иногда приходится задавать вопросы, способные заставить интервьюируемого почувствовать себя неловко. Более того, вопросы должны быть настолько «неудобными», насколько это возможно. Только задающие их журналисты становятся популярными. Не стоит забывать, что интервьюер – тоже человек со своими взглядами на жизнь и политику; естественно, что в ходе интервью ему захочется заставить гостя поглубже раскрыть ту или иную тему. Итак, интервьюеры оказываются в противоречивой ситуации, когда, с одной стороны, от них требуется быть профессионально нейтральными, а с другой, – задавать провокационные вопросы, способные обидеть или разозлить интервьюируемого. Цель данной статьи – не в том, чтобы продемонстрировать предвзятость интервьюера, что и без того известно. Ее цель – показать, как журналист справляется с этой противоречивой ситуацией. Одним словом, я попытаюсь ответить на следующий вопрос: какие дискурсивные стратегии используют интервьюеры для демонстрации своей нейтральности, критикуя точку зрения интервьюируемых или соглашаясь с ней.

2. Четыре разных интервью

Проанализируем четыре телеинтервью с политическими деятелями. Два из них провел Дейвид Фрост в рамках передачи *Breakfast with Frost* (*Завтрак с Фростом*), два других – Джереми Вайн в телевизионном шоу *Politics Show* (*Шоу о политике*). Первый из них – известный журналист; 29 мая 2005 года он провел последний, пятисотый эфир своей программы. Однаж-

ды Маргарет Тэтчер отозвалась о Дейвиде Фросте как о «гиганте в своей профессии», а Тони Блэр однажды сказал о нем: «Хотя, задавая вопросы, он всегда остается вежливым, ему удастся получить от вас кучу информации». Джереми Вайн также очень популярен; он является ведущим радиопрограммы *Jeremy Vine Show* (*Шоу Джереми Вайна*) на канале BBC Radio 2 и телевизионную программу *Politics Show* на канале BBC 1. До этого он вел передачу *Newsnight* (*Ночь новостей*) на BBC 2. Во время предвыборной кампании 2001 года приглашенный гость Питер Мэнделсон со скандалом покинул студию во время эфира, а Джон Мейджер однажды сказал Д. Вайну: «Ты очень нетерпеливый парень».

Вот что пишет Дейвид Роуман (*Evening Standard*, 9 февраля, 2005):

«ДЖЕРЕМИ Вайн считает, что интервьюеры слишком враждебны по отношению к политикам. Забавно, что ведущий канала Radio 2 также является лицом программы *Politics Show* на BBC1 – перед вашими глазами наверняка всплывет привычный образ хмурого Джереми Пэксмана. Но школа интервьюирования Пэксмана-Хамфриса, в которую так верит Вайн, произвела на свет лишь технику «постановки в тупик» в политических дебатах, благодаря чему снискала СМИ дурную славу. Что действительно необходимо сейчас, так это качественно иной темп и стиль интервью».

Каждый из рассматриваемых нами интервьюеров беседовал с двумя приверженцами различных политических идеологий: Дейвид Фрост провел интервью с Робертом Килрой-Силком (Независимая партия Соединенного Королевства) и Тони Блэром (премьер-министр, Лейбористская партия). Джереми Вайн интервьюировал Чарльза Кеннеди (в то время лидера либерал-демократов) и Терезу Мэй (Консервативная партия). Два интервью состоялись в 2003 году (с Чарльзом Кеннеди и Терезой Мэй), а два – в 2004 году (с Тони Блэром и Робертом Килрой-Силком). Тематами интервью стали кризис в Ираке и политика Евросоюза.

Мы рассмотрели достаточно неравнозначные тексты (интервьюируемые – трое мужчин и одна женщина, члены различных партий), и приводимые статистические данные носят исключительно информативный характер. Несмотря на то, что данное исследование скорее качественное, нежели количественное, было принято решение, что включение некоторой статистической информации поможет читателю лучше понять результаты исследования.

3. Анализ

Для оценки уровня нейтральности и заинтересованности интервьюеров я сосредоточусь на исследовании степени враждебности вводимых вопросов. Вопросы будут считаться враждебными, если они явно выражают возмущение,

критикуют политический курс, содержат упоминания о внутрипартийных разногласиях или подчеркивают несогласованность фактов в речи политика. Враждебность отражает степень явной критичности вопроса по отношению к политике. Эта величина будет оцениваться относительно предметного или тематического содержания вопроса.

Всего мы проанализировали 65 вопросов. 39 вопросов (т.е. 60%) являются вводными, а 23 из них (т.е. 59%) мы отнесли к враждебным. Распределение по типам представлено в следующих таблицах:

Таблица 1. Враждебные вводные вопросы в передаче *Breakfast with Frost*

	Всего в программах <i>Breakfast with Frost</i> и <i>Politics Show</i>	Блэр	Килрой	Фрост
Вопросы	65	21	12	33
Вводные	39	13	1	14→ 42.4%
Враждебные	23→ 59%	9→ 69.2%	0→0%	9→ 64.3%

Таблица 2. Враждебные вводные вопросы в передаче *Politics Show*

	Всего в программах <i>Breakfast with Frost</i> и <i>Politics Show</i>	Мэй	Кеннеди	Вайн
Вопросы	65	12	20	32
Вводные	39	11	14	25→ 78.1%
Враждебные	23	9→ 81.8%	53→5.7%	14→ 56%

При взгляде на приведенные цифры становится очевидным, что Вайн использует больше вводных вопросов, чем Фрост (т.е. 78.1% против 43.4%), но процентное соотношение враждебных вводных вопросов примерно равно – 56% и 64.3%. Действительно интересная картина прорисовывается, если взглянуть на политиков, которым адресуют вопросы: при обращении к разным политикам журналисты ведут себя по-разному. Примечательно, что Дейвид Фрост, обращаясь к Килрою, вообще не использует вводных вопросов враждебного характера, тогда как при общении с Тони Блэром 69.2% заданных журналистом вводных вопросов враждебны. Подобным образом, всего лишь 5.7% всех вводных вопросов, заданных Вайном при общении с Кеннеди враждебны, тогда как в общении с госпожой Мэй эта цифра составила 81.8%. Итак, создается впечатление, что оба интервьюера занимают различные позиции в общении с представителями двух главных по-

литических партий. Нейтральны ли журналисты?

Я обнаружила шесть основных типов стратегий враждебности: возражение, условные придаточные предложения, цитирование чужих мнений, несогласованность, критика политического курса и опасные пресуппозиции. Их общее количество и частотность отражены в следующих таблицах.

Таблица 3: Стратегии враждебности в передаче *Breakfast with Frost*

	Всего в программах <i>Breakfast with Frost</i> и <i>Politics Show</i>	Блэр	Килрой	Фрост
Враждебные вопросы	23	9	0	9
Возражение	7	5→ 55.6%	0	5→ 55.6%
Придаточные условия	4	0	0	0
Цитирование чужих мнений	4	3→ 33.3%	0	3→ 33.3%
Несогласованность	1	1→ 11.1%	0	1→ 11.1%
Критика политического курса	1	0	0	0
Опасные пресуппозиции	6	0	0	0

Таблица 4: Стратегии враждебности в передаче *Politics Show*

	Всего в программах <i>Breakfast with Frost</i> и <i>Politics Show</i>	Мэй	Кеннеди	Вайн
Враждебные вопросы	23	9	5	14
Возражение	7	1→ 11.1%	1→ 20%	2→ 14.3%
Придаточные условия	4	1→ 11.1%	3→ 60%	4→ 28.6%
Цитирование чужих мнений	4	0	1→ 20%	1→ 7.1%
Несогласованность	1	0	0	0
Критика политического курса	1	1→ 11.1%	0	1→ 7.1%

Опасные пресуппозиции	6	6→ 66.7%	0	6→ 42.9%
-----------------------	---	-------------	---	-------------

Согласно Клейману и Хэритиджу (2002a), вводные вопросы, содержащие опасные пресуппозиции, являются одними из наиболее враждебных. Авторы объясняют, что в данном случае «... вводная критика воспринимается как данность, становясь частью пресуппозиционно-основания вопроса; таким образом она наименее уязвима для отражения» (Clayman and Heritage 2002a:767). Они оспаривают утверждение о том, что «Глубоко скрытые пресуппозиции могут иметь разрушительный эффект и способны поставить в затруднительное положение (Nevin 1994)» (Clayman and Heritage 2002b:206). На подобные вопросы возможно дать более одного ответа, но любой из них подтвердит скрытую пресуппозицию вопроса. Клейман и Хэритидж уточняют, что «... критерием глубины сокрытия пресуппозиции может служить способность респондента распознать ее, отвечая на очевидную тематику вопроса» (Clayman and Heritage 2002b:204).

Я обнаружила шесть примеров опасных пресуппозиций, и все они были использованы в беседе Дж. Вайна с Т. Мэй. В следующем примере Дж. Вайн спрашивает гостью о политике консерваторов в прошлом и настоящем

(Politics Show, 9 марта 2003 года)

ВАЙН: Итак, когда вы избавитесь от образа грязной партии, который, в конце концов, существовал раньше, что изменится в вашей политике?

Вводной частью данного вопроса является «Итак, когда вы избавитесь от образа грязной партии, который, в конце концов, существовал раньше». По Клейману и Хэритиджу (2002b:203) «Большинство вводных вопросов объединяют эксплицитные контекстные пропозиции. Таким образом, последующий вопрос может основываться на них и может содержать дополнительные пресуппозиции». По мнению Левинсона (1983), придаточные предложения времени и нерестриктивные придаточные предложения генерируют пресуппозиционные импульсы или являются лингвистическими единицами, порождающими пресуппозиции. Итак, придаточное предложение времени «когда вы избавитесь от образа грязной партии» предполагает «вы избавляетесь от грязного образа», а нерестриктивное придаточное «который, в конце концов, существовал раньше» пресуппозиционирует «вы использовали этот образ». Таким образом, вопрос основывается на этих двух пресуппозициях, и госпожу Мэй просят ответить на него, а не опровергать пресуппозиции. Если она начнет опровергать их вместо прямого ответа на вопрос, ее можно будет обвинить в уходе от ответа. Тем не менее необходимо упомянуть, что

придаточное предложение «когда вы избавитесь от образа грязной партии» также могло иметь дополнительное гипотетическое значение. В случаях, подобных нашему, слово «когда» используется для обозначении универсальных истин, а также повторяющихся или предсказуемых ситуаций и событий (Alexander, 1988 и Swan, 1995). Примером может служить высказывание «Когда вы нагреете воду до 100° по Цельсию, она закипит». Итак, неважно, какую интерпретацию вы выбираете (т.е. отнесенную ко времени или гипотетическую); это придаточное предложение не дает повод усомниться в том, что Т. Мэй пытается избавиться от такого образа. Госпожа Мэй отвечает следующим образом:

(Politics Show, 9 марта 2003)

ТЕРЕЗА МЭЙ: Когда я говорила о грязной партии, я на самом деле говорила о том, как нас воспринимают другие люди. Но я также сказала, что считаю это несправедливым, и я знаю, что все присутствовавшие на конференции люди, к которым я обращалась, чувствовали эту несправедливость. Существовало представление, что мы, возможно, были незаинтересованны в помощи определенным группам людей. Это никоим образом не относится к Консервативной партии, мы занимаемся этой проблемой в течение последних 18 месяцев, и не только в рамках политического курса, не только на словах, но и в ходе наших поездок и визитов. Мы выезжаем на места, общаемся с людьми, которые очень страдают от результатов разрушительной политики лейбористского правительства.

Говоря все это, госпожа Мэй не отвечает на вопрос. Вместо этого она отрицает пресуппозицию: она объясняет, что это несправедливо формируемый образ партии, и она никогда такого не говорила. На самом деле, Консервативную партию часто обвиняли в том, что она не занимается проблемами людей с ограниченными возможностями, поэтому госпожа Мэй добавляет: «Существовало представление, что мы, возможно, были незаинтересованны в помощи определенным группам людей. Это никоим образом не относится к Консервативной партии».

Приведенные выше таблицы показывают, что все примеры опасных пресуппозиций относятся к одному интервьюеру (т.е. Дж. Вайну) и его гостье (Т. Мэй). Нейтрален ли он?

Для сравнения с опасными пресуппозициями, в наименее враждебных вопросах используется стратегия цитирования чужих мнений. Такие вопросы менее враждебны, так как интервьюер выступает в роли аниматора, а не автора критических замечаний. В следующем примере Д. Фрост обвиняет Т. Блэра в соглаша-

тельстве с политикой Евросоюза, ограничивающей свободу Британии:

(Breakfast with Frost, 20 июня 2004 года)

ДЭВИД ФРОСТ: Но давайте коснемся внешней политики; возможно вы видели цитату из документа, напечатанную сегодня в газете «Санди Телеграф» – «Внешняя политика и политика в области безопасности в целом должны охватывать все аспекты внешнеполитической деятельности и все вопросы, относящиеся к безопасности Союза. Страны-члены Союза должны активно и всесторонне поддерживать внешнеполитические решения и политику безопасности в духе лояльности и общей солидарности». Итак, это совсем не похоже на независимую внешнюю политику Британии – как это все сочетается?

Многие британцы не довольны Европой из-за конкретных стереотипов: 1) «мы – островной народ и нам хотелось бы сохранять границы»; 2) «мы считаем, что ЕС расточителен, и наши деньги идут на строительство дорог в других странах»; 3) «нам не нравятся перемены, мы не хотим пользоваться евро», и т.д.

В данном примере вопрос Д. Фроста основан на предварительном утверждении, не являющимся его собственным, а принадлежащим газете «Санди Телеграф». Он всего лишь цитирует эти слова, выступая в роли аниматора. Данный тип вопроса является наиболее «нейтральным» из всех враждебных вопросов, потому что интервьюера нельзя обвинить в озвучивании враждебности в вводной части. Д. Фрост трижды использовал данную стратегию, тогда как Дж. Вайн – только единожды. Таким образом, можно утверждать, что враждебность Дейвида Фроста гораздо более имплицитна.

Существует еще четыре типа стратегий: возражение, использование придаточных предложений условия, несогласованность и критика политического курса. В приведенном ниже примере мы видим ряд возражений:

(Breakfast with Frost, 20 июня 2004 года)

ДЭВИД ФРОСТ: Но, но вот, например, что я имею в виду: согласно документу, мы собираемся еще больше объединиться – настолько, что у нас будет общая судьба – а возможно ли это? Можем ли мы, дозволено ли нам иметь общую судьбу в том числе со Штатами, или речь идет о другой общей судьбе?

В этом отрывке Фрост подчеркивает противоречие, являющееся своеобразной критикой союза Британии и США. Другими словами, разделяют ли британцы общую судьбу с Европой, с США или с обеими странами? Это действительно противоречие, так как позиция Европы отличается от позиции США по вопросу войны в Ира-

ке. Большинство европейских стран были против войны. Вопрос журналиста заставляет премьер-министра занять оборонительную позицию.

Еще одна стратегия заключается в использовании придаточных предложений условия. В рамках данной стратегии совершаются угрожающие действия по отношению к политику, вынуждающие его раскрывать секретную информацию. В следующем отрывке интервью Ч. Кеннеди и Дж. Вайн беседуют о второй резолюции, предшествовавшей войне в Ираке, и Вайн вынуждает Кеннеди разоблачить себя:

(Politics Show, 2 марта 2003 года)

ДЖЕРЕМИ ВАЙН: Если бы это случилось, поддержали бы вы войну?

Под словом «это» имеется в виду «подписание второй резолюции». Для политика весьма опасно раскрывать свои планы на будущее, так как политики, как правило, ведут себя в соответствии с обстоятельствами. Кроме того, как упоминалось ранее, Кеннеди вынужден был сохранять нейтралитет по данному внешнеполитическому вопросу.

Еще одна техника связана с выражением внутривластных разногласий или расколов. Мне удалось обнаружить только один соответствующий пример. Д. Фрост задает Т. Блэру вопрос о дате следующих всеобщих государственных выборов, и Блэр отвечает, что не знает. Тогда журналист делает ироничный комментарий и переводит тему на внутривластные разногласия:

(Breakfast with Frost, 20 июня 2004 года)

ДЭВИД ФРОСТ: Вы сделали лучшее, лучшее предположение. Но помните, у вас было трое-четверо лейбористов-«заднескамеечников», выступивших против этого предложения. Ожидаете ли вы новых бунтов в своих рядах, наподобие возникавших время от времени по вопросу взимания платы за обучения и подобным вопросам?

Планы Блэра о введении платы за обучение в высших учебных заведениях столкнулись с большим противодействием некоторых политиков-лейбористов и положили начало серьезным внутривластным протестам. Таким образом, это явно враждебный вопрос, наносящий вред имиджу политической партии.

Наконец, еще одна стратегия связана с вводными утверждениями, заставляющими сомневаться в правильности политического курса политика. Мне удалось обнаружить только один соответствующий пример в интервью Дж. Вайна с Т. Мэй.

(Politics Show, 9 мая 2003 года)

ДЖЕРЕМИ ВАЙН: Но предложение снизить налоги – это не то же самое, что помогать

наиболее слабозащищенным слоям населения, не так ли?

Своим вопросом Вайн ставит под сомнение правильность политики Т. Мэй. Она обещает снижение налогов, но Вайн не уверен, что это поможет социально уязвимым слоям населения. Как упоминалось ранее, снижение налогов задекларировано в Манифесте Консервативной партии (<http://www.conservatives.com/tile.do?def=manifesto.uk.lowertaxes.page>).

4. Заключение

Даже хотя процент враждебных вводных вопросов у обоих журналистов практически одинаков (56% у Дж. Вайна и 64.3% у Д. Фроста), интересная картина прорисовывается, если взглянуть на политиков, которым они их адресуют: при обращении к разным политикам журналисты ведут себя по-разному. Д. Фрост в интервью с Р. Килроем вообще не использовал вводных вопросов враждебного характера, тогда как при общении с Тони Блэром 69.2% заданных вводных вопросов были враждебны. Подобным образом, лишь 5.7% всех вводных вопросов, заданных Вайном при общении с Ч. Кеннеди, враждебны, тогда как в общении с госпожой Т. Мэй эта цифра составила 81.8%. Итак, можем ли мы говорить о нейтралитете журналистов?

Основной целью настоящей работы был анализ дискурсивных стратегий, используемых интервьюирующими журналистами в противоречивой ситуации, требующей от них соблюдения профессионального нейтралитета и умелого провоцирования. Дж. Вайн и Д. Фрост использовали шесть основных стратегий: возражение, условные придаточные предложения, критика политического курса и опасные пресуппозиции. Неудивительно, что результаты исследования подтвердили зависимость частотности данных стратегий от политических взглядов интервьюируемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Alexander, L. G. (1988). *Longman English Grammar*. London: Longman.
- Bennett, A. (1982). Strategies and Counterstrategies in the Use of Yes-No Questions in Discourse. In J. J. Gumperz (ed.), *Language and Social Identity* (pp. 95-107). Cambridge: Cambridge University Press.
- Bolinger, D. L. M. (1957). *Interrogative Structures of American English: The Direct Question, Publication of the American Dialect Society, No. 28*. Alabama: University of Alabama Press.
- Carter, R. & McCarthy, M. (2002). From conversation to corpus: A dual analysis of a broadcast political interview. In A. Sánchez-Macarro (ed.), *Windows on the World. Media Discourse in English*. Valencia: Universitat de Valencia.
- Clayman, S. E. (1988). Displaying neutrality in television news interviews. *Social Problems*, 35, 474-492.

Clayman, S. E. (1991). News interview openings: Aspects of sequential organization. In P. Scannell (ed.), *Broadcast Talk* (pp. 48-75). London: Sage.

Clayman, S. E. (1992). Footing in the achievement of neutrality: the case of news-interview discourse. In P. Drew & J. Heritage (eds.), *Talk at Work. Interaction in Institutional Settings* (pp. 163-198). Cambridge: Cambridge University Press.

Clayman, S. E. (1993). Reformulating the question: A device for answering questions in news interviews and press conferences. *Text*, 13, 159-188.

Clayman, S. E. & Heritage, J. (2002a). Questioning presidents: Journalistic deference and adversarialness in the press conferences of U.S. presidents Eisenhower and Reagan. *Journal of Communication*, 2, 749-775.

Clayman, S. E. & Heritage, J. (2002b). *The News Interview. Journalists and Public Figures on the Air*. Cambridge: Cambridge University Press.

Greatbatch, D. (1986). Aspects of topical organization in news interviews: The use of agenda-shifting procedures by IEs. *Media, Culture and Society*, 8, 441-455.

Greatbatch, D. (1988). A turn-taking system for British news interviews. *Language in Society*, 17, 401-430.

Harris, S. (1986). IRs' questions in broadcast interviews. In J. Wilson & B. Crow (eds.), *Belfast Working Papers in Language and Linguistics* (pp. 50-85). Jordanstown: University of Ulster.

Harris, S. (1991). Evasive actions: How politicians respond to questions in political interviews. In P. Scannell (ed.), *Broadcast Talk* (pp. 76-99). London: Sage.

Heritage, J. (2002). The limits of questioning: Negative interrogatives and hostile question content. *Journal of Pragmatics*, 34, 1427-1446.

Heritage, J. (2003). Designing questions and setting agendas in the news interview. In C. D. LeBaron & J. Mandelbaum (eds.), *Studies in Language and Social Interaction* (pp. 57-90). London: Lawrence Erlbaum.

Heritage, J. & Greatbatch, D. (1991). On the institutional character of institutional talk: The case of news interviews. In D. Boden & D. H. Zimmerman (eds.), *Talk and Social Structure* (pp. 95-129). Cambridge: Polity Press.

Heritage, J. & Roth, A. L. (1995). Grammar and institution: Questions and Questioning in the Broadcast News Interview. *Research on Language and Social Interaction*, 28, 1-60.

Koshik, I. (2005). *Beyond Rhetorical Questions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nevin, B. (1994). Quandary/abusive questions. *The LINGUIST Discussion List*, 5, 754.

Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. & Svartvik, J. (1972). *A Grammar of Contemporary English*. London: Longman.

Swan, M. (1995). *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press.

© Иньиго-Мора И., 2008

Красильникова Н.А.

Новоуральск, Россия

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
В МЕТАФОРАХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ**

Abstract

Political interdiscourse metaphors may conceptualize images of different countries, political institutions or distinct politicians. Russia's metaphorical representation in American mass media affects the attitude to our country in the future. It should be taken into account that political metaphor is a top-rank means of public consciousness manipulation, the power of which is hidden in its latent impact.

В последние годы мы были свидетелями кардинальной смены направления вектора отношения к России на мировой политической арене. Все начиналось с увеличения валового национального продукта, погашения зарубежных долгов, создания социальных национальных проектов. Однако очевидный и долгожданный ренессанс России происходил на фоне сообщений СМИ о серьезнейших проблемах как внутри, так и за пределами государства. В 2007 году зарубежные политтехнологи смаковали ситуацию российских выборов и особенно тему наследника российского президента. Пристальное внимание со стороны иностранных СМИ принесло в политический дискурс новые яркие концептуальные метафоры, отражающие отношение к событиям, происходящим в России в период президентства В. В. Путина.

В данной публикации представлены результаты когнитивного исследования метафорического образа современной России в американском политическом дискурсе. К исследованию привлекались материалы следующих изданий: «Business Week», «Chicago Tribune», «Los Angeles Times», «New York Times», «The American Spectator», «The International Herald Tribune», «The National Interest», «The Wall Street Journal», «The Washington Post» и др.

Интересно проследить общую динамику отношения американских СМИ к России с 2005 года по настоящее время.

В 2005-2006 годах западные журналисты и политики были «озабочены» антидемократическим развитием России и политическими убийствами, разразившимися в России и за ее пределами, в связи с чем большая часть рассмотренных нами метафор, в которых концептуализировались образы России, Кремля, российского президента и общества, носили поучительный характер. Например:

1. *President Bush and Secretary of State Condi Rice have ramped up their criticism of what they see as Mr. Putin's backsliding on democracy.* (Президент Буш и госсекретарь Конди Райс все больше критикуют господина Путина за так называемый отход [скольжением назад] от демократии.) [Borchgrave 2005].

2. *Little wonder, then, that Russian officials bristle when lectured by the West about democracy.* (Если учитывать все это, то совсем не удивительно, что российская власть так ощетинивается, когда Запад начинает учить ее демократии.) [Baker 2006].

Прагматический смысл метафоры РОССИИ, УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ ОТ ДЕМОКРАТИИ, созданной первыми лицами США и незамедлительно подхваченной американскими СМИ, такой же неопределенный, как само «скольжение» – этакая дипломатическая уловка. Она не произвела бы международный скандал, но латентно настраивает население страны-поборницы демократии и прав человека на противопоставление России и США в лингвокультурологической дихотомии СВОИ – ЧУЖИЕ.

Однако курс возрождающейся России уже тогда был определен, и прислушиваться к мнению своих американских партнеров российское правительство не собиралось. Сфера-источник метафорической экспансии ЖИВОТНЫЕ ловко используется для того, чтобы подсознательно русские политики и само государство воспринимались как создания непонятные, способные на животную реакцию и агрессивное поведение. «Зооморфные» метафоры обладают очень сильным прагматическим потенциалом и в распоряжении искусного мастера слова становятся безусловным политическим оружием.

Исследование политической коммуникация в США показывает, что образ медведя стал типичным при метафорической концептуализации России и ее президента. Ср.:

3. *Russian bear sets a trap* (Русский медведь расставляет ловушку) [Rahn 2006].

4. *Will Medvedev prove to be a more liberal president, or a front for the "Chief Bear"?* (Станет ли Медведев более либеральным президентом, или он будет играть роль фасада 'большого мишки'?) [Young 2007].

Легко заметить, что авторы цитируемых публикаций настроены предубежденно и в то же время иронично. Прагматический смысл данной метафорической модели – подсказать читателю то, что РОССИЯ – это СИЛА, РОССИЯ – это ХИТРОСТЬ, что с такой страной нужно вести себя осторожно и не стоит ее недооценивать.

Однако все чаще «русский медведь» появляется в политическом дискурсе не один, а в компании других животных – «волка» или «собаки». Концептуальный вектор метафорической модели РОССИЯ/ПУТИН это ВОЛК/СОБАКА сосредоточен на концептуализации уже не *силы и могущества, а агрессии, противоречивости и злости*. Ср.:

5. *Oh yes, there are politics in the Kremlin, vicious politics. It's just that they've reverted to the form famously described by Winston Churchill as a bulldog fight under a rug: "An outsider only hears the growling, and when he sees the bones fly out*

from beneath it is obvious who won." (Политики в Кремле предостаточно, причем злой и жестокой – они просто вернулись к старым ее формам, говоря о которых, Уинстон Черчилль и употребил выражение 'схватка бульдогов под ковром': 'сначала наблюдатель слышит только рычание, а когда из-под ковра летят кости, уже понятно, кто победил'.) [Schmemmann 2006].

6. *When the Bear Cries Wolf: Trying to Understand Vladimir Putin* (Когда медведь ревет по-волчьи: пытаюсь понять Владимира Путина) [Schmemmann 2007].

7. *For anyone who spent time in the old U.S.S.R., the spat between London and Moscow over the extradition of Andrei Lugovoi, a suspect in the murder-by-radioactivity of Alexander Litvinenko, has a distinctly familiar air. It responds with all the familiar snarls and threats: "pure foolishness," barks Vladimir Putin; (Любому, кто провел какое-то время в бывшем СССР, размолвка между Лондоном и Москвой относительно экстрадиции Андрея Лугового, подозреваемого в убийстве Александра Литвиненко посредством радиоактивных веществ, определенно что-то напоминает. В ответ слышны все то же знакомое рычание и угрозы: «чистейшая глупость», – лает Владимир Путин.) [Schmemmann 2007].*

Данные метафорические модели прагматически запрограммированы на устрашение читателя. Их концептуальный вектор направлен на создание в сознании читателя образа России как рычащего и угрожающего животного. РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИКИ – это СИЛЬНЫЕ И АГРЕССИВНЫЕ ЖИВОТНЫЕ, готовые в любую минуту напасть и убить. В этой связи кажется вполне оправданным употребление *милитарной* и *морбиальной* метафоры, поскольку драка животных это жестокое сражение, которое может привести к гибели участников. Однако за этим рядом метафорических образов скрываются не преступники и не заключенные, а главные политические лица России, и такая метафорическая экспансия очевидно дискредитирует правящую элиту России и утверждает читателя в мысли, что вольные отношения с Россией опасны, и что Россия не допустит никакой государственной критики.

Подавляющее большинство комментариев, характеризующих Россию 2006 года, были связаны с отравлением Александра Литвиненко на территории Великобритании. Корни таинственной смерти бывшего русского шпиона западные журналисты нашли на страницах русской истории, окрестив отравление – старой русской традицией избавления от людей, неудобных властям. Многие отмечают, что случившееся с Литвиненко больше похоже на вымысел автора детективов, а не на действительность.

8. *The grisly death of Alexander Litvinenko by radioactivity in London has created one of the supermysteries of our time. The victim's bizarre metamorphosis from Soviet spook to Muslim human-*

rights champion-in-exile goes far beyond anything Le Carré would have dared, and the rest of the plot is hopelessly impenetrable. (Ужасающая смерть Александра Литвиненко в Лондоне, вызванная радиацией, стала одной из самых больших тайн нашего времени. До такого выверта, как превращение жертвы из советского шпиона в чемпиона-поборника прав человека, к тому же мусульманина, не додумался бы и Ле Карр; что же касается остальной части сюжета, то она вообще окутана непроходимой тьмой.) [Schmemmann 2006].

К концу 2007 года общая тональность американского политического дискурса, характеризующего Россию, плавно переходит от оттенков возмущения и поучения к менее однозначным оценкам, к настороженному и все чаще почти-тельному настроению. Напр.:

9. *One could question President Putin's means, but not his motives. He is determined not to let Russia become another Iraq and see its resources fall into the wrong hands, and has the courage to make a stand.* (Можно ставить под сомнение средства, к которым прибегает президент Путин, но не его мотивы. Он решительно настроен не допустить превращения России в еще один Ирак, не допустить попадания ее ресурсов не в те руки, и у него хватает смелости стоять на своем.) [Brockwell 2007].

10. *And yet Russia remains a land of paradox; amidst bleak news of democracy's last rites, one sees small signs of hope.* (Но Россия остается страной парадоксов, и посреди мрачных новостей о последних обрядях отпевания демократии удается порой разглядеть маленький лучик надежды.) [Young 2007].

Смягчение нагнетания страха на американское сообщество посредством концептуальных метафор очевидно. Можно предположить, что американские СМИ стали лучше относиться к России, что стали воспринимать ее как достойного партнера для администрации Дж. Буша. Однако охлаждение отношений между двумя президентами и все возрастающее количество метафорических моделей, отражающих процесс ВОЗРОЖДЕНИЯ и ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА России, наталкивают на мысль о повышенной аккуратности, бдительности и, возможно, заданной мажорной тональности или, по крайней мере, нейтральном тоне американских журналистов и политиков в отношении России. Ср.:

11. *Mr. Bush's administration already has an increasingly tense relationship with Mr. Putin because of his growing assertiveness and Russia's rising economic power from its vast oil wealth.* (Отношения администрации г-на Буша с г-ном Путиным уже становятся все более напряженными из-за его возрастающей настойчивости и экономической мощи России, увеличивающейся благодаря ее огромному нефтяному богатству.) [Levy 2007].

12. *The Russians have other strong cards. (У русских есть и другие серьезные карты.)* [Bush 2007].

13. *Putin has presided over Russia's transformation from a poor, chaotic country to a relatively prosperous, stable nation earning \$800 million a day in oil and gas revenues. (Путин является президентом России в период ее трансформации из бедной и хаотичной страны в относительно процветающую, крепкую нацию, которая зарабатывает 800 миллионов долларов в день на объемах реализации государственных нефти и газа.)* [Berry 2007].

Примечательно, что еще в 2006 году американские СМИ, в отличие от британских, не торопились навесить на Россию и ее президента ярлыки, заряженные отрицательной коннотацией, и ограничивались намеками, например, сопоставлением с другими странами, выбирающими для себя недемократический путь развития. Напр.:

14. *So Russia in some ways appears a little like China, where the economy flourishes with new freedom but politics remain tightly controlled. Or in other ways, it seems like Hugo Chavez's Venezuela. Or Augusto Pinochet's Chile. Or all of the above. There was a reason the old monarch was called the Czar of All Russias. (В этом смысле Россия в чем-то напоминает Китай: экономика пользуется свободой и процветает, а политическая сфера остается под жестким контролем. В чем-то Россия напоминает венесуэльский режим Уго Чавеса, или чилийский – Аугусто Пиночета, или даже все их вместе взятые. Недаром в старину монарха называли 'Царем Руси Великая, Малья, Белыя и прочая': нынешняя Россия – это несколько стран в одной.)* [Baker 2006]

15. *Vladimir Ryzhkov, an independent member of parliament, says that Mr. Putin may see himself as an emperor, but not as a Führer. (Независимый депутат российского парламента Владимир Рыжков говорит, что Путин, возможно, видит себя императором, но никак не фюрером.)* [Playing a dangerous game 2006].

Монархические метафорические модели РОССИЯ – МОНАРХИЯ, ПУТИН – ЦАРЬ свидетельствуют о том, что о России до сих пор судят, опираясь на ее историческое прошлое. Царственные правители России всегда были недостижимы и богоподобны для русских, им поклонялись, их безмолвно слушались. Ничего не меняется в национальном сознании – русские предпочитают порядок и сильную власть.

По мере более полного знакомства с российским президентом и его стратегией ведения внутренней и внешней политики образы становятся все более конкретными и точными. Ср.:

16. *Vladimir the Great? (Владимир Великий?)* [Winik 2007].

17. *Who Holds The Royal Scepter? Vladimir Vladimirovich Putin. (Кто это – с царским скипетром?)*

Владимир Владимирович Путин.) [Johnson 2007].

18. *He hints that he will crown himself prime minister instead of changing the constitution so he could serve a third presidential term – and then lets aides suggest that the prime minister's job is not big enough for Putin's talents after all. (Он уже намекает, что готов, чтобы не менять конституцию ради третьего президентского срока, возложить на себя корону премьер-министра – а его подручные тут же подхватывают, что при таких талантах, как у Путина, премьер – это совсем не его масштаб.)* [Hoagland 2007].

В политическом дискурсе США часто выстраивается параллель между царской Россией и Россией В. В. Путина. Западную прессу удивляет тот факт, что, несмотря на лишение демократических свобод и тотальный контроль сверху, рейтинг Путина в России необычайно высок, следовательно, этот народ выбирает для себя именно такого правителя.

19. *Indeed, it is far more likely that Putin and his allies are following not the ghosts of Stalin and Khrushchev but spiritual masters such as Empress Catherine in seeking to reestablish Russia as a great nation on the world stage. (Все указывает на то, что, стараясь восстановить значение России на мировой арене, утвердить ее как великую нацию, Путин и его сторонники черпают вдохновение не у призраков Сталина и Хрущева, а у иных 'духовных наставников' – в частности, у Екатерины.)* [Winik 2007].

20. *The irony is, Putin does not need to return to a one-party state. His approval ratings reach to the moon (higher than 80 percent), based on political stability and an petroleum-rich economy. (Ирония заключается в том, что Путину нет необходимости возвращаться к однопартийному государству. У него просто заоблачный рейтинг доверия (выше 80%), основанный на политической стабильности и обогащенной посредством нефти экономике.)* [Putin's Potemkin election 2007].

21. *Russians Embrace Putin's Leadership, but Some Say Protesters Face Harsh Scrutiny. (Русские одобряют [досл. – обнимают лидерство] Путина, но, по словам некоторых, оппозиции приходится нелегко.)* [Sciutto 2007].

22. *One of the most revealing signs was the respect, some even say infatuation, afforded President Putin. (Лучше всего свидетельствует об этом то близкое к влюбленности уважение, которое люди проявляют по отношению к президенту Путину.)* [Sciutto 2007].

Отношение соотечественников к личности президента России нередко метафорически представляется в духе сценариев романтических новелл, в виде объятий, влюбленности, что задает позитивное направление концептуальному вектору метафорической модели РОССИЯНЕ + ПУТИН = ЛЮБОВЬ, которая создает отличный имидж российскому президенту.

И надо признать, что рейтинг В. В. Путина сегодня «*доходит до луны*» не только в России.

Однако заметим, что еще два года назад «очарованы» харизматичным «самодержцем» России были не только россияне, но и лидеры других государств, что отразилось на метафорической карте западного политического дискурса. Достаточно вспомнить первоначальные отзывы американского президента о его друге Владимире. На прототипах межличностных отношений правителей государств складывались многообещающие метафорические модели. Напр.:

23. *Engaging Russia, as Mr. Bush says he wishes to do, means dropping gratuitous insults about its lack of democratic virtues. Such advice is best rendered in private.* (Обручиться с Россией, как хотелось бы господину Бушу, означает отказаться от свободы оскорблений относительно недостатка демократических добродетелей в этой стране. Такие советы лучше всего давать конфиденциально.) [Borchgrave 2005].

24. *Mr. Putin has exercised a strange fascination over his western colleagues. George W. Bush famously suggested that he had glanced into his Russian counterpart's soul and liked what he had seen.* (Господин Путин вызывает странное восхищение у своих западных коллег. Широко известно заявление Джорджа Буша о том, как он заглянул в душу своему партнеру, и увиденное там ему понравилось.) [Rachman 2006].

25. *Others to fall for the charming Russian president have been Messrs Chirac, Schröder and Silvio Berlusconi of Italy.* (Чарам российского президента поддались также Ширак, Шредер и итальянец Сильвио Берлускони.) [Rachman 2006].

В создании метафорических моделей, воссоздающих отношения между проявляющими симпатию друг к другу людьми, часто используется прием персонификации России и других стран, которые хотели бы добиться ее расположения или дружбы. Метафорические модели ПУТИН – это ОЧАРОВАНИЕ, РОССИЯ – это НЕВЕСТА отражают положительное восприятие президента России как «героя дня без галстука» и делового партнера. Прагматический смысл данных метафорических моделей сопрягается с психологией межличностных отношений влюбленных или любящих супругов. Концептуальный вектор метафорической модели РОССИЯ – это НЕВЕСТА направлен на создание чувства уверенности в партнере, в его искренних и серьезных намерениях.

Удивительно, что уже через год метафорика отношения запада к В. В. Путину потеряет всякий романтический характер. Ср.:

26. *This is Putin Unplugged, a domineering and entrenched ruler seeking revenge for the Bush administration's early decision to marginalize Russia by abrogating or ignoring arms-control treaty commitments to Moscow.* (Это – Путин дорвав-

шийся. Это лидер, уже привыкший командовать и в достаточной мере укрепившийся во власти, чтобы мстить правительству Буша за то, что оно преждевременно решило отодвинуть Россию в сторону и либо игнорировать, либо просто разорвать соглашения по контролю над вооружениями, подписанные некогда с Москвой.) [Hoagland 2007].

27. *PRESIDENT BUSH said last week of his erstwhile "friend" Vladimir Putin, "I have no idea what he's going to do."* (ПРЕЗИДЕНТ БУШ высказался на прошлой неделе о своем некогда «друге» так: «Я не имею представления о том, что он собирается делать».) [ARON 2007].

28. *President Putin may seem dictatorial to some, but there doesn't appear to be any doubt that he genuinely wants to see the best for Russia, and ensure that the country remains in the control of true Russian patriots, and not another trophy for the Bush administration or some of the many "exiles" who want to finish what they started before Putin came to power.* (Некоторым г-н Путин может показаться авторитарным руководителем, однако нет никаких сомнений в том, что он искренне желает для России самого лучшего, стремится сделать так, чтобы страна осталась в руках настоящих российских патриотов, а не стала еще одним трофеем администрации Буша или одного из многочисленных "изгнанников", желающих закончить то, что они начинали делать до прихода Путина к власти.) [Brockwell 2007].

Представленные примеры иллюстрируют изменения образа Путина: от молодого политика, который якобы нуждался в советах и рекомендациях Запада, российский президент быстро вырос в самостоятельного, зрелого и решительного правителя, и теперь «молодой друг» воспринимается как серьезнейший и непредсказуемый соперник. Данный образ может быть подтверждением тому, что за рубежом В. В. Путина, если не опасаются, то определенно уважают. Однако существует опасность, что общество может охватить беспокойство относительно возможности нового серьезного противостояния двух супердержав.

Таким образом, в ярком свете концептуальных метафор (чаще всего зооморфных, артефактных и монархических) образ России в начале столетия претерпел парадоксальные изменения. Сначала государству, выходящему из кризиса, и его президенту все симпатизировали и пытались помочь. Однако по мере укрепления позиций России некоторые политические лидеры и журналисты посчитали, что стали «заложниками русского медведя» с его «недюжинной силой» и богатыми запасами энергоресурсов. Можно предположить, что в американском политическом дискурсе наблюдается переход от метафорической модели РОССИЯ – СЛАБЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ И БЕДНЫЙ ДРУГ к

модели РОССИЯ – СИЛЬНЫЙ, САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ И СТАБИЛЬНЫЙ КОНКУРЕНТ.

Вместе с тем позитивному образу России, создаваемому в политическом дискурсе США, мешают метафорические «камни, которые бросают в огород» Российской демократии. В остальном сегодня складывается впечатление, что, во-первых, Россия заняла важное место в журналистском рейтинге тем, и в отличие от времен миллениума, когда информацию приходилось собирать по крупинкам, сейчас о ней в изобилии и в подробностях говорится практически в каждом издании. Во-вторых, в американском политическом дискурсе произошел явный температурный сдвиг в отношении России, ее народа и президента – отчужденность и поучительность сменилась на почитительность и настороженность. В-третьих, все чаще в американском политическом дискурсе встречаются метафоры роста, развития, возрождения и успешности России в мировом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aron L. We'll Always Have Putin // New York Times, Oct. 25, 2007.

Baker P. Which Way Did It Go? // The Washington Post, Dec. 25, 2006 // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/12/22/AR2006122201179.html>.

Berry L. Putin's party is winning Russia election // Yahoo! News, Dec. 9, 2007.

Borchgrave A. Using cues of the past // The Washington Times, May 10, 2005.

Brockwell I. United Russia and Putin victory – Keeping the world in balance // The American Chronicle, Dec. 13, 2007 // <http://www.americanchronicle.com/articles/viewArticle.asp?articleID=44358>.

Bush J. Russia's Steel Wheels Roll Into America // Business week, Sept. 20, 2007 // <http://businessweek.com>.

Johnson R. F. Who Holds The Royal Scepter? Vladimir Vladimirovich Putin. // The Weekly Standard, Dec. 12, 2007 // <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/014/468orpxo.asp>.

Hoagland J. Putin's Guessing Games // The Washington Post, Oct. 28, 2007 // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/10/26/AR2007102601866.html>.

Levy C. J. Party's Triumph Raises Question of Putin's Plans // New York Times, Dec. 3, 2007 // <http://mobile.nytimes.com/2007/12/03/world/europe/03russia.xml>.

Madigan C. M. Finding another Russia // Chicago Tribune, Dec. 27, 2006 // <http://www.chicagotribune.com/news/columnists/chi-0612260097dec26,0,3895250.column?coll=chi-newsopinioncommentary-hed>.

Playing a dangerous game // The Economist, May 11, 2006 // http://www.economist.com/world/europe/displaystory.cfm?story_id=6916041.

Putin's Potemkin election // Yahoo! News, Nov. 27, 2007.

Rahn R. W. Russian bear sets a trap // The Washington Times, Dec. 1, 2006.

Rachman G. Neither friend nor foe, Russia tests the limits of realism // The Financial Times, Dec. 5, 2006 // <http://www.ft.com/cms/s/ecec9710-8404-11db-9e95-000779e2340.html>.

Schmemmann S. A guide to what's happening in Russia // The International Herald Tribune, Dec. 19, 2006 // <http://www.iht.com/articles/2006/12/18/opinion/edserge.php>.

Sciutto J. Pride, Putin and Too Much Police Power // ABC News, Aug. 23, 2007 // <http://abcnews.go.com/WN/story?id=3512308&page=1>.

Sevunts L. Vladimir the Great roiling Russia // THE WASHINGTON TIMES, Nov. 14, 2004.

Schmemmann S. When the Bear Cries Wolf: Trying to Understand Vladimir Putin // New York Times, July 19, 2007 // <http://www.inosmi.ru/translation/235623.html>.

Winik J. Vladimir the Great? // The Washington Post, Sept. 2, 2007 // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/08/31/AR2007083101533.html>.

Young C. Putin's hold on Russia // The Boston Globe, Dec. 13, 2007 // http://www.boston.com/bostonglobe/editorial_opinion/oped/articles/2007/12/13/putins_hold_on_russia.

© Красильникова Н.А., 2008

Маслова В.А.

Витебск, Белоруссия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ ИЛИ ИГРЫ В СЛОВА?

Abstract

Modern politicians excessively use such characteristics of the language as flexibility of the word's semantic structure, the difficulty in delimitating connotations from the central meanings, variations in these meanings and the meanings of one and the same linguistic signs, easy change of objective for subjective and vice versa; emphasizing synonymic and associative relations between words, modality of utterances, evaluative semantics and others. All these are examples of language abuse and not just a language game.

Что наша жизнь!

Игра?

Мужчины,

играющие сумасшествие,

и женщины,

сходящие с ума.

(Н. Кожанова «После Гамлета»)

Лингвополитология, или политическая лингвистика – отрасль лингвистики, возникшая на стыке двух самостоятельных наук – лингвистики и политологии – и тесно связанная с другими современными лингвистическими дисциплинами (в особенности – с прагматической лингвистикой, коммуникативной и когнитивной лингвистикой).

Как отмечает А. П. Чудинов, для современной политической лингвистики в полной мере характерны ведущие черты современного языкознания: антропоцентризм (языковая личность

становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), экспансионизм (включение в область исследования лингвистики ряда смежных проблем, то есть ее расширение), функционализм (изучение языка в действии, в функционировании), экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение) (Чудинов, 2003, с.4).

В середине 90-х годов появился ряд интересных работ в этом направлении (Алтунян, 1993, 1999; Проскуряков, 1999; Шейгал, 2000 и др.). Данные работы как раз и определили развитие политической лингвистики на ближайшее десятилетие.

В 2003 году было опубликовано первое учебное пособие по новой дисциплине на русском языке – книга А. П. Чудинова «Политическая лингвистика». Это первая попытка в учебной литературе обобщить опыт отечественных исследователей политической коммуникации. Для характеристики политической коммуникации автор выделяет следующие антиномии:

- 1) ритуальность и информативность;
- 2) институциональность и личностный характер;
- 3) эзотеричность и общедоступность;
- 4) редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- 5) авторство и анонимность политического текста;
- 6) интертекстуальность и автономность политического текста;
- 7) агрессивность и толерантность в политической коммуникации (Чудинов, 2003, с. 42-56).

Центральным понятием политической лингвистики является политический дискурс, который представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» (Баранов, Казакевич, 1991, с. 6). Данное определение представляет широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс».

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса последних лет является работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса», с точки зрения которой политический дискурс, как и другие виды дискурса, имеет два измерения: реальное и виртуальное. Под реальным измерением исследователь понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, пара-

лингвистических и экстралингвистических факторов.

Виртуальное измерение дискурса, по мнению Е. И. Шейгал, – это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере.

Ю. А. Сорокин определяет политический дискурс через его соотношение с идеологическим дискурсом: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен... Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид дискурса – метадискурс» (Сорокин, 1997, с. 57).

Итак, в лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком и широком. В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти. Мы, принимая широкое понимание дискурса, включаем также в него процесс и результат порождения и восприятия текстов плюс экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие. Кроме того, мы полагаем, что термин "дискурс" в современной лингвистике используется для обозначения разных видов речи и речевых произведений, осмысление которых должно строиться с учетом всей совокупности языковых и неязыковых факторов.

В последние годы исследования политического дискурса довольно активно проводятся и в Республике Беларусь. Здесь следует прежде всего отметить серию коллективных монографий «Методология исследований политического дискурса» (в настоящее время опубликовано несколько выпусков) под редакцией И. Ф. Ухвановой-Шмыговой.

Краткий обзор литературы по проблеме позволяет нам сделать следующие выводы: общепринятого определения политического дискурса на сегодняшний день не существует, однако, мы можем его рассматривать как вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации. Политический дискурс как вид институционального общения располагает системой конститутивных признаков и наделяется рядом функций.

Предназначение политического дискурса – не просто «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» (Демьянков В. З. [WWW-документ]: <http://www.infoplex.ru>). Поэтому эффективность политического дискурса следует определять относительно этой цели.

Политическая власть в значительной степени осуществляется посредством языка, который помогает политику войти в личностную сферу реципиента как с помощью простых приемов (частое употребление местоимения «мы» (вместо "я"), выбор языка (в условиях билингвизма), так и более сложных приемов манипуляции (языковая игра и др.). Под манипуляцией мы понимаем процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя; это связано с использованием специальных приемов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов. Причем власть языка используется в любых обществах. Так, в условиях диктатуры язык является даже более необходимым средством тотального контроля над обществом, чем, например, спецслужбы. При сильном демократическом обществе умелое использование языка активно формирует нужное власти общественное мнение, т.е. также является важным средством завоевания и удержания власти.

При исследовании функционирования языка в политическом дискурсе с неизбежностью встают две проблемы – *язык власти* и *власть языка*. Различаются они, как нам кажется, следующим: *язык власти* – это то, как говорит, какими языковыми средствами и приемами пользуется нынешняя власть, и это предмет исследования «чистой» лингвистики. А *власть языка* – то, как воздействуют на массовое сознание эти языковые средства и приемы – должна исследоваться политической лингвистикой.

Речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию. Характерной особенностью русских политических речей является широкое употребление метафор, которые построены, преимущественно на военной и «больничной» лексике: *битва за избирателя, информационная война, атака на демократию, дипломатические битвы; шоковая терапия, общество находится на пути к выздоровлению, правительственный кризис*.

Речь политика не всегда аргументирована и логически связна, и это неслучайно. Иногда достаточно просто дать понять, что позиция, в

пользу которой выступает говорящий, лежит в интересах адресата. Защищая эти интересы, можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках. Еще более хитрый ход – умелое использовании едва заметно соприкасающихся понятий в когнитивной сфере человека. Это и дает неожиданный эффект: совершаются незаметные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего.

Успех внушения во многом зависит, от качеств личности того, к кому обращена речь, например, от степени его доверчивости (так, существует патологическая доверчивость на одном полюсе и патологическая подозрительность на другом). Изменить установки адресата в нужную сторону можно, в частности, манипулируя ее композицией, например, поместив защищаемое положение в нужное место дискурса.

Власть языка противоречива. С одной стороны, она, казалось бы, должна быть очевидна любому мыслящему человеку. Ни для кого не секрет, что споры, которые разворачиваются в политике по поводу слов, иногда бывают не менее острыми, чем споры по поводу дел. Ср. недавнюю борьбу российских политиков со словом «доллар». Еще один пример: освещение в СМИ военных действий в Чечне. В дискурсе ряда СМИ те, кто называл воюющих с федеральными силами чеченцев не *террористами* или *сепаратистами*, а *повстанцами*, а сами военные действия не *контртеррористической операцией*, а *войной*, представлялись «чужими», которые были немногим лучше террористов.

Но с другой стороны, для того, чтобы политики могли влиять на общество посредством языка, большинство населения не должно осознавать роль языка в полной мере. При этом даже сами политики не всегда признают главнейшую роль языка в политическом дискурсе. Некоторые из них это делают намеренно, а большинство просто не осознает власть языка, а считает язык всего лишь колебаниями воздуха, репрезентацией реальности, в то время как сам язык являет собой реальность.

Рассмотрим лишь один момент манипуляции – языковую игру. Языковая игра понимается нами как генератор смысла. Феномен игры (игровой культуры), в том числе языковой, как нам кажется, недостаточно обсуждался в научной литературе, хотя есть прекрасные работы Й. Хёйзинги, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Гессе, где авторы отстаивают мнение о том, что игра лежит в основе возникновения культуры, предшествует культуре и творит ее. Мы находимся в мире жесткой игры. Вероятно, наша психика защищает себя от излишней логичности и стабильности, потому что устает от монотонности, поэтому необходимы элементы языковой игры.

Казалось бы, сущность игры – получение удовольствия и наслаждения (Хейзинга 1992). Психологи считают, что игра является прообразом труда, это – первичная деятельность человека, создавшая его самого. Ю. М. Лотман видел в игре «один из основных признаков жизни» (Лотман, 1996, с. 729). Игра – деятельность. Игра – преступление. Игра – модель социального мира и универсума (Лотман, 1992, с. 391). Жизнь – игра рока, «игра огня и рока» (А. Блок). Политика, как и поэзия, относится к регистру вымысла и игры, ибо в ней присутствуют признаки ирреальности.

Рассмотрим элементы языковой игры на примере игры словами. В какие слова играют политики? Мы не ставим своей целью их исчисление, рассмотрим лишь принципы и способы их использования.

Прежде всего, это *страна и государство, народ и население, народ и электорат, народная воля* и под.

Если мы употребляем слово «народ» в его основном значении – «население государства, жители страны», а именно этого следовало бы ожидать от политиков общенационального масштаба, чьи решения влияют на жизнь всего населения, и – мы автоматически подразумеваем миллионы людей, которые принадлежат к самым различным социальным группам и могут иметь самые различные взгляды и интересы. Но именно этот факт часто игнорируется в политическом дискурсе. Народ как «супер-эго» не может, с их точки зрения, иметь разные взгляды, мнения, ценности. Народом, с точки зрения политика, имеют право называться только те, кто поддерживает руководителя страны, их лично и партию власти; в этой связи любая критика правящего режима (из-за границы либо внутри страны) подается как неуважение к народу. Явные или мнимые противники власти, имеющие точку зрения, отличную от официальной, – это «чужие», а в определенные периоды – «враги народа», а не его полноправные представители, как это должно было бы следовать из словарной дефиниции слова «народ». Следовательно, политики в угоду собственным интересам меняют значение многих единиц языка и прежде всего лексических.

Итак, языковая игра может строиться на изменении семантики слова: *народ и население, народ и электорат*. В каждой из двух пар слов *народ* меняет свое значение, приобретая дополнительные смыслы: положительные коннотации в первом случае – «сознательная часть населения» и «способный не только голосовать, но и думать, выбирать сознательно» – во втором. Например, *Станем ли мы, наконец, народом, или же по-прежнему будем оставаться населением и электоратом?* (В. Костилов, АиФ, №5, 2008).

Страна и государство в обыденном языке чаще всего используются как синонимы. Но в

речи политиков *государство* приобретает то положительные, то отрицательные коннотации: *Мы за сильное государство* (лозунг) – положительная коннотация и отрицательная: *Скажу вам истину одну, / Хоть сил она и не придаст вам: / Любую чудную страну / Испортить можно государством* (А. Михневич).

Часто в жизни меняется отношение к объекту, обозначаемому словом, тогда политики всячески изоцряются, чтобы соответственно изменить и значение слова. Например, известно, что выборы в СССР вовсе не предусматривали возможности реального выбора для избирателей, т.е. как таковыми выборами не являлись. Когда у людей появилась возможность реально выбирать власть, к этому слову был добавлен эпитет «альтернативные», и это не выглядело тавтологией, так как акцентировало внимание на «возможность действительного выбора между двумя или несколькими кандидатами».

Для сферы политики характерно выхолащивание из слова основного значения и усиление связанных с ним коннотаций, как правило, положительных. Воздействие на значение слова может осуществляться путем воздействия на его внешнюю форму. Это происходит при различных видах сокращения слов, аббревиациях: *Тимошенко продержалась бы в премьерском кресле еще месяц-полтора, если б не события вокруг НЗФ* (Никольский завод ферросплавов) – АиФ, № 37, 2005 г.

2. Манипулирование номинациями. В отличие от предыдущей группы способов, оно состоит не в воздействии на значение слова, а в выборе слова для наименования объекта, которое обеспечит сдвиг объекта по оси модальности в нужную говорящему сторону:

Но то правительство пришло к власти, опираясь на националистические структуры, сейчас же настолько очевиден печальный результат бездумной экономической политики украинского руководства, что вопрос о его судьбе, можно сказать, уже решен (АиФ, № 15, 2006).

В этом примере негативная оценочная коннотация создается с помощью прилагательных «*националистический, печальный, безумный*», эксплицитно отражающих оценку субъекта.

По большому счету, побудить говорящего использовать такую номинацию могут две причины: а) необходимость представить объект, к которому аудитория относится положительно или нейтрально, как отрицательный или нейтральный, то есть переместить его по оси модальности вправо. Для создания отрицательно-го образа объекта используются слова, обладающие устойчивым отрицательным оценочным компонентом, в том числе ярлыки; б) необходимость представить объект, к которому аудитория может относиться отрицательно или нейтрально как положительный или ней-

тральный, то есть переместить объект по оси модальности влево. Для этой цели используются, соответственно, слова с нейтральной или положительной коннотацией.

Анализ языкового материала показывает, что на современном этапе на политический язык оказывают большое влияние экстралингвистические факторы, в особенности изменение мировой политической системы. Сейчас довольно широко используется пейоративная лексика, нежели более мягкая лексика с негативными коннотациями. Примером могут служить не только отдельные слова и фразеологизмы типа *мочить в сортире* или *отребье, холуй* (из уст политиков), но множество высказываний. Так, Фрадков дал своим министрам полезный совет: «*Надо отсортировать то, что плавает...*»; вот еще примеры из АиФ: *У нас, какой букве закона следуют, на ту его и посылают.*

Слов с негативными коннотациями также становится значительно больше, что позволяет сделать следующий вывод: доминирование социально-политической лексики с негативным коннотационным ореолом – опасный лингвистический синдром, свидетельствующий о серьезных деформациях в социальной и нравственной жизни народа. Ср. в этой связи наблюдения Э. Фромма о том, что язык позднего Маркса стал менее эмоционален, агрессивен, ибо изменилось в лучшую сторону немецкое общество (Фромм, 1992, с. 412).

Изменить коннотацию и модальность того или иного слова помогают эвфемизмы – слова, не имеющие ярко выраженного оценочного компонента: *Волны дешевой патетики и навязчивого патриотизма продолжают хлестать из партийный бачков...* (АиФ).

Часто слова, используемые политиками, совпадают в области денотатов, но различаются по коннотации: *сепаратистами* и *освободители*, *контртеррористическая операция* и *война*. М. Н. Эпштейн называет их *прагмемами*, находящимися между собой в отношении предметной синонимии. Еще пример: военные действия одной страны против другой, следствием которых становится смена власти, в зависимости можно назвать и *освобождение*, и *вторжение*, и *оккупация*, и *агрессия*, в зависимости от отношения к этому событию, т.е. от того, какая из воюющих сторон входит в «свой мир» для говорящего.

При этом создаются различия не только в области коннотации, но и в области основного значения, причем эти отличия часто выходят на первый план, соответственно, коннотативные смыслы затушевываются. Так, в зависимости от того, называем ли мы, например, Россию или Беларусь демократическими или тоталитарными государствами, адресат, плохо осведомленный о политической жизни в данных странах, получает прямо противоположные представле-

ния об этих странах, ибо за данными понятиями стоят прямо противоположные характеристики всех сторон общественной жизни.

Политик, манипулируя словами, может доказать, что "черное – это хорошо замаскированное белое, т.е строит свое доказательство по формуле "X – это У":

У них (КПРФ) была масса времени доказать свою дееспособность, они во времени существуют столько же, сколько Баба-Яга (Д. Рогозин).

Таким образом, лексическое манипулирование активно проявляет себя в политическом дискурсе либо через изменение значений слов, либо через выбор определенных слов для обозначения объектов. Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность этих значений и значений одних и тех же языковых знаков, свободная замена объективного субъективным и, наоборот; акцентирование синонимических и ассоциативных связей слов, модальность высказываний, оценочность семантики и др., преднамеренно и целенаправленно используются политиками. Всё это может стать в речи политиков демагогическими злоупотреблениями. Можно ли это назвать языковой игрой? Скорее всего это игры в слова, ибо слишком уж серьезен их результат.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алтунян А. Власть и общество. Спор литератора и министра: опыт анализа политического текста // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – С. 173-214.
- Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского. Идейно стилистический анализ политических текстов. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 263 с.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. – 64 с.
- Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
- Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Избранные статьи в трех томах. Т. 2. Таллинн, 1992.
- Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы: Очерк языка выборов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. – № 1. – С. 34-49.
- «Свои» и «чужие» в российском политическом дискурсе. Сб. научн. трудов. СПб., 2001.
- Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М., 1997.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- Хейзинга Й. Человек играющий. М., 1992.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика / Общие проблемы, метафора. Учеб. пособие. Екатеринбург, 2003. – 194 с.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 19-33.

© Маслова В.А., 2008

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КЕРЕНСКИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ**

Abstract

The article studies the logics of denotative and connotative use of the proper name "Kerenskiy" in modern Russian mass media. The conclusion is that this precedent name refers to productive and multipolar ones (the ones having potential to express different qualities), with absolute predominance of negative evaluation which is actual in political communication.

К числу прецедентных относятся имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), а в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [Гудков 2003: 108]. Среди продуктивных полей-источников прецедентности важное место занимают и имена политических руководителей государств (монархов, президентов, генеральных секретарей и др.), которые в силу их широкой известности легко воспринимаются адресатом и создают возможности для апелляции к соответствующим личностным качествам, ситуациям, действиям, высказываниям и текстам [Нахимова 2007а, 2007б].

В самых различных лингвокультурных сообществах английский король *Ричард Львиное сердце* символизирует воинскую доблесть, его соотечественники *Карл Второй* и *Генрих VIII Синяя Борода* – смерть на эшафоте и жестокость к возлюбленным, а французские *Людовики* из дома *Бурбонов* – абсолютное самовластие. Полководческие таланты символизируют *Гаи Юлий Цезарь* и *Наполеон Бонапарт*, безмерную жестокость – римские императоры *Нерон* и *Калигула*. Для русского национального сознания многое значит прецедентные имена *Дмитрий Донской*, *Иван Грозный*, *Петр Великий*, *Екатерина Великая*, *Александр I*, *Николай II*, которого одни называют *Кровавым*, а другие – *Святым*. В этом же ряду находятся послереволюционные лидеры Советского Союза и России – *Керенский*, *Ленин*, *Сталин*, *Хрущев*, *Брежнев*, *Ельцин* и др. В последние годы количество подобных прецедентных концептов, используемых в средствах массовой коммуникации, заметно расширяется, растет и частота их использования.

Изучение активно используемых прецедентных имен может представить интересный материал для оценки ментально-вербальной базы, эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора соответствующего текста, подобное исследование позволяет лучше понять его представления об адресате. Обращение к прецедентным именам позволяет получить интересный материал для постижения

специфики национальной ментальности на соответствующем этапе развития общества. Рассмотрение прецедентных имен позволяет лучше понять мифологическую систему лингвокультурного сообщества, полнее увидеть социальные стереотипы и модели поведения, которые одобряет или осуждает это сообщество. Прецедентные имена представляют собой своего рода образцы поведения «героев» и «злодеев», «святых» и «грешников», «победителей» и «мучеников».

Национальная система прецедентных феноменов постоянно развивается, поскольку каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности. Общеизвестно, что образы *Ивана Грозного*, *Николая I Палкина* или *Александра II Освободителя* неодинаково воспринимались в начале XX века, в его середине и в современную эпоху. Эта закономерность в еще большей степени проявляется при рассмотрении отечественных политических лидеров прошлого века: в частности в последние два десятилетия существенно преобразуются оценочные характеристики *А. Ф. Керенского*, *В. И. Ленина*, *И. В. Сталина*.

По справедливому замечанию *Г. Г. Слышкина*, «историческое знание составляет важный элемент не только культуры, но и лингвокультуры, получая языковую реализацию в виде исторических метафор, цитат и аллюзий» [Слышкин 2007: 82]. В русской национальной лингвокультуре существует своего рода поле прецедентных имен людей, сыгравших важную роль в развитии российского государства и – шире – мировой цивилизации. Эти прецедентные имена нередко становятся своего рода ориентирами, по которым оценивают деятельность, политические и личностные качества наших современников.

У каждого народа существует свое поле прецедентных феноменов (имен, событий, топонимов и др.), которое по своему составу и качественным характеристикам не в полной мере совпадает с научным знанием, с тем, что пишут о соответствующих людях или событиях профессиональные специалисты по истории. Это поле постоянно находит отражение в массовой коммуникации, оно отражает национальные стереотипы, национальные ценности и национальные мифы, являясь важной частью культурной памяти народа. Это поле не является чем-то раз и навсегда данным, оно находится в постоянной динамике, отражая соответствующий этап развития национального сознания, социальные процессы и политическую жизнь общества.

Материалом для настоящего исследования прецедентного имени *Керенский* послужила полнотекстовая база современных печатных и электронных СМИ, содержащая более двух

миллионов современных текстов. На этой основе было выявлено более 400 апелляций к указанному прецедентному концепту, зафиксированных в «Национальном корпусе русского языка» и/или представленных на Интернет-сайте российских общенациональных газет («Завтра», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Московские новости», «Независимая газета», «Новые известия», «Российская газета», «Советская Россия», «Труд» и др.).

Историческая справка: КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881-1970), российский общественный и политический деятель, юрист. Приобрел известность выступлениями на многих политических процессах в качестве защитника, в т. ч. по делу партии «Дашнакцутюн» (1911), по делу большевиков – депутатов 4-й Государственной думы (1915). Лидер «Трудовой группы» в 4-й Государственной думе. В период Февральской революции 1917 г. вошел во Временный комитет Государственной думы. В марте 1917 г. вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров). Во Временном правительстве занимал посты министра юстиции, затем военного и морского министра (май – сентябрь), с 8 июля министра-председателя, с 30 августа верховного главнокомандующего. Во время Октябрьского вооруженного восстания пытался с помощью частей генерала П. Н. Краснова захватить Петроград, свергнуть провозглашенную большевиками советскую власть. В июне 1918 г. выехал за границу. В 1922-1932 гг. жил в Берлине и Париже, с 1940 г. – в США. Активно сотрудничал в эмигрантских организациях. С 1956 г. работал в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете. Опубликовал три тома документов «Российское Временное правительство». Автор книги «Россия на историческом повороте. Мемуары» (1993), составитель и редактор документальных публикаций по истории русской революции: «Дело Корнилова» (1918), «Гатчина» (1922), «Издалека» (1922), автор статей «О революции 1917» (1947), «Два Октября» (1947), «Как это случилось» (1950) и др. (Новейший энциклопедический словарь 2006).

Было бы весьма интересным определить, какая именно часть представленных в данной словарной статье фактов составляют содержание прецедентного имени *Керенский*, и выявить полный состав существенных признаков этого прецедентного имени в современном русском национальном сознании. В рамках материалов словарной статьи целесообразно различать энциклопедическую информацию и признаки,

которые могут быть представлены как лингвистические компоненты прецедентного имени. При такой дифференциации следует учесть теорию А. А. Потебни, разграничившего ближайшее и дальнейшее значение слова [Потебня 1974: 274], и современную интерпретацию этой проблемы, представленную, в частности, в статье Б. Ю. Нормана, который дифференцирует наивное, языковое и научное знание и подчеркивает отсутствие ярко выраженной границы между этими феноменами [Норман 2007: 21-23].

Показательно, что более 90% апелляций к рассматриваемому прецедентному имени обнаружено в текстах политической направленности: в данном случае наблюдается отчетливая корреляция между сферой-источником и сферой-мишенью (сферой-реципиентом) прецедентного имени: прецедентные имена политических лидеров чаще всего используются именно в политических текстах. Отметим также, что чаще всего журналисты сопоставляют с Керенским таких политиков, как Б. Березовский, М. Горбачев, Г. Явлинский. Вместе с тем эпизодически указанные апелляции отмечались и в публикациях иного характера. Так, в следующем тексте рассказывается об освобождении из заключения широко известного мошенника, который, впрочем, успел побывать и в депутатах Государственной Думы: *Во вторник на свободу должен был выйти самый знаменитый заключенный в новейшей истории России — Сергей Мавроди. К моменту подписания номера он еще находился в СИЗО №1, к которому съехали журналисты, адвокаты и простые граждане. В 13.30 в следственный изолятор зашло несколько сотрудников милиции, а вслед за этим в ворота въехала милицмейская "Газель". По толпе поползли слухи, что Мавроди вывезут из тюрьмы втихаря, почти как Керенского из Зимнего дворца.* (Д. Кафанов, Л. Панченко. На свободу с грязной совестью. – Московский комсомолец, 23.05.2007). В других контекстах с Керенским сопоставляются футболист, не пожелавший дать интервью, продюсер эстрадной «звезды» и чиновник, скрывающийся от журналистов, и даже мужчина, ловко избежавший встречи с разгневанным мужем своей возлюбленной.

При рассмотрении материала обращает на себя внимание высокая частотность рассматриваемого прецедентного имени, что особенно заметно при сопоставлении случаев обращения современной прессы, с одной стороны, к имени А. Ф. Керенского, а с другой – к имени его предшественника на посту Председателя Временного правительства – князя Г. Е. Львова. Как известно, оба названных политика руководили правительством очень недолго (по 3-4 месяца), но Львов был первым послереволюционным руководителем, и это, казалось бы, могло сделать его более известным. Но реальность

такова, что в современных СМИ о первом руководителе Временного правительства вспоминают в несколько раз реже, чем о его преемнике.

Историческая справка. **ЛВОВ** **Георгий Евгеньевич (1861-1925)**, князь, крупный тульский помещик. Депутат 1-й Государственной думы. Председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «Земгора». В марте – июле 1917 г. глава Временного правительства. После Октябрьской революции жил в эмиграции, в 1918-1920 гг. глава русского политического содействия в Париже. (Новейший энциклопедический словарь 2006).

Сопоставление частотности апелляций к именам А. Ф. Керенского и князя Львова показывает, что функционирование прецедентных имен в современных текстах определяется не только их политической ролью в истории России, но и другими факторами, среди которых личностные качества, детали политической биографии, политические мифы и анекдоты, стереотипы восприятия и др.

В современной лингвистике разграничивают денотативное (в первичном значении) и коннотативное (в метафорическом значении) использование прецедентных имен. В первом случае прецедентные имена указывают непосредственно на денотат (или сигнификат), то есть при использовании исследуемого прецедентного имени имеется в виду именно председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский. Ср.: *На завтраке с австралийским премьером, удивившись, что в Австралии бывал глава Временного правительства Керенский, В. В. Путин заявил: «Еще более я был удивлен, узнав, что он был женат на представительнице СМИ. Это какой-то неестественный союз власти и прессы. Видно, от горя, от утраты власти и в состоянии аффекта...»* (В. Приходько. Уран-патриотизм – Московский комсомолец. 08.09.2007).

При коннотативном употреблении имеется в виду уже не сам А. Ф. Керенский, который выступает лишь как некий эталон для сопоставления, а какой-то иной человек, в чем-то похожий на главу Временного правительства. Подобное употребление может относиться к числу метафор или же выступать в рамках сравнения. Сравним следующие словоупотребления.

(1) *Правительство Альенде не контролировало не только страну, но и само себя. Ему не подчинялись вооруженные банды левацких группировок, тысячи кубинских добровольцев, провокаторы и сумасшедшие, которые жгли, грабили... Альенде – тот же Керенский, только чуть более "розовый". И с такой же степенью политической ответственности и*

контроля над ситуацией, какая была у нашего Александра Федоровича (М. Леонтьев. Альенде – тот же Керенский, только чуть более "розовый". – Известия. 11.12.2006).

(2) *Злоупотребления властью оказались при нем столь непомерны, что Ельцин, великий самодур и беззаконник, санкционировал против Собчака уголовное дело. Спасаясь от правосудия, тот бежал в Париж — как утверждают, в женской одежде, подобно Керенскому. Возвратился с чужбины при Путине, мечтая вновь воссесть в Смольном* (А. Проханов. Государство — «альфа и омега» России. – Завтра, 15.08.2007).

И в том и в другом случае глава Временного правительства выступает как человек, с которым сравниваются широко известные политики. Предметом для такого сопоставления служат личные качества А.Ф.Керенского, его положение и его действия в период, когда он руководил государством и когда уже потерял власть. Однако в первом случае прецедентное имя выступает в метафорическом смысле, а во втором – входит в состав сравнительной конструкции. Но и в том и в другом случае автор говорит о современных политиках, образно характеризует и оценивает их, используя смысловой потенциал прецедентного имени Керенский.

Рассмотрим наиболее типичные семантические признаки, которые могут быть акцентированы в современных российских СМИ при коннотативном использовании имени собственного Керенский. Рассмотрение каждого вида указанного смыслового варьирования начнем с выделения наиболее яркого признака, который оказывается доминирующим, ведущим в данном контексте.

1. Политик, который скрылся (сбежал) откуда-либо, переодевшись в женское платье. Ср.: *Будь я бен Ладеном, не задумываясь, бежала бы из Афганистана в женском платье, как Керенский в 17-м году. По пакистанским слухам, Усама уже обзавелся четырьмя двойниками на случай бегства.* (Д. Асламова, В. Пешаваре быть русским сегодня не менее опасно, чем американцем. – Комсомольская правда, 09.10.2001).

К этой же группе, видимо, относится и контекст, в котором женщина-посол скрывается, переодевшись в мужскую одежду. Ср.: *Неожиданно появляется информация: госпожа Кальюранд, посол Эстонии в России, надев парик и мужской костюм, как Керенский в 17-м году, вышла из оцепления. Видимо, через посольство Голландии, откуда ее отвезли в аэропорт «Шереметьево»* (Н. Бероева. Новый Сталинград. – Комсомольская правда, 28.04.2007).

Отметим, что именно к названной группе относится больше всего случаев коннотативного использования прецедентного имени Керен-

ский в современной российской прессе. Мало-достоверный анекдот закрепился в национальной памяти значительно прочнее, чем любой иной факт биографии политика, который возглавлял российское правительство в один из наиболее сложных периодов существования нашей страны.

2. Политик, который тайно скрылся (сбежал) откуда-либо. В данном случае не акцентирован способ, который помог остаться незамеченным, то есть происходит нейтрализация признака «в женском платье». Ср.: *В Черкесске триста женщин и стариков — родственники убитых — пришли в белый дом, к своему президенту. Они думали, что президент поможет, защитит, наведет наконец порядок. Но президент Батдыев испугался собственного народа и попросту сбежал из кабинета, через потайную дверь, точь-в-точь как когда-то Керенский. И от этих людей мы еще чего-то хотим? Рассчитываем, что они поставят заслон террористам и боевикам, наведут порядок на Кавказе?* (Александр Хинштейн. На Кавказе не могут править марионетки. – Московский комсомолец, 23.10.2004). При таком использовании прецедентного имени вновь акцентируется трусость государственного деятеля, его неспособность стать подлинным политическим лидером, достойно управлять республикой и нести ответственность за себя и своих близких.

3. Следующая группа примеров отличается тем, что нейтрализован признак «Политик»: при таком употреблении речь может идти о самых различных, но, как правило, широко известных людях, у которых есть причины избегать некоторых встреч. Ср.: *Потом за ламами — особенно высокими, которых считают носителями высших знаний, — китайские спецслужбы устроили настоящую охоту. Ламы бежали с Тибета, как в свое время Керенский из Зимнего — переодевшись в женское платье. В Индии их ждала полная безвестность и нищета. Ринпоче пахал от зари до зари, навсегда, казалось бы, забыв, как когда-то, будучи высоким ламой, сидел на троне и давал учение* (Е. Маевна. Дети, лишённые ламы – Московский комсомолец, 14.06.2005).

4. Государственный лидер, который не имеет полной власти, не способный реально контролировать положение дел в государстве. Ср.: *Политический процесс в Киргизии через 8 месяцев после тюльпановой революции явно заходит в тупик. Многие политики и эксперты сравнивают положение нынешнего правительства Феликса Кулова и президента Курманбека Бакиева с положением Временного правительства Александра Керенского в 1917 году, а ситуацию в стране – с российской ситуацией между двумя революциями. Чтобы понять, что происходит в Киргизии, надо для начала посмотреть на четыре ключевые*

сферы, которые провозглашались новым руководством как приоритетные и где положение стало хуже, чем при Акаеве (С. Лузянин. Промежуточные итоги тюльпановой революции в Киргизии – Независимая газета. 28.11.2005).

5. Государственный лидер, который, не имея полной власти, вынужден маневрировать между полярными политическими силами. Ср.: *А вот для ребят постарше в учебнике «Отечественная история. XX век» ГКЧП посвящены почти пять страниц! [...]. Вместо выводов – вопросы: был ли путч коммунистическим или ГКЧП радело за «великую державу», как генерал Корнилов в 1917-м? Горбачева сравнивают с Керенским – он тоже «балансирует между двумя диктатурами».* (Ю. Смирнова. А баррикад-то я и не приметил... – Комсомольская правда, 20.08.2002). Другой обозреватель, Нахум Барнеа, сравнивает сложное положение, в котором оказался Абу-Мазен, с положением... **Александра Керенского** после Февральской революции – с одной стороны большевики, с другой – монархисты, вокруг анархия, доверия у народа нет. Последнее замечание очень важно. Похоже, оно ключевое. *Абу-Мазена поддерживают американцы, европейцы, русские, израильтяне и поэтому его не поддерживает собственный народ* (Владимир Ханелис. Вожди на пенсию не уходят – Известия, 27.04.03).

6. Государственный лидер, который использовал «женский батальон» (женщин в составе вооруженных сил). Ср.: *Помимо вышеупомянутого доктора лидер грузинской революции, похоже, решил брать пример с Керенского, прославившегося созданием женского батальона, — в свое непобедимое воинство «президент Миша» решил призвать дам...* (И. Трошкин. Грузинский блицкриг – Московский комсомолец, 28.08.2004).

7. Политик, который добился значительной популярности, но затем был отвергнут своей страной и закончил свою жизнь в эмиграции. Ср.: *Дождались, прости господи, прямого эфира "Свободы слова". Нет, уж лучше в записи... Вначале все было хорошо.. Но тут ввязалась краса и гордость современной русской литературы – писательница Толстая. И как припечатала Явлинского Керенским, и как пообещала ему смерть на чужбине, в дальнем зарубежье. Да еще строку в энциклопедии – "зубитель русской демократии"* (Без автора. Поп Гапон в юбке. – Независимая газета. 14.11.2003). Как известно, в эмиграции могут оказаться и весьма достойные политики, но сопоставление с Керенским способствует максимально негативной оценке.

8. Слабый руководитель, не способный к эффективному управлению государством. Ср.: *Тут напрашивается одна интересная аналогия. Октябрь 17-го года по историческому сходству – полный аналог путинской револю-*

ции. *Семь месяцев Россией правило Временное либеральное правительство Керенского. Так же в 90-е правил Ельцин. Распалась империя, начисто разрушена экономика, уничтожена армия* (А. Проханов. А что, если 17-й год закончился бы по-другому... – Комсомольская правда, 07.11.2007). Отметим, кстати, что, вопреки мнению редактора известной газеты, А. Ф. Керенский возглавлял Временное правительство не семь месяцев, а только три с половиной месяца (ранее он был министром юстиции).

9. Политик, который пользовался очень большим, но кратковременным успехом, но затем был полностью скомпрометирован. Ср.: *Вспомните, как в начале 90-х киношная публика встречала в Доме кино Егора Гайдара, человека, который оставил сиротами сотни тысяч детей, ограбил всех пенсионеров. "О, Гайдар! Спаситель!" У дам текли слезы, лужи растекались по паркету. Наверное, так Конвент встречал убийцу – Робеспьера, а в губительном феврале семнадцатого толпы студентов и вполне почтенных граждан такими же восторженными воплями встречали Керенского* (С. Говорухин. От себя лично – Известия, 15.11.07). В таких контекстах сопоставление с Робеспьером и Керенским служит средством максимальной дискредитации политика.

10. Политик, который по своим действиям, убеждениям или иным признакам похож на другого политика, действовавшего в совершенно иных условиях. Например, в следующем контексте акцентируется сходство между Керенским и одним из активных участников Великой французской революции Дантоном. Ср.: *Если взять нашу революцию, то у нас была своя историческая "цепочка": условно, наш Мирабо – князь Георгий Евгеньевич Львов, наш Дантон – Александр Федорович Керенский, наш Робеспьер – Владимир Ильич Ульянов. Так вот, Робеспьер у нас понатыкан везде, а где остальные?* (А. Кара-Мурза. 90 лет назад в России произошла загадочная февральская революция – Московские новости. 23.02.2007). Возможно, сходство связано с тем, что Дантон тоже был министром юстиции, участвовал в свержении монархии, но потом решительно выступил против революционного террора. Однако Дантон, в отличие от своего российского коллеги по министерству юстиции, не успел сбежать и погиб на гильотине. Ср. также: *Печатные СМИ и Internet буквально ломают от избытка психологических портретов президента, часто совершенно противоречащих друг другу. Модным стало также проводить развернутые аналогии между Путиным и различными историческими деятелями: Путин — Сталин, Путин — де Голль, Путин — Керенский, Путин — цезарь Август ... Кажется,*

Путин — Калигула тоже уже есть (А. Проханов. Пиар-президент – Завтра, 18.04.2000).

В качестве окказионального можно рассматривать следующее использование прецедентного имени: *Давным-давно, в семнадцатом году, еще при Временном правительстве, дед Александра Григорьевича по какому-то поводу вышел шибко нарядный прогуляться на улицу. Одна бабка крикнула вслед: «О, разоделся. Точно Керенский». С тех пор на селе Быковских так и зовут Керенскими* (Д. Соколов-Митрич, Т. Путятин. Рождение муравейника. – Известия. 19.08.03).

Истоки подобного словоупотребления достаточно очевидны: А. Ф. Керенский был известен как щеголь – человек, любящий и умеющий красиво одеваться.

Итак, современные СМИ используют прецедентное имя Керенский как своего рода эталон для метафоры или сопоставления прежде всего в тех случаях, когда нужно подчеркнуть слабость политика, его метания между различными политическими силами, неспособность удержать власть и бегство в момент решающей битвы.

Показательно, что в рассмотренных материалах не обнаружено контекстов, в которых бы акцентировались такие свойства А. Ф. Керенского, как талантливый (или удачливый) адвокат, верховный главнокомандующий или плодовитый мемуарист. Существуют определенные закономерности, в соответствии с которыми далеко не все потенциально возможные качества становятся основой для метафорического использования прецедентного имени.

Следует отметить, что некоторые коннотативные словоупотребления из современной прессы едва ли поддаются рациональному объяснению. Так, 13.04.07 в газете «Труд» под заголовком «Березовский хочет стать вторым Керенским» сообщается, что «Борис Березовский выступил с сенсационным заявлением, в котором сообщил, что он готовит революцию в России с целью свержения режима Владимира Путина. Он признался, что уже финансирует неких людей из окружения российского президента, которые будут готовить "дворцовый переворот", передает Polit.ru». Неясно, в чем должна проявиться «похожесть»: Керенский не готовил «дворцовых переворотов» и едва ли финансировал кого-то из окружения князя Львова или же Николая Романова.

Как уже говорилось, при денотативном использовании прецедентного имени в центре внимания автора находится именно А. Ф. Керенский, а не кто-то иной. Вместе с тем важно подчеркнуть, что акцентирование тех или иных дифференциальных и ассоциативных признаков возможно и при денотативном использовании: в одних контекстах важнее то, что Керенский возглавлял в 1917 году Временное правительство России, в других – его конфронтация с

большевиками, в третьих – бегство из Петрограда и последующая эмиграция. Рассмотрим несколько примеров, в которых акцентируются одни дифференциальные признаки рассматриваемого имени и одновременно приглушаются, становятся малозначимыми, почти незаметными другие признаки указанного слова. Анализ каждого примера начинается с выделения наиболее яркого признака, который оказывается доминирующим при соответствующем использовании рассматриваемого прецедентного имени.

1. Человек, занимавший высшую государственную должность в России, руководивший Россией. Ср.: *Юридический факультет СПбГУ с недавних пор именуют не иначе как кузницей кадров. Здесь учились три руководителя страны: Александр Керенский, Владимир Ленин и Владимир Путин. Также из стен этого факультета вышли Анатолий Собчак и Дмитрий Медведев* (И. Боброва. У парадного подъезда. – Московский комсомолец, 18.11.2005). Отметим, что здесь представлен один из немногих случаев, когда рассматриваемое прецедентное имя используется без негативной оценки.

2. Глава Российского правительства, быстро потерявший власть. Ср.: *Термин "переходный период" последние годы как-то затрепали, построили на этом понятии стройную систему оправданий измен и ошибок властителей, которые "несли груз ответственности" в сложные времена. Впрочем, никто и никогда не хотел считать себя "переходным лидером". Думал ли Александр Керенский, принимающий летом 1917 года парад на Дворцовой площади, что дни его "судьбоносной миссии" сочтены и что он — отстрелянная, ложная цель русской истории?* (Андрей Фефелов. Триумф моли – Завтра, 20.11.2001).

3. Государственный деятель, не сумевший добиться национального согласия и политической стабильности. Ср.: *Лидер СПС Борис Немцов согласился с Григорием Явлинским: "События 86-летней давности были для России трагедией", – после чего перешел к теме объединения партий. Немцов напомнил о жертвах, которые принесла Россия в борьбе за демократию: "В 1917 году Керенский так и не смог объединить все политические силы России. Каждый тогда считал себя единственно правым и полагал, что только он сможет управлять страной. В результате к власти пришли большевики. Результаты их правления всем известны. Если бы не они, то нас сейчас было бы не 145, а 300 миллионов человек, мы победили бы бедность и жили, как в Европе"* (О. Тропкина. СПС и "Яблоко" снова вместе. – Независимая газета. 2003.11.10).

4. Руководитель, который принимал неверные решения, которые принесли много вреда России. Ср.: *В 1917 году бывший присяжный*

поверенный Александр Керенский, разгромив систему уголовного сыска и политохраны, объявил всеобщую амнистию (Э. Хруцкий. Год смерти – Московский комсомолец, 08.12.2002). *Тогдашние правители за короткое время привели страну к перспективе полного территориального расчленения. Поцарстуйте еще несколько месяцев Керенский с компанией — и России пришел бы конец* (Д. Торопов. Апостроф – Завтра, 05.01.2002).

5. Глава Временного правительства, который, испугавшись революции, в женском платье сбежал из России. Ср.: *Роят подземные ходы и катакомбы. Опять же, поговаривают, на случай штурма или захвата. Вспоминают, как Керенский в женском платье бежал. Зря, между прочим, вспоминают! Сейчас женское платье у милиционеров гораздо больше подозрений вызывает, нежели мужское. Шахидки, как известно, все в женском платье по городам и весям ходят* (Алкей. Госдума в женских платьях – Независимая газета, 09.03.2004).

Следует отметить, что в публикациях широко известных мемуаристов и ученых, которые работали вне пределов Советского Союза практически нет упоминаний о том, что А. Ф. Керенский после падения Зимнего дворца действительно бежал из Петрограда, переодевшись в женское платье. Об этом ничего не говорится и в весьма объемных мемуарах главы Временного правительства [Керенский 2007].

Видимо, политический анекдот о «бегстве Керенского в женском платье» был сочинен большевиками с целью максимальной дискредитации политического противника. И – надо признать – технология оказалась максимально эффективной: давно уже нет советской власти и прекратилось официальное тиражирование старой сплетни, но в современных СМИ большинство коннотативных апелляций к прецедентному имени *Керенский* связаны именно с образом перепуганного политика, которому лишь женское платье и некоторое простодушие большевиков позволили укрыться в эмиграции.

Блестящий советский журналист Генрих Боровик рассказывает: *С Керенским я увиделся в 1966 году, во время своей длительной командировки в Америку. Узнал его номер телефона и попросил о встрече. Когда к нему пришел, у нас состоялся добрый, искренний разговор. Тогда ему было 87 лет, но он неплохо выглядел. Помню, попросил: "Господин Боровик, ну передайте же своим людям в Москве — не бежал я в женском платье из России. Я уезжал в своем костюме, на авто"* (О. Химич. Интервью с Г. Боровиком – Московский комсомолец, 16.11.2004). Просьба Керенского вполне понятна, но ни Генрих Боровик, ни кто иной не были в состоянии разрушить политический миф.

Как показывает Г. Г. Слышкин, для более полного понимания прецедентного имени необходимо учитывать также цитатный компонент, «выражающийся в употреблении крылатых слов, авторство которых принадлежит или приписывается данному персонажу» [Слышкин 2007: 82]. В современных текстах обнаружено только одно крылатое выражение А. Ф. Керенского. Ср.: *Есть формула Керенского: "Без Распутина не было бы Ленина". Я с ней абсолютно согласен. Он стал орудием, с помощью которого был разрушен авторитет династии. В первую русскую революцию случилось много ужасов, но авторитет династии существовал. После Распутина, к 18-му году, с ее авторитетом было покончено. И оппозиция, и великие князья использовали Распутина как орудие. Они раскачивали слабую лодку государства, которая в конце концов опрокинулась, погубив их всех* (Э. Радзинский. Распутин – и дьявол, и святой – Труд, 02.11.2000). Многие современники отмечали риторический дар А. Ф. Керенского, его способность произносить яркие вдохновляющие слушателей речи, а поэтому может удивить вывод о том, что он не оставил после себя значительного цитатного наследия. Но дело, видимо, в том, что политик, оставшийся в памяти потомков как фразер и неудачник, не может быть авторитетным автором крылатых выражений.

Для понимания того, как воспринимается политик современниками и потомками, очень показателен обратный-цитатный компонент, «выражающийся в употреблении крылатых слов, содержащих суждение другого лица о данном персонаже» [Слышкин 2007: 82]. Приведем некоторые характеристики руководителя Временного правительства, представленные в современных СМИ:

Генерал Деникин 16 июля 1917 года в присутствии Керенского заявил: "Когда на каждом шагу повторяют, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев", иначе говоря, прежде всего премьер и военный министр Керенский, либерал (В. Бушин. Арина Родионовна и Геббельс – Завтра, 31.05.2006).

Полное непонимание существа стоящих перед страной грозных проблем — даже для традиционно легитимных верховных правителей России, к сожалению, не такая уж редкость; полное неумение случайно оказавшегося "сверхпопулярным" и.о. Вождя удержаться у власти регулярно бывает в каждую "русскую Смуту": Дмитрий-самозванец, Керенский-главноуговаривающий", Горбачев — первый и последний "президент СССР" (М. Валин. Холопские хлопоты – Завтра, 29-05-2002).

Керенский и Ленин шли бок о бок, как две пристяжные истории. Одна дата рождения – 22 апреля (Ленин на 11 лет старше). Один город детства и юности – Симбирск. Одна профессия – юристы, оба – присяжные поверенные. У обоих отцы – деятели народного просвещения. Керенский – герой Февраля 1917 года. Ленин – герой Октября того же года. Ленин называет Керенского «болтуном» и «фразером». Керенский Ленина – «изменником», приводя рассекреченные немецкие документы о миллиардах, на которые делалась большевистская революция (Л. Кучкина. «Фразер» по фамилии Керенский. – Комсомольская правда, 01.11.2006).

Лукавый старец, дезертир русской истории Александр Керенский незадолго до смерти цинично сказал: "Если бы у меня в 17-м году под рукой было телевидение, я бы правил Россией до сих пор..." (Андрей Фефелов. Электронному Чикатило — пулю в лоб! – Завтра. 06.06.2007).

Тогда, в феврале 1917, когда была растоптана линия военного министра адмирала Григоровича, Столыпина, государя Николая II, Колчака, Верховского и командующего Балтийским флотом Эссена, который готовил русский флот к тому, чтобы он стал первым на морях мира, тогда вынырнули на политическую сцену адвокаты вроде Керенского. О последнем великий физиолог Иван Павлов, знавший Керенского, горестно воскликнул: "такая сопля и во главе государства. Он же все погубит". (К. Раш. Ледовые лоцманы святой Руси – Завтра. 04.05.2005).

Два тома воспоминаний А. Ф. Керенского — первое российское издание автобиографического наследия лидера Февральской революции. Этот странный факт, возможно, объясняется тем, что Керенский — один из самых неуважаемых персонажей российской истории. Его устойчиво воспринимают как **бонапартика-пустослова, комедианта во френче** (В. Бродский. Бормотанье на пропасть – Завтра, 11.07.2008).

В целом представленные в настоящем исследовании материалы свидетельствуют, что прецедентное имя Керенский широко используется в современных печатных и электронных СМИ. Однако по отношению к нему удивительное единство проявляют авторы различных политических взглядов — как «патриоты», так и «либералы-западники», как либеральные демократы и коммунисты, так и более осторожные в выражениях центристы. Абсолютное большинство соответствующих аллюзий связаны с негативной оценкой как самого руководителя Временного правительства, так и людей чем-либо на него похожих. Несмотря на признанный риторический дар А. Ф. Керенского, его выражения крайне редко цитируются в современных СМИ. Руководитель Временного правительства

остался в национальной памяти как «главноуговаривающий», «фразер», «бонапартик-пустослов», «дезертир», руководитель, не сумевший сплотить нацию, спасти страну и поэтому потерпевший заслуженное поражение.

При коннотативном использовании этого имени аллюзия чаще всего связана с бегством от большевиков в женском платье: политический анекдот (нет убедительных документов подтверждающих использование Керенским «женской одежды») оказался мощным орудием дискредитации не только самого политика, но и его идеологии, самой возможности демократического развития России. Даже в начале нового века сопоставление современного политического лидера с Керенским воспринимается как оскорбление, как сильное и этически неоспоримое средство прагматического воздействия на читателей.

Сопоставляя рассматриваемое прецедентное имя с именами других руководителей России и Советского Союза, следует выделить следующие его свойства:

– высокую частотность, свидетельствующую о важной роли в национальном сознании (в отличие, например, от Г. Е. Львова или Анны Иоанновны);

– многополюсность, потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств (в отличие, например, от Иоанна Антоновича);

– абсолютное преобладание негативной оценки (в отличие, например, от Сталина или Екатерины II, о которых некоторые авторы говорят с нескрываемым восхищением);

– широкие возможности для коннотативного использования, которое нехарактерно для имен, которые не относятся к центральной зоне общенациональной прецедентности;

– использование в политической коммуникации и нетипичность для других видов дискурса (в отличие, например, от Александра Невского, о котором часто пишут в рамках военного или религиозного дискурса).

Названные признаки свидетельствуют, что прецедентное имя *Керенский* относится к центральной зоне поля прецедентности, существующего в современном российском национальном сознании и представленного в ведущих российских печатных и электронных СМИ. Данное имя стало для нашего рода своего рода эталоном самовлюбленного и самоуверенного политического лидера, который в решающий час проявил трусость и уклонился от вооруженного столкновения с политическими противниками, что, возможно, стало последней каплей, приведшей страну к катастрофе. Именно этот смысл является центральным, определяющим возможность актуализации всех иных актуальных смыслов рассматриваемого прецедентного имени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории [Мемуары]. М., 2006.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007а.

Нахимова Е. А. Прецедентное имя *Наполеон* в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. – 2007б. – Вып. 3 (23). Екатеринбург, 2007.

Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей. М., 2006.

Норман Б. Ю. Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики // Русский язык в школе. 2007. № 5.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике – М., 1958., – Т. I-II.

Слышкин Г. Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // *Ethnohermeneutik und cognitive linguistic*. Landau, 2007.

© Нахимова Е. А., 2008

Солопова О.А.

Челябинск, Россия

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Abstract

The present article deals with the problem of modeling “future” in Russian party manifestos that are considered to be a sort of manual which helps the public to interpret the policy of this or that party. The author argues that party manifestos, though being ideologically different, still have more similarities than diversities. Examples from the research illustrate this position.

В условиях меняющейся внутривыборной ситуации избирательный процесс играет немалую роль в становлении взаимоотношений между властью и обществом, между государственной властью и местным самоуправлением. Политическая сфера формирует определенный миропорядок, отражает государственное устройство, влияет на институты власти. Успех политических партий в избирательном процессе не в последнюю очередь зависит от электро-ральных предпочтений избирателей, формирующихся на основе соответствия позиции кандидата или партии их ожиданиям, тому образу будущего, который та или иная партия моделирует в процессе предвыборной борьбы. Вполне естественно, что каждая партия в ходе предвыборной кампании стремится привлечь на свою сторону как можно большее количество избирателей, и соответственно, ориентируется на их ценности при составлении предвыборной программы.

Атрибуты, ценности и нормы предполагаемого будущего наиболее ярко представлены в текстах предвыборных программ:

• Таковы ближайшие веки нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! (предвыборная программа партии «Единая Россия» (2003);

• Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса, добиться его возрождения и расцвета – такую задачу ставит перед собой Либерально-демократическая партия России (предвыборная программа ЛДПР (2003);

• За это борется КПРФ – партия будущего! За власть трудового народа! За дело патриотов! За родную землю и народную волю! За будущее России! (предвыборная программа КПРФ (2003);

• Пришло время осмысленной, конструктивной работы по восстановлению экономического, духовного и нравственного могущества России. В двадцать первом веке Россия должна стать великой державой, сила которой основывается на созидательном труде и свободном творчестве ее граждан (предвыборная программа Демократической партии России (2003);

• Она (АПР) видит в числе своих сторонников тех, кто считает, что без процветающей деревни не возродится Россия, кто искренне заинтересован в том, чтобы Россия уверенно и спокойно шла в будущее (предвыборная программа АПР (2003).

В связи с этим представляет интерес анализ текстов партийных программ политических партий, участвовавших в выборах 2003–2007 гг. Анализ программ позволяет выявить общее и специфичное для каждой из партий относительно прогнозируемого будущего, а также определить их позиции по ключевым вопросам развития российского общества.

Во время избирательного процесса любой участник претендует на обладание программой – определенным набором идей, проектов – по которой избиратели могут судить о его возможной дальнейшей деятельности, о том, стоит ли голосовать за данную кандидатуру или партию. Программа политической партии является составляющим элементом политического дискурса наряду с другими типами текста, функционирующими в его рамках: листовкой, текстом предвыборной речи, биографией политика, уставом партии, текстами политической рекламы и т.д. Однако именно партийная программа рассматривается как один из основных документов в политическом дискурсе. Программа политической партии – это официальный документ, заявляющий намерения и идейные взгляды партии, ее дальнейшие действия в случае победы на выборах в отношении управления государством в различных отраслях

[ЛЭС, 1993:381], краткое изложение основных положений, требований и целей деятельности политической партии, вырабатываемое на политическом съезде и являющимся обязательством перед избирателями.

Основными требованиями к предвыборным программам являются:

- отображение актуальных проблем и интересов общества;
- определение пути и инструментария в решении этих интересов и потребностей;
- выдвижение плана развития общества, предусматривающего работу над его реализацией;
- предложение вариантов формирования и использования реального бюджета.

Таким образом, посредством предвыборных программ партии заявляют о своих социально-политических приоритетах, высказывают представление о путях решения актуальных проблем общества и государства, проведения экономических, политических и социальных реформ, способствующих развитию государства. В них полностью или частично отражены направления политической и социальной деятельности партий на современном этапе.

Каждая партия, которая принимала участие в парламентских выборах в 2003–2007 гг., в той или иной степени изложила свое видение приоритетов будущего развития государства Российского. Их изучение указывает на следующие сферы общественного развития, куда претенденты намереваются направить свои усилия. Это комплекс вопросов, которые касаются политики:

- повышение жизненного уровня населения (социальная сфера в целом);
- потребности модернизации института государства и качественное повышение его эффективности;
- защита свобод и прав граждан.

Другим направлением, в котором раскрывается актуальный ряд заданий, выступает сохранение темпов экономического развития. Отдельно в некоторых программах рассматриваются вопросы национальной безопасности, направления внешней политики России. Можно констатировать, что во всех программах политических партий вопросы развития политической, экономической и социальной сфер выступают в качестве главных блоков, проблемам правового и духовно-культурного развития уделяется гораздо меньше внимания.

Одна из основных функций предвыборных программ заключается в том, чтобы привлечь на сторону партии как можно больше сторонников, потенциальных избирателей, а также отмежеваться от конкурирующих программ кандидатов и агитировать за себя, подчеркивая собственные преимущества. Таким образом, фактор адресата в тексте партийной программы складывается из взаимодействия субъект-

ных перспектив потенциального читателя и политического оппонента, представителя конкурирующей партии. Соответственно, ориентируясь, прежде всего именно, на голоса избирателей, практически все политические партии создают свои программные документы, имея в виду подсознательное обращение к избирателю – индивидуальному или коллективному (*граждане России, которым нужна Свобода* (СПС), *российское крестьянство* (АПР), *соотечественники* (КПРФ), *самостоятельные люди* (ДПР), *те, кто сознательно делал и делает выбор в пользу социализма* (СЕПР) и т.д.

Еще одна, не менее важная, функция партийной программы состоит в том, чтобы отожествлять партийную политическую силу с ожиданиями народа, а себя – с партией или блоком и их целями, идентифицировать себя как сторонника данного субъекта выборов. Видимо поэтому система наиболее значимых для избирателей социально-политических проблем одинакова в программных документах различных политических сил. Анализ текстов партийных программ показывает, что большинство номинантов главных ценностей совпадает, что «дает возможность максимальному количеству адресатов идентифицировать их как собственные» [Бабаева, 2003: 16]. На роли главных ценностей выдвигаются человек, семья, свобода, справедливость, общество (табл. 1).

Таблица 1

Название партии	Текст предвыборного документа
«Яблоко» (2003)	<i>Наши принципы: <u>государство для человека, а не человек для государства. Наши ценности – свобода и справедливость.</u></i>
Коммунистическая Партия Российской Федерации (2003)	<i>В центре нашего внимания будет <u>человек</u>, чьим умом и руками создаются все ценности на Земле.</i>
Партия Социальной Справедливости (2003)	<i><u>Социальная справедливость</u> – это выстраданный и глубоко осмысленный в ходе всей человеческой истории общественный идеал, высшая цель государства, фундаментальный принцип права, основополагающая норма морали, подразумевающая признание человека, его жизни, безопасности, духовного и физического здоровья самой высшей ценностью. Политическое кредо нашей партии – <u>человек превыше всего!</u></i>
«Патриоты России» (2007)	<i>Приоритет №1 – <u>Человек</u>, гражданин, личность. Все возможности для его свободы, развития и самореализации. Приоритет № 2 – <u>Семья</u>. Она должна стать главной ценностью для человека, общества и государства.</i>

	<i>Приоритет № 3 – <u>Общество</u>. Оно должно стать подлинно гражданским. Наши принципы – <u>общество для личности, а не личность – для общества</u>. Приоритет № 4 – <u>Государство</u>. Оно должно стать по-настоящему правовым, демократическим и социальным. Наши принципы – <u>государство для гражданина и общества</u>.</i>
Партия Национального Возрождения «Народная Воля» (2007)	<i>Мы – за возрождение духовности, за связь интересов отдельной личности с интересами общества, за ответственность личности перед обществом. Мы – за <u>гражданское общество, в котором права человека не будут противоречить правам семьи, правам общины, интересам нации и государства</u>.</i>
Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила» (2007)	<i>Необходимо добиться истинной <u>свободы слова, свободы выбора и свободы действий граждан России, регулируемой только законом</u>.</i>
Союз Правых Сил (2007)	<i>Цель либеральных реформ – это <u>богатая, процветающая, динамично развивающаяся, комфортная для жизни, мирная и безопасная Россия, где государство – на службе общества и каждого гражданина, где главная ценность – человек</u>.</i>

Программы ориентированы на привлечение внимания широких слоев населения, но при этом экономически недостаточно подкреплены и потому часто носят популистский характер.

В предвыборных программах политические партии декларируют множество целей и задач, которые должны быть осуществлены в будущем, но глобальная цель всегда одна. Современные предвыборные программы привлекают к себе внимание прежде всего сходством задекларированных принципов (экономического роста, процветания, возрождения, восстановление былого величия и т.д. (табл. 2).

Таблица 2

Название партии	Текст предвыборного документа
Партия социальной справедливости (2003)	<i>Главная задача Партии социальной справедливости – <u>работать на процветание России, дать будущим поколениям возможность гордиться высоким званием россиянина</u>. Но для того мы и зовем вас в наши ряды, чтобы совместными усилиями найти те главные рычаги, которые поднимут Россию и вернут ей былое величие в мире.</i>
Либерально-демократическая Партия России (2003)	<i>Ее (ЛДПР) главная цель – <u>возрождение могучего демократического и процветающего Российского государства</u>.</i>

«Яблоко» (2003)	<i>Цель партии «ЯБЛОКО» – превратить Россию в страну, где людям хорошо жить.</i>
Либерально-демократическая Партия России (2007)	<i>Ее главная цель (ЛДПР) – <u>создание могущественного Российского государства.</u></i>
«Партия Возрождения России – Российская партия ЖИЗНИ» (2007)	<i>У России есть все, чтобы <u>стать процветающим государством и обеспечить благополучие своих народов.</u> Партии приложат все силы, чтобы уровень и качество жизни граждан России соответствовал величине природных, интеллектуальных и духовных богатств страны.</i>
Союз Правых Сил (2007)	<i>Цель либеральных реформ – это <u>богатая, процветающая, динамично развивающаяся, комфортная для жизни, мирная и безопасная Россия, где государство – на службе общества и каждого гражданина, где главная ценность – человек.</u></i>
Демократическая партия России (2007)	<i>Мы хотим одного: чтобы чиновники, бандиты и радикалы всех мастей не мешали нам жить, работать и <u>возродить нашу великую страну.</u></i>
«Единая Россия» (2007)	<i>Наша стратегическая цель – <u>строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации.</u></i>
Демократическая партия России (2007)	<i>Мы хотим одного: чтобы чиновники, бандиты и радикалы всех мастей не мешали нам жить, работать и <u>возродить нашу великую страну.</u></i>
Партия Национального Возрождения «Народная Воля» (2007)	<i>Наша главная цель – <u>великая Россия и процветающий великий народ!</u></i>

Подобные обещания носят пропагандистский характер, их выполнение представляется маловероятным в отведенный законодательством срок пребывания на выборных должностях.

Партии, с одной стороны, предлагают «конкретные» планы на краткосрочную, среднесрочную и отдаленную перспективу (табл. 3):

Таблица 3

Название партии	Текст предвыборного документа
Коммунистическая партия Российской Федерации (2003)	<i>У нас есть <u>программа скорейшего выхода из кризиса.</u></i>
Союз Правых Сил (2003)	<i>Мы не играем в оппозиционность и лояльность, а <u>предлагали и предлагаем конкретные программы действий.</u></i>

«Патриоты России» (2007)	<i>Данная программа – это <u>план конкретных действий партии на ближайшие два года и основные ориентиры на среднесрочную и отдаленную перспективу.</u></i>
Либерально-демократическая Партия России (2007)	<i>Мы предлагаем не абстрактные идеи, не строительство эфемерных общественных систем, а <u>вполне конкретные, осуществимые задачи по отстаиванию национально-государственных интересов и каждодневных потребностей людей.</u></i>
Аграрная партия России (2007)	<i>Аграрная партия России готова предложить научно обоснованную аграрную политику, учитывающую особенности самобытного аграрного пути России, и взять на себя <u>ее конкретное осуществление.</u></i>
Демократическая Партия России (2007)	<i>Наша программа – короткая, без словоблудия и пафоса, должна быть, понятна каждому человеку, несущему ответственность за своих близких и свое дело. Она будет создана открытым демократическим путем <u>на основе конкретных и реализуемых предложений, а не при помощи тасования заезженных политических лозунгов.</u></i>

С другой стороны, в программах практически не прослеживаются механизмы реализации «конкретных» планов и задач. Политические партии, по сути, занимаются только констатацией проблем, не предлагая пути их решения.

Как показывает анализ, предполагаемые мероприятия распределяются в рамках противопоставления «за – против» и адресату навязывается один возможный выбор: он должен согласиться с аргументами «за» «светлое/(реже) прекрасное будущее» («утопия») и «против» «ужасного будущего» («антиутопия»). Однако, окутывая будущее флером благоденствия, политические лидеры и их сторонники в своих программных документах не рискуют прописывать его зримые приметы (табл. 4).

Таблица 4

Название партии	Текст предвыборного документа
«Единая Россия» (2003)	<i>Сегодняшний выбор <u>гораздо важнее: у граждан России появился реальный шанс выбрать успешное будущее для себя и для всей страны.</u></i>
Концептуальная партия «Единение» (2003)	<i>Программа содержит целостную систему мер по наведению в стране человеческого порядка и выведению России из тупика <u>«реформ» на широкую и светлую дорогу, когда все люди смогут жить спокойно, счастливо, в достатке, с уверенностью в том же счастливом и мирном завтрашнем дне для себя и для своих детей и внуков.</u></i>

Коммунистическая партия Российской Федерации (2003)	<i>Она (КПРФ) не сидит сложа руки в его ожидании, а жестко выступает против творимого в настоящем беззакония и произвола. Она борется за проведение в настоящем тех перемен, которые лягут в основу справедливого будущего.</i>
Социалистическая Единая Партия России (2003)	<i>Наша конечная цель – создание общества, предоставляющего максимальные возможности для самореализации одухотворенных личностей. Именно из суммы таких личностей может сложиться нация и государство, обладающее уникальным потенциалом. Только у таких государств и наций и есть будущее.</i>
Союз Правых Сил (2003)	<i>«СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» работает на будущее и ради будущего. «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» – это партия будущего. Будущее начинается сейчас. Наше время пришло, потому что мы правы.</i>
«Патриоты России» (2007)	<i>Великая, сильная, влиятельная в мире, процветающая Россия, в которой обеспечено благополучие и счастье граждан – вот будущее нашей страны и идея, достойная стать общенациональной.</i>
Либерально-Демократическая Партия России (2007)	<i>С приходом ЛДПР к власти Россия в течение 3–5 лет возродиться, в 2–3 раза повысится благосостояние всех россиян, будут выполнены все ее программные обещания. Иначе стране придется пережить еще лет 50 в таком тяжелом состоянии, как сейчас. Граждане России, если вы поддержите ЛДПР и приведете ее к власти, то мы вернем нашей Родине достоинство, а вам спокойную и обеспеченную жизнь!</i>
«Единая Россия» (2007)	<i>Мы призываем всех, кому дорого Отечество, быть вместе с нами в рядах тех, кто строит сильную, процветающую, великую Россию – страну исторического успеха!</i>

Создается картина лучшего мира, контрастирующего с настоящим положением дел, а его потенциальная устроенность определяется заслугами той или иной партии. За рамками партийных программ остается тот факт, что быстротекущие выгоды часто оборачиваются долгосрочными потерями, а стратегические цели требуют тактических жертв. Экстраполируя это на тексты предвыборных документов, можно утверждать, что принципиальной проблемой качества политических программ является сохранение баланса заявленных целей и жертв, которые придется принести ради достижения этих целей:

• *Новой России, ее властным институтам, нужно срочно учиться отвечать на нарастающие вызовы глобализации и, одновременно, на вызовы внутренние: политические, экономические и социальные. То есть не просто быстро, а очень быстро приобретать те качества силы и эффективности, которые позволят нашей стране самой выбирать свой путь и свое место в меняющемся современном мире (предвыборная программа СЕПР (2007).*

С этой точки зрения большинство программ видятся очень несбалансированными – обещания «быстрого счастья» не подкрепляются анализом последствий для реализации как краткосрочных, так и долгосрочных проектов.

Таким образом, в программных документах интенция воздействовать на сознание адресата, его мнения и оценки, а также побудить его к совершению определенных действий реализуется в значительной мере в манипулятивных приемах, т.е. через неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий без опоры на доказательную силу рациональных аргументов. Речевое манипулирование реализуется в политической программе наряду с воздействием, основанном на рациональном, аргументированном обосновании. В частности в манипулятивных целях часто используется противопоставление: «прекрасное будущее» и «мрачное настоящее».

В противовес «прекрасному» будущему настоящее на страницах партийных программ представлено в ярко выраженном негативном ключе (табл. 5).

Таблица 5

Название партии	Текст предвыборного документа
Концептуальная партия «Единение» (2003)	<i>Причиной всех бед и страданий нашего народа является бездарное, плохое управление страной, ставшее возможным из-за отсутствия долгие годы в России собственной концепции управления, учитывающей особенности страны.</i>
Партия «ЯБЛОКО» (2003)	<i>Экономикой России сегодня управляют олигархические группы, присвоившие национальные богатства страны. Их интересы обслуживает Правительство. В результате большинство граждан оказывается на грани выживания, а Россия лишается перспектив. Россия превратилась в страну массовой нищеты и показной роскоши.</i>
Коммунистическая партия Российской Федерации (2003)	<i>Предательством, подкупом и обманом в стране воцарилась воровская олигархия. Установлен антинародный режим. Лишение и ложь, презрение к трудовому народу и русофобия стали его идеологией.</i>

Народно-республиканская партия России (2003)	<i>Современный период развития российского общества по-прежнему характеризуется большими потерями, издержками и противоречиями.</i>
Партия социальной справедливости (2003)	<i>Изменения в институтах и механизмах власти привели к резкому сокращению ответственности государства за решение социальных проблем. Повседневными явлениями стали коррупция, преступность и насилие. Возник раскол между обществом и государством, стали нарастать социальные противоречия и внутри самого общества.</i>
«Патриоты России» (2007)	<i>Власть осуществляет демонстрацию государственных гарантий для незащищенных слоев и групп населения. Население страны ежегодно сокращается более чем на 700 тысяч человек. Старшее поколение стремительно вымирает, молодежь не уверена в собственном будущем. Резко ослаблена защита семьи, материнства и детства. Беспризорность детей стала массовым явлением.</i>
Либерально-Демократическая Партия России (2007)	<i>ЛДПР констатирует, что экономическое положение – тяжелое, кризис – глубокий, но возродить экономику страны можно, если усилить ее государственное регулирование и дать свободу честному предпринимательству.</i>
«Партия Возрождения России – Российская партия Жизни» (2007)	<i>Россия вступила в новый век, переживая один из наиболее сложных, противоречивых и драматических периодов своей истории.</i>
Коммунистическая партия Российской Федерации (2007)	<i>Россия превращается в объект очередного передела мира, в колониальный сырьевой придаток экономически развитых стран.</i>
партия «Яблоко» (2007)	<i>Состояние нашего государства, вызывает серьезное беспокойство. С точки зрения обеспечения высокой конкурентоспособности России и сохранения её в нынешних границах она всё еще остается крайне слабой страной, и перспективы её очень туманны.</i>

Именно при моделировании настоящей действительности особенно востребована политическая метафорика. Концепты, присутствующие в программных документах в качестве источников метафорической экспансии, представляют собой яркие знаки явной дисгармонии в обществе «мрачного настоящего».

Для программных документов характерны ключевые метафоры, задающие аналогии между разными системами понятий и порождающие более частные метафоры. Подобные метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту, обеспе-

чивая его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий.

Одной из самых типичных для программных документов является метафора пути. Метафорическая модель, основанная на данном культурном концепте, призвана отразить динамику общественных процессов, осуществление каких-либо социальных процессов, развитие государства, т.е. движение вперед – из прошлого через настоящее в будущее, причем по пути прогресса. Рассуждение должно быть организовано по аналогии с движением по пути, предопределяющей метафоры исходного пункта и конечной цели движения, а также остановки, возвращения и сокращения пути. Однако в предвыборных программах российских политических партий метафора пути указывает не на линейное, а на цикличное развитие государства Российского. Причем, эта «цикличность» наполнена исключительно негативным прагматическим потенциалом. Она наталкивает на следующую интерпретацию триады «прошлое – настоящее – будущее»:

В прошлом для России характерен свой собственный, уникальный и достаточно успешный путь развития. Такие метафорические наименования содержат оценку, являющуюся представлением позитивного восприятия адресантом прошлого своей страны:

- *Довольно нам жить чужим умом! У России всегда был свой путь. Она выбирала его из жизни, из многовековых традиций (предвыборная программа КПРФ (2003).*

Где-то ближе к настоящему, в недалеком прошлом, страна сбивается с пути, и ближе к выборам приближается к исторической развилке, трагическому перепутью, останавливается в своем развитии или заходит в тупик, переживая в очередной раз переломный период:

- *На рубеже тысячелетий Россия сбилась со своего пути развития, не выработала мер, адекватных национальным, историческим и геополитическим особенностям страны. Ни казарменный социализм, ни дикий капитализм для России оказались неприемлемы (предвыборная программа партии Национального Возрождения «Народная Воля» (2007);*

- *Теперь нам предстоит победить в 2003 году. Потому что Россия опять оказалась перед исторической развилкой (предвыборная программа СПС (2003);*

- *Россия на трагическом перепутье (предвыборная программа КПРФ (2007);*

- *Наша страна прекратила движение к реальной демократии (предвыборная программа СПС (2007).*

При моделировании настоящего метафора «пути» получает особое значение благодаря тому, что в контексте политической реальности она закладывает фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности общественного движения. В процессе ког-

нитивного построения политической реальности России используются ресурсы понятийной сферы с негативным прагматическим потенциалом, вызывая в сознании адресата эмоциональные представления о наличии на пути экономического развития страны множества препятствий, затрудняющих ее продвижение вперед.

В отличие от русских сказок и былин на перепутье, т.е. во время предвыборной кампании, России и ее народу предлагается только два пути:

• Один путь ведет в сторону развития демократии и рынка, формирования открытой политической системы и инновационной экономики, экономики знаний, то есть – к демократическому рынку. Другой – к полицейско-бюрократическому капитализму, где основной и монопольный игрок на рынке – государство, институты демократии декоративны, демократические процедуры не работают, а лишь имитируются. Нам снова предстоит сделать исторический выбор. И «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» готов исполнить свою историческую миссию – удержать Россию на столбовой дорожке цивилизации (предвыборная программа СПС (2003);

• Россия перед вызовом. Вызов состоит в том, что страну надо вывести на магистраль современного развития, мировой конкурентоспособности, а ее сталкивают в наезженную колею государственного деспотизма, который уже не раз приводил Россию к катастрофе. России нужны те, кто может дать ответ и готов взять на себя ответственность. России нужны свобода и демократия, потому что только они гарантируют обществу экономическое процветание и благосостояние граждан, сочетание стабильности и динамичного развития (предвыборная программа СПС (2007).

Первый – «ужасное» будущее в случае победы оппонентов, трактуемое как обочина истории, кювет и т.д.:

• Нынешний правящий режим обманом и насилием пытается вернуть народы нашего Отечества к варварскому, примитивному капитализму. Это путь политической реакции и социального регресса, путь национальной катастрофы, ведущий к гибели российской цивилизации (предвыборная программа КПРФ (2007).

Второй – «прекрасное» будущее, прямая дорога, магистраль, свой собственный, никому более несвойственный путь (достаточно успешный), то, с чего все и начиналось:

• Программа содержит целостную систему мер по наведению в стране человеческого порядка и выведению России из тупика «реформ» на широкую и светлую дорожку, когда все люди смогут жить спокойно, счастливо, в достатке, с уверенностью в таком же

счастливым и мирным завтрашнем дне для себя и для своих детей и внуков ((предвыборная программа КПЕ (2003);

• Мы уверены: демократическое развитие страны – единственно возможный и приемлемый для нас путь (предвыборная программа ДПР (2007);

• Наша партия выступает за самобытный российский путь общественного развития, берущий начало в национальных корнях и традициях. Он основан как на особенностях исторического, культурного и духовного развития государства и народов, так и на активном освоении и использовании достижений мировой культуры и цивилизации (предвыборная программа АПР (2007);

• Россия должна избрать собственный путь развития, отличный и от прежних коммунистических догм, и от сегодняшних криминально-капиталистических будней. Это и есть третий путь. Он позволяет взять все лучшее и от исконно российских корней, и от западной цивилизации, и от достижений, а их тоже немало, общества социализма. Безусловно, нужно учесть и положительные ростки современной российской жизни (предвыборная программа НРПР (2003);

• Партия Национального Возрождения «Народная Воля» строит свою деятельность на принципах современного русского консерватизма, который предполагает: Российский Путь в человеческой истории, правый путь жизни русского и единых с ним народов, возрождение Русской Правды как единства свободного Народовластия и Любви к Русским Традициям Справедливости (предвыборная программа партии Национального Возрождения России «Народная Воля» (2007).

Третьего не дано. И так каждые четыре года. И что бы ни выбрала страна, к следующим выборам она непременно окажется на том же перепутье.

Еще одной характерной для предвыборных документов чертой является противопоставление «мрачного» настоящего и «величественного» или «достойного» прошлого. Положительная оценка эксплицирована при обращении к прошлому в противовес образу «мрачного» настоящего, насыщенному отрицательной энергетикой: «правильное» прошлое более реально для многих политиков нежели «порченное» настоящее.

Следует признать, что в нынешнее время немногие политические деятели открыто выступают с позиции отрицания прошлого, наоборот, слово «традиция» становится одним из наиболее «модных» в словаре современных политиков. Идеологический вакуум, образовавшийся на месте коммунистической идеологии, требует заполнения. Сегодня общество вновь ощущает актуальную потребность в социальных ориентирах, нравственных ценностях, в

исторической традиции, основательно разрушенных и дискредитированных в минувшие годы. «Если мы обратимся к конкретным политическим лидерам и партиям, то увидим, что консервативная составляющая присутствует во всем партийном спектре от неомонархистов и КПРФ до СПС и «Единства»» [Репников, 2001: 49] (табл. 6):

Таблица 6

Название партии	Текст программного документа
Либерально-демократическая партия России (2003)	<i>Она (ЛДПР) строит свою политику на здоровом смысле, на исторических моральных ценностях нашего народа и с учетом мировой практики.</i>
Аграрная Партия России (2003)	<i>Отвергая негативные явления недавнего прошлого, АПР стремится сохранить все положительное, что было достигнуто трудом многих поколений соотечественников, что свершалось для блага людей, для укрепления могущества страны, а также и те позитивные результаты реформ, которые можно отнести к элементам демократии, гражданских и политических свобод, созидательной экономической инициативы.</i>
Либерально-демократическая партия России (2007)	<i>ЛДПР считает, что органы государственной власти в своей деятельности должны опираться на исторический опыт имперской, советской и демократической России, на опыт нашей Великой Родины.</i>
Коммунистическая партия Российской Федерации (2007)	<i>Россия внесла неповторимый вклад в развитие человечества благодаря своеобразию общественного сознания и государственного устройства, самоотверженному труду и ратным подвигам ее народов, духовному горению ее великих писателей, музыкантов и художников, ученых и инженеров. Подвижничеству нескольких поколений русских революционеров.</i>
«Единая Россия» (2007)	<i>Мы считаем себя продолжателями патриотических традиций всей тысячелетней российской государственности.</i>
«Патриоты России» (2007)	<i>В нашем понимании патриотизм – это искренняя и бескорыстная любовь гражданина к своей стране, ее многонациональному народу, уважительное отношение к культуре, традициям и историческому прошлому России.</i>
Партия Национального Возрождения «Народная Воля» (2007)	<i>Управлять Россией должны люди, бережно относящиеся к ее истории, продолжающие ее национальные традиции и оставшиеся частью ее народа.</i>

С одной стороны, воспевая достижения минувших лет и великое прошлое государства, гораздо проще показать несовершенство мира современного. Очарование прошлого, которое, как теперь кажется, обладало большей глубиной и смыслом, неотразимо. А современности не хватает этой завершенности, некой целостности. Зато именно она, в отличие от прошлого, имеет потенциал дальнейшего развития, потенциал творения нового бытия, т.е. будущего, что не стоит сбрасывать со счетов авторам предвыборных программ.

С другой стороны, пытаясь очиститься от призраков минувшего, указывая на просчеты, промахи и ошибки предшественников, которым суждено остаться в прошлом, так как они недостойны будущего, проще оправдать «непотребное» настоящее. Если идеал «былого», как правило, расположен в более или менее отдаленном прошлом, то недавнее прошлое подвергается резкой критике (табл. 7).

Таблица 7

Название партии	Текст программного документа
«Единая Россия» (2003)	<i>«Левые» привели Советский Союз к развалу, после чего Россией занялись «правые» – и это окончилось экономическим крахом.</i>
Либерально-демократическая партия России (2003)	<i>Российское государство прошло в XX веке через кровавые, разрушительные войны, насильственные революции и губительные реформы, потеряло миллионы людей. Время разрушительных «реформ» и их инициаторов – лжереформаторов и лжедемократов – подходит к концу. Но за последние полтора десятилетия XX века они ввергли страну в состояние национальной катастрофы.</i>
Союз Правых Сил (2003)	<i>Мы победили и в 1996-м, когда страна стояла перед угрозой реставрации коммунистического террора.</i>
Аграрная партия России (2003)	<i>В период с 1991 по 2000 год разрушительные процессы затронули все сферы жизни общества. Демократия в России в период правления Ельцина приобрела уродливые формы, народовластие было подменено анархией в сочетании с авторитаризмом.</i>
Концептуальная партия «Единение» (2003)	<i>Справедливое жизнеустройство в России-СССР не состоялось до сих пор потому, что толпа хотела такого вождя, который бы ее, бездумную и безответственную, внес бы в светлое будущее на своем горбу, а она бы тем временем еще и поливала бы этого вождя грязью, если бы это будущее не соответствовало ее волеизъявлениям. Но никому не позволено въехать в рай на чужом горбу.</i>

Народно-республиканская партия России (2003)	<i>Политическая элита конца прошлого века оказалась неспособной извлечь уроки из исторических ошибок в управлении страной. Все ее помыслы сосредоточились на удержании и воспроизводстве собственной неограниченной власти. Как результат, в стране был установлен авторитарный режим, опирающийся на единоличную, практически бесконтрольную и безответственную власть Президента.</i>
--	---

	<i>свершения во славу процветания и могущества Российского Отечества.</i>
Коммунистическая партия Российской Федерации (2007)	<i>Будущее России можно строить только на прочном фундаменте ее созидательных традиций и исторической преемственности.</i>
Партия «Яблоко» (2007)	<i>Россия должна, наконец, перестать быть страной с «непредсказуемым прошлым», чтобы не оказаться без будущего.</i>

Помимо восхваления и отрицания прошлого для программных документов, как и для российского политического дискурса в целом, свойственно переворачивание оппозиции «прошлое – настоящее – будущее». Политические партии пытаются перекинуть мост предвидения из прошлого в будущее, минуя настоящее. Именно события минувших лет, а не современная действительность, часто являются некой проекцией будущей реальности (табл. 8).

Таблица 8

Название партии	Текст программного документа
Союз Правых Сил (2003)	<i>Мы должны защитить демократические завоевания прошлого. И тем самым защитить будущее России.</i>
Концептуальная партия «Единение» (2003)	<i>Будущее вырастает из всех итогов прошлого. Так что думайте прежде, чем что-то сеять, чтобы не плакать от бессилия, когда посеянное вами вырастет и предъявит вам счет. Это касается и предстоящих выборов в Госдуму.</i>
Либерально-демократическая партия России (2007)	<i>Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Российское государство прошло в XX веке через кровавые, разрушительные войны, насильственные революции и губительные реформы, потеряло миллионы людей. Ныне наступил новый исторический этап – этап очищения России от мракобесия и засилья враждебных внутренних и внешних сил, этап ее возрождения как великой державы, могучей и миролюбивой, гуманной и демократической, свободной и процветающей, дающей всему миру пример подлинной цивилизованности и высокой духовности.</i>
«Патриоты России» (2007)	<i>За нашими плечами – богатейший опыт тысячелетней истории нашей страны. За нами – родная земля и вдохновляющий пример наших героических предков, славные имена которых навеки золотыми буквами вписаны в историю человечества. Впереди у нас – большие дела и новые</i>

Нельзя переписать историю, и спрятать Россию в прошлом невозможно тоже. Критически анализируя прошлое, признавая ошибки и провалы, учитывая взлеты и достижения, мы вправе гордиться всем лучшим, что унаследовано как от Империи, так и от Союза. Но для обретения исторической перспективы необходимо не только знать и уважать свое наследие, важно помнить о том, что мы живем в настоящем, и от того, какой является актуальная действительность, зависит наше будущее – ее логическое продолжение.

В целом, в предвыборной популистской риторике отражены интересы самых разнообразных политических партий, блоков и движений. Однако несмотря на разницу идеологий и политических пристрастий, программные обещания строятся примерно одинаково, обнаруживая больше сходств, чем различий. К характерным чертам предвыборных документов можно отнести единообразие, популизм, декларативность, отсутствие конкретики, многозначность интерпретации событий минувших лет, доминирование негативного представления настоящего момента действительности либо его элиминация из триады «прошлое – настоящее – будущее».

Таким образом, программные документы оказываются набором достаточно общих принципов (политико-экономических и морально-ценностных), которые отображают основные проблемы государства и общеизвестные ожидания населения относительно позитивных преобразований в будущем страны, то есть, по сути, являются обычным демагогичным продуктом «избирательных технологий».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е. В. Лингвокультурологический анализ текстов партийных программ / Лингвистика: Бюллетень Урал. лингв. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т. – 2003. – Т. 11. – С. 10–20.

2. Репников А. В. Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века / Кто и куда стремится вести Россию? Факторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. – М., 2001. – С. 48-53.

© Солопова О. А., 2008

Фернандес-Диас Г.

Севилья, Испания

Перевод: Аникин Е.Е.

**КОРПУС ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ
И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЕ
К ПРЕПОДАВАНИЮ ЯЗЫКА**

Abstract

The main purpose of this paper is to build and exploit a corpus on political language in order to show the reader what kind of information can be gathered just by observing the use of the language in its context. We demonstrate how a corpus can be exploited for the acquisition of a specialised language, specifically, political language (PL). By using some basic processing tools in Corpus Linguistics, we analyse PL in the context of the European Union (EU). Firstly, we show how to compile a corpus from scratch. Secondly, we present the two corpora we have built for our research: a general reference corpus and a specialised corpus. The first corpus consists of approx. 500,000 words collected from the speeches of Javier Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, whereas the second one consists of approx. 200,000 words on the topic of Human Rights. Thirdly, we process our corpora in order to examine the most distinctive features of PL vocabulary. Thus, we will analyse common political terms and expressions based on the following criteria: frequency of words, key words in context, word clusters, collocations, and concordances. Samples and data are collected and presented throughout the paper to support our analyses and hypotheses. Our final goal is to show teachers and language learners how to familiarise themselves with the terminology representative of present-day Politics within the scope of the EU.

1. Введение

Задачей данной работы является построение и использование корпуса языка политики в преподавании иностранного языка. Таким образом, мы продемонстрируем преподавателям языка и изучающим язык, какого рода информацию можно собрать, просто наблюдая за использованием языка в контексте. Более того, мы покажем, как знакомиться с терминологией, представляющей современную политику в контексте Европейского Союза. В первой части нашей статьи мы даем характеристику теории и практики корпусной лингвистики. Во второй части мы объясняем, как собрать корпус и представляем два наших корпуса, т.е. общий референтный корпус и специализированный корпус. Третья часть посвящена использованию и анализу этих корпусов. Мы представляем набор инструментов, использованный нами при проведении нашего исследования – программу *WordSmith Tools* – и проводим ряд важных экспериментов над корпусом политического языка (ПЯ). Более того – мы рассматриваем основные характеристики ПЯ. Таким образом, мы выявляем потенциальные термины в наших корпусах и исследуем то, как термины взаимодейст-

вуют друг с другом, принимая во внимание контекст, в котором появляются слова. В четвертой части мы суммируем наиболее важные выводы анализа и представляем некоторые из возможных направлений дальнейших исследований.

2. Корпусная лингвистика и ее применение

Наше исследование вписывается в рамки корпусной лингвистики (КЛ) как лингвистической методологии [Sinclair 1991; Kennedy 1998]. МакЭнри и Вильсон [McEnery & Wilson, 1991: 1] определяют КЛ как «исследование языка на основе изучения фактов использования языка в 'реальной жизни'». Исследования в данном направлении начались в 80-е гг. и интерес к нему постоянно возрастал по мере того, как появлялись новые технологии и совершенствовались компьютерные методы использования корпусов. Корпусы могут быть использованы различными способами, в зависимости от того, что именно Вы хотите изучать [Sinclair 1996; Bowker & Pearson 2002; Granger, Lerot & Petch-Tyson 2003; Laviosa 2003]. Так, корпусы могут применяться лексикографами, терминологами, переводчиками, преподавателями языка и их студентами – и это только часть возможных применений [Botley, McEnery & Wilson 2000; Zanettin, Bernardini & Stewart 2003]. Специалисты прибегают к анализу языковых корпусов для разных целей. Так, переводчик может использовать монолингвальный, билингвальный или мультилингвальный корпус с целью сопоставления вариантов использования определенных слов или выражений в различных языках. В несколько ином ключе учитель иностранного языка может продемонстрировать своим студентам использование определенных словосочетаний, идиом или выражений, типичное для изучаемого языка. Подобного рода информация недостаточно представлена в общих двуязычных словарях, которыми чаще всего располагают студенты. Терминолог – в свою очередь – может выделить терминологию, типичную для определенной дисциплины, через наблюдение использования языка в корпусе, относящемся к данной сфере. Точно так же, лексикограф может использовать корпус с целью создания новых словарей или с целью добавления новых статей к уже имеющимся.

Все эти различные способы применения демонстрируют важность корпусной лингвистики. В данной статье мы анализируем потенциал использования корпуса в преподавании языка. Таким образом, нас интересует исключительно изучение основных характеристик языковых корпусов в плане словаря и – более конкретно – часто употребляемых терминов и общих выражений с целью обеспечения преподавателей новыми механизмами и методами для работы в классе. Мы анализируем ПЯ, но наше исследование может быть приложено к любой другой специальной области.

3. Сбор корпуса

Для того, чтобы провести наши эксперименты, мы собрали два корпуса: общий референтный (ОР) корпус и корпус для специальных целей (СЦ). Проанализировав язык нашего ОР, мы уясним основы языка политики (ПЯ). Чтобы узнать больше о терминологии политического языка, мы противопоставили наш ОР корпус специальному корпусу по теме «Права человека» (ПЧ).

Полный процесс сбора корпуса может быть резюмирован следующим образом: поиск текстов в Интернет, выбор и сохранение подходящих текстов с сайта, создание картотеки и, наконец, подготовка текстов к процессу анализа [Bowker 2002].

Наша первая задача состояла в определении выборки текстов для представления нашего корпуса. В данной статье мы принимаем определение корпуса Баукера и Пирсона [Bowker & Pearson's, 2002: 9], согласно которому корпус представляет собой «крупное собрание аутентичных текстов, составленное в электронной форме в соответствии с определенным набором критериев». Таким образом, наши корпуса ОР и СЦ содержат репрезентативную выборку текстов по теме Политики и ПЧ соответственно. При создании корпуса специального языка, общепринятой практикой является поиск документов известных организаций и учреждений, таких как Европейский Союз (ЕС), информации из которых можно гарантированно доверять. Кроме того, документы ЕС общедоступны и могут быть использованы для целей исследования. Для нашего исследования мы выбрали тексты Совета ЕС (http://ec.europa.eu/external_relations/human_rights/doc/index.htm; http://www.consilium.europa.eu/cms3_applications/applications/solana/index.asp).

Данный сайт содержит архивы с различного рода документами, используемыми ЕС. К примеру, можно обнаружить все речи Хавьера Соланы – Уполномоченного Представителя ЕС по Общей Внешней Политике и Безопасности, Генерального Секретаря Совета ЕС, начиная с 1999 года по настоящий момент. На самом деле, наш ОР корпус состоит из всех речей, которые Солана представил на английском языке в период с 2000 по 2005 гг., в сумме составивших 171 обращение. Мы считаем речи Хавьера Соланы репрезентативными для современной По-

литики, а значит, подходящими для нашего исследования.

В конечном итоге, документы были собраны в один файл (их было необходимо конвертировать из формата PDF в обычный текст для обработки программой *WordSmith Tools*); корпус составил 534,302 слов. С другой стороны, наш корпус СЦ состоит из текстов, собранных в отделе ЕС по ПЧ, в сумме 190,916 слов. Объем данных корпусов представляется достаточным наглядным материалом согласно стандартам КЛ [Bowker & Pearson 2002; Hunston 2002].

4. Обработка и анализ корпуса

Следующий этап – обработка корпусов. Мы использовали программу *WordSmith Tools*, разработанную Майком Скаутом из Университета Ливерпуля и доступную на сайте <http://www.lexically.net/wordsmith/version5/index.html>. *WordSmith* создан из интегрированного набора программ, часто применяемого в КЛ. Прежде всего, нам было необходимо определить наиболее часто употребляемые лексемы из нашего корпуса СЦ. У программы *WordSmith* есть функция, называемая *WordList*, которая выдает списки групп слов для любого количества документов или текстов. Эти списки можно формировать согласно различным критериям: по алфавиту, по частотности и статистически.

Так как нас интересуют исключительно знаменательные слова, было необходимо задать программе *WordSmith* файл “Список запрещенных слов”, содержащий те служебные слова, которые нам не было нужно обрабатывать и загрузить его таким образом, чтобы всякий раз при генерировании списка служебные слова игнорировались.

Статистическая обработка двух наших корпусов с помощью программы *WordList*, показала, что наш корпус ОР состоял из 534,302 символов (общее количество слов в корпусе) и 9,664 типов (количество разных слов в корпусе), тогда как наш корпус СЦ состоял из 181,751 символов и 8,071 типов (см. таблицу 1). Специальные корпуса характеризуются низкой пропорцией новых терминов на текст, т.е. соотношением «типы/символы». Например, корпус из 1,000 слов/символов может содержать 300 типов, что означает, что многие слова в корпусе повторяются. Соотношение между типами и символами составит 30%.

Таблица 1

№	текстовый файл	размер файла	текстовый файл	размер файла
текстовый файл	Общее количество	ОРКорпус.txt	Общее количество	СЦКорпус.txt
размер файла	3203175	3203175	1174071	1174071
символы (текущие слова) в тексте	534302	534302	190916	190916
символы используемые для списка слов	534302	534302	181751	181751
типы (отдельные слова)	9664	9664	8071	8071

Продолжение таблицы 1

соотношение тип/символ (СТС)	1,808714867	1,808714867	4,440690994	4,440690994
стандартизованный СТС	42,08634186	42,08634186	37,24365234	37,24365234
стандартизованный СТС кв.откл.	57,71938324	57,71938324	62,85292816	62,85292816
стандартизованный СТС баз.	1000	1000	1000	1000
средняя длина слов (кол-во знаков)	4,828647614	4,828647614	5,24157238	5,24157238
средняя длина слов кв.откл.	2,830578804	2,830578804	3,097258329	3,097258329
предложения	28522	28522	5187	5187
в среднем (количество слов)	18,73296928	18,73296928	35,0395813	35,0395813
кв.откл.	11,02304363	11,02304363	45,02746964	45,02746964
параграфы	1	1	1	1
в среднем (количество слов)	534302	534302	181751	181751

Списки частотности предоставляют информацию и статистику по частотности слов в корпусе, что помогает преподавателям языка и изучающим язык определять природу предмета, с которым они имеют дело [Leech, Rayson & Wilson 2001]. В данной работе мы представляем списки частотности для 25 наиболее распространенных терминов в наших корпусах. Эти термины дают изучающим язык реальное представление о содержании корпусов и позволяют им ознакомиться с наиболее релевантной терминологией в ПЯ в контексте ЕС. Таким образом, как мы увидели, что к числу наиболее репрезентативных слов для речей Хавьера Сола-

ны относятся следующие: "security" («безопасность»), "political" («политический»), "work" («работа»), "military" («военный»), "policy" («политика»), "crisis" («кризис»), "peace" («мир»), "defence" («оборона»), и "management" («управление») и многие другие. С другой стороны, наиболее распространенными словами в корпусе СЦ стали: "rights" («права»), "human" («человек»), "commission" («комиссия»), "member" («член»), "support" («поддержка»), "democracy" («демократия»), "assistance" («помощь») и "women" («женщины») – и многие другие (см. таблицу 2).

Таблица 2

№	ОРКорпус Слово	Част.	%	СЦКорпус Слово	Част.	%
1	EU	2489	0,465841413	RIGHTS	2226	1,165957808
2	SECURITY	1926	0,360470295	HUMAN	1935	1,013534784
3	EUROPE	1803	0,33744961	EU	1402	0,734354377
4	WORLD	1286	0,240687847	COMMISSION	846	0,443126827
5	POLICY	1200	0,22459209	COUNCIL	693	0,362986863
6	STATES	1100	0,205876082	MEMBER	603	0,315845698
7	INTERNATIONAL	1096	0,205127433	STATES	516	0,270275921
8	POLITICAL	1036	0,193897828	COUNTRIES	512	0,268180758
9	MILITARY	995	0,186224267	INTERNATIONAL	486	0,254562229
10	WORK	947	0,17724058	SUPPORT	474	0,248276725
11	COUNTRIES	940	0,17593047	DEMOCRACY	382	0,200087994
12	CRISIS	931	0,174246028	COMMUNITY	375	0,196421459
13	PEACE	899	0,168256909	PARLIAMENT	351	0,183850482
14	PROCESS	851	0,159273222	ARTICLE	329	0,172327101
15	NATO	818	0,153096944	PROJECTS	321	0,168136775
16	SUPPORT	783	0,146546334	ACTIVITIES	308	0,161327496
17	FOREIGN	782	0,146359175	LAW	308	0,161327496
18	COUNCIL	748	0,139995739	POLITICAL	306	0,160279915
19	CAPABILITIES	734	0,137375489	DEVELOPMENT	304	0,159232333
20	MEMBER	706	0,132135004	CIVIL	293	0,153470635
21	CONFLICT	659	0,123338483	DIALOGUE	275	0,144042403
22	DEFENCE	658	0,123151325	ASSISTANCE	271	0,14194724
23	OPERATION	653	0,122215524	WOMEN	271	0,14194724
24	MANAGEMENT	643	0,120343924	ACTION	264	0,138280705
25	REGION	607	0,113606162	UN	264	0,138280705

Данные списки предоставляют информацию о злободневных вопросах политической реальности наших дней. Следовательно, если преподаватель английского языка планирует построение активного словаря политических терминов для работы со студентами, то все эти слова необходимо включить.

Тем не менее, если мы хотим знать то, как слова соотносятся друг с другом, нам необходимо провести дальнейшие эксперименты, т.е.

поиск групп слов, словосочетаний и ключевых слов [Biber, Conrad & Reppen 2000].

Группы слов представляют собой функциональную группу, интегрированную в программе *WordList*, которая показывает наиболее частотные комбинации слов в определенном тексте. В Таблице 3 приведены 25 наиболее распространенных групп из трех слов для прилагательного “international” («международный») – одного из наиболее репрезентативных слов нашего ОР корпуса:

Таблица 3

№	Группы ОР Корпуса	Част.	Длина
1	THE INTERNATIONAL COMMUNITY	181	3
2	OF THE INTERNATIONAL	78	3
3	ON THE INTERNATIONAL	38	3
4	OUR INTERNATIONAL PARTNERS	26	3
5	INTERNATIONAL COMMUNITY IS	24	3
6	WITH OUR INTERNATIONAL	22	3
7	IN THE INTERNATIONAL	21	3
8	THAT THE INTERNATIONAL	20	3
9	OF INTERNATIONAL LAW	20	3
10	TO THE INTERNATIONAL	20	3
11	AND THE INTERNATIONAL	20	3
12	THE INTERNATIONAL CRIMINAL	18	3
13	PEACE AND SECURITY	16	3
14	INTERNATIONAL PEACE AND	16	3
15	IN INTERNATIONAL RELATIONS	16	3
16	INTERNATIONAL CRIMINAL COURT	16	3
17	BY THE INTERNATIONAL	16	3
18	BASED INTERNATIONAL ORDER	16	3
19	FOR INTERNATIONAL MISSIONS	14	3
20	IN INTERNATIONAL AFFAIRS	14	3
21	RULE BASED INTERNATIONAL	12	3
22	ATOMIC ENERGY AGENCY	12	3
23	A RULE BASED	12	3
24	THE INTERNATIONAL SCENE	12	3
25	INTERNATIONAL COMMUNITY TO	12	3

Наблюдая за этими моделями, учащиеся могут знакомиться с новыми комбинациями слов в контексте ПЯ. Например, “international criminal court”, “international relations”, “international community”, “international affairs”, “international law” и “international scene”, среди прочих.

Кроме того, если они хотят узнать больше о частотности этих групп слов, они могут изучить словосочетания и согласования со словом «международный». Программа *WordSmith* интегрирует специфический инструмент для анализа сочетаний в корпусе, известном как «Сочетание».

Сочетания предоставляют конкретную информацию о порядке слов в контексте. Статистика, приведенная в таблице 4, показывает, что лексема “community” («сообщество») чаще

всего сопровождает лексему “international” («международный»); вслед за ней одинаково часто встречаются лексемы “law” и “security” («закон» и «безопасность»). Говоря кратко, лексема «международный» встречается 1128 раз в нашем корпусе ОР, 189 раз в сочетании со словом “community” («сообщество»). Более того, слово “community” («сообщество») появляется в непосредственной близости от лексемы “international” («международный») 187 раз справа и лишь дважды слева. В свою очередь, слово “law” следует за словом “international” в 56 случаях из 62 справа от него и 6 раз – слева, а слово “security” следует за словом “international» 54 раза справа и лишь 8 раз слева.

Таблица 4

№	Слово ОР Корпуса	С	Тексты	Общ.	Общ слева	Общ справа	Л5	Л4	Л3	Л2	Л1	Центр	П1	П2	П3	П4	П5
1	INTERNATIONAL	INTERNATIONAL	1	1128	16	16	6	8	2	0	0	1096	0	0	2	8	6
2	COMMUNITY	INTERNATIONAL	1	189	2	187	0	0	0	2	0	0	187	0	0	0	0
3	SECURITY	INTERNATIONAL	1	62	8	54	4	4	0	0	0	0	34	0	18	2	0
4	LAW	INTERNATIONAL	1	62	6	56	0	0	2	4	0	0	48	8	0	0	0
5	ORGANISATIONS	INTERNATIONAL	1	60	0	60	0	0	0	0	0	0	42	8	10	0	0
6	ORDER	INTERNATIONAL	1	46	4	42	0	4	0	0	0	0	40	0	2	0	0
7	INSTITUTIONS	INTERNATIONAL	1	44	8	36	4	2	0	0	2	0	20	6	4	0	6
8	RELATIONS	INTERNATIONAL	1	42	4	38	0	0	2	0	2	0	38	0	0	0	0
9	PARTNERS	INTERNATIONAL	1	38	2	36	0	0	2	0	0	0	36	0	0	0	0
10	BASED	INTERNATIONAL	1	34	20	14	0	0	0	0	20	0	0	4	6	0	4
11	ISSUES	INTERNATIONAL	1	32	8	24	0	0	0	8	0	0	16	2	2	4	0
12	COOPERATION	INTERNATIONAL	1	32	8	24	4	0	4	0	0	0	16	0	4	4	0
13	ROLE	INTERNATIONAL	1	32	20	12	10	0	10	0	0	0	8	0	0	0	4
14	EU	INTERNATIONAL	1	30	20	10	10	4	6	0	0	0	0	0	0	2	8
15	WELL	INTERNATIONAL	1	30	20	10	6	4	2	8	0	0	0	4	6	0	0
16	AFFAIRS	INTERNATIONAL	1	28	0	28	0	0	0	0	0	0	28	0	0	0	0
17	SUPPORT	INTERNATIONAL	1	28	16	12	4	0	12	0	0	0	10	0	2	0	0
18	POLICE	INTERNATIONAL	1	28	10	18	6	0	4	0	0	0	16	0	0	0	2
19	CRIMINAL	INTERNATIONAL	1	26	0	26	0	0	0	0	0	0	24	0	0	0	2
20	PEACE	INTERNATIONAL	1	24	4	20	0	0	2	2	0	0	20	0	0	0	0
21	MISSIONS	INTERNATIONAL	1	24	6	18	4	2	0	0	0	0	18	0	0	0	0
22	TERRORISM	INTERNATIONAL	1	22	0	22	0	0	0	0	0	0	20	0	2	0	0
23	ORGANISATION	INTERNATIONAL	1	22	6	16	0	0	6	0	0	0	10	4	2	0	0
24	OPERATION	INTERNATIONAL	1	20	12	8	4	0	6	2	0	0	0	4	4	0	0
25	SYSTEM	INTERNATIONAL	1	20	4	16	2	2	0	0	0	0	16	0	0	0	0

Для того, чтобы собрать больше информации об использовании слова "international" («международный»), а также для того, чтобы пронаблюдать за тем, как представлены группы с ним и его сочетания в реальном контексте, преподавателям языка и изучающим язык необходимо изучить его согласования. *Согласо-*

вание позволяет выявить все случаи модели поиска в корпусе, а также в непосредственном контексте. *WordSmith* показывает результат в формате KWIC (Keyword in context – Ключевое слово в контексте). Возможности согласования слова "international" («международный») приведены ниже в таблице 5:

Таблица 5

1	Moldovan border, including the Transnistrian segment. They asked also for international monitoring of the border. Their request underlined the st
2	no place in this process. It is inconceivable for me and for everybody in the international community that violence resumes here. If any type of violence
3	eats and standing up for our values and interests. That, in short, is Europe's international calling. Let me make one final point. None of this is possible
4	relations will strengthen. Simply put, by becoming a stronger and more capable international actor, we will be a better partner for the United States.
5	One thing people expect is a stronger European role on the international stage. All the opinion polls say so. And it is logical too.
6	achievement for new comers and old member states alike. It is not often in international affairs that we develop a strategy which is so principled in terms
7	continue to respect and follow up on the commitments made to Baghdad during the international Conference in Brussels last June. Reconciliation is one of the
8	There are many challenges facing Iraq and the region. It is important that the international community, including its neighbours, continue to respect
9	lengthy and useful meeting. I told him that Lebanon had the full support of the international community and notably the European support. Resolutions passed in
10	Has achieved tangible results on the ground and is widely commended by the international community which is present in DRC for contributing to the success
11	IFOR initially started with a one year mandate. In the beginning, the international community's reconstruction plans for Bosnia spanned a five year
12	by a similar consensus about the country's constitutional future. We, the international community, must remain engaged and we will.
13	While Bosnia is ready for the next phase, this does not mean that the EU or the international community should disengage. Bosnia and Herzegovina still needs
14	and only 30 percent on services. It is also time to change the form of the international community's engagement. The Peace Implementation Council has said
15	development, not only, as in the early years, through short and medium term international aid. Foreign direct investment is up 25 percent since last year.
16	even if many pitfalls remain. The risk of a return to violence is low and international troop levels reflect this. IFOR deployed 60,000 troops in 1995.
17	three secret services, spying on each other, on their own people, and on the international community. There was no freedom of movement between the Republik
18	enormous task. The state barely existed. Its central institutions met only under international pressure and achieved little on their own. There was no common
19	and a society torn apart. During the summer of 1995, inside what we call the ' international community' a consensus had firmed up that the madness had to stop.
20	a great nation like Germany, conscious of its responsibility for European and international security, should always examine whether it can do more. Collective
21	late into strategic irrelevance. We can already see the contours of an emerging international order where new powers such as China, India and others will play
22	takes place in a fast moving environment which has altered the very nature of international security. Our work on CFSP and ESDP has been driven by two fundamental
23	To have, by next year, 13 rapidly deployable, self-sufficient units geared for international interventions and tasks up to full combat situations.
24	Decisions in real time; and a sense of doctrine of what the EU stands for in international affairs, provided by the EU Security Strategy, with which many of
25	military co-ordination in a broader context: that of the changed nature of international security. A consequence will be what we are doing in the EU in the

В этом смысле, учащиеся могут узнать даже больше об окружении слов, если ввести еще один критерий модели поиска – «контекстное слово». *WordSmith* позволяет пользователям ограничить поиск моделей, содержащих предварительно определенное контекстное слово. Это означает, что им будут показаны случаи

двух соседствующих слов в реальном контексте. Так, чтобы узнать, как слово “security” («безопасность») соотносится со словом «политика», ученикам или учителям необходимо ввести слово “security” в поисковую модель для сочетаний и слово «политика» как «контекстное слово» Результат представлен в таблице 6:

N	Согласование	Слово №	Предл. №
1	December 2005 Javier Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, made the following remarks at the ceremony held in Sarajevo on	878865	28455
2	38 Mr Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP), made the following remarks to the media at a joint	878547	28438
3	Javier SOLANA, European Union High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP), met today with Yuriy Yekhanurov, Prime Minister of Ukraine	872289	28030
4	Saying so, especially in this period of uncertainty. Originally, foreign and security policy was deliberately excluded from the remit of the European Community	869988	27883
5	EUFOR has been and continues to be a major success for the European Security and Defence Policy (ESDP). We should thank our commanders, General Reith	868992	27831
6	which are still there in many areas, six years after the start of the European Security and Defence Policy. We need commitments to allocate resources. We need	868623	27813
7	progress in framing and implementing an increasingly credible foreign and security policy. In the last years, we have also made huge strides in developing	867790	27771
8	international security. A consequence will be what we are doing in the EU in the area of security policy. Everybody is now familiar with the new strategic environment.	867620	27760
9	of us able to achieve by acting alone? Historically speaking, foreign and security policy is a late arrival on the European agenda. Yet we have made massive	866000	27653
10	ach of us able to achieve by acting alone? Historically speaking, foreign and security policy is a late arrival on the European agenda. Yet we have made massive	863282	27456
11	Javier Solana, European Union High Representative for the Common Foreign and Security Policy, called on Israel and the Palestinian Authority to keep up the	858981	27163
12	the Middle East, Mr. Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP), had meetings in Egypt with political leaders on 10 July	858773	27154
13	Middle East, Javier Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP), had a series of meetings with Palestinian leaders in Ramala	858417	27130
14	20 Mr Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP), made the following remarks to the media after his meeting	857149	27087
15	The list of where we have EUSRs is, in part, also list of where our foreign and security policy priorities lie: the Balkans, the Middle East Peace Process, Afghanistan	851035	26724
16	only had the Common Foreign and Security Policy, when we should had the European Security and Defence Policy too. Nonetheless, this historical review also point	846783	26462
17	Security Policy. And, between 1993 and 1999, we only had the Common Foreign and Security Policy, when we should had the European Security and Defence Policy too	846775	26462
18	European Political Cooperation when we should have had the Common Foreign and Security Policy. And, between 1993 and 1999, we only had the Common Foreign and	846761	26461
19	in the story. It brought us, amongst others, the birth of the Common Foreign and Security Policy (CFSP): an attempt to construct a sea-worthy foreign policy. It	846633	26453
20	Saying so, especially in this period of uncertainty. As you know, foreign and security policy was not part of the original package. Quite the contrary. The European	846500	26442
21	.8 Javier SOLANA, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, made the following remarks today on the occasion of the Meeting	839671	26041
22	Javier Solana, European Union High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP), met today with Mahmoud Abbas, Palestinian Authority Pres	839511	26034
23	Javier Solana, European Union High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP), met today with Milo Djukanovic, Prime Minister of Monten	839239	26020
24	5 Javier SOLANA, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, made the following remarks today at two press conferences in	838911	26003
25	of our action. This does not mean that we are not working on how European Security and Defense Policy (ESDP) can offer a meaningful contribution. Quite	823305	25135

Термин “security” («безопасность») появляется в свободном положении слева от термина “policy” (политика). Мы можем заключить, что “security policy” («политика безопасности») является словосочетанием в английском языке, в противоположность модели “policy security” («политика безопасности»). Это прием является весьма полезным с точки зрения демонстрации словосочетаний студентам.

Для того, чтобы установить, как релевантное слово соотносится с другими словами в одном тексте, нам необходимо ввести понятие “keyness” (понятие «значимости»). Оно устанавливает и выявляет те слова, которые встре-

чаются с необычно высокой частотностью в тексте или корпусе, в сравнении друг с другом. Свойство *KeyWord* в программе *WordSmith* используется как индикатор того, о чем сообщается в тексте, т.е. его реального содержания. Для проведения исследования “keyness” («значимость»), мы и противопоставили наш корпус ОР нашему корпусу СЦ. Проделав это, мы выявили те слова ПЯ, которые можно считать наиболее репрезентативными для сферы ПЧ. Ранее в таблице 2 были представлены наиболее частотные слова для нашего корпуса СЦ. Таблица 7 – напротив – представляет «ключевые слова» данного корпуса.

Таблица 7

№	Ключевое слово корпуса СЦ	Част.	%	Част. ОР	ОР. %	Ключевая роль
1	RIGHTS	2226	1,16595781	378	0,070349142	4049,872803
2	HUMAN	1935	1,01353478	378	0,070349142	3363,583008
3	COMMISSION	846	0,44312683	220	0,040943943	1315,849976
4	ARTICLE	329	0,1723271	16		761,5413818
5	EC	255	0,13356659	14		581,5216064
6	WOMEN	271	0,14194724	36		525,8504028
7	PARLIAMENT	351	0,18385048	112	0,020844189	495,9898071
8	TORTURE	179	0,09375851	0		479,4112854
9	PROJECTS	321	0,16813678	94	0,017494231	472,9154968
10	TRAINING	243	0,12728111	48		419,426178
11	ACTIVITIES	308	0,1613275	110	0,020471971	410,0469055
12	REGULATION	168	0,08799682	6		401,3905029
13	PROTECTION	247	0,12937628	62	0,011538748	389,4562683
14	EIDHR	135	0,07071172	0		361,5441895
15	PENALTY	135	0,07071172	6		315,5653687
16	COUNCIL	693	0,36298686	748	0,139209405	315,5527344
17	CHILDREN	163	0,08537786	22		314,9533386
18	LEGAL	209	0,10947223	60	0,01116653	310,6972046
19	GUIDELINES	138	0,0722831	10		302,4558716
20	DIRECTIVE	112	0,05866455	0		299,9378052
21	BUDGET	150	0,07856859	18		298,254425
22	COMMUNITY	375	0,19642146	273	0,050807711	288,1976318
23	COICOP	107	0,05604559	0		286,5456543
24	DEMOCRACY	382	0,20008799	288	0,053599346	282,6759338
25	PROMOTION	162	0,08485407	34		273,682312

Детально рассмотрев данный список, мы отмечаем, что представляет собой наш корпус СЦ. Студенты могут определить, что означает понятие “human rights” («права человека») в масштабах деятельности ЕС относительно «прав женщин и детей жить без пыток». Они также могут сделать вывод о существовании комиссии, ответственной за разработку «норм» и «проектов», а также за написание «статей» для «регулирувания политики в сфере защиты женщин и детей». Заключение о содержании текста в таком случае является достаточно исчерпывающим. Если мы еще раз противопоставим таблицы 2 и 7, мы можем выявить разницу между частотностью и степенью значимости.

Другими словами, частотные слова и ключевые слова представляют собой различные категории.

5. Выводы

В данной работе мы провели анализ ПЯ в контексте ЕС. Мы проанализировали использование ПЯ в двух корпусах, построенных и собранных для нашего исследования, учитывая следующие лингвистические факторы: частотность слов, ключевые слова, контекстные слова, сочетания и согласования. Для этого, мы использовали набор инструментов, разработанных для КП-анализа, т.е. инструменты программы *WordSmith*. Мы сфокусировали наше внимание на ПЯ, а точнее, на теме ПЧ, хотя

методика нашего исследования может быть распространена на другие области и сферы. Анализ и исследование слов в контекстах посредством использования корпусов открывает преподавателям и студентам путь к более глубокому знанию, пониманию и усвоению языка, в нашем случае, ПЯ.

Мы и далее намерены проводить эксперименты с корпусами с целью выявления большего количества характеристик ПЯ и политических речей. Так, одним из направлений исследования может стать сопоставительный анализ языка Хавьера Соланы и других политиков. Другим возможным направлением является выявление особенностей речей политиков на других языках, например, на испанском, и создание параллельного корпуса (англо-испанского) с целью сопоставления и противопоставления характеристик использования ПЯ в двух языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

Austermühl, F. Corpora as translation tools // *Electronic Tools for Translators* / ed. by F. Austermühl – Manchester: St Jerome Publishing. 2001. P. 124-133.

Biber, D., Conrad, S. & Reppen, R. (Eds.). *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. – Cambridge: Cambridge University Press. 2000.

Botley, S. P., McEnery, A. & Wilson, A. (Eds.). *Multilingual Corpora in Teaching and Research*. – Amsterdam: Rodopi. 2000.

Bowker, L. *Computer-aided Translation Technology. A Practical Introduction*. – Canada: University of Ottawa Press. 2002.

Bowker, L. & Pearson, J. *Working with Specialized Language. A Practical guide to using corpora*. – London: Routledge. 2002.

Granger, S., Lerot, J. & Petch-Tyson, S. (Eds.) *Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies*. – Amsterdam: Rodopi. 2003.

Hunston, S. *Corpora in Applied Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press. 2002.

Kennedy, G. *An Introduction to Corpus Linguistics*. – London; New York: Longman. 1998.

Laviosa, S. *Corpora and the translator // Computers and Translation: A Translator's Guide* / ed. by H. Somers – Amsterdam: John Benjamins. 2003. P. 105-117.

Leech, G., Rayson, P. & Wilson, A. *Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus*. – London; New York: Longman. 2001.

McEnery, T. & Wilson, A. *Corpus Linguistics*. – Edinburgh: Edinburgh University Press. 1996.

Sinclair, John. *Corpus, Concordance, Collocation*. – Oxford: Oxford University Press. 1991.

Sinclair, John. *How to Use Corpora in Language Teaching*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1996.

Zanettin, F., Bernardini, S. & Stewart, D. (Eds.) *Corpora in Translation Education*. – Manchester: St. Jerome Publishing. 2003.

© Фернандес-Диас Г., 2008

Червиньски П.

Катовице, Польша

СЕМАНТИКА НЕГАТИВНО ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (статья 2)

Abstract

The units naming the persons, make one of the most numerous nominative groups of the Soviet reality language. With their help in language of the Soviet ideology and propagation were made differentiation (distribution on categories) and estimation of various groups, layers and representatives of controlled society, that it is possible to consider as one of leading tools of authority realization. The article is devoted to the working out of criteria and bases of paradigmatic description of the negative estimation categories at a designation of persons in the Soviet reality language. The outputs to representation of man in the Soviet language world picture are outlined. It is made the conclusion of necessity to elaborate the generative-perceptive base of the sovietized language for description of internal, conceptual features causing semantics and word-using of this specific usual form of national language.

Рассмотренные в предыдущей статье¹ категории места и знания, даже как категории оценочные, не могут быть специфично советскими. Необходимо, видимо, установить, чем является, что представляет собой категория советского места, советского знания и т.п., чем отличаются они от таких же других. Семантика категории советского места, равно как и всякая какая-либо другая, должна выводиться из соответствующей группы слов, в которых она себя проявляет по преимуществу: *агитпункт* как место агитационного и пропагандистского воздействия на население перед выборами, *автогигант* как место крупномасштабного производства автомобилей – необходимого элемента социалистического строительства, *автоград*, *город-герой*, *Днепрогэс*, *дом-коммуна*, *жилмассив*, *жилплощадь*, *житница*, *Запад*, *здравница*, *интерклуб*, *интернат*, *клуб*, *койко-место*. *коллония*, *колхоз*, *колыбель революции*, *комбинат*, *коммуналка*, *корпункт*, *лагерь*, *лагпункт*, *мавзолей*, *Магнитка*, *малосемейка*, *дом пионеров и школьников*, *медвытрезвитель*, *музей (революции, боевой славы, трудовой славы)*, *нацокраина*, *нацокруг* и др. Далее она себя отражает (с учетом поставленной в данной работе задачи) в отношении к обозначению лиц – *автоградец*, *автозаводец*, *бамовец*, *бомж*, *жактовец*, *жилтоварищ*, *завклубом*, *завмузеем*, *избач*, *камазята*, *каналоармеец*, *квартирант*, *койко-больной*, *колонист*, *колхозник*, *межрайонец*, *невозвращенец*, *невыездной*, *непропущенный*, *несун*, *новосел*, *переселенец*, *покоритель (целины, Вселенной, космоса)*, *попутчик*,

¹ См.: Политическая лингвистика. Вып. (3)23'2007. Гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2007. С. 118-134.

поселенец, прогульщик, селькор, турксибовец, часовой (границ, рубежей, воздушных границ). И только на следующем, третьем этапе – как категория мотивационно-оценочная – *бомж, камазьята, невозвращенец, невыездной, несун, покоритель (целины, Вселенной, космоса), попутчик, прогульщик, часовой (границ, рубежей, воздушных границ)*, в интересующем нас случае – негативной оценки – *бомж, невозвращенец, невыездной, несун, попутчик, прогульщик* и т.п.

В данной работе, имея указанный порядок в виду, мы подошли к проблеме с другого конца – от негативной оценки, задавшись при этом вопросом, какие именно категории в отношении негативной оценки лиц можно считать характерными для советского языка или, шире, языка советской действительности, поскольку, то и другое – явления связанные, но не полностью совпадающие. Советский язык, скажем так, более узкая и специфически советизированная форма русского языка, хотя не только публицистически-официальная. Языком советской действительности можно было бы считать русский язык соответствующего периода, своими формами и используемыми значениями соотносящийся с тем другим обозначенным языком.

Прежде чем постараться представить в общих чертах другие возможные виды мотивационно-оценочных категорий, влияющих на распределение слов негативного обозначения лиц в языке советской действительности, с учетом дальнейших различий, обуславливаемых их подсемантикой, имеет смысл просмотреть все слова отобранной группы с суффиксом *-ун*, с тем чтобы выявить в них возможные смысловые категориальные проявления и оттенки, а также установить намеченное в начале анализа данной группы слов различие в степени их советизированности. Оставшимися не разобранными словами будут *крикун, хрипун, шептун, плясун, пачкун* и *писун*, по-разному распределенные в своих позициях в связи с отношением к общенародным значениям-коррелятам.

Крикун в своем советском значении (синонимы *горлопан, горлохват*) называет того, кто: а) выступая публично, привлекает к себе нежелательное внимание, говоря при этом не то, что следует и что одобряется генеральной политической линией на данный момент, или б) своим криком, резкими, обращающими на себя выступлениями создает ненужное замешательство, сея сомнения, неуверенность, неодобрение в слушателях, читателях, прямо или непрямо направленные против тех, кто руководит, подрывая, тем самым, их авторитет, мешая осуществлению руководства. В представленных дефинициях можно выявить компоненты, себя повторяющие для советизированных значений. Компоненты эти имеют структурно-организующий и необходимый характер. К ним относятся проявляющий себя соответствующим образом

субъект (1) и его проявление (2) с последствиями из него (3) в отношении социальных масс (4) и тех, кто над ними и ими руководит (5) с точки зрения оценивающего, т.е. самого говорящего (6).

Интересующие нас оценочные категории концентрируются во втором компоненте, являющимся основой внутренней формы значения слова и, тем самым, его семантической мотивации. Проявление субъекта имеет отношение к тому, что связывается с представлением о **Кричать**²: 1. Издавать крик (интересующий в данном случае как очень громкое, сильное, бурное проявление субъекта); 2. Громко говорить, громко сообщать что-л. (с точки зрения оценивающего важно не то, что при этом говорится и сообщается, а то, что это делается излишне громко и демонстративно, т.е. либо по неумению сдерживаться, вести себя разумно и взвешенно, либо с целью привлечь внимание к своей особе); 3. Звать громким голосом (т.е. взывать, призывать, обращаясь, – здесь также важно привлечение внимания к себе: идея зова как увлечения тех, кого зовут, за собой); 4. Громко, резко говорить, браня, выговаривая и т.п.; орать (неумение сдерживаться в своих негативных эмоциях, вести себя взвешенно, с соблюдением норм, с целью обличать ради самого обличения, высказывать недовольство, не имея ничего от себя предложить); 5. Много и подробно обсуждать что-л. злободневное (*много, подробно* и *обсуждать* значат в данном случае, прежде всего, неконструктивно, бесплодно, безрезультатно, т.е., в итоге, демонстративно и самоцельно, для привлечения внимания к себе); 6. Быть ярким свидетельством чего-л.; указывать на что-л.; привлекать к себе внимание, будучи слишком заметным, броским (в *крикуне* все эти признаки становятся средством негативной оценочности). Категория, которая проявляет себя в данном слове, может быть определена, таким образом, в отношении **поведения** определяемого ею субъекта-лица.

К той же оценочной категории относится и *хрипун*, обозначающий того, кто соответствующей манерой речи и пения, сдавленно-сиплым, хриплым, нечистым голосом, непрямо передает свое отношение к действительности и обществу, в котором живет. Если *крикун* в категории поведения связан с ее подзначением демонстративности, привлечения внимания к себе (поведенческий демонстратив), то *хрипун* проявляет значение отношения, в данном случае скрытого, передаваемого с помощью голоса, – поведенческий релятив (имплицитный и обобщенного типа, поскольку предполагает значением отношение неприятия советской системы и советского общества, образа жизни в целом, как таковых).

² Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

К тому же значению релятива оценочной категории поведения, но эксплицитного, т.е. явного, объявляемого, и не обобщенного, а элективного, т.е. нацеливаемого и выбираемого, типа следует отнести, из намеченных к рассмотрению, слово *писун*. Его оценочную семантику в интересующем нас ключе, как советизм, можно было бы определить таким образом: тот, кто, будучи недоволен отдельными проявлениями и недостатками советской системы, социалистического строительства и т.п., постоянными письменными обращениями и жалобами в соответствующие органы и инстанции, под видом желания исправления, а на деле не понимая смысла и целей происходящего, отвлекает от выполнения стоящих задач, расстраивая и дезорганизуя работу руководителей разного уровня, нарушая, тем самым, стабильность действия той системы, к улучшению которой якобы в своих заявлениях стремится (на словах, не на деле). Писание его имеет характер недержания мочи: *писун* – тот, кто все время пишет, и тот, кто все время мочится, писает (обыгрываемое совмещение значений), – проявления постыдно-болезненного и неуправляемого, не контролируемого, не подвластного ему самому, но весьма досадного и неприятно-тяжелого для окружающих.

К оценочной категории поведения, но иного, не релятивного и не демонстративного, под значения следовало бы отнести, из намеченных к рассмотрению, слово *плясун*. Его оценочность определяют уход, увлеченность, убежание от того, что волнует общество, чем живут советские люди, страна. *Плясун* не враг, не вредитель социалистического строительства, но посторонний, закрытый в себе, в своем увлечении, занятии, страсти, и потому не нужный и лишний в советском обществе элемент. *Плясун* прежде всего танцовщик балета, увлеченно танцующий, сконцентрировавшийся целиком на этом своем занятии, а через него фактически на себе. Самолюбование и страсть к своему занятию могут легко подтолкнуть его к стремлению начать искать страну и место, где он мог бы с большими пользой и выходом для себя отдаваться любимому увлечению и реализовать свою страсть к нарциссизму. *Плясун*, тем самым, отчасти, потенциально связан вторично с категорией места (что отражается также в значении самого глагола *плясать* 'вращаться, перебирать ногами, подпрыгивать на месте, беспорядочно, хаотично колебаться, перемещаться, дрожать, трястись'³). Однако определяющей для него остается черта поведения: *плясать* для него означает прежде всего вести себя не как все. *Пляшет* он, с одной стороны, потому, что ничего другого не может, это его занятие. *Пляшет* он потому, что таков характер

его проявлений, обусловленный внутренней нестойкостью, неустойчивостью, не привязанностью, неумением держаться чего-то определенного, находить для себя в этом опору. *Пляшет* он еще потому, что тем самым он убежит – от себя такого, от проблем, от не удовлетворяющей его „я”, не соответствующей ему действительности. И *пляшет* он, с другой стороны, потому, что, будучи или ощущая себя преследуемым, скачет и прыгает от карающего бича (ассоциативное отражение угрозы *Ты у меня еще попляшешь! допрыгаешься! попрыгаешься!*). *Пляшет* он еще, отчасти, рискуя, возможно в силу своего характера и своих пристрастий, играя с огнем, качаясь, вращаясь, перемещаясь по краю, над пропастью (*плясать по краю, над пропастью, на краю, над обрывом*), на границе возможного и дозволенного, вдоль протянутой линии, как своего рода границы того, что разрешено, но сомнительно в своей правильности, точнее того, что не явно запрещено или явно пока еще прямо не запрещено (колебательность, дрожание, трепетание глагола *плясать*: *в руках плясать, руки пляшут*). Равно как и того, что здесь и надежно и жизнь, с одной стороны, и там, ненадежно и потенциальная гибель и смерть, с другой: *канатный плясун* – канатоходец, рискующий жизнью, пляшущий на тонкой проволоке или веревке, отделяющей жизнь для него от смерти, единственно связывающей его с тем, что жизнь, другие люди и здесь. Сомнительности в оценке занятия придает также то, что *плясать* все же не *танцевать*, поскольку *пляс, пляска, плясать* означает, прежде всего, заниматься танцами, танцевать непрофессионально. *Плясать*, в принципе, каждый может, пляшут не по необходимости, а от нечего делать и по зову души, от того, что свободны в данный момент от работы, других занятий, дела, а усталость не валит с ног, силы на это есть. Называя танцовщика *плясуном*, профессиональную его деятельность, его занятие характеризуют как несерьезное, особых квалификаций не требующее, от неумения ничего другого, безделья, скуки и внутренней пустоты, как форму ухода от важного, нужного и значительного, происходящего в обществе и в стране. Советскость, в целом не в слишком значительной степени, несколько скрыто и специфично, придается данному слову, проистекает в нем от *позиции* – того, кто оценивает, авторитетной, авторитарной, дающей право оценивать и судить: тот пишет (*писун, писатель, писака, писарь, писарчук, бумагомарака, бумагомаратель, сочинитель, пачкун*), а этот пляшет – *плясун [чертов]*, вместо того, чтобы заниматься делом, тем, чем положено всем остальным, лишенным права себе самим выбирать занятие.

Плясун, тем самым, в связи со сказанным, можно было бы охарактеризовать как поведенческий дигрессив (лат. *digredior, digressus sum*

³ Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

‘отходить, уходить, удаляться; уклоняться’). Последующие оттенки категориального подзначения выводятся на основе признаков слов той же группы, что позволяет установить имеющиеся в данном звене классифицирующие, характеризующие оценочные слова различия. Определение их требует достаточно подробного анализа немалого списка слов, что не входило в поставленную задачу.

Еще одно советизированное значение слова *плясун* ‘тот, кто пляшет, выплясывает, угодничает, лебезит перед начальством, стараясь ему угодить, всегда готовый по первому зову броситься выполнять любое желание и требование’, это значение также относится к категории поведение и к той же третьей группе (от системы к субъекту-лицу), но с другим показателем, общим у данного значения слова с *писун* – поведенческий релятив эксплицитного и элективного типа. Поведение угодника-плясуна имеет явный, не укрываемый характер (отсюда его эксплицитность), направленный выборочно на того или тех, перед кем выплясывают (остальные объектом подобного проявления не являются), и, возможно, также выборочно, ради каких-то определенных целей, из чего следует элективность. Видимое отличие значений *писун* и *плясун*, равно как и двух разных значений слова *плясун*, состоит в занимаемой позиции оценивающего: с точки зрения институтива – представителя власти, структур, аппарата, системы, позиции авторитетной и авторитарной, и с точки зрения ингрессива (лат. *ingredior, gressus sum* ‘вступать, входить’) – не носителя власти, представителя множества, элемента массива, втянутого в общий состав и, волей или неволей, являющегося частью советского социального целого. Дальнейшее отличие *писун* и второго *плясун* будет связываться с семантикой производимых действий, имеющих разный характер. *Писать* – письменно сообщать, информировать, изливать на бумаге некое содержание, имеющее следствием, под видом исправления системы, мешать, отвлекать от дела ее исполнителей, в конечном счете, вредить. И *плясать* – прыгать, скакать на месте, выписывая ногами перед начальством всевозможные выкрутасы и кренделя, с намеренной целью выслужиться, добиться расположения, что-нибудь себе получить, возможно и часто за счет другого (других), тем самым, косвенно, а нередко и прямо, этим другим (другому) во вред.

Указанная здесь двойственность в проявлении оценочной категориальной семантики, связанная с позициями институтива и ингрессива (стоящего *над* и находящегося *в, внутри*), возможно, имеет достаточно регулярный характер, представляя две взаимодействующих разновидности советского языка. Проявление той и другой наблюдается как в непосредственных реализациях двух значений единого слова, по-

разному, нередко коррелятивно, связанных между собой, так и, практически в любом допустимом случае, потенциально отображая себя в словоупотреблениях, в узусе, речевых контекстах, типичных высказываниях, предполагающих соответствующую оценку.

Остающиеся два не разобранных слова – *шептун* и *пачкун*, – как представляется, можно было бы отнести к еще одной категориальной группе, выводимой по основанию отношение к **действию**. В словах подобного типа оценивается не поведение обозначаемого ими субъекта-лица, хотя поведение, как таковое, при этом не исключается. Оценивается их действие в смысле целенаправленного и(ли) прямо следующего из этого действия вреда. Референты слов этой группы в первую очередь агентивны, поскольку не просто ведут себя как-то, каким-то образом в том или ином негативно оцениваемом отношении, как *плясун, писун, топтун, крикун, говорун*⁴, часто потому, что иначе не могут, такова их особенность и отличительная черта, а в большей или меньшей мере сознательно и намеренно действуют, делая это отнюдь не случайно, не потому, что ничего иного не могут и не по одной только природе своего „я”. Отсюда большая сила их негативной оценки. Если слова типа *плясун, писун, топтун, крикун, говорун* содержат оценку пренебрежительно-снисходительную, возможно презрительную, неприязненно не одобряющую, насмешливо-раздраженную, злобную вследствие утомительности, надоедливости, однообразия и избыточности досадных и беспокоящих проявлений, то слова группы действия связаны с более сильными чувствами. Такими, как обличение, суровое осуждение, разоблачение, приговор.

Шептун оценивается как тот, кто за спиной, не публично, тайно и скрыто ведет подрывную деятельность, злобствует, критикует, клеветает, высказывает свое недовольство, нанося этим видимый и ощутимый вред и урон тому, на кого или в отношении и по поводу чего он *шепчет*. С позиции институтива это злобный и тайный враг, клеветник, распространяющий слухи и сплетни, подрывающие стабильность, порядок и в целом советский строй, сеющие в массах сомнения, неуверенность, неприятие, неодобрение, недовольство и страх. С позиции ингрессива это наушник, нашептыватель, доносчик, сексот, тот, кто тайно, скрыто доносит о чем-либо или о ком-либо по секрету на ухо начальству. Семантика глагола *шептать* задей-

⁴ *Говорун* в советском смысле тем отличается от *болтуна*, что *болтун* выбалтывает скрытое знание, секреты, а *говорун* говорит пустое, ненужное, бесполезное, тратит время на это свое занятие (как и *писун, плясун*), т.е. на говорение, болтовню, вместо того, чтобы делать что-то, работать, строить, принимать активно участие в общем деле. Потому что такая его природа, такова черта его поведения, проявления, потому что не может он удержаться от того, чтобы не говорить.

ствуется при этом во всех своих возможных значениях: произносить что-л. тихо, шепотом, чтобы другие не слышали, на ухо, конфиденциально и за спиной; шелестя, как шум ветра в листьях, повсюду, негласно, неявно, неуловимо; передавая слухи, перенося секреты, наговаривая и оговаривая кого-л. перед кем-л. (*шептать по углам*); заговаривая как бы при этом, заклиная, колдуя и ворожа (*шептать на воду, шептать на пагубу*), из чего следует представление о действии подозрительном, связанном с тайными укрываемыми знаниями и нечистом по своему характеру, происхождению и в своих намерениях. Действие, которое можно было бы охарактеризовать, в ключе разбираемого, как акциональный субрутив (лат. *subruo, subrutum* 'делать подкоп, подкапывать; подрывать, разрушать; портить, валить, опрокидывать') имплицитного (поскольку скрытый) и элективного типа (поскольку выборочно направленный).

Пачкун также двойственен. С точки зрения институтива это тот, кто своими высказываниями или произведениями марает, позорит, порочит советский строй, то общество и ту страну, которые его воспитали и выкормили, дали образование и т.д. Сила негативной оценки, следовательно, состоит, с одной стороны, в намеренном действии, имеющем смысл и цель опорочить, а с другой, в предательстве, желании очернить строй и систему, в которой вырос. С точки зрения ингрессива *пачкун*, прежде всего, аморален и в нравственном отношении нечистоплотен, своими действиями, при благоприятствующих условиях, готов опорочить и опозорить женщину в глазах окружающих, коллегу, приятеля в глазах начальства. Действия его могут иметь как намеренно-целенаправленный, так и не обязательно таковой характер, следуя из обстоятельств, желания выслужиться, предстать в выигрышном свете за счет других, просто из удовольствия кого-то запачкать, унижить, почувствовав при этом свое превосходство, силу и власть над другими. Так же как и в институтиве, *пачкун* ингрессива имеет две стороны – внутреннее стремление, неодолимую тягу мараить и грязнить, и неразборчивость, проявляющуюся в безразличии к объекту и месту такого действия, – то, что рядом, близко, что окружает, кому и чему обязан, к кому и к чему должен испытывать чувство признательности, привязанности, уважения, почтения, благодарности. В основе категориального определения слов рассматриваемой разновидности лежит характер направленно-воспринимаемого действия (действий) субъекта-лица. В связи с этим данное слово также можно определить как акциональный субрутив, но, в отличие от предыдущего, – эксплицитного, поскольку открытого, не укрываемого, и обобщенного, не элективно-го, типа (ко всему окружающему как таковому, а если реально, то на кого или что попадет).

Итак, как следует из просмотренной группы слов, мотивационное отношение советизированных единиц негативной оценки при обозначении человека непосредственно опирается на семантику и коннотации не столько общенародных своих коррелятов (что, впрочем, никак не исключено), сколько тех слов, в рассмотренных случаях соответствующих глаголов, с которыми они связываются отношениями производства – в параллель к разговорному корреляту либо через него. В любом случае поддерживающая коннотативная, ассоциативная и смысловая связь с глаголом оказывается сильна и весьма ощутима. При этом глагол составляющими едва ли не всех характерных своих значений так или иначе участвует в формировании оценочной семантики получаемой советской лексемы. Оценочные слова общенационального разговорного языка, если они по своим значениям не совпадают с советизированными, присутствуют по отношению к ним дополнительным, иногда не всегда ощущаемым фоном, не обязательно осознаваемым в своей семантике в употреблении (хотя подобные соотношения могут быть разными). Покажем это на примере рассмотренных слов *шептун* и *плясун*:

- Шептун* 1. 'скрыто клеветующий на советскую власть' < *Шептать* 2-го и др. знач.
2. 'наушник, доносчик начальству, сексот' < *Шептать на ухо, в уши*
Шептун 1. 'тот, кто шепчет, говорит тихо, шепотом' < *Шептать* 1-го знач.
2. 'тот, кто распространяет слухи и сплетни' < *Шептать* 2-го знач.
3. 'знахарь, колдун' (устар.) < *Шептать* 3-го знач.

Шептун 1-го значения советского языка следует из 2-го общеразговорного значения, совпадает с ним, напрямую при этом соотноситься с соответствующими значениями глагола; 1-е и 3-е знач. присутствуют дополнительно.

- Плясун* 1. 'танцовщик балета, способный покинуть страну' < *Плясать* 1-го и др. знач.
2. 'угодник перед начальством' < *Плясать перед кем, под чью-л. дудку*
Плясун 1. 'тот, кто пляшет, умеет плясать' < *Плясать* 1-го знач.
2. 'о том, чьи движения напоминают пляс' < *Плясать* 2-го знач.

Плясун 1-го значения советского языка в большей мере семантически и оценочно связан с семантикой и коннотациями глагола, хотя и выводится из 1-го значения существительного, которое не содержит всех тех оттенков и коннотаций, которые характерны глаголу – *неутомимый п., зажигательный п.* Как разговорное, не отмечаемое словарями, следовало бы отметить значение 'плохой танцовщик-профессио-

нал, не умеющий танцевать хорошо, как надо, на базе которого и появляется соответствующий советизм, развивая оттенки, связанные с увлеченностью, уходом в единственное занятие и в себя с возможностью «пляски отсюда», т.е. убеганием из страны (семантика поведенческого дигрессива).

Это последнее обстоятельство, как представляется, и составляет условия перехода лексемы общенародного языка и становления ее единицей советского узуса. Границы подобного перемещения связываются с приобретением единицей тех семантических и коннотативных признаков, которые следуют из семантики и коннотаций советского языка, представляющего собой в этом своем отношении особым образом организованную, концептуальную парадигмосистему, устроенную по типу картины мира, языковой советской картины мира как таковой. В связи с этим полное и обстоятельное определение единиц-советизмов неизбежно должно предполагать отнесение к этой системе, соотношения, следствия, отражения и связи с ней. Некоторые семантические черты и признаки данной системы были в предпринятом до сих пор анализе выявлены и при описании единиц учтены. Система складывается, по крайней мере действующий ее в связи с рассмотренным материалом фрагмент, из отношения *opus finitum* (наиболее важного, отправного и целевого, ее компонента – советский строй, режим, институты, строительство социализма) к субъекту-лицу, из отношения социального множества, общества, социума к субъекту-лицу и из обратных соотношений (см. табл. в предыдущей статье). Данные отношения, формируя группы, определяют степень советской актуализации, а тем самым, отчасти, степень советизированности языковой единицы. Влияют на эту степень, определяя одновременно ведущие категориальные признаки и их подзначения, также связанные с фрагментом языковой советской картины мира, являющиеся его составляющими, выведенные и проиллюстрированные в своих отражениях отношения места, знания, поведения, действия. Отношения эти, являясь общими для советской картины мира в целом, на последующих уровнях своего уточнения становятся средством типологического описания семантики языковых единиц, что также было показано на некоторых примерах (поведенческий демонстратив, релятив, дигрессив, имплицитного / эксплицитного, обобщенного / элективного типа и пр.).

Степень советизированности единицы обусловливается нередко узуальными и темпоральными предпочтениями, степенью актуализированности к политическому моменту соответствующих, ей приписываемых или уже в ней имеющих, коннотативных значений. Следы таких состоявшихся предпочтений могут затем сохраняться, оставаться в ней и после деактуа-

лизации. Из выбранных к рассмотрению двенадцати слов на -ун порядки подобного узуального распределения можно было бы обозначить следующим образом:

1. Единицы первой, наибольшей степени советизированности: *несун, болтун, топтун / топотун*.

2. Единицы второй такой степени: *летун, крикун, говорун*.

3. Единицы третьей степени: *шептун, плясун, писун, пачкун*.

4. Единицы четвертой степени: *хрипун, прыгун*.

Что реально влияет на эту степень, какие языковые признаки? Опуская все остальные возможные и подробно рассмотренные ранее как категориальные и имеющие отношение к парадигмосистеме, хотелось бы обратить внимание в данном месте еще на одну черту. Это степень оторванности, изолированного присутствия и восприятия в языковом сознании говорящего соответствующего оценочного значения слова советского языка в отношении значений того же слова, но общеязыковых. Критерий подвижный и относительный. Влияют на него, во-первых, появление слова как новообразования советского языка (*несун*) и потому невозможность установления для него соответствующих корреляций с общеязыковыми значениями. Во-вторых, развитие очень значительных, актуальных и в какой-то период времени весьма активных семантических и коннотативных признаков, делающих слово определяющим знаком-символом соответствующего этапа и связанной с ним политики (*болтун*). В-третьих, значительное лексическое смещение, возможно заимствование из не общенародного языка (диалект, жаргоны), и оттеснение общеязыковых значений того же слова на периферию, вытеснение их с точки зрения активности и актуальности (*топтун / топотун* для устной формы советского языка). Что касается слов второй степени, то их соответствующие употребления характеризует незначительная степень смещенности общих значений, часто даже не воспринимаемая в своем доведении, ощущение советизированного значения в реализации, часто следующей из фразеологизованных сочетаний: *летать с одного места работы на другое – летун; кричать с трибуны, на митингах, на каждом углу – крикун; говорить вместо того, чтобы дело делать – говорун*. Единицы третьей степени характеризуются нередко специфической ограниченностью употребления, не общей распространенностью в языке советской действительности, особенно степенью и неприязательностью, возможно грубой, окраски, исключаяющими их из форм официально публицистического использования как основного и наиболее характерного для советского языка: *плясун, писун и пачкун*, характерные прежде всего для речи партийно-номенклатур-

ных работников и сотрудников органов наблюдения, *шелтун* – как очень резко окрашенное и потому ограниченное в своем использовании значение. Единицы четвертой степени могут быть охарактеризованы в целом как малоупотребительные в соответствующих советских значениях, требующие контекстов и ситуаций, возможно поэтому не очень воспринимаемые и распознаваемые как единицы советского языка: *хрипун* предполагает понятным из ситуации референтом какого-нибудь несоветского духом барда, певца, поэта, вещающего из-за границы по радио диктора, эмигранта; *попрыгун* фигурирует как синоним слова *летун*, как его замещение, нередко при этом в общем контексте.

Рассматривая характер негативной оценки при обозначении человека в языке советской действительности с точки зрения составляющих эту оценку категориальных обоснований, стоит, по-видимому, также задуматься над тем, существует ли нечто общее, что объединяет все эти признаки, мотивируя определенным образом саму такую оценку. Это общее, если оно существует, должно быть связано с языковой советской картиной мира и отражать магистральную линию ее отношения к человеку, к его позиции, месту внутри себя, фактически быть воплощением советского взгляда на человека, концепции человека как таковой. Отвлекаясь от всех возможных и не случайных в данном случае ассоциаций по поводу колесика-винтика общей системы, участия в общем процессе и деле строительства социализма как его составляющая необходимая часть, по поводу благонадежности и лояльности, готовности быть и служить, по поводу преданности и самоотдачи как требования, предъявляемого к каждому и отдельно представителю общества и коллектива, необходимо выявить признаки, которые отражаются в коннотативной семантике исследуемых единиц. Выявить мотивирующую основу категориальной системы оценки. Подобной основой, как позволил установить анализ отобранного для изучения материала, могло бы быть невхождение человека как единицы, лица в организуемое, собираемое, объявляемое советское целое, его несоветскость, несоответствие, по тому либо иному категориальному основанию (и это основа исследуемой категориальной парадигмосистемы), формируемому образу требуемого общественного коллектива. Признак этот можно было бы назвать **декорпоративностью**, поскольку предполагаемой и желательной-требуемой его противоположностью, как позитив, являлась бы корпоративность – вхождение и соответствие, согласованность с декларируемым общим – *opus finitum* как его достигаемая цель, организуемым для достижения этой цели состоянием общества (социального множества), объявляемыми к осуществлению действиями и процессами для

достижения цели, определяемые как действия и процессы совместные, т.е. опять-таки корпоративные.

Декорпоративность как минус, ущерб, негатив в отношении человека, его неспособность или же нежелание быть заодно с направляемым к осуществлению поставленной цели общественным коллективом, имеет свои причины и основания, которые должны быть выявлены и обозначены. В этом и состоит смысл негативной оценки, и это же составляет основу ее дальнейшего категориального различения. Рассматриваемая негативная оценочность в отношении человека, в дальнейших ее различениях и уточнениях, становится способом дифференциации социального множества, используемого как инструмент и как средство для достижения политических целей, способом селективного, выборочного и сортирующего отношения к человеку. Важно определить и сказать, кто есть кто в отношении *opus finitum* и того, что с ним связано, что может влиять на его желаемое и направляемое осуществление.

В связи со сказанным выявляемые категориальные основания и их подзначения не могут быть безразличны к порядку и месту в системе, будучи отражением декорпоративности в той или иной позиции негативно оценивающего, отнюдь не случайным образом, взгляда. Однако прежде чем пробовать установить их места и порядок в системе, отношения друг к другу и в общей связи, необходимо представить все категориальные основания, которые в ходе анализа оказалось возможным установить.

Таких оснований получилось семь. Четыре из них – отношение к месту, знанию, поведению, действию – при рассмотрении слов с суффиксом *-ун* себя проявили. Еще составило категориальный признак отношения к обладанию и два, несколько отстоящих в своей позиции к пяти остальным, были названы кумуляцией и презентией. Прежде чем дать необходимую характеристику с определением каждого из семи оснований и установить их порядок в системе, представим их для начала в виде дифференцирующих признаков групп:

Место: *несун, летун, попрыгун, топтун / топотун, невозвращенец, нарушитель (границы), перебежчик, окруженец.*

Знание: *болтун, шпион, доносчик, переносчик (слухов), клеветник, сыщик, сексот, осведомитель, информатор, трансформатор, агитатор, фальсификатор, инсинуатор, просветитель, разглашатель, громкоговоритель, выдумщик, фантазер, прорицатель, пророк, догматик, вульгаризатор, эпигон, начетчик, попугай, стукач, дятел.*

Поведение: *крикун, хрипун, плясун, писун, говорун, пьяница, прогульщик, подхалим, аллилуйщик, писака, авантюрист, делец, предприниматель, сочинитель, писатель, графман, бумагомаратель, бюрократ, чиновник,*

чинуша, стилиага, перевертыш, последыш, позер, службист, аккуратист, политикан, обещалкин, пораженец, паникер, интеллигент, перестраховщик, вольтер, комплиментщик, жалобщик, нытик, шкурник, ловчила, ловкач, потребитель, антиобщественник.

Действие: *шептун, пачкун, пасквилянт, наушник, бракодел, саботажник, авральщик, штурмовщик, срывщик, порубщик, лакировщик, полировщик, антисоветчик, диверсант, провокатор, халтурщик, предатель, зажимщик, прижимщик, критикан, очковтиратель, поклепщик, подговорщик, наговорщик, анекдотчик, мироед, кровосос, кровопийца, живодер, мародер, отравитель, поджигатель, вредитель, расхититель, соглашатель, вымогатель, членовредитель, хулиган.*

Обладание: *взяточник, мешочник, перекупщик, валютчик, фарцовщик, карманник, шабашник, рвач, хапуга, хищник, барышник, стяжатель, пенкосниматель, нэпман, фабрикант, спекулянт, барыга, куркуль.*

Кумуляция: *лишонец, лавочник, обыватель, мещанин, иждивенец, трутень, дармоед, паразит, буржуй, единоличник, подкулачник, хозяйчик, господчик, попутчик, алиментщик, церковник, частник, собственник, мелкий собственник, гебист, отщепенец.*

Презенция: *левак, кулак, беляк, дворянчик, купчик, оппортунист, военспец, пацифист, аппаратчик, комитетчик, диссидент, отказник, лабазник, наемник, подзаборник, сожигатель, служитель (культы), оппозиционер, бывший, примазавшийся.*

Место в исследуемой системе рассматривается как отношение к некоторому пространству, локализация самого субъекта-лица либо объекта взаимодействия с ним со стороны субъекта, позиционное, точечное, отмеченное в границах субъектного проявления. Место может определяться как важное или неважное при характеристике, влияя тем самым на соответствующие подзначения внутри данной группы: как территориальное советское целое, актуализированное к его пересечению (*нарушитель*) и оставлению (*невозвращенец*); как место производственного участия советского коллектива (*несун, летун, попрыгун*); как локус пространственного самовосприятия субъекта с представлением о нарушении, вторжении в него со стороны советского органа наблюдения (*топтун / топотун*) и т.п. Признаками места, тем самым, становятся а) способ пространственной реализации, восприятия, протяженность – территориальное целое, место-объект (помещение, территория), точка / точки пространства; б) наличие актуальных либо неактуальных границ с точки зрения возможного нарушения, пересечения, удаления; в) отмеченность либо неотмеченность присутствием либо участием на нем социальных множеств, других субъектов; г) единичность / множественность / безразли-

чие актуальной проекции к территории, месту-объекту, точкам пространства (скажем, *несун, невозвращенец, перебежчик* для первого подзначения; *летун, попрыгун* для второго; *топтун / топотун* для третьего); д) отношение к аутоперцепции субъектного „я”, восприятие / невосприятие места как своего / чужого.

Знания определяются как сведения, информация не общего характера, известные одним и не известные другим. Как укрываемые, не объявляемые, они становятся объектом установления, разглашения, передачи и слежки. Как не укрываемые – распространения, оповещения, пропаганды, искажения, преувеличения, обмана и лжи. В структурном своем отношении знания устроены подобно категории места, т.е. для них допустима возможность иметь позиционный характер, отмеченный границами проявлений субъектов (субъекта); быть важными или неважными в отношении содержания; представлять отношение к целому (государственная тайна, советская идеология, сведения, касающиеся всей страны), к какой-то части (сведения, касающиеся отрасли, местности, предприятия, коллектива, группы лиц); к отдельному субъекту-лицу. Для знания также существенным оказывается пересечение, нарушение границ в смысле закрытости, не общей известности, ограничения к распространению. Третий признак (отмеченность / неотмеченность присутствием либо участием субъектов для места) у знания получает вид, также исходно связанный с субъектной отмеченностью, но интерпретирующийся в аспекте способности / неспособности эти исходные знания, сведения правильно применить (*догматик, эпигон, вульгаризатор, начетчик, попугай*). Четвертый и пятый признаки (единичность / множественность и отношение к аутоперцепции „я”) на уровне языковых значений для данной категориальной группы не актуальны, хотя способны себя проявить в речевой ситуации.

Поведение можно интерпретировать как свойство по проявлению, характеризующему субъекта и отличающему его от других. Свойство это воспринимается, во-первых, в отношении того, как ведет себя данный субъект, и, во-вторых, в отношении чего он себя так ведет. То есть, иными словами, какое несоответствие желаемому образу инкорпоративно-советского поведения и в отношении чего конкретно в советской действительности дает себя в нем обнаружить. В каждом отдельном случае отклонение от желаемого норматива к чему-то ведет, что-то за этим стоит и из этого может следовать. *Крикун* своими громкими выступлениями, намеренно или нет, дестабилизирует сложившийся status quo. *Хрипун* своим неприятным скрипучим голосом на самом деле не принимает советской действительности, не соглашается с ней, объективно – ее отрицает. *Плясун*, увлекаясь своим занятием, делает вид, что не заме-

чает того, что должно занимать советского человека, уклоняясь, тем самым, от дела строительства социализма. *Писун*, обращаясь письменно с жалобами в инстанции, недоволен, поскольку видит кругом недостатки, концентрируется на них и отвлекает от настоящего дела. *Говорун* говорит много лишнего, чего не следует говорить, дезорганизуя, тем самым, и отвлекая. *Пьяница*, также как и *плясун*, является уклонистом: посвящая время и силы питью, выключает себя из общего дела, дезорганизуя к тому же других. *Прогульщик* отлынивает от дела и также дезорганизует. *Подхалим*, выслуживаясь перед начальством, стремится использовать свое незаслуженно получаемое таким образом положение не на пользу общему делу (тем самым, также и уходя от него), а в личных целях. *Аллилуйщик* излишними восхвалениями также дезорганизует и отвлекает от выполнения стоящих задач. *Писака*, как *говорун*, *писун* и *плясун*, много, возможно лишнего, возможно также, что увлеченно, пишет, вместо того чтобы, как все другие, работать и остальным не мешать. *Авантюрист*, прежде всего политический, дестабилизирует своим безответственным и лично заинтересованным поведением сложившуюся систему преемственности и отношений в руководящем звене. *Делец*, равно как и *предприниматель*, увлеченный собственными интересом и выгодой, в отношении общего дела строительства социализма, личных выгод не предполагающего, оказывается в лучшем случае лицом бесполезным. *Сочинитель*, *писатель*, как крайняя степень того же самого *графоман*, определяются в интересующем нас ключе в том отношении, что, занимаясь своим поглощающим их занятием, самодостаточны и автономны, воображая, что что-то там значат, а общее, выполняемое всеми дело их не касается и им для самореализации и самооценки не нужно: *Подумаешь, там какой-то писатель! Вот еще (тоже мне) сочинитель (создатель, изобретатель, первооткрыватель и пр.)!*

Поведение, таким образом, оценивается в отношении **замещения** и **выключения**. Замещения лицом-субъектом общей, корпоративной деятельности, связанной с провозглашаемой финитной целью – строительством советского общества и социализма, с выключением себя из нее, деятельностью другого рода, как правило, субъективной и личной. То есть, тем самым, деятельностью значительно более низкого уровня и значения и, к тому же, как следствие, декорпоративной. Направления такой оценки связываются с дестабилизацией, неприятием (дезацептацией), уклонением (дигрессией), нарушением в правильном действии и структуре (дезорганизацией) – советской действительности как таковой в ее целостности, сложившихся, свойственных ей, в том числе и общественных, отношений, характерных положений момента, руководящих органов, институтов и

аппаратных структур, процессов функционирования и формирования в проекциях к видам и формам деятельности. Дополнительными, хотя существенными в отношении оценки, становятся для категории поведения такие признаки, как избыточность, интенсивность и неоправданность. Оцениваемое как негативное, кроме того, что связано с той или иной содержательной составляющей – дестабилизация, дезацептация и т.п. действительности как целого, ее общественных отношений, руководящих органов, аппарата и пр., – может быть еще и усилено, проявлять себя чересчур активно, в избыточно-преувеличенной форме (*писун*, *писака*, *крикун*, *аллилуйщик*, *бумагомаратель*, *стиляга*, *паникер*, *аккуратист*, *службист*, *нытик*, *ловчила*) либо с претензией, не соответствующей способностям или действительному положению вещей (*графоман*, *позер*, *комплиментщик*, *перестраховщик*).

Действие, по сравнению с поведением, более сильная составляющая рассматриваемой парадигмосистемы. В отличие от поведения, выступающего как характеристика свойства субъекта, себя тем или иным образом, вольно или невольно, намеренно или нет, проявляющего, действие представляет умышленный и сознательный вид агентивного проявления субъекта, как опосредованно, так и непосредственно направляемого им к совершению вреда. Вред этот может быть подрывным (субрутив) – *шептун*, *пачкун*, *пасквилян*, *наушник*, *наговорщик*, *поклепщик*, *предатель*, *хулител*, *соглашатель*; портящим (корруптив) с точки зрения искажения – *антисоветчик*, *анекдотчик*, *провока*, *халтурщик* или срыва – *бракодел*, *саботажник*, *авральщик*, *штурмовщик*, *срывщик*, *диверсант*, *растратчик*, *членовредитель*; ломающим, уничтожающим (деструктив) – *порубщик*, *отравитель*, *поджигатель*, *вредитель*; скрывающим истинное положение вещей (обскуратив) – *лакировщик*, *полировщик*, *очковтиратель*; посягающим на достоинство, честное имя, добро и неприкосновенность (инвазив) – *мародер*, *живодер*, *мироед*, *кровосос*, *кровопийца*, *шантажист*, *вымогатель*. Вред может иметь в виду или быть прямо нацеленным на советский строй как целое, на отдельные его составляющие, корпоративную деятельность советского общества в различных ее проявлениях, а также на благополучие, здоровье и жизнь советских людей.

Обладание связывается с незаконным или неодобряемым получением, присвоением, приобретением в собственность, прежде всего материальных, благ, представляющим собой результат используемой позиции – *взяточник*, *хапуга*, *пенкосниматель*, *нэпман*, *фабрикант*, деятельности, связываемой с обманом, перепродажей – *мешочник*, *перекупщик*, *фарцовщик*, *барышник*, нарушением законов – *валютчик*, *шабашник*, воровством – *карманник*, обу-

словленный свойством лица-субъекта – *рвач, хищник, стяжатель, барыга, куркуль*. Смысл негативной оценки концентрируется вокруг по-сессивности декорпоративного типа, в ущерб и за счет других, в том числе и в первую очередь советского общества и его членов. Отсюда намеренно социализируемый и потому в итоге своем связываемый с финитной деструкцией (для *opus finitum*) характер, приписываемый категории обладания. Тот, цель которого обладать и присваивать, вместо того чтобы участвовать в общем деле строительства социализма, отстает от корпоративного принципа вхождения в организуемое социальное целое и партиципации в нем, направленной на достижение общей цели. Отсюда три получившихся и взаимосвязанных подзначения, как субъективных препятствия к необходимому состоянию – изначальное свойство субъекта, его деятельность и позиция, которую он, занимая, использует не во благо общему делу, а ему вопреки. Обладание, тем самым, становится своего рода обратным отображением, отрицанием предлагаемой позитивной модели советской действительности, воплощаемой в общественной деятельности, и положения субъекта в ней, затрагивая ее входящие составляющие – квалитатив, узитатив и ситуатив.

Два оставшихся категориальных признака находятся в отношениях взаимной соотносительности. Как концентрирующий, вбирающий в себя, заряженный антиобщественный декорпоративный, враждебно настроенный (возможно, потенциально) элемент – кумуляция. И как элемент, подобным же образом себя проявляющий, но центробежный, и потому направленный из себя, не внутрь и не внутри себя. Признак, в большей мере связываемый, в отличие от предыдущего, не столько со свойством и психологией, сколько с позицией, отнесенностью, и потому называемый презентацией в отношении оцениваемого субъекта-лица. В этом последнем случае лицо определяется не как носитель чуждой и декорпоративной в советском значении и понимании общественной психологии и социальных идей (кумуляция), а как представитель чуждой социализированной структуры, как презентивный, а не кумулятивный ее элемент. Структура эта может восприниматься как то, что находится вне или существовало до создаваемой советской социальной структуры, равно как и то, что внутри нее представляет собой ее отрицание, неприятие и антиструктуру – организованную, воображаемую или индивидуальную (неучастия, невхождения, противопоставления себя ей).

В отношении кумуляции это могут быть исключенный из структуры советского корпоратива и потому потенциально опасный как затаившийся враг – *лишенец, буржуй, подкулачник* (с точки зрения институтива), *гебист* (с точки зрения ингрессива), носитель декорпоративной

общественной психологии в силу каких-либо социальных – *лавочник, обыватель, мещанин, единоличник, хозяйчик, господчик, церковник, частник, собственник, мелкий собственник*, либо индивидуальных причин – *иждивенец, трутень, дармоед, паразит*, отколовшийся, уклоняющийся, колеблющийся, сам себя исключивший, не (до конца) признающий советских принципов и общественных норм – *попутчик, алиментщик, отщепенец*.

В отношении презенции значения подразделяются следующим образом: представитель внешнего несвоего, несоветского, открытый и явный – *беляк, дворянчик, купчик, лабазник, наемник*, скрытый, неявный – *военспец, пацифист, служитель (культы)*, представитель внутреннего несвоего, несоветского, открытый и явный – *кулак, оппортунист, диссидент, отказник, оппозиционер* (с точки зрения институтива), *аппаратчик, комитетчик* (с точки зрения ингрессива), скрытый, неявный – *левак, бывший, примазавшийся, подзаборник, сожитель*.

Семь представленных категориальных значений отображают устройство парадигмосистемы советизированного языка, которая действует как основа для соответствующего производства и восприятия смыслов, т.е. как его генеративная и перцептивная база. Семь этих значений связаны отношениями, позволяющими, с одной стороны, определять их в системном единстве, с другой, – устанавливать группы и виды взаимных соположений, с дальнейшими уточнениями в подгруппах и подзначениях. Семь значений, как следует из их рассмотрения, имеют три объединяющих их основания, по которым они могут быть объединены соответственно месту в общей системе.

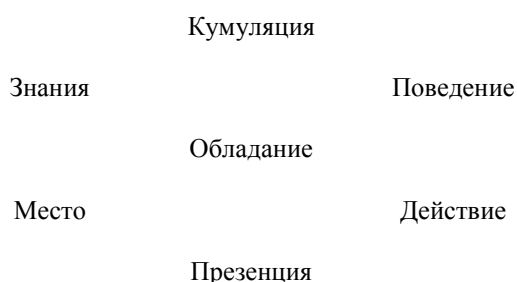
Первым таким основанием, объединяющим категории места и знания, будут **границы** и **протяженность** с различием конкретного (место) и отвлеченного (знания). Конкретное воплощает и обнаруживает себя как пространство, т.е. протяженность, субъектного проявления в границах определяемой территории или точки (точек). Отвлеченное – как информация, т.е. некое содержание (объем, протяженность) в границах не объявляемого, скрываемого, или, напротив, распространяемого, предназначаемого к оповещению, – как объект субъектного проявления.

Категории поведения и действия объединяются по основанию **субъектного проявления**, различаясь по признакам *свойство* (поведение) и *акция* (действие). Тем самым, с одной стороны, категории этого основания могут быть определены во взаимном соотношении – статичный носитель признака по проявлению в привычном занятии, действии, деятельности (поведение) и динамичный, активный производитель, или агент (действие). С другой, эти две категории статичного и динамичного проявле-

ния субъекта связываются с двумя предыдущими – местом субъектного проявления, проекцией данного основания к пространству, в его границах и протяженности, и знаниям как отвлеченному объекту субъектного проявления и существующему, также как место, в своих абстрактных границах и протяженности.

Третьим основанием будет **отношение к структуре** социума, объединяющее категории обладания, кумуляции и презенции. Обладание при этом характеризуется с точки зрения субъектного проявления к общему, с пребыванием, нахождением субъекта внутри. Кумуляция и презенция – в отношении к социуму как исключенное / исключившее себя из него (кумуляция) и как находящееся вне / внутри него несвое (презенция).

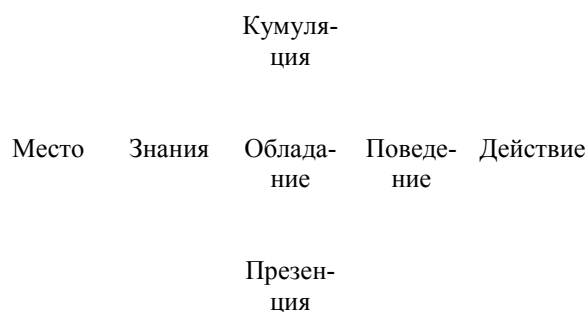
Пять оснований образуют группу субъектного проявления – место, знания, поведение, действие, обладание, противопоставляясь кумуляции и презенции как основаниям субъектной позиции и субъектного отношения к структуре социума. Обладание, включая признаки субъектного проявления к социальной структуре, объединяет и связывает те и другие, выполняя роль своего рода центра. В зависимости от способа представления описываемой категориальной системы соотношения ее составляющих могут быть разными, но центр (обладание) и ось (презенция, обладание, кумуляция) сохраняются. Одним из возможных видов подобного представления может быть следующий:

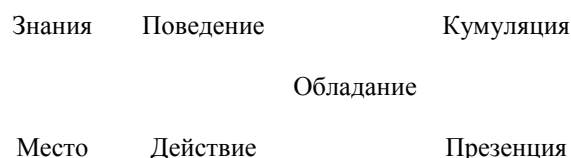
Левая часть построения связывается со статическим, правая – с динамическим в проекции к проявлению субъекта. Верх модели тяготеет к пассивности и отвлеченности, низ – к активности и конкретности. Осевая отображает связи и переходы от левой, статической составляющей к правой и динамической. Центр – от пассивности и отвлеченности к активности и конкретности. Следствия из указанных соотношений отображают себя в семантике коннотативно-оценочных обозначений, связанных между собой и включающих часто общие компоненты, по-разному организуемые в своих составляющих, с разной долей участия статического и динамического, пассивного и активного, отвлеченного и конкретного сопровождений.

Возможны также другие проекции определяемой модели, связанные с иным характером

представления категориальных соотношений. В качестве иллюстрации покажем две из них:

Данный вид отражает по горизонтали ось перехода от статического к динамическому в модели. Обладание, помещенное в центре, одновременно втягивает с себя и из себя испускает семантику всех остальных категорий, устанавливая их симметричные соотношения: Место – Действие, Знания – Поведение, Кумуляция – Презенция. По горизонтали – через посредство того, что ближе (Знания, Поведение), устанавливаются соотношения с тем, что второе и дальше (Место, Действие) и что, в свою очередь, направляется, связано и непосредственно взаимодействует со своим ближайшим и с центром как опосредующим. По вертикали центр выступает как регулятор верха и низа, определяя центробежно-центростремительный смысл проекций того и другого.

В этом случае модель определяет соотношение Знаний и Поведения как отвлеченных признаков в их отношении к конкретным Месту и Действию, также связанным между собой, и находящихся через включающее их семантику Обладание в регулируемых и симметрично определяемых отношениях к Кумуляции и Презенции.

Выступая концептуальным обоснованием производства и восприятия смысла, модель не может рассматриваться в своих составляющих как прямое отображение и воплощение в семантике слов. Существовая в языковом сознании сама по себе, она является способом отражения, интерпретации и восприятия внеязыковой действительности, в категориальных своих значениях и подзначениях становясь оформителем нереперентивной части негативно оценочного значения слова советского языка, по типу объединяемых в словоформе грамматических категориальных значений (*студентом* – муж.р, одуш., ед.ч., твор.пад.), но не для формы слова,

а для советизированного его значения, советизированной формы смысла.

Покажем это на некоторых примерах, взяв для этого слова общего подзначения.

Попутчик: тот, кто временно и только внешне примыкает к какому-л. общественно-политическому движению (преимущественно в эпоху подготовки социалистической революции в России и социалистического строительства в СССР). *Попутчики революции. Мелкобуржуазные попутчики.* | О группе писателей, выходцев из непролетарской среды, в основном поддерживавших политику советского государства в 20-30 годах⁵.

Кумулятивный потенциальностный дигрессив.

Структура данного определения состоит из референтивной („тот, кто“) и предизирующей (все остальное) части. Референтивная часть предполагает обозначением лица по каким-то признакам, отличающим его от других. Предизирующая содержит смысл этого отличия, распадающийся на три составляющих: обстоятельственную образа действия („временно или только внешне“ в определении), собственно предикат („примыкает“) и объектную („к какому-л. общественно-политическому движению“). Определение представляет структуру развернутого высказывания, само определяемое слово, тем самым, также может быть интерпретировано как высказывание, но свернутое, с подразумеваемыми имплицитными компонентами. Какова роль тех компонентов, которые делают слово, как свернутое оценочное высказывание, словом советского языка? Это первый вопрос, на который следовало бы постараться ответить. И второй – каковы роль и место тех компонентов, которые рассматриваются в данной работе как категориальные оформители советизированного оценочного значения?

В разбираемом примере, в отличие от многих толкуемых других, советизирующие слово факторы и компоненты, представлены в скобках и в явном виде („преимущественно в эпоху“ и т.д.). Это прежде всего фактор времени – начальный этап строительства социализма в России и СССР (20-30-е годы, как следует из дальнейшего), т.е. показатель периода активного употребления, использования значения слова в активе, узуальный и внеструктурный. Хотя и не безразличный в идеологическом отношении, поскольку это было не просто время, а время подготовки социалистической революции и социалистического строительства в России и СССР. Отсюда второй и третий советизирующие показатели значения разбираемого слова: отношение к *opus finitum* (финитность как категориальный признак) – социалистическая революция и социалистическое строительство – и

отношение к системе (советский государственный строй) и ее социальному множеству (советское общество).

Советизирующие разбираемое значение факторы и компоненты концентрируются, как следует из рассмотрения, в объектной составляющей предизирующей части определения („к какому-л. общественно-политическому движению“), замещая его собой, из неопределенного и относящегося потенциально к любому движению делая его определенным, привязанным и включенным, втянутым в советскую парадигмическую систему. Элемент «какому-л.» следует понимать как тому, которое стало инициатором и реализатором социалистической революции и социалистического строительства в России и СССР, т.е. большевизму. Элемент «общественно-политическому движению», соответственно, как тому, которое реализовало себя как совершившее социалистическую революцию и строящее социализм, т.е. всему тому, что является общественно-политической силой, все это осуществившей и осуществляющей – всего того, что поддерживает, иными словами, большевизм, а с ним советский строй и советскую власть или является ею.

Категориальные оформители разбираемого советизированного значения слова *попутчик* устанавливают, с одной стороны, отношение – несоветское, антисоветское, не включенное, исключенное и т.п. в своих разновидностях, определяемых в границах признака декорпоративности, и которое может быть явным, а с другой, уточняют характер его проявления и действия для обозначаемого словом субъекта-лица, который может быть далеко не явным и не очевидным. Если первое определяется и уточняется из предикатной части определения: тот, кто временно или внешне примыкает к делу строительства социализма в СССР, – то второе является следствием более дифференцированной процедуры. Примыкает, не будучи органическим элементом, т.е. являясь тем, кто себя не включает, не полностью чувствует единичей целого и не до конца, не все для себя признает, стоит как бы рядом с ней – кумулятив. Примыкая внешне и временно, т.е. будучи только рядом и около, наблюдая со стороны, постоянно внутренне для себя оценивает, что-то признавая и принимая, а что-то не одобряя и с чем-то не соглашаясь. Потому, при какой-либо неудаче социалистического строительства (серьезной и неизбежной или только временной и переходной – оценка его субъективна), при накоплении критической массы для себя в советском строе не признаваемого, будучи и чувствуя себя в структуре советского общества посторонним, он может, при подвергнувшемся случае или без такового, но уже не поддерживая, не принимая все наблюдаемое и происходящее в СССР, от всего этого и отойти – потенциальностный дигрессив, основанный на по-

⁵ Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

вышенном субъективном начале, противоположном и чуждом корпоративности.

Алиментщик: Разг. тот, кто платит алименты – денежные средства, которые в установленных законом случаях должны предоставляться родственником нетрудоспособному члену семьи, детям⁶.

Представленное значение не советизированное по виду, мало того, оно, кроме пометы разг., не содержит признаков коннотации и не выглядит как оценочное. И в том и в другом отношении поэтому должно быть уточнено, поскольку в употреблении ему свойственны все эти признаки.

Алиментщик определяется в нескольких отношениях. Во-первых, как бросивший жену с детьми, а потому безответственный, легкомысленный человек, плохой отец, семьянин и никудышный муж и мужчина. Происходит, тем самым, сужение значения по сравнению с определением: не всякий, кто платит, как родственник, нетрудоспособному члену семьи, а только отец на оставленного им ребенка, детей. Во-вторых, как уклоняющийся, обычно и часто, от алиментной уплаты, скрывающийся и скрывающий от судебных органов, исполнителей и бывшей жены действительные размеры своих доходов, место работы и проживания, в связи с этим нередко часто меняющий то и другое, выдавая себя безработным, бездомным и не обеспеченным. В-третьих, как следствие, очень непривлекательный как партнер и возможный супруг для повторного брака. В-четвертых, непостоянный и ненадежный, а потому нередко часто меняющий и бросающий женщин, беременных или с детьми, многодетный отец без детей и семьи. В-пятых, тот, который отцовское воспитание, участие, чувства и все остальное необходимое детям заменил им на деньги, раз в месяц выплачиваемые, нередко к тому же и по решению суда и под наблюдением соответствующих органов. И, наконец, в-шестых, как значение собственно советизированное, связанное с предыдущими определениями и следующее из них, это тот, кто нарушает потенциально советский закон, кто уклоняется, будучи ненадежным и безответственным, морально неустойчивым и укрывающимся, скрывающим свои доходы, место работы и проживания. Из чего также следует кумулятивный потенциальный дигрессив, но в отношении не системы (*opus finitum*), как в предыдущем примере, а социального множества – межличностных, правовых, трудовых и т.п. указанных выше проекций и определений субъекта.

Отщепенец: Пренебр. Человек, утративший, порвавший связь со своей общественной средой⁷.

⁶ Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

⁷ Там же.

В советском смысле под общественной средой следует понимать советский строй и советское общество, т.е. систему, финитность (советское общество, присоединяемое к советской системе, представляет собой само собой разумеющееся, но идеологически важное дополнение). Происходит, тем самым, смещение и замещение семантических компонентов значения: не всякая и не любая общественная среда и даже, собственно, не среда, а советский строй и как его продолжение – советское общество. Порвал и утратил он эту связь обычно не прямо, открыто и сам, а вследствие того или иного антисоветского по своему характеру субъектного проявления (оцениваемого так с позиции института) – кумулятивный реальный абруптив (лат. *abruptio*, *abruptum* ‘отрывать, срывать’, *se a* ‘вырываться’; ‘внезапно прерывать, прекращать; нарушать; отделять, отрезывать; ломать, разрушать (мосты); вскрывать (вены)’; *a. dissimulationem* ‘сбросить личину’), представляемый явно – как абруптив в отношении социального множества, в действительности, но неявно, – в отношении советской системы.

Возвращаясь к структуре определения слова, теперь с позиции возможной ее советизированности, следовало бы выделить в ней три составляющих: 1) субъектную, или собственно референтивную, обращенную к обозначаемому в реальной действительности субъекту-лицу как предмету оценки; 2) релятивную, или предикатную, называющую отношение субъекта-лица как предмета оценки, также негативно оцениваемое, к тому, что обозначается в 3) объектной, или финитной, части, имеющей отношение к представляемой в советском мировоззрении и потому реально-концептуальной действительности. Отчасти эта действительность реальна, являясь воплощением, реализацией определенных социальных идей, отчасти воображаема, оптаивна, представляя собой пример подмены желательного действительным. Однако, поскольку предмет анализа составляют языковые явления, действительность концептуальная также имеет для них объективный характер.

Субъектная, или референтивная, часть семантики слова, будучи обращенной к реальной действительности, не составляет предмета интересующего нас категориального описания, который концентрируется в релятивной и потому предикатной части, с переходом ее, обращением к финитно-объектной.

Субъектная часть, называя лицо, может быть представлена в виде формулировок ‘тот, кто’, ‘человек’, ‘мужчина’, ‘женщина’, ‘представитель’, ‘носитель’, ‘обладатель’, ‘сотрудник’, ‘член’, ‘один из’, ‘работник’ и т.п., а также, как, напр., при слове *полутчик* ‘о группе писателей, выходцев из непролетарской среды’, т.е. ре-

презентивно и описательно. Помимо собственно указания на каким-либо образом определяемое лицо субъектная часть включает в себя также представление о его признаке как характеристике: 'тот, кто' – *такой-то*, 'человек', 'мужчина', 'женщина', 'представитель' – *какой-то-то*. Субъектная часть, иными словами, является атрибутивным обозначением лица-референта.

Релятивная, или предикатная, часть содержит то представление, которое характеризует негативно оцениваемое отношение определяемого в субъектной части лица к объекту реально-концептуальной, и потому, по смыслу и по характеру своему в структуре определения, финитной части. Определяется по рассмотренным категориальным признакам именно эта часть в ее отношении к третьей.

На примере рассмотренного перед этим слова *отщепенец* соотношение частей можно представить следующим образом: 1) человек (тот, кто), оторвавшийся от своих, выкинутый, противопоставивший себя остальным – субъектная, референтивная часть; 2) порвавший, утративший связи с советским строем, исключивший себя из него вследствие антисоветского своего проявления – релятивная, предикатная часть; релятив уточняется как абруптив (кумулятивный, реальностный); 3) финитным объектом, объектом-целью, такого его отношения (кумулятивного абруптива) объявляется советское общество (социальное множество) и советский строй (система).

Для *алиментщик*: 1) мужчина, который, оставив ребенка (детей), является морально неполноценным и неустойчивым членом советского общества; 2) как таковой он может скрываться, утаивать сведения о себе, уклоняться от исполнения возложенных на него по суду финансовых обязательств – потенциальностный дигрессив кумулятива; 3) объектом такого его отношения становится общество, советский закон, потенциально все те, а в первую очередь, женщины, кому с ним придется на соответствующей почве столкнуться (брачной, семейной, финансовой, производственной, правовой).

Для слова *попутчик*: 1) человек (тот, кто) не уверен, колеблется, не полностью, не до конца примыкает, предпочитая быть в стороне, наблюдать, вместо того, чтобы вместе со всеми участвовать; 2) как таковой, примыкая и наблюдая, он в любой для себя подходящий и субъективно так воспринимаемый по любой причине момент, может предать, изменить, отказаться участвовать в 3) общем деле строительства социализма в СССР.

Выявленные в результате проделанного анализа особенности позволяют представить негативно оценочные лексемы, характерные для языка советской действительности, как отражения в своей коннотативно-семантической части мировоззренческой по своему характеру когнитивной системы – советской языковой картины мира. Признаки данной системы, определяя характер типично советского отношения к человеку, укладываются в парадигматику связей, имеющих, с одной стороны, общий, возможно универсальный, характер, с другой, специфическим образом насыщаемых, акцентуруемых и аранжированных. Предполагаемое в дальнейшем на данной основе словарное определение выбранных для рассмотрения лексем позволит более подробно и обстоятельно представить и описать как самую основу, уточнив ее в целом ряде признаков, свойств, компонентов и их отношений, так и определяемый лексический материал. Советский язык, язык советской действительности во всех своих составляющих, будучи следствием длительного лингвосоциологического и узуального языкового и речевого эксперимента, далеко не изучен, а фактически и не рассмотрен, с этих сторон. В указанном отношении он представляет разнобразный и необъятный в своих ресурсах, в том числе исторических, периодических и эпизодических, материал для изучения соотношений политики и языка, мировоззрения, идеологии и их отражений, социальной, институтивной, манипулятивной, антиинститутивной и всякой иной оценки (будучи языком прежде всего коннотаций и номинаций). Подобное его изучение, чтобы быть полным и всесторонним, должно включать в себя как желательное, с одной стороны, системно-парадигматический и когнитивный подход. Конечная цель такого подхода видится в представлении того, что, следуя принятой в последние два десятилетия терминологии, можно было бы определить понятием советской языковой картиной мира в ее категориальных, похожих на грамматику оформления, семантических и коннотативных проекциях. С другой, описание лексикографическое – развернутое, связанное с категориальным и парадигматическим представлением, советского и советизированного лексического и фразеологического материала. Такое его описание, которое бы учитывало в первую очередь его советизированную специфику, сходную и отличную у него от материала общезыкового. Пафос и смысл настоящей работы в подобного рода направленности и состоял.

© Червиньски П., 2008

Чудинов А. П.

Екатеринбург, Россия

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

Abstract

The history of political metaphor is regarded as a succession of metaphoric gales and metaphoric calms. We have defined the typical features of the metaphoric gale and the metaphoric calm. The conclusion is made about a relative metaphoric calm in the recent Russian political communication.

Исследование исторической динамики моделей политической метафоры – одно из интенсивно развивающихся направлений когнитивной лингвистики. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. Используя метафоры, человек стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Дискурсивный подход к изучению политической коммуникации означает исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами. Метафора изучается с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, который этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

Обращение к метафоре с целью постижения и представления «духа времени», ментальности соответствующего социума вполне закономерно. Метафора – это своего рода **зеркало**, в котором вне зависимости от чьих либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества.

Политическая метафора может быть представлена как целый комплекс **«зеркал»**, в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом, во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных представлений людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов, а в-третьих, метафора отражает человеческие представления о сфере-магните метафорической экспансии. В соответствии с концепцией Е. С. Кубряковой «продуцирование метафоры – это не суммативный процесс, а создание новой ментальной единицы, которая

не равна сумме двух ее составляющих». Поэтому метафоричность – это «естественный путь творческого мышления, а вовсе не отклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи» [Кубрякова 2002 : 7]. Преобразование метафорической картины мира в политической коммуникации всегда выступает как предвестник социальных потрясений и интенсификации политической жизни. Соответственно затихание метафорических «бурь» – это надежное свидетельство стабилизации политической ситуации.

Разумеется, каждая отдельная метафора – это лишь малая частица мозаики, по которой практически невозможно судить о картине в целом. Но если же рассматриваемую метафору сопоставить со множеством других, если выделить доминантные для политического дискурса метафорические модели, если сопоставить системы политических метафор на различных этапах развития общества, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в национальной метафорической картине политического мира. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины. Исследование динамики развития российской метафорической системы позволяет сделать интересные выводы о развитии национального политического сознания и о специфике того или иного этапа развития политической коммуникации.

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование – это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки действительности в народной ментальности. Поэтому исследование базисных метафор – это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества. Соответственно наблюдения над динамикой базисных метафор, сопоставление закономерностей образного представления действительности позволяет выделить наиболее существенные общие и особенные признаки в национальном сознании различных народов с учетом специфики исторического развития соответствующего общества.

Каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор. Периоды метафорических «бурь» сменяются метафорическими «затишьями», после которых начинается «извержение» новых метафорических «вулканов». В рамках каждой эпохи выделяются свои доминантные метафорические модели. Так, специальные наблюдения показывают, что в отечественной политической публицистике 30 – 50-х гг. прошлого века были особенно активны метафоры с исходными семантическими сферами «война» и «механизм». В сознание общества настойчиво внедрялось представление о том, что советский

¹ Статья подготовлена при финансовой помощи РГНФ (грант 07-04-02002а – «Образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе»).

человек – это вооруженный коммунистической теорией винтик в настраиваемом инженерами человеческих душ механизме, который предназначен для боев и походов. При управлении этим механизмом партийный аппарат должен крепко держать руль, правильно использовать политические рычаги и приводные ремни, вовремя нажимать педали и знать потайные пружины. Для поддержания работоспособности рассматриваемого механизма (то есть советского человека – строителя коммунизма и борца с мировым империализмом) в определенных случаях приходится закручивать гайки, менять заржавевшие и устаревшие детали, производить ремонт двигателя, коробки передач и иных быстро изнашивающихся частей машины.

В несколько ином варианте рассматриваемой модели можно отдельного человека рассматривать не как винтик, а как автономный механизм, которому даны «стальные руки-крылья» и «вместо сердца – пламенный мотор». Машина, у которой нет органов чувств (каковым в традиционной наивной картине мира считалось сердце), нуждается только в заправке, перезарядке и профилактическом ремонте в специальных мастерских. Если механизм в полном порядке, то его можно бросать в бой или направлять на стройки народного хозяйства. При планировании необходимо учитывать, что такой механизм не вечен, при чрезмерном напряжении он может выйти из строя или даже сгореть, но всегда существует возможность замены отработавшей своей машины. Рассмотренные концептуальные метафоры показывают, что формируемое под жестким идеологическим прессом тоталитарное мышление закономерно сказывалось даже на образном представлении человека и окружающего его мира.

Каждая новая эпоха приносит изменения в систему базисных метафор. Ведущая концептуальная метафора эпохи Л. И. Брежнева – это большая семья братских народов (партий), каждый рядовой член которой должен испытывать сыновьи чувства в ответ на отеческую (и одновременно материнскую, одним словом – родительскую) заботу коммунистической партии и советского правительства.

Другой важный для Советского Союза метафорический образ – это сначала строительство (нового общества, коммунизма и даже отдельного человека), а затем (уже на закате социалистического государства) – их перестройка. Следующий этап развития российской метафорической системы – это возведение общеевропейского дома, а заодно и евроремонт своей «избы» (в этом отношении показательно название созданного Виктором Черномырдиным политического движения «Наш дом – Россия»).

Эпоха Б. Н. Ельцина в значительной мере определялась театральной метафорой: на политической сцене по заранее подготовленным

сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказкам суфлеров). Особое внимание зрителей вызывали иностранные гастролеры. Иногда восторг у публики вызывали и провинциальные артисты (например, из Ставрополя, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода), исполнившие главные роли в Большом театре. Но основные события разыгрывались за кулисами или, наоборот, на больших площадях, где в массовых зрелищах иногда использовались даже танки. Трансляцию подобных шоу вели все телеканалы, подробнейшие рецензии публиковались в газетах. Все это вызывало интерес даже у зарубежных зрителей, хотя они не в полной мере могли понять и оценить российское искусство.

Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания.

Вместе с тем необходимо отметить, что в политической жизни последнего десятилетия XX века наряду с отмеченным выше метафорическим вектором имитации реальности важную роль играет метафорический вектор опасности и агрессивности. А этот вектор реализуется в совсем иных метафорических моделях. По нашим наблюдениям, к числу доминантных метафорических моделей, характерных для 90-х гг. прошлого столетия, следует отнести прежде всего концептуальные метафоры с исходными понятийными сферами "криминал", "война", "болезнь", "мир животных". Все это отражает типовые социальные представления о жестокости новой эпохи, где человек человеку уже не "друг, товарищ и брат", а волк, враг, менеджер, пахан, путана, источник инфекции или конкурент.

Заканчивая монографию, посвященную политическим метафорам эпохи Б. Н. Ельцина, я писал в 2000 году, что в рассматриваемый период «получили развитие метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности характерно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно «неагрессивных» метафор «дома», «пути» и «мира растений». Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся

в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков, наличие каких-то тайных «сценаристов», «режиссеров» и «тренеров» в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры)» [Чудинов 2001 : 225].

Далее отмечалось, что «начинается новая эпоха, и страна ждет совершенно новых концептуальных метафор» и выражалась надежда на то, что «уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды». Было высказано предположение, что «в новой метафоре будет меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия», а «с изменением системы концептуальных метафор наши граждане перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, солдатами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета» [Чудинов 2001 : 225]. С тех пор как был сделан этот вывод, прошло почти восемь лет, заканчивается период президентства В. В. Путина и пришло время проанализировать, насколько изменились за эти годы российские политические метафоры и насколько оправдались высказанные предположения.

При рассмотрении указанных изменений следует учитывать, что для описания и детального анализа метафорической модели в соответствии с существующими традициями необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

1. Исходную понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор) метафорической экспансии.

2. Новую понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-мишень, денотативную зону, рецепиентную сферу, направление метафорической экспансии).

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу).

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации.

5. Компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) компоненты охватываемых данной моделью единиц. Это позволяет выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

При дальнейшей характеристике метафорической модели обычно можно определить ее

типовые сценарии, ведущие концептуальные векторы, продуктивность и частотность, выявить прагматический потенциал рассматриваемой модели, то есть типовые особенности воздействия на адресата, а также "тяготение" модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т.п.

При когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода. Это требование о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, и ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы. При характерном для когнитивистики широком понимании метафоры к ее сфере относятся многие явления, которые при традиционном подходе рассматриваются как сравнение, метаморфоза, гипербола и литота.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на преобразование и функционирование политического языка.

В современной политической метафорологии [Benoit 2001; Charteris-Black 2004a, 2004b; Chilton 1996; Goatly 2007; Landtsheer 1991; Lakoff 1991, Musolf 2004; Zinken 2002, 2004; Андерсон 2006, Баранов 2003, 2004, Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2007; Будаев, Чудинов 2008, Кобозева 2001, Чудинов 2001, 2003, 2007 и др.] обнаружено несколько закономерностей, которые по причине их регулярной повторяемости в самых различных политических дискурсах и общепризнанности можно представить как своего рода аксиомы, которые уже не нуждаются в каких-то доказательствах и определяют методологию соответствующего научного направления.

1. Национальная система политических метафор постоянно развивается в условиях диалектического взаимодействия тенденции к обновлению метафорического арсенала и тенденции к его традиционности. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

2. Национальная система политических метафор характеризуется, с одной стороны, тенденцией к сохранению своей культурной самобытности, а с другой – тенденцией к взаимодействию с системами политических метафор, характерными для иных государств. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

3. Динамика развития национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного развития («метафорические бури») сменяются периодами относительной стабильности («метафорического затишья», «метафорического штиля»).

4. «Метафорические бури» обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а «метафорическое затишье» обычно характерно для периодов политической стабильности.

5. Сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники. Политические реалии, привлекающие повышенное внимание общества, быстро становятся центрами метафорического притяжения: постоянно возникают новые и новые метафоры для их обозначения.

6. «Метафорические бури» характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, то есть вовлечением все новых и новых концептов, детальным развертыванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов. Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

7. «Метафорическое затишье» характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

8. Максимальную метафорическую активность при обсуждении политической жизни проявляют крайне левая и крайне правая оппозиция, тогда как центристы и политики, принадлежащие к правящим партиям, как правило, избегают чрезмерной метафорической агрессивности.

9. Метафорическое «затишье» обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические «бури» – в выступлениях радикальной непарламентской оппозиции. Переход от «метафорической бури» к «метафорическому затишью» – это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

10. Метафорическое «затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю) и когда это произойдет.

Специфика проявления названных закономерностей в российском политическом дискурсе начала нашего столетия стала предметом рассмотрения в целом ряде диссертаций, под-

готовленных уральскими специалистами. Так, А. Б. Ряпосова рассмотрела метафорические модели со сферами-источниками «Война» и «Криминал» [Ряпосова 2002]. Т. С. Вершинина исследовала зооморфную, фитоморфную и антропоморфную метафору [Вершинина 2002]. Н. М. Чудакова изучала метафорические модели со сферой-источником «Неживая природа» [Чудакова 2005]. А. В. Сурина охарактеризовала метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи [Сурина 2007].

Несколько диссертационных исследований были посвящены сопоставительному исследованию российской и зарубежной политической коммуникации. Так, А. А. Каслова изучала метафорическое моделирование президентских выборов в России и США [Каслова 2003]. Н. А. Красильникова охарактеризовала метафорическую репрезентацию лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии [Красильникова 2005]. О. А. Шаова рассмотрела закономерности российских и французских национальных стереотипов [Шаова 2005]. А. М. Стрельников написал диссертацию «Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России» [Стрельников 2005]. Н. Г. Шехтман провела сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе [Шехтман 2005]. Диссертация А. Ю. Перескоковой посвящена метафорическому моделированию образа российских и американских СМИ [Перескокова 2006]. О. А. Солопова проанализировала метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании [Солопова 2006]. Э. В. Будаев рассмотрел метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе [Будаев 2006]. В работе И. В. Телешевой проведено когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании [Телешева 2006]. Сопоставительный характер носят также исследования М. В. Черняковой [2007] и Т. В. Моисеевой [2007].

Указанные исследования, а также наши наблюдения над закономерностями метафорического моделирования в российском политическом дискурсе начала XXI века позволили выделить в динамике политической метафоры две стадии. На первой из них (2000-2003 гг.) во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом (ведущие сферы-источники – война, криминал, мир животных) и векторами неискренности и нереаль-

ности (театр, отчасти – спорт). Особенно это было характерно для дискурса оппозиции. Однако эти метафоры все чаще воспринимались как стандартные, стершиеся, устаревшие, а поэтому не производили на избирателей прежнего впечатления.

На второй стадии (2004-2008 г.) все более активными становятся традиционные для русского национального сознания природоморфные метафоры. Увеличилось количество антропоморфной метафоры, привносящей в осмысление современной российской действительности естественную перспективу развития. На смену милитарным метафорам все чаще приходят спортивные образы, которые отличаются меньшей агрессивностью, что свидетельствует о стремлении общества заменить все опустошающую войну на стабильность и здоровое соперничество. Все реже и реже стали использоваться криминальные метафоры, которые выступали как доминантные в период «бандитского» капитализма. Все меньше появляется по-настоящему «свежих» метафор, все реже эти метафоры становятся предметом политических дискуссий. На данной стадии значительно сокращается некритическое заимствование метафор из зарубежной прессы.

Вместе с тем среди относительно новых метафорических образов следует выделить активизацию колористических метафор («цветные» революции) и особенно все более многообразное развертывание традиционного для национального сознания образа медведя как символа России и правящей в ней партии. Все активнее в российской политической коммуникации отражается стремление к национальной и культурной преемственности и самобытности.

Судя по всему, российская национальная система политических метафор переходит к этапу стабилизации и возвращения к национальным традициям. Метафорическая «буря» сменилась метафорическим затишьем. В соответствии с общей закономерностью политическая стабильность находит отражение в сфере политических метафор.

Вместе с тем стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране все чаще вытесняет негативную метафорику в область внешней политики. Если в допутинском дискурсе государственные лидеры обращались за «консультациями» к западным «менеджерам» политических реформ и «учителям» демократии, то в Мюнхене В. В. Путин напомнил о «*неразрешившихся снарядах*» холодной войны. Несколько ранее, накануне парламентских выборов, президент осудил тех, кто «*шакалит* у иностранных посольств», и посоветовал иностранным энтузиастам не совать «*сопливый нос*» в российские дела. Весьма жесткие метафорические заявления раздаются и в связи проблемами провозглашения независимости Косово.

На этом фоне значительный интерес вызывают «бытовые метафоры», к числу которых относится, в частности, совет президента России зарубежным оппонентам перестать учить нас демократии, а переключиться на обучение кулинарному искусству собственных жен. Яркое впечатление произвели и слова Президента о том, что он восемь лет подряд «*пахал, как раб на галере*». На своей последней «президентской» пресс-конференции («Аргументы и факты», 21-27.02.2008) В. В. Путин позволил себе использовать метафорические образы, которые не вполне типичны для действующего руководителя государства, но весьма характерны для идиостилия названного политического лидера. Ср. также: «*Кроме всего прочего, у нас личная химия, я уму доверяю. Такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной*». «*Если они (руководители государства) будут слюни и сопли пускать все время и плакать, что плохо, что мы ничего не сможем, что мы такие «кривые», – так и будет*». «*Мы не будем «обезьянничать*». *Но у нас есть домашние заготовки, и мы знаем, что будем делать*».

Вполне закономерно и то, что кандидат в Президенты Д. А. Медведев избегает сильных метафорических образов, которые могут вызвать неоднозначные оценки. Так, в его выступлении на Пятом экономическом форуме в Красноярске (февраль 2008 г.) используются только стертые, потерявшие образность метафоры: «*искоренить* практику неправосудных решений», «*предлагаю сделать* первый и уже опробованный нами шаг», «*деньги должны прийти к врачу*» («Российская газета», 21.02.2008). Преемник действующего президента позиционирует себя не как открыватель принципиально новых горизонтов, а как продолжатель уже начатого дела. Формулирование конкретных планов и задач требует не ярких метафор, а точных определений и детальной характеристики путей решения.

Нетрудно заметить, что традиционная метафорическая активность кандидатов Г. А. Зюганова и В. В. Жириновского воспринимается избирателями как едва ли не устаревшая, сохраняющая образ мышления прошлых лет и не отражающая современных реалий. Так в программном предвыборном обращении Г. А. Зюганова «*Будущее зависит от нас!*» («Российская газета», 20.02.2008) присутствуют всем давно знакомые образы. Ср.: «*Народу навязывают новых царей, визирей и вельмож. Тасуется одна и та же колода, состоящая из личных друзей и царедворцев, охочих до власти и денег*». Даже опытный специалист не сразу определит, когда были сказаны эти слова в 2008 году или еще в прошлом веке. Читатель отмечает знакомые метафорические модели и давно известные идеи.

Похожее впечатление создается и от других метафорических высказываний коммунистического лидера: «*Нам предлагают карманный парламент... Властная вертикаль – не более чем карикатура на демократию... Наша цель – отодвинуть страну от края пропасти... Экономика сидит на нефтегазовой игле...*». Все эти образы были весьма продуктивны в 90-е годы и сейчас уже не вызывают у электората прежнего эмоционального отклика, когда яркие метафоры вели народ на митинги и демонстрации. Современные выступления Г. А. Зюганова способны привести его сторонников только на избирательные участки.

Не привлекают внимания избирателей и предвыборные метафорические выражения В. В. Жириновского, которые слишком похожи на его образы из его выступлений прежних десятилетий. Так, в своем предвыборном обращении «Успокою всех!» («Комсомольская правда», 9.02.2007) лидер либеральных демократов напомнил о «пятой колонне» врагов России, возмущался «продажностью чиновников» и говорил о своем стремлении «побороть коррупцию». Он подчеркнул, что «для резкого снижения уровня коррупции надо убирать поле для ее взращивания». Далее ветеран парламентской оппозиции сказал о том, что «Тяжелая промышленность должна находиться в руках государства» и напомнил о необходимости обезопасить «политическую элиту от шарханья то влево, то вправо». В. В. Жириновский говорил также о том, что «никакие национальные проекты не дадут результата, пока мы не очистимся от пагубных последствий перестройки и шоковой терапии», вспомнил о «грабительской приватизации» и о том, что его сторонники Дмитрия Медведева «сбиваются в колхоз». Лидер либеральных демократов вспомнил также о проблемах науки и метафорически использовал имена великих российских ученых: «Кто будет решать проблему нехватки энергоносителей, развития нанотехнологий? Сегодня есть новые курчатовы, новые королёвы, новые цюлковские. Надо дать им возможность работать».

Содержащийся в рассматриваемом выступлении набор давно знакомых коммерческих, милитарных, морбиальных, криминальных, фитоморфных и антропоморфных метафор вовсе не производит впечатления «метафорического извержения», способного повести людей на митинги, демонстрации и баррикады.

Не вызвала эмоционального отклика и очередное отнюдь не метафорическое нападение В. В. Жириновского на своего оппонента. Во время телевизионной дискуссии лидер либеральных демократов обозвал Николая Гоца (доверенное лицо кандидата в президенты Богданова) «придурком, поддонком и сумасшедшим», замахнулся на него микрофоном и вытолкал со словами, обращенными к своему те-

лохранителю: «*Олег, выгони его отсюда, подлеца, и расстреляй в коридоре!*» («Комсомольская правда», 22.02.2008). Многие помнят, какое впечатление производили прежние потасовки, устраиваемые В. В. Жириновским в прямом эфире, но очередной скандал едва ли привлечет значительное внимание избирателей, давно привыкших к хорошо отрежиссированным приступам ярости и театральным боям.

Как известно, тиражирование метафор, ярко воспринимаемых в прошлую эпоху, и минимальное количество новых образов – это типичные признаки метафорического затишья, которое всегда сопровождает периоды политической стабильности. Об этом же говорит снижение агрессивности метафорического словоупотребления: показательно, что лидер президентской гонки совершенно отказался от полемики, в рамках которой традиционно идет метафорическая война. Не проявляют значительной метафорической активности и другие кандидаты на пост главы государства. В отличие от прошлого (ельцинского) десятилетия метафоры участников предвыборной борьбы по существу не обсуждаются в СМИ и не служат предметом судебных разбирательств. Политическая коммуникация становится все более скучной и уже не вызывает прежнего интереса. Современные метафоры способны привести людей на избирательные участки, но уже не в состоянии вывести их на митинги и демонстрации, поднять на штурм Белого Дома или телестудии. Показательно, что метафоры заканчивающего свою работу президента вызывают у отечественных и зарубежных журналистов значительно больший интерес, чем образы, которые создают новые претенденты на высшую власть в государстве.

Разумеется, ни лингвисты, ни кто-либо иной не могут повлиять на активность рассмотренных или каких-либо иных метафорических моделей, а также способствовать активизации метафорической бури или наступлению метафорического затишья. Метафорический образ отражает бессознательное мировосприятие социума, формирующееся под влиянием национальных традиций и "духа времени". Но языковеды обязаны зафиксировать существующую в национальном сознании на определенном этапе развития общества систему базисных метафор и попытаться сделать выводы об истоках и перспективах той или иной модели, а также рассмотреть факторы, способствующие активизации метафорических бурь или служащие признаками их затухания. Начавшееся метафорическое затишье – это еще одно свидетельство наступления в России периода политической стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Р. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. Учебное пособие. М., 2007.

2. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М., 2003.
3. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Наука, Флинта, 2008.
7. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
8. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил, 2007.
9. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
10. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
11. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
12. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // *Вестник Московского университета*. – Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6.
13. Кубрякова Е. С. Композиционная семантика: цели и задачи // *Композиционная семантика. Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18-20 сентября 2002 г. Часть 1*. Тамбов, 2002.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
16. Перескокова А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских СМИ: рефлексивный аспект. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
17. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)». Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
18. Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
19. Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
20. Сурина А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
21. Телешева И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
22. Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
23. Чернякова М. В. Реализация манипулятивного потенциала метафоры в российском и американском дискурсе войны в Ираке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
24. Чудакова Н. М. Метафорические модели со сферой-источником «Неживая природа» в современных СМИ (2000-2004 гг.). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
25. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
26. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003.
27. Чудинов А. П. *Политическая лингвистика*. М., Наука, Флинта, 2006.
28. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
29. Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе (10.02.20). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
30. Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // *Communication Studies*. 2001. Vol. 52.
31. Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, 2004a.
32. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke, 2004b.
33. Chilton P. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. – New York; Bern; Frankfurt / M., 1996.
34. Drulak P. *Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity* // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.

35. Goatly A. *Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 2007.

36. Landtsheer Ch., de. *Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatuon and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4.

37. Lakoff G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // http:// metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm* – 1991.

38. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.

39. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

40. Zinken J. *Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // Discourse and Society*. 2003. Vol. 14. № 4.

41. Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik*. Bielefeld, 2002.

© Чудинов А. П., 2008

Шейгал Е. И.

Волгоград, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Abstract

The article is based on critical analysis of political discourse. It studies one of the most burning problems of American society – the federal law admitting sexual minorities into the army if they do not display it, and prohibiting commanders to ask their subordinates about their sexual orientation.

Данная статья написана с позиций критического анализа дискурса и посвящена дискурсу одной из актуальных проблем современного американского общества. Для критического анализа дискурса характерна «откровенно политическая проблематика» (Kress 1990), интерес к языковому отражению ситуаций злоупотребления властью и разоблачению социального неравенства и несправедливости (Wodak 1989).

«Don't ask, don't tell» (употребительное сокращение DADT) – отсылка к федеральному закону США, введенному в 1993 администрацией Б.Клинтона, позволяющему гражданам нетрадиционной сексуальной ориентации служить в армии, если они открыто не заявляют об этом и запрещающему командирам задавать подчиненным вопросы об их сексуальной ориентации.

«Sexual orientation will not be a bar to service unless manifested by homosexual conduct. The military will discharge members who engage in homosexual conduct, which is defined as a homo-

sexual act, a statement that the member is homosexual or bisexual, or a marriage or attempted marriage to someone of the same gender». «Сексуальная ориентация не является препятствием к службе в армии, если она не демонстрируется открыто в гомосексуальном поведении. Увольнению из армии подлежат военнослужащие, практикующие гомосексуальное поведение, определяемое как акты гомосексуализма, заявление о своей ориентации, а также однополый брак или намерение вступить в таковой» (Public Law 103-160 – Nov. 30, 1993 – § 546, 107 Stat. 1670 (1993). § 654. POLICY CONCERNING HOMOSEXUALS IN THE ARMED FORCES).

Данное законодательство является компромиссной мерой по сравнению с существовавшим ранее категорическим запретом на службу в армии для гомосексуалистов.

DADT – политика армии в отношении военнослужащих нетрадиционной сексуальной ориентации, содержание которой раскрывается в целом комплексе документов, включающем законодательный акт, нормативные постановления, служебные записки. Суть политики сводится к четырем регулятивам, которые формулируются в ее более полном названии "Don't Ask, Don't Tell, Don't Pursue, Don't Harass":

1) Don't ask (Не спрашивай). Командиры не должны спрашивать военнослужащих об их сексуальной ориентации;

2) Don't tell (Не говори). Военнослужащие не обязаны раскрывать свою сексуальную ориентацию. Основанием для увольнения является заявление военнослужащего о своей гомосексуальности (бисексуальности) или иные высказывания, демонстрирующие гомосексуальные склонности или намерения;

3) Don't pursue (Не расследуй). Закон определяет минимальное основание для начала расследования и ограничивает рамки проведения расследования гомосексуального поведения:

4) Don't harass (Не притесняй). Запрещается проявление нетерпимости или агрессии по отношению к военнослужащим (создание атмосферы враждебности, гомофобные реплики, откровенное проявление вербальной и физической агрессии, создающее угрозу жизни).

Дискриминация сексуальных меньшинств – одна из болевых точек современного американского общества. Это, безусловно, политическая проблема, и ее актуальность несомненна – не случайно отношение к вопросу о гражданских правах сексуальных меньшинств обязательно включается в предвыборные программы кандидатов на высшие политические посты. Так, в частности, одним из пунктов избирательной программы Хиллари Клинтон является отмена данного закона.

Время появления данного законодательства не случайно – оно отражает создавшуюся к началу 1990-х гг. напряженность в обществе как

проявление противоречия между требованиями армейской боеготовности и гражданскими правами меньшинств. DADT рассматривается как попытка урегулировать отношения между армией и гражданским обществом США в контексте противоборства либеральных и право-консервативных политических сил (Barkawi 1999).

Активизация в 2007 г. дискуссии по данной проблеме связана с рядом социально-политических факторов: необходимостью увеличения американского военного присутствия в Ираке, приближением очередного электорального цикла, а также изменением общественного мнения по отношению к сексуальным меньшинствам в сторону большей толерантности.

Предметом анализа в статье является дискурс, развертывающийся в связи с данной проблемой (для удобства изложения будем называть его «дискурс DADT»). Мы рассматриваем его как политический нарратив (Шейгал 1998), в основе которого лежит исходный законодательный текст, генерирующий множественные респонсивные тексты и дискурсивные акты.

Основными участниками дискурса являются агенты политического дискурса, составляющие его базовую оппозицию «власть ↔ народ», а также посредники и эксперты – представители СМИ и ученые (социологи, антропологи, лингвисты). Помимо законодательных текстов анализу подвергались высказывания военных и политиков, опубликованные в СМИ, аналитические статьи в СМИ и академических журналах, а также дискуссии на Интернет-форумах.

Дискурс DADT обладает ярко выраженной агональностью, резко выраженным идеологическим размежеванием участников. В связи с этим выделяются два основных направления развертывания респонсивного дискурса ЗА политику DADT и ПРОТИВ нее.

Основным аргументом за исключение военнослужащих нетрадиционной ориентации является предполагаемое отрицательное влияние на эффективность действий вооруженных сил. Суммируем основные положения законодательства, содержащие мотивировку политики DADT: *Одним из важнейших элементов бое-способности является «сплоченность подразделений» (unit cohesion), основанная на отношениях доверия между военнослужащими. Принципиальным отличием армейской жизни от гражданской является ее подчинение своим законам, правилам и традициям, включая многочисленные ограничения в личной жизни, неприемлемые в гражданском обществе. Военные вынуждены вести спартанский образ жизни в примитивных условиях с ограниченной (или полностью отсутствующей) приватностью и неизбежной пространственной (телесной) близостью. Политика армии в отношении персонала направлена на исключение лиц, присутствие которых созда-*

ет неприемлемый риск для сохранения высокого боевого духа, порядка и дисциплины, а также сплоченности подразделений, лежащих в основе боеготовности. Присутствие в армии лиц, проявляющих склонность к гомосексуальному поведению, создает такого рода неприемлемый риск (How the Policy “Works”).

Анализ дискурса-реакции показал, что ключевым пунктом данной аргументации является «сплоченность подразделений». Именно этот аргумент подвергается наибольшей критике со стороны противников политики DADT и даже оспаривается некоторыми ее защитниками. Так, Ч. Москос, профессор военной социологии, считающийся одним из авторов и наиболее стойких защитников политики DADT, отвергает аргумент «сплоченности подразделений» как нерелевантный. По его мнению, основным аргументом в защиту DADT является «право на скромность для представителей традиционной ориентации (modesty rights for straights): *«That is, people (heterosexuals) have the right not to be looked at as objects of sexual desire. I should not be forced to shower with a woman. I should not be forced to shower with a gay man»* (Varnell 2005).

Журналист П. Варнел считает аргументы Ч. Москоса ханжескими, и «старомодными». Он полагает, что проводимая автором параллель между отношениями «мужчины – женщины» и «гомосексуалы – гетеросексуалы» несостоятельна в свете реальностей сегодняшнего дня. *«Сегодня представители обоих полов не испытывают дискомфорта от того, что их тела разглядываются, оцениваются и рассматриваются в качестве возможного объекта сексуального желания. Они даже это приветствуют. Мы живем в эпоху палпальных бикини, тесно облегающей спортивной одежды, свободной рекламы нижнего белья. Мужчины и женщины совместно тренируются в фитнес-клубах и стремятся быть привлекательными для противоположного пола»* (Varnell 2005).

Несмотря на то, что, по данным опросов, солдаты-гетеросексуалы недолюбливают гомосексуалистов, эта неприязнь не обязательно отражается на эффективности их деятельности. По данным исследования многочисленных военных подразделений, спортивных команд и корпоративных организаций, наличие или отсутствие симпатии между членами группы никак не связано с качеством их функционирования (Kier 1998). Большинство ученых сходятся во мнении, что качество групповой деятельности зависит от того, насколько члены группы привержены общим целям и осознают важность поставленных задач, а не от характера межличностных отношений в рамках группы (Belkin 2003).

Большой общественный резонанс вызвало скандальное выступление генерала П. Пейса в газете «Чикаго Трибюн» (13 марта 2007), в ко-

тором он поддержал политику DADT, назвав гомосексуализм аморальным: *I believe homosexual acts between two individuals are immoral and that we should not condone immoral acts.* По его мнению, допущение гомосексуалистов к службе в армии означает попустительство разврату.

Группа в защиту прав сексуальных меньшинств «The Human Rights Campaign» потребовала от генерала публичного извинения, но он извиняться отказался, мотивируя это тем, что высказал свое личное мнение. Председатель группы осудил высказывания Пейса как «безответственные и оскорбительные по отношению к мужчинам и женщинам нетрадиционной ориентации, с честью и отвагой служащим своей стране» (Gray 2007). В отличие от П. Пейса, его предшественник на посту Председателя Объединенных Начальников Штабов, генерал армии в отставке Дж. Шаликашвили изменил свою позицию по данной проблеме после встречи с военнослужащими-гомосексуалистами. Общение с ними показало, что отношение к ним в армии стало более терпимым. «Теперь я считаю, что если гомосексуалисты будут открыто служить в армии, это не подорвет эффективности Вооруженных сил» (Lubold 2007).

Обратимся к голосу народа. Комментарии участников Интернет-дискуссий различаются по характеру модальности. С одной стороны, имеются непредубежденные и неагрессивные по отношению к геям высказывания, авторы которых выдвигают свои аргументы в поддержку политики DADT. Преобладающим является аргумент психологического дискомфорта:

*This policy sprang from plain logic, not hate for homosexuals. **Gays being in the military cause tension, discomfort, and distraction.** Sure they don't mean to cause problems, and yeah, it's too bad that this happens, but it DOES happen.*

*They aren't disallowed from joining the military because they aren't useful, they're disallowed because **they would make the men around them uncomfortable.** I was in the Army for 6 years, and I showered with other men daily. **I'm not homophobic, but showering with a man that may or may not be attracted to me would make me very nervous.** I know if I were in a shower with 15 naked women, things could get very messy very quickly.*

С другой стороны, ряд авторов, высказываясь в поддержку DADT, выражают сдержанное неодобрение гомосексуализма, которое проявляется в речевых актах поучения (следует сдерживать свои девиантные наклонности и не «рекламировать» их на публике) и осуждения (права меньшинств не являются приоритетными по отношению к национальной безопасности):

*Homosexuality in the military has an impact on the military's effectiveness and just distracts from the objective of protecting Americans. **Minority***

rights shouldn't take precedence over the security of ALL Americans, especially when gays CAN be in the military.

The military is here to protect America's security, not homosexuals' feelings.

*If a gay person wants to serve, that is great. **They should retrain themselves and not advertise their deviant preferences, capeesh?** We all need to practice restraint in life. Heck, I'd like nothing more than to play a little "slap and tickle" with the ladies at work, but sexual harassment statutes prevent me. This policy has been working excellently since Clinton imposed it. I see no need to change.*

И, наконец, выделяются откровенно агрессивные гомофобные высказывания, авторы которых прибегают к тактике дискурсивного отчуждения для выражения социальной ненависти:

They should put gays on the front lines to shield the people who actually create children and have real families. There is no reason the best, brightest and straight should die while homosexuals hide at home debasing society.

Агрессивность подобных высказываний имеет не вербальную, но идеологическую природу. Будучи вполне пристойными в поверхностной структуре (стилистика нейтральность, эмоциональная выдержанность, отсутствие ярлыков, брани и инвектив), они служат для выражения идеологий человеконенавистничества – расизма, антисемитизма, нацизма. Гомосексуалисты в такой идеологической сетке противопоставлены остальной части социума как недочеловеки, худшие, менее ценные члены общества.

Второе направление развертывания дискурсивного дискурса DADT – «голос ПРОТИВ». В процессе развертывания дискурса его участники представляют свое осмысление дискуссионной проблемы. Анализируя процесс развертывания дискурса, мы неизбежно вычленим такие его аспекты, как ЧТО, КАК, ПОЧЕМУ:

ЧТО происходит? Какие процессы имеют место? О чем идет речь? Какие темы затрагиваются как релевантные в связи с данной проблемой?

КАК члены социума оценивают эти процессы? Каким образом они выражают свое отношение?

ПОЧЕМУ? Какое объяснение проблемы и ее решение предлагают участники дискурса?

Общая характеристика закона DADT его противниками резко отрицательная. Помимо негативных обще-оценочных дескрипций (*this abominable law*), употребляются частно-оценочные, например, номинации моральной оценки с семантикой позора (*the icing on the cake of shame*). Участники дискуссии считают, что DADT входит в целый комплекс проблем, стоящих перед вооруженными силами США. Метафора *глазурь на пироге позора* представляет проблему с гомосексуалистами как лишь

одну из многих бед, поразивших армию: *Don't Ask, Don't Tell is the icing on the cake of shame that afflicts our military, from insufficient protection for our troops to the scandal that's brewing around the VA (veterans' affairs) run hospitals.*

Из частно-оценочных наиболее частотными являются номинации с семантикой интеллектуальной оценки «противоречащий здравому смыслу» – нелепый, смешной, смехотворный – и номинации утилитарной оценки со значением «не соответствующий современным требованиям – устаревший, архаичный (*the ridiculous and archaic "Don't ask, Don't tell; backwards policies; the most ridiculous rule this country has enacted. It's farcical*). На наш взгляд, между этими оценочными значениями существует явная семантическая импликация «не соответствует современным требованиям – следовательно, противоречит здравому смыслу». Номинация *farcical*, кроме того, может быть проинтерпретирована как театральная метафора (фарс – постыдное, циничное зрелище), связанная с моральной оценкой стыда и позора.

О том, что данная политика устарела и не соответствует реалиям сегодняшнего дня, пишет в открытом письме Дж. Бушу исполнительный директор организации Human Rights Watch. Он пытается убедить президента отказаться от дискриминационной политики DADT, аргументируя это тем, что за время, прошедшее с момента ее введения, отношение к гомосексуализму в обществе сильно изменилось. «Законы, вводящие уголовную ответственность за содомию, опротестовываются или отменяются, появляются законы и нормативные предписания, гарантирующие гомосексуалистам право на трудоустройство, общество в целом стало гораздо более толерантным, а данные опросов общественного мнения показывают, что большинство американцев считают, что гомосексуалистам следует разрешить открыто служить в армии. На сегодняшний день DADT является единственным законом США, санкционирующим увольнение на основании собственного признания в гомосексуальности» (Letter to Bush).

Рассмотрим оценочные дескрипции, используемые для характеристики сторонников политики DADT.

Чаще всего употребляется номинация *bigot* и ее производные *bigot, bigotry: either bigoted reactionaries or fearful hypocrites* (фанатичные реакционеры или трусливые лицемеры), *Republican bigotry* (нетерпимость республиканцев), *the bigoted, ignorant assholes* (невежественные, нетерпимые придурки), *a bigoted bunch of military brass* (кучка узколобых армейских заправил), *religious nutjobs* (чокнутые святоши), *ignorant hate-fueling homophobic bigots* (невежественные, разжигающие ненависть фанатики-гомофобы). Выбор этих дескрипций не случаен, он отражает политические пристрастия сторон-

ников DADT, наиболее яростные из которых – крайне правые консерваторы-республиканцы, как правило, религиозные фундаменталисты: *We are the right-wing fundamentalists' worst nightmare.*

Противники DADT с возмущением оценивают как проявление несправедливости полную свободу слова, которой обладают служащие в армии христиане-фундаменталисты по контрасту с дискурсивной политикой в отношении гомосексуалистов, для которых вопрос об «обращении в свою веру» в принципе не стоит и которым отказано даже в свободе дискурсивной самоидентификации: *In a society where religious nutjobs are admitted and where they make it widely known that they are christ-punchers and evangelize about their religion while serving, why the hell should gay people who want to serve their country have to keep quiet or even lie about their sexuality to keep a bigoted bunch of military brass happy?!*

Речевой акт само-атрибуции (само-определения) играет, таким образом, ключевую роль в тексте закона DADT.

Законодательный акт представляет собой регулятивный текст, предписывающий определенные нормы поведения, в том числе коммуникативного. Несоблюдение этих норм является правонарушением со всеми вытекающими отсюда последствиями – наказанием, в частности, в виде ограничения прав и свобод личности. Поэтому формулировки законодательства должны быть логически безупречны. Трактовка высказывания как правонарушения вынуждает задать вопрос – кому/чему, собственно, угрожает такое высказывание, какие общественные устои оно разрушает, кого оно задает или оскорбляет? (Другими словами, кто/что является объектом правонарушения, т.е. жертвой?)

Дж. Батлер обратила внимание на логическую непоследовательность в формулировке закона: определение гомосексуального поведения включает, в частности, заявление о том, что ты – гомосексуалист (см. приведенную выше выдержку из текста закона). Иными словами, эксплицитая само-декларация гомосексуализма приравнивается к гомосексуальному поведению, а высказывание «Я – гомосексуалист» из дескриптивного становится перформативным, т.е. интерпретируется не как сообщение о действии, а как само действие (Butler 1997: 107). Таким образом, происходит реинтерпретация иллокутивной силы высказывания.

Пафос рассуждений автора направлен на доказательство положения, что «дискурсивное производство гомосексуальности (институциональное приятие данного явления и включение его в коммуникацию) не вполне эквивалентно референту данного термина» (Ibid.: 125).

Фактически речь идет о запрете на публичное употребление слова, но это не просто акт цензуры или табуирования. Дж. Батлер прихо-

дит к заключению, что государство и армия стремятся сохранить контроль над значением слова и условиями его употребления, которое ограничивается исключительно субъектами, не входящими в зону его референции. Таким образом, термин «гомосексуалист» может использоваться для описания других, но не может быть использован в целях само-референции. Он начинает обозначать класс лиц, которым запрещено давать себе определение, атрибуция данного термина должна исходить от другого лица (Ibid.: 105).

Рассмотрим основные темы (топосы), на базе которых происходит развитие линии голо-са ПРОТИВ в респонсивном дискурсе DADT.

Топос дискриминации. Согласно данным Комитета по надзору за соблюдением прав человека в США, притеснение и запугивание военнослужащих-гомосексуалистов продолжает оставаться общепринятой практикой в армии: их обзывают, угрожают и даже подвергают физическому насилию. В опросе, проведенном Министерством обороны в 2003г., 80% военнослужащих сообщили, что слышали оскорбительные высказывания, унижительные прозвища, шутки и недоброжелательные реплики в адрес геев и лесбиянок, причем 85% опрошенных полагают, что армейские руководители по-прежнему ведут себя таким образом. Пентагон почти ничего не сделал, чтобы защитить военнослужащих-гомосексуалистов от враждебности и агрессии со стороны других; их притеснение осуществляется практически безнаказанно (Human Rights News).

Участники Интернет-дискуссий считают, что по сути дела DADT представляет собой санкционированную правительством сексуальную дискриминацию. Предлагаемое (не без юмора) решение проблемы – в беспристрастном подходе: увольнять всякого, кто говорит что-нибудь о своей сексуальности: *If you want to be equitable, then kick anyone out who says anything about their sexuality. If someone says "I'm gay", they're out. If someone says "I'm straight", they're out. Then it's a fair policy.*

DADT узаконивает нетерпимость: *It institutionalizes bigotry. «Gays are bad, so keep quiet about it»*

Противники DADT обращают внимание на нравственно-психологический аспект проблемы. Соблюдение этого закона неизбежно приводит к необходимости лгать или умалчивать правду, а вынужденное молчание может рассматриваться как форма подавления личности, насилия над личностью.

Some Americans view the policy as a benign gentlemen's agreement, with discretion providing the key to job security. But "discretion" is not a fail-safe mechanism. An honest statement by a servicemember of his or her sexual orientation to anyone, anywhere, anytime may lead to discharge from the armed services. Moreover, discretion in

the form of mandated silence is itself a form of oppression and discrimination

Вынужденное молчание порождает ложь, а ложь по принуждению тоже выступает как форма подавления:

Making a group of people lie/hide the truth about themselves is discriminatory.

Еще одно следствие дискриминации как формы насилия над личностью – вынужденная утрата своей идентичности: *It forces gays to pretend to be something they are not. As things stand, DADT translates to "If you're gay, pretend you're not. If you're not gay, just be yourself."*

Топос предубеждения. Дискриминация той или иной социальной группы (как правило, меньшинств, маргиналов) находит дискурсивное отражение в процессе стигматизации или приписывания ярлыков.

Комитет по правам человека (Human Rights Watch) справедливо полагает, что стигматизация гомосексуальности, как следствие политики DADT, способствует закреплению предубежденности против служащих в армии геев и лесбиянок.

Политика армии в отношении гомосексуалистов способствует закреплению предрассудков, которые сложились у гетеросексуалов на базе бессознательных страхов и стереотипов.

Gay and lesbian servicemembers are discharged without regard to their skills, training, commitment or courage, victims of the irrational fears and stereotypes some heterosexuals have about them (Human Rights News).

Участники Интернет-форума иронизируют над этими страхами, рисуя сложившийся карикатурно стереотипный образ гея:

Why must people assume that gay people are lustful, horny animals with an aching desire for penis? These people are just as regular around guys as straight men are around women.

Gay does not equal wanting to have sex with every male on this planet.

Ученые, занимающиеся исследованием данной проблемы, уверены, что президентской администрации, Конгрессу и Пентагону пора пересмотреть аргументы в оправдание запрета на открытую службу гомосексуалистов в армии. «Если наши политические и военные руководители не желают присоединиться к большинству стран НАТО, они должны, по крайней мере, иметь мужество честно признать, что нынешняя политика США относительно геев основана на предрассудках, а не на военной необходимости» (Belkin 2003).

Топос аморальности. Обсуждение моральной стороны гомосексуализма в целом и касательно службы в армии было спровоцировано уже упоминавшимся выше выступлением генерала П. Пейса. Он сравнивает гомосексуализм с адюльтером, считая, что они одинаково аморальны: *As an individual, I would not want (acceptance of gay behavior) to be our policy, just*

like I would not want it to be our policy that if we were to find out that so-and-so was sleeping with somebody else's wife, that we would just look the other way, which we do not.

Позиция генерала по данному вопросу объяснима его воспитанием в духе религиозных ценностей и норм (он сын итальянского иммигранта), что, однако, не дает ему, как военачальнику самого высокого ранга, права публичного вынесения **моральных** оценок.

Pace is an authority on the military and war. He is not a moral arbiter. This is his OPINION. He's made a jackass of himself!

Другой автор, соглашаясь с Пейсом в том, что и то и другое отражается на состоянии боевого духа и боеготовности армейских подразделений, тем не менее считает, что это аргумент не морального, а прагматического свойства:

Turning a blind eye to Captain Studly bedding down all the other officers' wives at Camp Swampy would destroy the morale the military requires to perform its mission efficiently. That makes a certain amount of sense. The needs and demands of the armed services are qualitatively different than those of society at large, a fact that has also been used to argue against homosexuals in the military. But that is in both cases a pragmatic argument, not a moral argument.

Большое количество эмоционально-заряженных откликов на разных Интернет-сайтах свидетельствует о том, что этот аспект проблемы весьма актуален и вызывает у многих людей реакцию возмущения и протеста.

Развивая тему аморальности, участники дискуссии обращают внимания генерала на действия военных, которые заслуживают гораздо большего осуждения с моральной точки зрения – безосновательная оккупация страны, убийства мирных жителей, пытки военнопленных, изнасилования женщин-военнослужащих т.д. Разве можно это ставить на одну доску с гомосексуальным поведением, которое является личным делом двух взрослых людей?

I love it when folks who murder people in foreign countries and torture those who are captured tell us how they don't want to be associated with any «immoral acts».

So bombing people in their own homes in their own country when they haven't attacked you is moral, going to war when you KNOW the intelligence is a lie, and stealing the treasury of a powerful nation to kill thousands is alright, but what two adults do for fun in their own homes is worthy of your moral outrage?

And what does he call all the rapes of the female soldiers by their comrades in arms? Is that okay and not immoral?

Нравственная оценка гомосексуализма не имеет никакого отношения к политике DADT. Авторы комментариев предлагают генералу сравнить гомосексуализм с видами поведения,

которые традиционно считаются аморальными (азартные игры, стриптиз, пьянство), но которые почему-то не являются основаниями для увольнения:

As far as the morality of homosexuality, that has no bearing on the policy. Gambling, drinking and going to strip clubs is in many people's view just as immoral as homosexuality, yet we don't kick people out for that stuff.

В качестве аргумента за отмену закона противники DADT прибегают к приему контраста: сравнению гомосексуалистов с другими меньшинствами и маргинальными группами, которые не дискриминируются относительно службы в армии. На самом деле, гомосексуалисты гораздо более безобидны для армии, нежели неонацисты, уголовники, насильники, больные астмой и ожирением

The army allows neo-nazis, convicted felons, & obese people with asthma but not gays

You are saying that some men being a little uncomfortable in the locker room is a higher priority matter than shacking with neo-Nazis and convicted felons? And you would rather them concentrate on the gay issue than make sure all of their candidates are actually in good enough shape, instead of being fat and asthmatic.

The Army doesn't want homosexuals, but they'll take rapists. Nice.

Еще одним голосом против осуждения гомосексуализма с позиций нравственности является аргумент, что гомосексуализм – это не сознательный выбор человека, а природная данность, поэтому он не подлежит моральной оценке, в отличие от адюльтера, где имеет место нарушение верности

Adultery is a choice made by an individual rather than the inherent nature of an individual.

This characterization of "immoral behavior" is particularly annoying because it treats homosexuality as a choice -- "these soldiers are choosing to engage in an immoral act". Cheating on a spouse is an immoral act. Taking a partner that you are attracted to is a natural action almost all human beings engage in.

Топос американских ценностей. Эксплицитная апелляция к базовым ценностям культуры характерна для политического дискурса в целом и в особенности для предвыборного дискурса, в котором она выполняет функцию позиционирования кандидата и его идентификации с избирателями.

В анализируемом дискурсе апелляция к классическим американским ценностям необходима как аргумент в развитии топоса дискриминации. Поскольку всякая дискриминация есть нарушение гражданских прав, а гражданские права неразрывно связаны с провозглашаемыми ценностями, то естественно, что ценности, которыми гордятся американцы, выступают как нравственный эталон при оценке явлений политической жизни.

America prides itself on being a nation of liberty and tolerance, said Jamie Fellner, director of the U.S. Program of Human Rights Watch. Yet it permits its military to remain a bastion of discrimination against gays and lesbians.

Основная ценность – социальная справедливость как гарантия американской демократии. Социальная справедливость предполагает равенство возможностей и равенство всех граждан перед законом.

Whatever happened to "all men are created equal"?

As a member of the GLBT community, I salute you for fighting for the freedom and liberty of all Americans both at home and abroad. Your ideals are to me what it means to be an American. Having been separated from my partner of eleven years because immigration policies, I treasure civil liberties. And because of efforts like yours I hope to see one day when all Americans are treated equally with dignity and respect.

Даже сторонники DADT признают, что в данном случае имеет место нарушение конституционного принципа равенства всех граждан перед законом: *"Don't ask don't tell" seems like a good compromise to me. It disallows bigotry but mandates a certain set of behaviors. Except for that whole "equal treatment under the law" dealie.*

Поскольку основу закона DADT составляет регламентация определенных видов речевых действий, то естественно, что выступающие против него апеллируют к одной из важнейших ценностей американской демократии – свободе слова.

You know, people are going to have to voice their opinion. I mean, that's one of our privileges and that's one of our rights that I was fighting for in this country – freedom of speech.

If a straight soldier is allowed to talk about his personal life, a gay one should be allowed to as well. If you think its okay for a man serving in the military to bring up his wife or girlfriend in conversation, then it should be okay for him to bring up his boyfriend as well. Anything less is discrimination and quite simply disgusting.

Вопрос о ценностях в дискурсе DADT поднимается и в несколько ином ракурсе. Речь идет о необходимости компромисса между взаимно противоречащими ценностями армии и гражданского общества: гарантией гражданских прав и поддержанием боеготовности. По мнению М. Дженовица, политика армии в отношении персонала должна балансировать между «консервативной» позицией, согласно которой вооруженные силы сохраняют свою культурную обособленность, и «либеральной» позицией, вынуждающей армию соответствовать гражданским ценностям – ценностям, которые в современной западной цивилизации не просто отличаются, но во многом прямо противополо-

жны армейским ценностям и идеалам (Janowitz 1960).

Фактор психологического дискомфорта.

В обсуждении спорных вопросов важную роль играет анализ причин и мотивировок, побуждающих участников дискуссии принять ту или иную точку зрения. Одним из официальных аргументов в пользу DADT является, как уже говорилось, «сплоченность подразделений». Вторым по значимости выступает аргумент психологического дискомфорта, который выдвигают многие сторонники DADT.

Участниками Интернет-форумов неоднократно высказывается мнение о преувеличении серьезности данного фактора как основания для увольнения из армии. Многие авторы считают, что этот аргумент не настолько серьезный, чтобы строить на нем целую политику. Во-первых, такая «неприятность», как дискомфорт, несопоставима с реальными опасностями, которые угрожают военным в районе боевых действий.

1000 of troops who every day wonder if their next patrol will be blown to pieces are going to leave because they're worried some guy might look at them?

I'm perplexed by the idea that the American fighting men who valiantly battle Iraqi insurgents are in dread terror of someone fruity (неприятный) in the shower.

Во-вторых, эта неприятность вполне преодолима, взрослые сознательные люди вполне могут психологически адаптироваться к этой ситуации и тем самым снять проблему:

If it takes a few uncomfortable showers to end the official bigotry against homosexuals, so be it.

So? Who gives a crap if they're comfortable with it? They're big boys and girls. They can deal.

В качестве контраргумента ряд авторов приводят примеры других факторов психологического дискомфорта, прибегая при этом к приему иронической гиперболы:

It always amuses me when someone brings out the "it will make people uncomfortable to serve with gay people." Some members of the military are no doubt uncomfortable with – the purpose of their missions - being separated from their families from months on end - serving alongside women - serving alongside people of different racial, ethnic or religious groups. However, no one rushes in to say "Oh, you poor baby" to these.

При помощи гиперболы здесь также акцентируется мысль, что это не проблема для взрослых людей; импликация данной гиперболы: «мало ли, отчего люди в армии испытывают дискомфорт, не стоит на это обращать внимание»

В дискурсе DADT обращает на себя внимание такая особенность аргументирования, как преобладание отсылок к различного рода прецедентным феноменам.

1) Апелляция к авторитету как способ аргументации.

The father of modern conservatism (real conservatism), Barry Goldwater said: «You don't have to be straight to be in the military; you just have to be able to shoot straight». That was in 1964. We sure have come a long way since then, eh? В данном примере обыгрывается многозначность слова *straight* (Армия не требует, чтобы ты был традиционной ориентации, требуется лишь умение метко стрелять). Данный комментарий интересен не только тем, что позиция автора выражена через отсылку к прецедентному высказыванию авторитетного политика. Самое интересное здесь то, что этим авторитетом является Барри Голдуотер, прародитель современного политического консерватизма, проповедующего крайнюю нетерпимость по отношению к сексуальным меньшинствам.

2) Апелляция к опыту других стран.

В статье А. Белкина приводятся подробные данные об изучении состояния данной проблемы в вооруженных силах 24 стран, включая Великобританию и Израиль. Эти данные свидетельствуют о том, что снятие запрета на сексуальную ориентацию личного состава не подрывает боевой дух и моральное состояние армии, не снижает ее боеготовность и эффективность действий, не приводит к трудностям в вербовке и сохранению персонала, к повышению уровня заболеваемости ВИЧ (Belkin 2003).

Автор выражает недоумение в связи с позицией политиков и экспертов, которые полагают, что иностранный опыт неприменим к американской реальности. «Сторонники запрета на гомосексуализм в армии опираются на «культурный фактор» для оправдания своей позиции, однако непонятно, какие культурные факторы принципиально отличают США от других стран, разрешивших гомосексуалистам открыто служить в армии, и тем самым делают США уникально неспособными к интеграции» (Belkin 2003).

Аналогичное недоумение выражают и участники Интернет-дискуссий: *I'm still trying to figure out how other seemingly more conservative countries such as Italy and Israel aren't affected by "unit cohesion" issues that keep coming up with DADT. Are we honestly saying our soldiers are not as mature or tolerant as Israel's?*

What a shame that in the USA we are so backward.

3) Апелляция к собственному опыту службы в армии.

Сержант морской пехоты Эрик Алва был первым американским военным, получившим ранение в войне с Ираком. В начале 2007 г. он публично признался в гомосексуализме и объявил, что решил работать в комиссии по правам человека, заниматься защитой прав сексуальных меньшинств. В интервью компании NPR

этот человек – национальный герой, образец мужества – признался, в какое смятение повергла его мысль о том, что его тайна может быть раскрыта и его вышвырнут из армии, какой он испытывал страх, когда в армии начали обсуждать введение нового закона DADT, когда он слышал грязные реплики о гомосексуалистах. И, тем не менее, наивысшее удовлетворение за 13 лет службы в армии он испытал, когда он доверил свою тайну нескольким самым близким товарищам по службе, и они продолжали относиться к нему с прежним уважением (NPR Show).

Говоря о своем опыте общения с другими военнослужащими-гомосексуалистами, Алва отмечает, что большинство из них отслужили три или четыре года и собирались увольняться, так как им было психологически очень тяжело: *They knew that they cannot have the privileges of both worlds – being gay and also, you know, being in the military, because it was just too hard for them* (NPR Show).

Приведем высказывание солдата, в котором описывается положительный опыт обнародования своей сексуальной идентичности: *I'm a gay soldier in the IDF. My comrades, my commanders, and all the officers up the chain of command that are low enough to know me personally, know I'm gay. I regularly make gay jokes with my friends and even commanders, I regularly shower with my comrades, and no problem has ever arisen. If only you could take your head out of your ass, stop theorizing of problems and making excuses for homophobic policies, perhaps you'd notice that military service creates very strong fraternity that simply does not allow discomfort around your friends and comrades, not to mention that after a day of hard and tiring army crap, no ass in the world is worth more than my need to wash the dirt and sweat off and go to bed.*

По его мнению, проблема гомосексуализма в армии искусственно раздута для оправдания гомофобии. Решение проблемы он видит в смещении акцентов на тяжесть повседневного солдатского труда и роль армейского братства.

4) Апелляция к историческому опыту США.

В обращении к президенту с просьбой об отмене закона DADT Организация по правам человека ссылается на имеющийся положительный опыт решения проблемы с представителями других меньшинств в армии

The United States has a history of progressively repudiating prejudice and discrimination against groups of people. <...> For many minority groups, the U.S. military has helped to break down walls of prejudice; yet for gay men and lesbians, those barriers of intolerance remain. We ask you to take the necessary steps to end military rules that discriminate against gay and lesbian service-members (Letter to President Bush).

Проблема, стоящая перед Дж. Бушем, сравнивается с проблемой расовой сегрегации,

с которой пришлось иметь дело президенту Трумену в 1948 г. Точно так же сторонники сегрегации в войсках настаивали, что интеграция разрушит «сплоченность подразделений». Тем не менее, когда Трумен своей властью дезавуировал существование расистских предрасудков, эта новая десегрегированная армия отлично служила и продолжает служить Америке. Бушу предлагается проявить мужество в решении этой проблемы и последовать примеру предшественника: *President Bush should display the same courage and secure the full acceptance of gays and lesbians into today's military* (Human Rights News).

Аналогичный подход демонстрируют и участники Интернет-дискуссий, сравнивая дискриминацию сексуальных меньшинств с расовой сегрегацией в армии во время предыдущих войн: *I'm sure there were lots of white soldiers that didn't feel comfortable serving with black soldiers in the same units at some point. They got over it. I wonder what percentage of soldiers in WWII and Korea felt the same way about sleeping and serving with black soldiers, and does it really matter? We segregated our military in those conflicts to accommodate the sensibilities of bigots. That was a mistake.*

Таким образом, участники дискуссии выражают уверенность, что на психологическом уровне проблема вполне решаема.

Подведем итоги анализа. Структура дискурса DADT определяется, во-первых, задействованными в нем топосами – основными «тематическими / содержательными стержнями» нарратива, во-вторых, типами высказываний, выделяемыми по иллюкутивному намерению, и в третьих – лежащими в их основе глубинными семиотическими оппозициями

Выделены следующие наиболее значимые топосы: моральность/аморальность, дискриминация, предубежденность, американские ценности, фактор психологического дискомфорта.

Развитие этих топосов осуществляется преимущественно в рамках следующих типов высказываний (речевых действий): 1) констатирующие высказывания – описание положения дел в армии, описание собственного опыта; 2) оценочные дескрипции – характеристика политики, характеристика сторонников и противников; 3) аналитические суждения – осмысление причин и мотивировок действий, попытки выявить дискурсивный механизм стигматизации.

Несмотря на изначально данное различие в иллюкутивной силе этих типов высказываний, с учетом социального контекста дискурса (полемике по политически значимой проблеме) все они могут рассматриваться как аргументативные, ибо для участников общения важно убедить других в правильности своей позиции по проблеме.

В числе тактик аргументации, к которым прибегают участники дискуссии, выделяется тактика апелляции к прецедентным феноменам: отсылка к авторитету, к историческому опыту страны, к собственному опыту службы в армии, к опыту решения проблемы другими странами.

Развертывание дискурса в содержательном и иллюкутивном аспектах обусловлено лежащими в его основе семиотическими оппозициями: гендерные оппозиции «гетеросексуализм ↔ гомосексуализм», «маскулинность ↔ фемининность»; большинство ↔ меньшинство (истеблишмент ↔ маргинальные социальные группы); военные ↔ гражданские; республиканцы ↔ демократы; консервативные / религиозные ценности ↔ либеральные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

Barkawi, T., Dandeker C. Rights and Fights: Sexual Orientation and Military Effectiveness // *International Security*, Vol. 24, No. 1, pp. 181-201.

Belkin, A. Don't Ask, Don't Tell: Exploring the Debates on the Gay ban in the U.S. Military. Boulder, CO, 2003.

Butler, J. Excitable Speech. New York, 1997.

Janowitz, M. The Professional Soldier.

Kier, E. Homosexuals in the U.S. Military: Open Integration and Combat Effectiveness // *International Security*, Vol. 23, No. 2, pp. 5-39.

Kress, G. Critical Discourse Analysis // R. Kaplan, ed. / *Annual Review of Applied Linguistics*, II, 1990.

Wodak, R., ed. Language Power and Ideology: Studies in Political Discourse. London, 1989.

Шейгал Е. И. Политический скандал как нарратив // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград, 1998. С. 55-68.

МАТЕРИАЛЫ СМИ

1. ABC News, Now, March 13, 2007 (transcript).

2. Gray, A. U.S. Top general seeks to calm homosexuality row // *Reuters* Mar 13, 2007.

3. How the Policy "Works" <http://www.law.georgetown.edu/solomon/background.html>.

4. Human Rights News, January 23, 2003. <http://www.hrw.org/press/2003/01/us012303.htm>.

5. Letter to President Bush Concerning the U.S. Military's "Don't Ask, Don't Tell" Policy // *Human Rights News*, January 23, 2003.

6. Lubold, G. Former JCS chairman: It's time to give 'don't ask, don't tell' policy another look (<http://www.airforcetimes.com/issues/stories>).

7. NPR Show «All Things Considered», March 13, 2007 (transcript).

8. Reexamining "Don't Ask, Don't Tell" // *Time in partnership with CNN*, March 13, 2007. <http://www.time.com/time/nation/article/0,8599,1598653,00.html>.

9. Sen. Wyden Blasts DOD Response On 'Don't Ask, Don't Tell' // *US Fed News* March 1, 2007.

10. U.S. Military's «Don't Ask, Don't Tell» Policy Panders to Prejudice // *Human Rights News*.

11. January 23, 2003. <http://www.hrw.org/press/2003/01/us012303.htm>.

12. Varnell, P. DADT Unravels Further. Chicago Free Press November 22, 2005. http://www.military-education.org/newsclips/2005_1122_ChicagoFree.html.

МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

1. The Huffington Post. <http://www.huffingtonpost.com/eric-alva/dont-ask-dont-tell>.

2. Blog Inactivist. <http://inactivist.net/node/58>.

3. Blog Reason. <http://www.reason.com/blog/show/119101.html>.

4. The Raw Story. <http://www.haloscan.com>.

5. Digg website. <http://digg.com/politics/>.

© Шейгал Е. И., 2008

Антипина О. В.

Иркутск, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ВСПЛЕСК
И МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ЗАТИШЬЕ:
ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОССИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Abstracts

The article gives an opinion on the notion of a metaphoric image, its features and the ways of its discourse actualization. Thus, a metaphoric image is characterized by vague semantics, qualitative and quantitative dynamics and can be formed with the help of one or several metaphoric models.

Принципы организации и хранения знаний об окружающем мире в языковом сознании при помощи метафорических единиц нашли отражение в метафорическом моделировании дискурса (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов и др.), вобравшем в себя теоретические положения теории регулярной семантической многозначности (Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.), и теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.).

Проецирование знаний о сфере-источнике на сферу-мишень можно представить как перенесение семантических признаков реального денотата на фиктивный. Сфера-источник метафорической экспансии может быть организована в виде метафорических моделей, свойственных любой культуре, широко распространенными или специфичными для конкретной культуры¹. По мнению С. А. Хахаловой, содержание метафорических фреймов, слотов и терминалов определяется «типовыми знаниями о человеческой картине мира, задаётся рамками культурной модели, основанными на механизмах вторичного косвенного переноса»². Сфера-мишень представляет собой цель и продукт этого переноса. Другое обозначение сферы-мишени – метафорический образ, – восходит к

¹ Языковая реальность познания: Вестник Иркутского государственного педагогического университета. Сер. Лингвистика. – Иркутск, 2001. – № 4. – С. 102.

² Там же.

теории образов (St. Ullmann, R. Wellek, J. Giardi, В. А. Зарецкий и др.).

В нашем исследовании мы рассматриваем метафорический образ как конструкт некоторых метафорических моделей, логическая структура которых остается неизменной на протяжении веков и откладывается в языке, менталитете и культуре отдельных национальных сообществ.

Метафорический образ характеризуется размытостью семантических границ, динамичностью и определенными закономерностями развёртывания в дискурсе.

Размытость семантических границ есть одно из свойств метафорических образов. Вполне вероятно, что она возникает вследствие репрезентации образов метафорическими моделями, не имеющими четких границ³. Концептуальная структура метафорических образов сложна и многообразна. Причудливые сочетания одних образов порождают другие⁴. Так, на основании контент-анализа эмпирического материала, мы увидели, что метафорический образ политической России нового тысячелетия в англоязычном сознании представлен образами России, президента, правительства, оппозиции, выборов, внешней и внутренней политики РФ, образами отдельных политиков и партий, а также собирательным образом граждан РФ как электората.

Языковое содержание моделей пополняется новыми единицами крайне медленно. Окказиональное употребление метафор воспринимается языковым сознанием не так быстро, а потому фиксируется в языке не так прочно, как стершиеся и узуальные метафоры⁵. Несмотря на определенную статичность структуры метафорических моделей, метафорический образ обладает динамикой, которая зависит от качественного и количественного факторов метафоропотребления.

Количественный фактор связан с тем, насколько часто в рассматриваемом дискурсе встречается метафора и какого она экспрессивно-стилистического типа: стершаяся, узуальная или окказиональная⁶. Проанализированные англоязычные тексты сетевого формата показали, что всплеск метафорического освещения образа России начала XXI века пришелся на 2005 год: наблюдалась тенденция к использованию большого количества прецедентных имен из религиозной, исторической и литературно-художественной областей знания. Кро-

³ Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006; Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Монография. – Екатеринбург, 2001.

⁴ Григорьева О. Н. Политический театр современной России (Взгляд филолога). <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/09>.

⁵ Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. – Иркутск: ИГЛУ, 1998.

⁶ Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. – Иркутск: ИГЛУ, 1998.

ме того, мы отметили множество авторских (оказиональных) метафор, образованных, преимущественно, от названий культовых кинопроизведений американского происхождения:

The Empire Strikes Back! (Lavelle, Peter. The Empire Strikes Back! November 06, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=208);

Russian Democracy and Civil Society: *Back to the Future*. (Johnson, David. Russian Democracy and Civil Society: Back to the Future. #24 – JRL 2006 – 38 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 2 – 10 – 06>).

Мы полагаем, что это было связано с интересом к политической жизни в современной России у разнообразной читательской аудитории. Чтобы воздействовать на молодежь, использовались метафоры, связанные с попкультурой. Интеллектуальные читатели встречали религиозные

Vladimir Yakovlev, another deputy mayor under Sobchak, defeated his former boss. Putin publicly labeled Yakovlev as a “Judas” during the campaign. (Babich, Dmitry. Group Dynamics. <http://www.russiaprofile.org/politics/2005/2/22/3047.wbp>);

The fourth horseman has announced his arrival, the consequences of which most likely determine just how much democracy the Kremlin is willing to accept. (Lavelle, Peter. The arrival of the fourth horseman. May 24, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=41),

исторические

Putin Is No *Frederick the Great*. (Fax, Alex. Putin Is No Frederick the Great. #8 – JRL 9113 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 4 – 7 – 05>);

It was easy to figure out that *the “Andropov II”* and “successor” mentioned in the document referred to Sergei Ivanov. (Pribylovsky, Vladimir. Oligarchs Toy with Their 2008 Options. #15 – JRL 9069 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 2 – 25 – 05>)

и литературно-художественные образы

Putin’s Third Term: *Much Ado About Nothing*. (Filipov, Yury. #13 – JRL 9120 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 4 – 14 – 05>);

It looks like Rodina has become a kind of monster and, according to Glazyev, the Kremlin did play the role of *Dr. Frankenstein*. (Veretennikova, Ksenia. A Political Frankenstein Story. <http://www.russiaprofile.org/politics/2004/5/25/1734.wbp>).

В то же время, период с 2000 по 2002 гг. можно назвать метафорическим затишьем из-за крайне редкого использования этого меха-

низма для манипуляции мнениями⁷. В целом, метафоры этого периода эмоционально нейтральны. В 2003 году произошел скачок метафоропотребления. Наметились 10 доминантных метафорических моделей (физиологическая и морбиальная модели; зооморфная модель и модель «Неживая природа»; военная, спортивная и театральная модели; кулинарная модель и модель «Дом»; модель «Путешествие»), которые активно эксплуатировались в дальнейшем. 2004 и 2006 гг. – снижение метафорической активности англоязычной прессы в отношении политики в России. 2006 год, кроме того, характеризуется некоторой эмоциональной стабильностью используемых метафор (по сравнению с 2005 г.).

Качественный фактор метафоропотребления подразумевает различные модификации метафорического образа, возникающие в зависимости от преобладания метафор конкретных моделей, а также в результате извлечения новых элементов (слотов) одних и тех же моделей, способных повлиять на эмоционально-оценочный вектор метафорического описания объекта, ситуаций⁸. Большую роль при этом играют экстралингвистические маркеры.

Например, самая «любимая» метафора разрушения в статьях англоязычных журналистов *dismantle* применяется исключительно для передачи образа разрушения Советского Союза. При этом она проходит различные стадии словообразования, что говорит о ее особом статусе в описании этого события: *the final dismantling, to dismantle, dismantled, the dismantlement*. Например:

The Kremlin is effectively presiding over the final *dismantling* of its Soviet empire. (Abelsky, Paul. A Battle That Kept the Experts’ Pipeline Busy. <http://www.russiaprofile.org/politics/2006/1/24/739.wbp>).

Данная метафора сочетает в себе сему разрушения как такового, а также может ситуативно относиться к описанию военных действий (разрушение неприятельской крепости). Невозможность или нежелание использовать другую метафору в этих контекстах говорит об исторически укрепившемся в западном сознании образе СССР как врага, с которым нужно сражаться, как вражеской крепости, которую следует уничтожить до основания. Тот факт, что данная метафора не используется в современ-

⁷ Григорьева О. Н. Политический театр современной России (Взгляд филолога). <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/09>; Политический дискурс в России – 10: Материалы X юбилейного всероссийского семинара / Под ред. В. Н. Базылева. – М., 2007.

⁸ Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006; Политический дискурс в России – 10: Материалы X юбилейного всероссийского семинара / Под ред. В. Н. Базылева. – М., 2007. С. 26.

ном политическом дискурсе для позиционирования РФ на международной арене, говорит о метафорическом сдвиге в сознании носителей английского языка. Россия не воспринимается как враждебная, отчужденная крепость в состоянии войны с Западом.

Развертывание метафорического образа в дискурсе происходит как при помощи метафор одной модели, так и посредством единиц разных моделей.

Основным критерием целостной передачи и восприятия метафорического образа является использование метафор, относящихся к одной субсфере-источнику и, более узко, к одной метафорической модели.

The *mainstream* Party Line holds that President Putin is *rolling back* Russia's *fledging* democracy which *flourished* under Boris Yeltsin. (Ames, Mark. DOOM-A. How to Watch Post-Soviet Politics. December 16, 2005. http://english.intelligent.ru/articles/2005/text_e0137.htm).

В данном примере все метафоры относятся к одной субсфере-источнику ПРИРОДА, но к разным моделям внутри нее. Основная партийная линия либералов и действия, приписываемые ими президенту, соотносятся с водной стихией (*mainstream* «основное течение, фарватер»; *roll back* «накатывать, биться о берег (о волнах, приливе)») (модель «Неживая природа»), а политическое устройство государства с животным и растительным миром (*fledging* «оперяющийся»; *flourish* «благоухать, буйно цвести») (зооморфная и фитоморфная модели).

Второе наблюдение касается непрямого противопоставления уровня развития демократии. По сути, определение *fledging* указывает на очень небольшую степень наличия признака «развитый, зрелый», в то время как *flourish* говорит о наличии этого признака в избытке. Повидимому, чтобы подчеркнуть разное отражение действительности в либеральных кругах, использованы метафоры, относящиеся к разным моделям, но имеющие общий понятийный источник ПРИРОДА. Безусловно, возникает вопрос по поводу логического несоответствия выбираемых метафор: как может явление, в избытке обладающее каким-то признаком, за довольно короткий период времени начать мыслиться как только набирающее этот же признак? Вероятно, таким приемом автор имплицитно уличает в этом несоответствии либеральных идеологов.

Чаще всего, метафоры одной метафорической модели используются в описании отдельного фрагмента действительности на сравнительно коротком отрезке текста (в предложении или сверхфразовом единстве). В этом случае метафорический образ воспринимается быст-

ро, поскольку цепочка ассоциаций выстраивается максимально логично в пределах одной модели (или еще лучше – фрейма одной модели). Рассмотрим пример:

The unfolding of the State Duma election campaign and its outcome will be the most important indicators of how Putin views this crucial *trade-off* and whether he is capable of *striking the right balance* [between the oligarchs and the laws]. (Lavelle, Peter. What Is Mine Is Mine, What Is Yours Is Negotiable. July 30, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=135)

Все три метафоры относятся к сфере торговли. Метафора *trade-off* «сделка» прямо указывает на это. Метафора *striking the right balance* связана с торговлей в том смысле, что описывает ситуацию подведения торгового баланса, ведение бухгалтерии дела, поскольку для торговца жизненно важна точность информации о доходах / расходах. Метафора *the unfolding* «распаковывание» относится к торговле со стороны покупателя, когда он снимает дома упаковку с купленного товара (или подарка). В данном примере, власть заключает сделку с заинтересованными лицами (*trade-off*) относительно исхода выборов в Госдуму. Президент, как главный торговец со стороны законодательной власти, после сделки подводит баланс (по возможности, точный) (*striking the right balance*) убытков и прибыли от этой сделки. Избиратель (покупатель) получает и распаковывает (в СМИ) готовый товар – рекомендуемых в результате этой сделки кандидатов в депутаты (*the unfolding*). Таким образом, вся избирательная кампания – это специально изготовленный и упакованный продукт, и ее результаты не зависят от волеизъявления избирателя.

Следовательно, можно утверждать, что употребление метафор одной модели упрощает и способствует восприятию целостного метафорического образа, заданного адресантом высказывания.

Тем не менее, в большинстве случаев, в описании одного фрагмента действительности на сравнительно коротком отрезке текста (в предложении или сверхфразовом единстве), используются метафоры разных моделей, вступающие между собой в разнообразные структурные и смысловые отношения. Мы отмечаем связи как между моделями одной субсферы-источника, так и между моделями разных субсфер-источников. Рассмотрим некоторые варианты таких отношений.

Such *clashes* can result in more than just a *tremor* that *shakes the ground* beneath a simple Kremlin official. (Parachkevova, Anna. Kremlin Tectonics. <http://www.russiaprofile.org/politics/2006/6/13/3863.wbp>).

Для описания отношений между членами правительства использованы метафоры двух моделей: военной модели и модели «Неживая природа». Военная метафора *clashes* описывает звуки средневекового рыцарского сражения. Метафоры *tremor* и *shake the ground* передают ситуацию землетрясения. В данном случае земля начинает колебаться не в результате тектонических процессов, а в результате сражения на ней.

Интересно отметить, что метафора *tremor* может относиться и к морбальной модели, обозначая нервно-психологическое расстройство опорно-двигательного аппарата. Употребление ограничивающего определения *shaking the ground*, выраженного метафорой модели «Неживая природа», помещает метафору *tremor* в описание процесса вулканической деятельности.

Рассмотрим еще один пример:

They are *playing nomenclatura games* relying on *the promotion* of new leaders anointed in *backroom deals*. (Lavelle, Peter. Nikita Belykh's Gambit. June 10, 2005. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=1728).

Метафора *playing games* – игровая модель, метафоры *the promotion* и *backroom deals* – торговая модель. Раньше сделки между торговыми людьми (часто без свидетелей) заключались в так называемой «задней комнате» магазина, в «деловой части» лавки, где торговец вел бухгалтерию и т.п. В данном контексте образ «задней комнаты» (кулуара) означает, что решения о перемещении на руководящих постах принимаются втайне от общественного мнения, посредством переговоров политиков и бизнесменов. Таким образом как бы заключается торговая сделка между властью (политикой) и деньгами (бизнесом), либо между властью и властью, при опоре на деньги или в надежде на получение прибыли в результате продвижения на рынке политики интересующего товара (политиков). С другой стороны, ситуации игры и торговли в политике связаны следующим образом. Игра – это риск и деньги. Торговая сделка – тоже риск и деньги. Получается, что ситуация назначения чиновников сопряжена с тем и с другим, но описывается через две разные модели – торговли и игры (азартной).

В следующем примере мы видим взаимодействие метафор спортивной модели (*sidelined*) и модели «Дом» (*homeless*):

Kasyanov and Voloshin have been *sidelined*. Are they becoming politically *homeless*? (Lavelle, Peter. "Oligarchate": The Twilight of the Powerbrokers. July 25, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=130).

Политики, которых сняли с высоких должностей, изображены как бегуны, которых оттеснили к самому краю беговой дорожки. В дальнейшем они могут быть совсем забыты в мире политики – имеют все шансы стать политически бездомными.

Регулярная повторяемость этих и других комбинаций наводит нас на мысль о наличии некоторых закономерностей в функционировании метафорических моделей в дискурсе. Алгоритм сочетаемости метафорических моделей в развертывании метафорического образа можно сформулировать следующим образом.

Если в тексте мы встречаем метафору модели А, то велика вероятность того, что здесь же мы встретим метафоры моделей В и С. Ограниченно употребление модели D. В формулировании алгоритма мы намеренно не пользуемся наречием «невозможно», заменив его на «крайне редко», поскольку дискурс – это динамичное образование, представляющее собой неисчерпаемый и постоянно обновляющийся источник эмпирических данных.

Например, употребление военной метафоры создает большую вероятность использования в дальнейшем тексте статьи игровой или торговой метафор; употребление театральной метафоры создает вероятность использования зооморфной или спортивной метафор и т.д.

Анализ функционирования метафорических моделей в развертывании метафорического образа позволяет выявить такие закономерности употребления определенных моделей, как

1) употребляемость / неупотребляемость определенных моделей в формировании определенного метафорического образа;

2) факт взаимодействия моделей между собой: какие из них формируют метафорический образ в тесном контакте с другими (с какими именно), а какие – нет;

3) регулярное проявление такого глубинного свойства метафорических моделей, как размытость семантических границ. Отдельные метафоры (не обязательно базовые для этой модели), фреймы, даже целые модели могут стать частью другой метафорической модели без ущерба для первичной модели, в которой они использовались ранее.

Например, ограничение свободы передвижения в пространстве возникает на пути путешественника в виде препятствия (модель «Путешествие»). Для узника это препятствие приобретает вид решетки (криминальная модель). Для лошадей в скачках и бегунов оно имеет форму барьера (спортивная модель). В английском языке все эти значения передаются одной единицей *a bar / bars*. В зависимости от контекста можно отнести ее к той или иной модели:

- (a) ...the 2008 presidential election, in which he is *barred* from running for a third term. (спортивная модель + модель «Путешествие») (Bigg, Claire. Putin Defends 'Independent Path' To Democracy. #3 – JRL 9130 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL4-25-05>)
- (b) The Kremlin has *barred* its staff from speaking to foreigners without prior approval. (криминальная модель + модель «Путешествие») (Medetsky, Anatoly. Ilarionov Offers to Leave the Kremlin. #5 – JRL 9328 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL12-28-05>)
- (c) Just like any other second term president and constitutionally *barred* from a third consecutive term... (криминальная модель) (Lavelle, Peter. Who will be Putin's successor? June 27, 2005. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=1762).

Использование в примере (a) метафоры *to run for*, вне зависимости от того, кем является бегун (лошадью, жокеем или легкоатлетом), не позволяет нам отнести метафору *to be barred from* исключительно к модели «Путешествие», поскольку выборы носят явно соревновательный характер. С другой стороны, в примере (b) доминирует значение преграды в виде тюремной решетки, хотя следы смысла преграды в пространственном перемещении все еще ощущаются. Пример (c) дает нам такой контекст, где отнесенность к криминальной модели доминирует над спортивной моделью и моделью «Путешествие». Это происходит потому, что препятствие на пути возникает в силу Конституции, нарушение которой расценивается как преступление.

4) зависимость эксплицитности манифестации модели от наличия в контексте метафор других моделей. Объяснение одной метафоры через другую способствует созданию более целостного и объемного образа описываемого косвенным образом объекта. Как правило, когда вторая метафора уточняет смысл первой (расширяет или дополняет его), цепочка ассоциативных связей направляется по другому пути, так как задействована другая метафорическая модель. Однако в результате этого пути находят подтверждение гипотезы, связанные с корректностью построения ассоциаций в первом случае. Подкрепим данное утверждение примером.

[Kasyanov, Yavlinsky, and Khodorkovsky:] The three are *bankrupt* politicians; the sooner they *retire*, the better it will be for Russian liberalism. (Lavelle, Peter. Nikita Belykh's Gambit. June 10, 2005. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=1728).

Метафорой *bankrupt* обозначается отнюдь не финансовый крах либеральной политики, выражающийся в ее непонимании народом – избирателями. Непонимание, сомнения в состоятельности, недоверие характеризуют конфликт поколений: молодого и пожилого, старых работников и новичков. Старое отбрасывается как ненужное и предается забвению. Возвращаясь к первой метафоре, забвению предается либеральная политика про-западного образца (уходит на пенсию), а вместе с ней и люди, которые ее пропагандировали.

На данном примере мы можем наблюдать сближение социальной и торговой метафор. Прогнозируемым продолжением будет появление метафоры смерти (морбиальная модель). Потерявшие идейную состоятельность (подобно деньгам) и преданные общественному забвению (как ушедшие на пенсию старики), данные политики могут встретить политическую смерть как следствие потери политического (денежного или социального) статуса.

Итак, метафорический образ есть динамичное, национально-специфичное, культурно-языковое образование, выраженное единицами косвенной номинации, в основе которых лежит ассоциативный перенос языковой формы по сходству свойств денотатов. Метафорический образ обладает размытостью семантических границ и динамичностью актуализации. Он может быть развернут в дискурсе следующим образом:

- при помощи метафор одной модели (меньшая частотность);

- при помощи метафор разных моделей, относящихся к одной субсфере-источнику;

- при помощи метафор разных моделей, относящихся к разным субсферам-источникам.

Изучение особенностей дискурсивной актуализации метафорического образа не только представляет собой благодатную почву для дальнейших исследований в русле теории метафорического моделирования, но и способствует преодолению ряда проблем межличностного общения и межкультурной коммуникации.

© Антипина О. В., 2008

Кутенева Т.А.

Екатеринбург, Россия

**СМЫСЛОВАЯ ДИНАМИКА ЛЕКСЕМ
ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Abstracts

*The present paper touches upon the problems of meaning dynamics of the words **propaganda** and **agitatsiya** in post-Soviet period. The author focuses on their definition, historical formation and functioning in the Russian language.*

Вводные замечания. Исследование черт советской культуры в политологии, лингвистике,

культурологии и других дисциплинах гуманитарного цикла неизменно выводит авторов на осмысление «металексики» тоталитарной системы, методологически важных, высокого уровня абстракции, базовых единиц – лексем *идеология* и *пропаганда*. Советская идеология как профессионально сконструированная, многомерная система идеологием, отражающая основные ценностные ориентиры советского общества, тесно связана с подчиненным ей пропагандистским дискурсом. В свою очередь, лексема *пропаганда* устойчиво закрепилась в языке советского времени в виде словосочетания *пропаганда и агитация*, свидетельствующего о неразрывной связи данных единиц.

Идеологически маркированные базовые лексемы *идеология*, *пропаганда* и *агитация*, входящие в «фундаментальный лексикон» тоталитарного общества, получили положительную оценочную окраску в рамках советской системы ценностей. Смена идеологий, кардинальные преобразования в общественном устройстве влекут за собой смену знака оценки, стимулируют необходимость исследования смысловой динамики идеологических слов на постсоветском пространстве, выявления и описания этапов семантической и идеологической эволюции «советских» слов.

Учитывая обусловленную внешними факторами склонность идеологии к трансформации, определим цель данной работы – рассмотреть динамику идеологического содержания лексем *пропаганда* и *агитация*. Смысловая трансформация лексемы *идеология* рассмотрена нами в предыдущих работах [см., напр.: Шадрина 2007].

1. Лексемы *пропаганда* и *агитация* в лексикографическом освещении. Лексикографический портрет исследуемых единиц позволяет проследить историю вхождения слов в русский язык, закреплённость семантической и идеологической информации единиц в русском языке на различных этапах российской истории.

Слово *пропаганда* вошло в русский язык через немецкий *die Propaganda* или французский *propagande* из нов.-лат. *congregatio de propaganda fide* – название основанной папой Урбаном VII в 1623 г. организации для распространения католической веры [Этимологический словарь русского языка 1996, Т. 3: 376]. В языке-доноре дефиниция лексемы *пропаганда* включала религиозную идеологическую составляющую ‘относящийся к христианству’. Слово *агитация* – производное от латинского глагола *agitare* – «приводить в движение, подстрекать» [Краткий этимологический словарь русского языка 1975: 23]. Глагол *агитировать* вошел в русский язык в XVIII веке, см.: Словарь русского языка XVIII века [1984. Вып. 1]. В XIX веке из немецкого через французский в русский язык пришло однокоренное слово *агитатор*, которое также восходит к латинскому *agitor* – «приводящий в движение, подстрекатель, погонщик» – суффиксальному

производному от глагола *agitare* (агитировать). Отрицательная оценочная сема ‘побуждающий к плохому’, выявляемая на базе семантики лексемы *подстрекатель*, «впрессована в лексическое значение слова» [Апресян 1988: 21], является частью понятийной семантики. Таким образом, изначально лексические значения лексем *пропаганда* и *агитация* не являлись нейтральными и содержали прагматическую информацию.

Первая словарная фиксация лексем *пропаганда* и *агитация* в русском языке отмечена в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «*агитация* латн. народныя или сословныя смуты, подговоры, наущенья и волнение, тревога. *Агитаторъ*, волнователь, подстрекатель, смутчик, зачинщик мятежа» [Даль 1955, Т. 1: 4]; «*пропаганда* итал. Распространение какого-либо толка, учения, старанье объ этомъ, самое общество, *пропагандисты*» [Даль 1955, Т. 3: 501]. Очевидно, что дефиниция лексемы *агитация* содержит негативно оценочный семантический компонент ‘побуждение к совершению плохого поступка’. Однокоренное слово *агитатор* находится в одном синонимическом ряду с такими отрицательно заряженными единицами, как *подстрекатель*, *смутчик*, *зачинщик мятежа*, в значении которых также ярко выражена негативная семантика ‘*тот, кто побуждает к совершению плохого поступка*’. Кроме того, в семантике гнезда можно выявить идеологическую составляющую ‘*восстание против власти*’, которая заложена в толковании слов *мятеж* и *смута*. Лексическое значение слова *пропаганда* не содержит идеологических компонентов.

Лексикографические источники **советского периода** позволяют проследить развитие лексической семантики исследуемых единиц после революции 1917 года.

Агитация – действие по глаголу *агитировать* – «убеждать (массы) в правильности политики какой-н. партии или иной организации, призывать к борьбе за эту за эту политику» [ТСУ 2000, Т. 1: 13];

– «устная и печатная деятельность среди широких масс, имеющая целью распространение каких-н. идей для политического воспитания масс и привлечения их к активной общественно-политической жизни» [СО 1984: 21];

– «устная и печатная деятельность, имеющая целью политическое **воздействие** на широкие народные массы» [МАС 1981, Т. 1: 24];

– «*полит.* Устная и печатная деятельность партии и класса, имеющая целью воздействовать на идеологию широких народных масс в определенном направлении» [БАС 1961, Т. 1: 4].

Все толковые словари советского периода фиксируют в структуре лексического значения наличие идеологических компонентов: ТСУ – ‘*правильность политики*’, ‘*партия*»; СО – ‘*политическое воспитание*’, ‘*общественно-поли-*

тическая жизнь»; МАС – ‘политическое воздействие’; БАС – ‘партия’, ‘класс’, ‘идеология масс’. Словари характеризуют агитацию как целенаправленную деятельность, имеющую воздействующий характер.

Пропаганда – «распространение каких-н. идей, учения, знаний путем подробного и углубленного ознакомления || Разъяснение и убеждение широких масс в необходимости чего-н. *Пропаганда электрификации. Пропаганда физкультуры*» [ТСУ 2000, Т. 3: 973];

– «распространение в массах и разъяснение каких-н. воззрений, идей, знаний, учения. *Партийная пропаганда*» [СО 1984: 548];

– «распространение и углубленное разъяснение каких-л. идей, учения и знаний. *Пропаганда марксистско-ленинской теории. Антирелигиозная пропаганда. || Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы, а также органы и средства, с помощью которых осуществляется это воздействие. Коммунистическая пропаганда. Буржуазная пропаганда. || Ознакомление широких масс с чем-л. с целью распространения чего-л. Пропаганда электрификации. Пропаганда физкультуры*» [МАС 1981, Т. 3: 508].

– «распространение каких-л. идей, воззрений, знаний путем постоянного глубокого и детального разъяснения широким массам. *Партийная пропаганда. Научная пропаганда. || Ознакомление читателей, зрителей с чем-л.; популяризация, распространение чего-л.*» [БАС 1961, Т. XI: 1250].

Словарные статьи основных толковых словарей советского времени содержат практически тождественные толкования лексемы *пропаганда*. В словарных дефинициях лексемы отражено три процесса – распространение (во всех представленных словарях), ознакомление (ТСУ, МАС, БАС) и разъяснение (СО, МАС, БАС) идей. Следует обратить внимание на толкование, представленное в МАСе: в качестве оттенка значения лексемы дано идеологическое значение данного слова (выделено нами жирным шрифтом – *Т.К.*). Также подтверждением идеологической составляющей данной лексемы может служить иллюстративный материал словарной статьи МАСа: *пропаганда марксистско-ленинской теории, антирелигиозная пропаганда, коммунистическая пропаганда, буржуазная пропаганда*. Иллюстративный материал СО и БАСа – словосочетание *партийная пропаганда* – эксплицирует идеологический семантический компонент ‘*партийность*’, который не выражен в толковании слова.

В словарях **постсоветского периода** – в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (СОШ 1999); «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т. Ф. Ефремовой (ТСЯ 2000); «Толковым словаре иноязычных слов» Т. П. Крысина (ТСИС 2001); «Русском толковом словаре»

В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной (РТС 2000) – лексическое значение слова **пропаганда** толкуется одинаково: «распространение среди населения и разъяснение каких-л. идей, знаний, учения» – и представляет собой нейтральную дефиницию, не включающую идеологическую составляющую. В «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г. Н. Складчиковой (ЯИ 1998) фиксируется сформировавшаяся за годы советской власти идеологическая семантика слова – «**политическое и идеологическое воздействие** государства, **правящей партии** и т.п. на широкие слои населения **в целях их воспитания в духе господствующей идеологии** и морали с помощью средств массовой информации, агитаторов и т.п.» (ЯИ 1998: 516), которая в словарях советского времени не выделялась в качестве отдельного лексико-семантического варианта.

Вышеперечисленные словари постсоветского времени демонстрируют сформировавшуюся многозначность семантики лексемы *пропаганда*. С опорой на словари мы можем выделить внутри лексемы два самостоятельных лексико-семантических варианта. Определим их как *пропаганда 1* и *пропаганда 2*. Под *пропагандой 1* мы понимаем нейтральное употребление данной единицы, отражающее научную картину мира носителей языка. В этом случае *пропаганда* понимается как **распространение, разъяснение и ознакомление с идеями, взглядами и учениями**. *Пропаганда 2* понимается как сугубо **идеологическая и политическая деятельность, являющаяся транслятором воздействия на общественное сознание**. Последнее значение лексемы *пропаганда* закрепилось в современном языковом сознании как основное.

Проанализировав толковые словари постсоветского периода и сравнив их со словарями советскими, мы приходим к выводу, что существенных изменений в лексическом значении слова **агитация** не произошло. Современные лексикографические источники дают информацию о том, что слово **агитация** – отглагольное существительное, лексическим значением которого является «распространение идей (политических) с целью оказания воздействия на массы». Исключением является «Толковый словарь иноязычных слов» Т. П. Крысина (ТСИС 2001), который фиксирует появление нейтрального по идеологической окраске, переносного значения у существительного **агитация**: «Деятельность, преследующая цель убедить кого-н. в чем-н., склонить к чему-н. *Нечего агитацию тут разводить*» [ТСИС 2001: 33].

Таким образом, наблюдение за лексикографической фиксацией исследуемых единиц показало, что прагматическая составляющая, исходно заложенная в лексической семантике слов *пропаганда* и *агитация*, по-разному была актуализирована на различных этапах российской истории. В досоветский и советский периоды

истории существовало разграничение этих терминов, закрепленное в словарях. Авторитетное мнение руководителей власти поддерживало это разграничение. Так, В. И. Ленин считал, что «пропаганда должна носить систематический, разъяснительный и воспитательный характер, а агитация служит быстрой и эффективной ситуативной мобилизации приверженцев простыми и яркими лозунгами» [Новая философская энциклопедия 2001: 366]. Тем не менее, реальная практика функционирования единиц в советский период российской истории показывает, что на деле обе лексемы служили политическим целям партии. «Еще в 1894 году в качестве лозунга теории и практики российских социалистов в борьбе против «классового врага» Ленин принял памятные слова Карла Либкнехта «Учиться, пропагандировать, организовывать» (Studieren, propagieren, organisieren)» [Якобсон, Лассвелл 2007: 123]. Пропаганда в советском государстве носила, прежде всего, политический характер и реализовалась как деятельность по распространению в массах идеологии коммунистической партии. Она учила, воспитывала и прививала коммунистические ценности и устанавливала нормы поведения в социалистическом обществе. Результатом сложившейся практики использования лексемы *пропаганда* в советских текстах явилась идеологическая дефиниция слова в «Толковом словаре русского языка конца XX в. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Складневской. Данное в словаре толкование зафиксировало сложившееся за годы советской власти узуальное употребление лексемы.

2. Рефлексивное осмысление лексемы *пропаганда*.

Приватизированное советским дискурсом, идеологическое содержание лексем *пропаганда* и *агитация* провоцирует негативную оценку данных единиц в постсоветский период. Прежде всего, наибольшей дискредитации в общественном сознании подверглось слово *пропаганда*, поскольку лексема *агитация* всегда имела политизированный характер, и агитационные тексты не скрывали своей воздействующей целенаправленной функции и были принадлежностью политического языка.

Нами проанализированы метаязыковые высказывания по поводу слова *пропаганда* (выборка была проведена с 1991 по 2007 гг. на основе базы данных Интегрум), которые позволяют выявить отношение говорящего к идеологеме. Массив контекстов содержит общеприятную оценку этого слова. В большинстве рефлексивных высказываний аксиологическая семантика может быть представлена негативно окрашенными прилагательными, характеризующими слово *пропаганда*: *Старались забыть презренное слово «пропаганда»* (Новое время 23.01.2000); *Слово «пропаганда» – опасное слово* (Вятский край 07.08.2001); *Слово «пропаганда» давно стало ругательным в нашей*

стране (Известия 19.12.2001); *В слове «пропаганда» есть что-то агрессивное еще с советских времен* (Российская газета 21.12.2001); *Слово «пропаганда» стало бранным* (Независимая газета 13.04.2001); *Слово «пропаганда» имеет в языке эдакий негативный оттенок* (Волгоградская правда 24.03.2005) и др.

Кроме отрицательной оценки, рефлексивы могут включать конкретные негативные смыслы, которые демонстрируют набор сем, заложенных в коннотативной части: *Слово «пропаганда» у нас вдруг стало ругательным, синонимом ангажированности, идеологической нечистоплотности и вообще общественного зомбирования* (Российская газета 14.11.1997); *Чего точно не будет на нашем канале, так это кампанийщины, хамства, лжи, безответственности, то есть всего того, что называется одним словом – «пропаганда»* (Итоги 16.09.2003); *В самом слове «пропаганда» уже заложена доля лукавства, хитрости и манипуляции* (Дело 29.05.2006). Набор отрицательных конкретных смыслов: 'нечистоплотность', 'манипуляция', 'зомбирование', 'ложь', 'безответственность' и др., – характеризует специфические признаки пропагандистского инструментария, которые в общественном сознании в свернутом виде манифестируются в виде информационно нагруженной опорной лексической единицы *пропаганда*. Гипотетически возможное информационное развертывание базовой единицы предстанет в виде набора исходных пропагандистских текстов официального советского языка. Пропаганда понимается как контролируемое распространение сознательно искаженных представлений, осуществляемое с целью побудить людей к действиям, отвечающим заранее намеченным целям заинтересованных групп. В метаязыковых контекстах говорящий указывает, прежде всего, на манипулятивный характер лексической единицы: *Зритель начинает понимать, что ему в сталинские времена досталась изрядная доля бессовестной пропаганды* (Независимая газета 14.01.1993); *Люди болезненно переживают ломку стереотипов, сформированную бесчестной пропагандой сознания* (Независимая газета 17.02.1993); *К цинизму толкает лживая пропаганда* (Независимая газета, 23.06.1993).

В некоторых рефлексивных высказываниях говорящий для выражения своей оценки использует метафоры и сравнения с негативной семантикой. Метаязыковые высказывания позволяют выделить следующие виды метафор:

1. метафора болезни: *С советских времен у нас аллергия на слово «пропаганда»* (Нижегородские новости 30.09.2000). *Телекомментаторы открещивались от слова «пропаганда», как от чумы* (Независимая газета 13.04.2001);

2. метафора отвратительного запаха: *Слово «пропаганда» не нравится, так как от него пахнет коммунистическим прошлым* (Ме-

гаполис – Экспресс 14.07.1999); **Вонючее слово «пропаганда»** (Профиль 08.04.2007);

3. метафора неприятного звучания: **Чудовищное звучание слова «пропаганда»** (Журнал Профиль 02.03.1998). **Слово «пропаганда» многим режет ухо** (Парламентская газета 08.08.2000). **Сколь коряво ни звучит слово «пропаганда», хорошую книгу надо пропагандировать** (Новые известия 26.04.2001).

Таким образом, отрицательная оценка анализируемой идеологемы фиксируется в условиях постсоветского пространства в виде метаязыковых высказываний и носит прагматический характер. «Пропагандистски навязчивый, унитаристский характер советского языка, вызвав к себе неприятие и отторжение», сформировал у носителей языка «эмоционально заряженное и обличающее отношение» [Червиньски 2007:121] к нему.

3. Динамика аксиологической составляющей лексемы пропаганда.

Изменение идеологической оценки в конце 1980-х – нач. 1990-х годов шло по линии линейной причинно-следственной связи: старое, уходящее оценивалось со знаком «минус», новое, развивающееся – со знаком «плюс». Поэтому связанная с советской действительностью идеологема пропаганда тоже приобрела отрицательную коннотацию. Но идеологическая переориентация концептов политической сферы проходит непросто.

Мена аксиологических оценок в смысловой структуре слов-идеологем часто представляется в виде оценочного размывания [Купина 1997: 138]. Границы между поляризованными явлениями, сведенными в едином пространстве, нередко становятся идеологически амбивалентными. Различное отношение к идеологическим концептам проявляется не только на уровне разных социальных групп, но и в сознании отдельной личности. Столкновение прототалитарных и антиталитарных тенденций в обыденном сознании постсоветского человека придает современной эпохе драматический характер. Чертой современной речи является подвижность оценочного идеологического компонента. Покажем некоторые типы речевых реакций по поводу анализируемой лексемы.

1. Стремление порвать с советским прошлым обусловило уход единицы из активного употребления: **Мы последнее время как-то стали стесняться слова «пропаганда»** (Подмосковные известия 03.08.1999); **Мы тщательно избегаем слова «пропаганда»** (Коммерсантъ 13.11.2001); **Забывтое слово «пропаганда»** (Честное слово 05.02.2003); **Слово «пропаганда» мы уже забыли** (Брянский рабочий 04.10.2006).

2. Переосмысление ценностных установок становится сегодня более сложным, поскольку исчерпана энергия разрушения, но не решены принципиальные проблемы общественного и

государственного устройства. Проблема создания нового общества напрямую связана с идеей преемственности, с идеей сохранения русского общества и государства. Рефлексивные высказывания демонстрируют стремление реабилитировать лексему, вернуть ее в речевой обиход, избавившись от идеологических советских наращения: **Пора прекратить бояться слова «пропаганда». Это у коммунистов пропаганда – оболванивание. А у нас – просвещение, энергичное целеустремленное распространение идей, целей, путей их достижения** (Тульские известия 28.05.1999); **Финансово-промышленные группы, стремящиеся к диктату, отнюдь не стесняются слова «пропаганда»** (Парламентская газета 22.02.2000); **Мы должны без смущения использовать слово «пропаганда» при описании документа** (Библиотека в школе 31.08.2002); **Теперь слово «пропаганда» перестало быть ругательным** (Советская Сибирь 20.04.2005).

3. Параллельно с предложениями возвратить лексему пропаганда в активный лексикон наблюдается процесс поисков замены «советского» языкового знака. Говорящий ищет адекватные по смыслу лексические единицы или словосочетания, способные заменить «ущербную» единицу: **Слово «пропаганда» заменили на «продвижение национальных интересов посредством зарубежных информационных программ»** (Итоги 11.05.1999); **Слово «пропаганда» нынче не в моде, речь ведется в основном об «информационных технологиях»** (Завтра 28.12.1999); **Слово «пропаганда» не нравится, словосочетание «идеологическая работа» звучит намного свежее** (Мегаполис – Экспресс 14.07.1999); **Уберем навившее оскомину слово «пропаганда» и заменим его термином «точка зрения»** (Журнал Журналист 01.03.2000); **Слово «пропаганда» режет ухо, тогда скажем: внешнеполитическая информация или информационное обеспечение** (Парламентская газета 22.02.2000); **Непопулярное нынче слово заменено более нейтральным словосочетанием «социальный PR»** (Рекламный мир 30.06.2001) и др.

Возникшие на почве замены словесные оппозиции: пропаганда – информирование; пропаганда – пиар; социальный PR; пропаганда – продвижение национальных интересов; пропаганда – точка зрения; пропаганда – информационное обеспечение и др. – иллюстрируют словесную работу современных носителей языка по извлечению из содержания денотата идеологической семы 'воздействие', а также специализированных субъектно-объектных сем, связанных с правящей партией и широкими массами населения, подвергаемыми воспитанию в духе господствующей идеологии.

4. Попытка нейтрализации негативной оценки лексемы приводит к появлению метаязыковых высказываний, в которых метаоператорами вы-

ступают лексические единицы с положительной семантикой *люблю / нравится, в хорошем смысле слова*: **В хорошем смысле слова «пропаганда»** (Независимая газета 09.04.1997); *Слова «пропаганда», «пропагандист» – нормальные политические термины* (Советская Россия 16.10.1997); *Мне больше нравится слово «пропаганда». К этому слову можно подойти позитивно* (Московская правда 11.05.1999); *Это, в хорошем смысле слова, пропаганда государственной символики, потому что марки наклеиваются на конверты и все время находятся перед глазами людей, стало быть, лучше знакомы гражданам.* (Независимая газета 16.06.2001); **Слово «пропаганда» мне здесь нравится** (Комсомольская правда, 27.07.2006). Положительная метаязыковая оценка слова направляет осознание адресата по нужному пути, содержит в подтексте определенную прагматическую инструкцию по восприятию этого слова. Говорящий своей метаязыковой подсказкой как бы говорит: «Я прекрасно знаю, что тебе не нравится это «скомпрометированное» слово, но хочу подчеркнуть его информативную ценность. Поэтому призываю: отметай плохое (идеологическую добавку) и ищи хорошее (понятийное ядро)». В данном случае положительная оценка слова – это, по сути, призыв к его нейтрализации.

Активные попытки возвращения слова в речевой обиход связаны с запросами современного общества, которое нуждается в единице, номинирующей целенаправленное распространение знаний и идей из различных областей знаний. Общественные потребности стимулируют динамику денотативной составляющей анализируемых лексем.

4. Изменение денотативной составляющей лексем *агитация* и *пропаганда*.

Анализ ряда специализированных партийных журналов советского времени «Блокнот агитатора», «Политическая агитация», «Пропагандист», «Партийное строительство», «Партийная жизнь», «Коммунист», «Коммунистическая революция», «Большевик» показал, с одной стороны, высокую частотность употребления лексем *агитация* и *пропаганда* в официальных изданиях, с другой стороны, сочетаемостные особенности данных единиц, говорящие о денотативной составляющей их лексической семантики. Прежде всего, анализируемые лексемы являлись трансляторами идеологических смыслов: **пропаганда решений партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС** (Партийная жизнь, 1984, № 19); **пропаганда ленинского идейного наследия** (Коммунист, 1970, № 3); **агитаторам принадлежит большая роль в разъяснении политики нашей партии** (Коммунист, 1970, № 3); **наши пропагандисты, агитаторы, все работники идеологического фронта призваны нести в массы идеи и положения тезисов ЦК** (Политическая агитация, 1970, № 1); **пропагандист-**

ская машина империализма, специализирующаяся на антисоветской клевете, обмане, фальсификации (Коммунист, 1980, № 18).

При этом идеологемы входят в состав советских клише милитаристского характера, передающих идею классово-борьбы: **активная борьба агитатора за технический прогресс** (Блокнот агитатора, 1962, № 15); **обязанность агитатора – вести борьбу за ликвидацию отставания колхозов** (Блокнот агитатора, 1951, № 1); **боевые пропагандисты идей партии** (Партийная жизнь, 1966, № 19); **вооружить пропагандистов программами, учебными и наглядными пособиями** (Партийная жизнь, 1966, № 19); **Борьба за высокое качество партийной пропаганды** (Пропагандист, 1935, № 24); **За наступательную агитацию в борьбе с дезорганизаторами производства** (Пропагандист, 1940, № 17); **массированные удары по антикоммунистической пропаганде** (Коммунист, 1987, № 1-3).

Директивность тоталитарного языка, непрекаемость партийных установок явилась причиной высокой сочетаемости идеологем с лексикой должествования: **должна быть усилена пропаганда решений партии, тематика, пропагандистский актив** (Пропагандист, 1935, № 5); **Агитаторы и пропагандисты должны объявить самую решительную борьбу либеральному отношению к дезорганизаторам производства** (Пропагандист, 1940, № 17); **агитационно-пропагандистская работа должна быть направлена на воспитание социалистического отношения к труду** (Пропагандист, 1940, № 17); **агитаторам необходимо помнить, что основным содержанием агитации на длительный период должно быть разъяснение Указа Президиума Верховного Совета СССР** (Пропагандист, 1940, № 17); **каждый агитатор и пропагандист обязан быть активным подписчиком на период издания** (Политическая агитация, 1970, № 17).

Помимо политической области употребления, лексемы *пропаганда* и *агитация* занимают свое место в кругу других тематических зон. Перечислим выявленные тематические сферы пропаганды и агитации:

1. сфера экономики и финансов: **пропаганда финансовых средств** (Партийная жизнь, 1966, № 19); **пропаганда, связанная с экономической реформой** (Партийная жизнь, 1966, № 19); **пропаганда проведения экономических совещаний на местах** (Коммунист, 1960, № 4); **пропаганда технических и экономических знаний среди рабочих** (Партийная жизнь, 1966, № 11);

2. сфера промышленности: **пропаганда рыбной промышленности** (Партийная жизнь, 1966, № 1); **пропаганда местной промышленности** (Коммунист, 1987, № 12); **во всей нашей пропагандистской работе надо уделять больше внимания вопросам социалисти-**

ческого соревнования, повседневной **деятельности коллективов промышленных предприятий и строек, колхозов и совхозов по выполнению заданий пятилетки** (Политическая агитация, 1970, № 1);

3. сфера здоровья: **пропаганда здорового образа жизни** (Партийная жизнь, 1990, № 19); **мероприятиям по здравоохранению и пропаганде санитарной культуры** (Партийная жизнь, 1948 № 1);

4. сфера правовых отношений: **Пропаганда советских законов** (Партийная жизнь, 1975, № 19); **правовой пропагандой** занимается большая часть актива общественных организаций (Партийная жизнь, 1975, № 19); **пропаганда конституционных основ государственной и общественной жизни** (Коммунист, 1991, № 12); **партийные агитаторы должны зорко стоять на страже советских законов** (Коммунист, 1991, № 10);.

5. религиозная сфера. Религия считалась идеологическим оружием эксплуататорского класса, поэтому функционирование лексем **пропаганда** и **агитация** сопровождается атрибутивными характеристиками **антирелигиозная** и **атеистическая**: **антирелигиозная пропаганда** (Коммунистическая революция, 1923, № 4); (Коммунистическая революция, 1923, № 4); **антирелигиозная агитация** (Коммунистическая революция, 1923, № 4); **семинар по вопросам научно-атеистической пропаганды прошел в Красноуфимске** (Политическая агитация, 1970, № 1); **научно-атеистическая пропаганда, участие в которой является прямым долгом всех коммунистов, агитаторов и лекторов** (Политическая агитация, 1970, № 17); **пропагандистский атеизм** (Партийная жизнь, 1966, № 11);

6. военная сфера: **пропаганда укрепления обороноспособности страны** (Политическая агитация, 1980, № 9); **пропаганда борьбы с американской агрессией** (Партийная жизнь, 1966, № 1); **борьба с противником должна вестись только агитационно-воспитательными методами** (Партийное строительство, 1930, № 7);

7. сфера печатных СМИ: **каждый агитатор и пропагандист обязан быть активным подписчиком на период издания** (Политическая агитация, 1970, № 17); **подписавшись, каждый агитатор и пропагандист должен позаботиться о том, чтобы все его слушатели также стали постоянными подписчиками газет и журналов** (Политическая агитация, 1970, № 17); **плодотворно действуют общественные советы по пропаганде печатного актива** (Политическая агитация, 1970, № 17); **пропаганда распространения периодических изданий «Экономическая газета» регулярно публикует материалы пропагандистов** (Блокнот агитатора, 1962, № 17);

8. сфера культуры: **пропаганда достижений отечественной и мировой культуры** (Коммунист, 1987, № 1-3); **отдел культуры и пропаганды** (Партийное строительство, 1930, № 7); **создан культурно-пропагандистский сектор** (Партийное строительство, 1930, № 7); **агитатор-беседчик, работники по пропаганде проводят директивы культпропсектора цехячейки** (Партийное строительство, 1930, № 7);

9. сфера науки и техники: **активная борьба агитатора за технический прогресс** (Блокнот агитатора, 1962, № 15); **агитатор призван активно содействовать внедрению передового опыта и достижений науки, лучшему использованию техники и оборудования с тем, чтобы успехи передовых рабочих становились достоянием всего коллектива** (Блокнот агитатора, 1962, № 15); **пропаганда научно-технических знаний** (Коммунист, 1987, № 1-3); **пропаганда передового опыта и технических знаний** (Партийная жизнь, 1975, № 1-6);

10. морально-нравственная сфера: **Задача агитаторов – создание морально-психологического климата** (Политическая агитация, 1980, № 1); **пропаганда формирования высоких моральных качеств и этических вкусов** (Коммунист, 1987, № 1-3); **пропаганда идейно-нравственного мировоззрения молодежи** (Коммунист, 1987, № 12); **морально-политическое единство народных масс** (Пропагандист, 1946, № 3).

Таким образом, советский аппарат агитационно-пропагандистской работы целиком покрывал все сферы деятельности советского общества и внедрял универсальную нормативно-ценностную систему, одной из важнейших особенностей которой являлась «принципиальная невыполнимость предъявляемых к человеку требований» [Левада 2000: 17]. Исполнение внедряемых нормативных императивов было невозможно, поэтому и возникло на советской почве двоемыслие по-русски, «лукавое приспособление» (Ю. Левада) к существующим условиям. Абсолютное насилие порождало негативное отношение к пропагандистскому инструментарию, которое позже трансформировалось в негативное отношение к словам, номинирующим этот аппарат.

В ходе наблюдений за функционированием лексем **в постсоветский период** мы пришли к выводу, что набор выделенных тематических сфер употребления слова **пропаганда** остается неизменным. При этом меняется круг контекстных партнеров, позволяющих выяснить особенности функционирования слова в новых социальных условиях. Во-первых, внутри каждой сферы наблюдается увеличение лексем, с которыми сочетается слово **пропаганда**, объект распространения конкретизируется. Во-вторых, происходят качественные изменения в синтагматических связях. Примета современной син-

тагматики лексемы *пропаганда* – сочетаемость с негативно заряженными единицами, сочетаемость с которыми полностью отсутствовала в советский период. Так, например, в тематической сфере «Здоровье» наряду с *пропагандой здорового образа жизни, донорства, лечебных трав, современных методик лечения* встречаем *пропаганду наркотиков, аборт, курения, пива, табака* и др. Толкование зависимых компонентов словосочетания объединено одной семой – ‘нанесение вреда здоровью человека’. См., например, подобную «негативную» сочетаемость в других тематических группах: *Ограничения связаны с пропагандой войны и насилия* (Народная газета (Ульяновск) 06.08.1993); *К чему привела антиармейская пропаганда* (Независимая газета 26.03.1993); *Ограничения связаны с пропагандой порнографии* (Народная газета (Ульяновск) 06.08.1993); *Пропаганда секса женщин подталкивает на убийство неродившихся детей* (Русский дом 15.06.2006), *Пропаганда пошлости, жестокости, разврата преобладает в нашем обществе* (Русский дом 15.01.2007).

Разнонаправленность пропаганды говорит о том, что современное общество ушло от непрекаемой правильности пропагандистских утверждений. Пропаганда становится видом деятельности, осуществляющим популяризацию и распространение идей заинтересованных социальных заказчиков, имеющих свои корыстные интересы (например, получить материальную выгоду от продажи алкоголя, табака, наркотиков и т.д.). Современная ситуация ценностного вакуума позволяет пропагандировать в СМИ безнравственное поведение и аморальные поступки, что свидетельствует о кризисе культуры и самого общества. Социальная сфера жизнедеятельности всегда характеризуется определенными нормами. Объект пропаганды является носителем ценности только тогда, когда получает социальную значимость и включает в себя не только должное (норму), но и «желаемое, связанное с добровольным, свободным выбором, душевным стремлением. Причем имеется в виду не просто конкретно желаемое явление, а то, что достойно желания» [Выжлецов 1996: 59]. Существующее положение дел свидетельствует о трудности существования гражданина в свободном от тоталитарных оков государстве. Современное информационное общество предполагает всестороннюю и всеобщую открытость. Самое важное в современном обществе заключается в том, чтобы «выработать свой взгляд на мир, сформулировать свои собственные мега-тенденции, которые помогут в претворении в жизнь ваших идеалов» [Нэбитт, Эбурдин 1992: 11]. Бездумное существование советского человека, насильственно находящегося в «системе уже готовых ценностей» [Добренко 1999: 240] меняется на образ жизни человека рефлексивного: выбор модели социального поведения

остаётся за самим человеком. Проблема формирования новых ценностных отношений ставит перед обществом задачу возрождения образцов традиционной русской культуры.

Анализируемые контексты каждой тематической сферы позволяют конкретизировать адресанта, занимающегося пропагандой. В роли адресанта в условиях современной действительности выступает гражданское общество. Гражданское общество образует ту социальную среду обитания людей, где протекает их общественная жизнедеятельность и выступает как общество, представляющее собой сумму отношений между лицами, группами, институтами и организациями, не опосредованных государственной властью: *Пропаганда интеллектуального продукта создана молодежью* (Санкт-Петербург 20.03.2007); *Руководитель студии целенаправленно занимается пропагандой культурно-исторических ценностей русского народа* (Санкт-Петербург 05.06.2007); *Основная идея акции фестиваля – пропаганда художественного творчества учащихся* (Архангельск 04.05.2007); *«Интурмаркет» занимается пропагандой привлекательности туристических зон в России* (Алтайская правда 24.03.2007); *Призываем работодателей и работников провести тематические семинары, «круглые столы», конференции, инструктажи и другие мероприятия, которые послужили бы пропагандой безопасного труда и создания комфортных условий на рабочих местах* (Алтайская правда 28.04.2007); *Работники правоохранительной сферы вели с населением пропаганду порядка и законности* (Новое обозрение 26.01.2005); *Финансово-промышленные группы приступили к пропаганде информационных концернов* (Парламентская газета 22.02.2000); *Налоговая служба проводит широкую пропаганду налогового законодательства* (Республика Саха 09.05.1996).

Таким образом, контексты конкретизируют ту часть общества, которая является источником пропаганды. В отличие от советского периода, когда специализированным субъектом распространения идей и знаний был агитационно-пропагандистский аппарат, в постсоветском пространстве субъектные ограничения сняты. Субъектом пропаганды могут быть: 1) группа лиц по возрастному параметру: *молодежь*; 2) группа лиц, относящихся к какой-либо организации: *коллектив театра; финансово-промышленные группы; работники правоохранительной сферы*; 3) организация, предприятие: *«Интурмаркет», налоговая служба*; 4) должностные лица: *руководитель студии, работодатель* и др.

Лексема *агитация* в постсоветских условиях сузила свои сочетаемостные возможности. В советское время единица входила в состав устойчивого словосочетания *пропаганда и агитация*, послужившего мотивационной базой для образования производного прилагательного

агитационно-пропагандистский, говорящего о неразрывном единстве двух видов деятельности. В современных условиях функционирование лексемы *агитация* прочно связано только с одним направлением политической работы. Обычно агитация представляется одной из составляющих выборных кампаний. Анализ печатных изданий постсоветского периода приводит к выводу о частотности лексемы *агитация* в составе словосочетания *предвыборная агитация* – 84 628 употреблений – при общей встречаемости слова *агитация* 250 294 раза (по данным базы Интегрум с 1991 по 2008 гг.). Говорящий связывает употребление лексемы *агитация* исключительно с периодом избирательных кампаний: *Нарушение принципа при проведении предвыборной агитации* (Невское время 26.11.1993); *Агитация против какого-либо кандидата* (Санкт-Петербургские ведомости 16.10.1995); *Ход предвыборной кампании создаст возможность для политической агитации* (Известия 23.12.1999); *Агитация «Единой России» выглядит как-то скучновато* (АиФ (С.-Петербург 07.03.2007); *Избиратель требует качественную агитацию* (АиФ (С.-Петербург 12.09.2007); *Шла агитация различных партий: «Голосуйте за наших кандидатов!»* (АиФ (Томск) 15.03.2007).

Поведем итоги нашим наблюдениям. Будучи базовыми единицами советского идеологического дискурса, слова *пропаганда* и *агитация* обладали идеологической семантикой, входящей в понятийное ядро слова. С помощью этих идеологем целенаправленно внедрялась в общественное сознание универсальная нормативно-ценностная система, подчиняющая себе многочисленные тематические сферы жизнедеятельности советского человека.

Произошедшая к началу 90-х годов дискредитация советского режима привела к тому, что слова фундаментального советского лексикона не могли более использоваться в функции мировоззренческих ценностных ориентиров. Процесс общей деидеологизации русского языка коснулся и исследуемых идеологем. В ходе социально-политических и экономических преобразований конца XX века мы наблюдаем тенденцию к аксиологической неустойчивости лексемы *пропаганда*. Современная действительность провоцирует процесс смысловой деривации: в семантической структуре идеологем появляются новые значения: у лексемы *пропаганда* – «политическое и идеологическое воздействие государства, правящей партии и т.п. на широкие слои населения в целях их воспитания в духе господствующей идеологии», у лексемы *агитация* – перен. «деятельность, преследующая цель убедить кого-н. в чем-н., склонить к чему-н.». Новая реальность стимулирует расширение лексической сочетаемости слова *пропаганда* и сужение сферы употребления слова *агитация* в его прямом значении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1996.

Добренко Е. Фундаментальный лексикон: литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2.

Купина Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Левада Ю. А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6.

Новая философская энциклопедия. М., 2001.

Нэсбитт Д., Эбурдин П. Что ждет нас в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы. М., 1992.

Червиньски П. Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности // Политическая лингвистика. Вып. (3)23, 2007.

Шадрин Т. А. Смысловая динамика лексемы *идеология* (на материале метаязыковых высказываний последнего десятилетия) // Известия Уральского государственного университета, выпуск 14 (53). Екатеринбург, 2007.

Якобсон С., Лассвелл Г. Д. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. Вып. (1)21, 2007.

СЛОВАРИ

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. – Л., 1948-1965.

Даль В. Толковый словарь: в 4 т. (1863-1866). М., 1955.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981-1984.

РС – Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 2004.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-7. Л., 1984.

СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

ТСИС – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2001.

ТСУ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000.

ТСЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. (1964-1983). М., 1996.

Шанский Н. М., Иванов Т. В., Шанская М. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.

ЯИ – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 1998.

© Кутенева Т. А., 2008

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Базылев В. Н.
Москва, Россия

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

Abstract

The article presents the model of translation regarded as a kind of metalanguage. The model takes into account the roles of all parties: the client being the initiator of the communicative act of translation, the translator, the source text, the source text maker, the source text sender, the source text receiver, the translation, the translation receiver, the translation sender.

Бесспорно то, что проблемы билингвизма и метаязыка являются взаимодействующими. Факт малоизученности этого функционального взаимодействия является очевидным, чем и объясняется наш интерес к данной теме.

В процессе перевода коммуникативная деятельность индивида протекает в сферах двух языков, причем их функции различны: исходный язык функционирует в плане реализации, а язык перевода используется в плане трансмиссии. При совпадении многих знакотипов и структур на различных уровнях – части речи, синтаксические, дистрибутивные и сочетаемостные структуры синтагм, типы предложений и т.п. – наблюдается ряд существенных расхождений и в плане выражения, и в плане содержания, складывается такая субстанциональная метаязыковая сущность, которую именуют метаязыком перевода. Она образуется в процессе перекодирования и порождения равноязычных или относительно равнозначных отпечатков слов двух языков. Метаязык перевода является результатом сложного взаимодействия двух или более языков, входящих в состав структурной парадигмы перевода, где метаязыковая функция прослеживается то в одном, то в другом из языков.

Каждый из языков-участников процесса перевода имеет свои особенности и характеристики на уровне сложившихся моделей, которые соответственно реализуются в метаязыке. Сам перевод становится метаязыком, поскольку он лексически, лексикографически, семиотически, в знаковой интерпретации, в фонетической интерпретации отличается от каждого в отдельности и является продуктом образования двух или более языков, включая их семиотику и семантику в своей формально-грамматический статус.

Наше понимание метаязыка в целом несколько нетрадиционно. Оно строится на метаязыковых концепциях Р. Якобсона, Й. Шмидт-Редефельда и включает такие параметры, как субстанциональность, модальность, формально-грамматическая структура. Эти три составляющих, как мы полагаем, справедливы и для метаязыка перевода.

Субстанциональность, своеобразные сочетания слов, терминологическая лексика, понимаемая более широко и включающая помимо чистых терминов еще и семантические группы лексических единиц, зависящих, во-первых, от социолингвистического контекста; во-вторых, от менталитета переводчика и от его языковой компетентности, т.е. от ментального аспекта прагматики метаязыка перевода. Последнее относится в равной степени и к таким метаязыковым аспектам перевода, как модальность и формально-грамматическая структура. Переводчик зачастую интуитивно строит логическую цепь информации, переходя от одной языковой системы к другой. При этом ему нужно выбрать необходимую информацию – это справедливо для переводчика как устной, так и письменной речи – первичного текста и воспроизвести ее в конечном тексте. С другой стороны, мы можем также говорить о метаязыке как о совокупности знаков, по Ч. Пирсу, составляющих первичную и конечную интерпретанты. В понятие первичной интерпретанты мы вкладываем семантическую направленность иллюкутивного действия, оказываемую на переводчика в процессе понимания текста на языке оригинала. Конечная интерпретанта представляет собой семантическую направленность иллюкутивного действия, оказываемого на реципиента в процессе понимания им текста на языке перевода, подготовленного переводчиком в результате долгих и серьезных усилий в процессе перевода. Процесс перевода, как мы полагаем, строится на тех же принципах, что и процесс коммуникации, описанный Ч. Пирсом. Здесь мы можем говорить о процессе перевода как о «коммуникации перевода». Переводчик любого текста, как письменного, так и устного, получает непосредственное знакомство с информацией на языке оригинала, определяет тематику, стиль и смысл текста, его субстанциональность и модальную характеристику, данную автором информации. В сознании переводчика возникает данная информация в виде знака или ряда знаков с их значением, составляющих первичную интерпретанту. Причем, в процессе устного перевода знаки могут быть как словесными, так и несловесными – жесты, артикуляция, интонация. Понимание переводчиком текста представляет собой неосознанный, интуитивный процесс извлечения смысла информации, минуя языковое содержание. Переводчик извлекает смысл высказывания, применяя всю совокупность своего предыдущего опыта и знание обстановки общения именно к данному языковому содержанию, которое определяется набором знаков языковых и неязыковых – при устном переводе, -способом их организации в высказывании и их значением. Решение этой задачи предполагает детальное сопоставление содержания оригинала и перевода, описа-

ние структуры этого содержания и относительной важности ее компонентов на различных уровнях, отражение в тексте воздействия различных факторов ситуативного и культурно-исторического характера. Полученная переводчиком информация кодируется им также в виде знаков на языке перевода, причем знаков и модального характера, к которым относятся как языковые – модальные слова, модальные частицы, модальные словосочетания, фразеологизмы и идентификаторы выражения значимой модальности, – так и неязыковые знаки – интонация, отрицание, интуиция, художественные средства языка, а также средства, выражающие истинное и ложное в языке. При этом качество перевода определяется уровнем языковой компетентности и менталитета переводчика. Критерием перевода, вероятно, может служить наиболее точное отражение смысла исходного текста, сохранение его модальных и стилистических характеристик. Формально-грамматическая структура, однако, может быть произвольной только до той степени, какую позволит стиль. Разумеется, перевод должен быть лишен калькирования и в разумных пределах заимствований.

Теоретическое осмысление такого сложного и многогранного явления, как перевод в области прагматических исследований его механизма, все более привлекает внимание лингвистов. Поскольку развитие каждого языка находится в состоянии динамической функциональности, опирающейся на прагматику общения, изучение лингвистических аспектов функциональных систем, обеспечивающих выполнение речевой деятельности, остается по-прежнему актуальным исследованием.

Специфическая прагматика процесса перевода содержит в себе широкие возможности отношений в семантическом и лексическом плане на семиотическом уровне. Рассматривая прагматику коммуникаций в художественном тексте, вслед за В. Дресслером, можно разграничить т.н. внешние факторы текста, которыми переводчик манипулирует и которые моделирует в процессе своей деятельности. К ним В. Дресслер относит статичную и динамичную величины. Статичную величину составляет окружающая обстановка, место действия и драматические персонажи. Динамическая величина складывается из действий, планируемых и представляемых автором. Таким образом, статичную величину можно, видимо, отождествлять с речевой или коммуникативной ситуацией, а динамичную – с речевыми событиями как с частями социального действия и взаимодействия или как с макроречевым актом, состоящим из объединения одиночных речевых актов.

Как неоднократно подчеркивалось в исследованиях современных западных лингвистов, перевод является особым типом коммуни-

кативного текста. Здесь особый интерес, на наш взгляд, должна представлять модель перевода Кристиан Норд, которая максимально дифференцирует роль участников и включает следующие сущности: заказчик как инициатор коммуникативного акта перевода, переводчик, исходный текст, производитель исходного текста, отправитель исходного текста, получатель исходного текста, конечный текст, получатель конечного текста, отправитель конечного текста. Норд указала на то, что процесс перевода зависит от будущей функции конечного текста, которая в свою очередь зависит от потребностей инициатора. Сущность языковых источников: первичного и конечного текстов – определяется коммуникативной ситуацией, в которой они служат выражением сообщения. Коммуникативную ситуацию, или речевую ситуацию, Норд определяет и характеризует как следующие сущности с их свойствами и отношениями: производитель, отправитель, получатель, способ коммуникации, место выработки текста, восприятие, время коммуникации.

Собеседники обращаются к элементам речевой ситуации. Они могут связывать аспекты лингвистической формы с аспектами контекста. Это значит, что устные и письменные переводчики должны рассматривать все элементы, относящиеся к данной речевой ситуации. Принимая во внимание то, что ни Норд, ни другие авторы теории перевода не прилагали усилий для того, чтобы дифференцировать и характеризовать роли инициаторов, производителей, отправителей и реципиентов, В. Дресслер составил схему или стандарт участников языковой ситуации. По его мнению, типовые участники речевой ситуации состоят из говорящего (производителя текста), адресата (непосредственного получателя, реципиента), пассивных участников, т.е. аудитория при говорящем, свидетели или случайные слушатели. Задавая вопрос или делая примечание к обсуждаемому, мы становимся говорящими. Обсуждаемое в этом случае будет предметом нашего речевого акта, а аудитория будет представлять собой аудиторию при говорящем, т.е. слушателей. Целью речевого акта является оптимальное усвоение слушателями сообщаемой информации. При этом мы должны учитывать «качество» слушателей. Обратимся к письменному переводу. Подлинным адресатом письменного произведения является читатель, к которому обращается автор. Но читатель может дифференцироваться: обычный читатель, критик или обозреватель, которые с различных точек зрения могут оценивать труд автора. Последние два типа читателя являются скорее пассивными участниками. Автор может писать свое произведение, стараясь предупредить их возможные возражения, но такое произведение будет уже не подлинным, а искусственным. В некоторых

текстах барокко непосредственным читателем или адресатом может быть король или монарх, которому посвящено это произведение, другие читатели являются в этом случае пассивными участниками, и обычно переводчик и читатели таких переводов попадают случайно в число пассивных участников (или свидетелей). В этом смысле переводчик не является читателем, подобно другим читателям. Здесь происходит четкое разделение ролей. Если переводчики, например, наслаждаются чтением литературного источника таким же образом, как и другие непосредственные читатели, тогда он относится к адресатам первичного текста. В этом случае он выступает не в роли переводчика. А когда он читает первичный текст для того, чтобы перевести его, он становится метачитателем подобно филологу, который читает первичный текст с намерением его филологического или лингвистического исследования. В их относительном метачтении все они являются адресатами исходного текста. Разделение коммуникативных ситуаций первичного и конечного текстов и, соответственно, двух макроречевых актов четче в письменном переводе, чем в устном. Как известно, коммуникация при переводе осуществляется сложным путем. Один из коммуникантов передает информацию, создавая речевое произведение (текст) с помощью исходного языка. Эта информация поступает к переводчику, который передает ее с помощью речевого произведения на язык респондента. Последнее интерпретируется другим коммуникантом, завершая акт общения. Понятно, что отличительным признаком перевода в процессе общения двух языков является его двуязычный характер. Процесс коммуникации как бы раздваивается: первая часть его осуществляется с помощью речевого произведения (текста) на исходный язык, вторая с помощью текста на язык респондента. Переводчик письменного текста принимает во внимание первичный текст как средство для производства конечного текста, он является вторым говорящим. В семиотическом выражении его конечный текст устанавливает связь с первичным текстом, особенно между смысловыми структурами конечного и первичного текстов. В коммуникативном переводе переводчик должен вызвать в своем воображении и передать читателю фантазии автора первичного текста.

Процесс перевода, рассматриваемый в аспекте прагматики метаязыковой субстанциальности, определяется как завершенное явление, если присутствует сторона речевого поведения, воздействующая на собеседника, речевое давление на него, иначе говоря, – результат усилий к достижению цели, заверше-

ние семантического метаязыкового взаимопроникновения – перлокуция. В процессе перевода наиболее эффективен прагматический метаязыковой семантико-лексический выбор фактических, целевых и результативных аспектов перевода, используемого для направленного межъязыкового общения. Таким образом, согласно семиотической теории Ч. Пирса, процесс коммуникации является вербальным актом семиотики, если его рассматривать на уровне дискурса. Семиотика Ч. Пирса включает понятие интерпретанты, которое мы рассматриваем как особо важный момент в процессе перевода для продуцирования и восприятия знака. Знак адресуется кому-либо таким образом, что он создает в уме другого человека эквивалентный знак или возможно более усовершенствованный знак.

Проблематичным остается то, каким образом переводчик должен действовать, чтобы создать определенный тип интерпретанты конечного текста в мозгу реципиента – получателя. И здесь обращает на себя внимание ментальный аспект прагматики перевода, который, как известно, характеризуется менталитетом переводчика, зачастую интуитивно строящим логическую цепь информации, обеспечивая переход от одной языковой системы к другой. Как уже говорилось выше, становится очевидным, что переводчику необходимо выбрать интерпретанту первичного текста и воспроизвести ее в конечном тексте. При этом реципиент уже создает в своем представлении более усовершенствованную интерпретанту, которая может быть такой же интерпретантой, как у Ч. Пирса, являющейся интерпретированным результатом, к которому намерен прийти каждый переводчик, если знак им достаточно рассмотрен. Семиотика рассматривается нами на уровне дискурса, поэтому здесь прагматика имеет первостепенное значение, а семантика – второстепенное. Известная и практически никем не оспариваемая теоретическая трактовка прагматики, предложенная Л. С. Бархударовым, во всех своих аспектах может быть характеризующей отношение между знаком и данностью – предметом, явлением, действием, состоянием и т.д., обозначаемой этим знаком. Отсюда трактовка интерпретанты как прагматической сущности, которую можно выделить в процессе коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Holz-Maenttaeri J. *Translatorisches Handeln*. – Helsinki, 1984.
- Nord C. *Text analysis in Translation*. – Amsterdam, 1991.
- Snell-Hornby M. *Translation Studies*. – Amsterdam, 1988.

© Базылев В. Н., 2008

Гришаева Л. И.
Воронеж, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ
КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ
И ХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Abstract

The study of precedent texts in language personality's discourse reveals all components of his/her spiritual world, character and intellect. The great potential of artistic and expressive power makes precedent text one of the most effective and preferable means of creating literary characters and endowing them with individual and typical features.

Всякий раз, знакомясь с историей, политическими структурами, культурными достижениями, с философией, литературой или искусством, человек, изучающий неродной язык, многое не в состоянии адекватно осмыслить до тех пор, пока не усвоит сведений относительно ментальности, образа жизни, предубеждений и пр., а также фундаментальных ценностей народа, язык которого он в данное время изучает. Психологи отмечают, что восприятие «чужого», «незнакомого» подчиняется иным закономерностям, нежели восприятие «своего», «знакомого». Так, П. Мог, Г.-И. Альтхаус и др., авторы интересной модели преподавания страноведения, основывающейся на интегративном межкультурном подходе ко всем фактам жизнедеятельности той или иной лингвокультурной общности, справедливо замечают, что в основе индивидуально-психологического процесса формирования представления о «чужом» лежат ксенофобия и восхищение. Эти две диаметрально противоположные установки на восприятие «чужого» — и ксенофобия, и восхищение — имеют одинаковые корни: собственные желания и чувства, скрытые внутренние психологические предрасположенности социализации личности и т.п., которые только эксплицируются при встрече с «чужим», становятся более или менее осознаваемыми субъектом восприятия¹. Различать «свое» и «чужое» позволяют объективно существующие различия этнического, регионального, социального, конфессионального и пр. характера. Примечательно, что узкий, локально ограниченный жизненный горизонт или низкая образованность и т.п., принадлежность к определенной социальной группе и пр. факторы могут стать доминирующими причинами, негативно или позитивно влияющими на восприятие чужого: Ср., к примеру, представление «среднего» немца об

¹ Mog, P., Althaus, H.-J. (Hrsg.) Die Deutschen in ihrer Welt. Tubinger Modell einer integrativer Landeskunde. Langenscheidt Berlin / München / Wien / Zürich / New York, 1994. S. 22 ff. См. также: Balint M. Angstlust und Regression. Beitrag zur psychologischen Typenlehre. Reinbek. Hamburg 1972. Marx Th. Über mentale Probleme des Sprachkontakts unter dem Aspekt kultureller Fremdheit. In: Hertel V., Barz J., Metzler R., Uhlig B. (Hrsg.): Sprache und Kommunikation im Kulturkontext. Peter Lang Frankfurt 1996.

Америке, например, в 50-е годы и представление об Америке в 60-е годы у политически активных образованных немцев: они противоположны².

Национальные языки отличаются друг от друга не столько некоторыми отдельными, изолированными друг от друга параметрами, сколько всей **совокупностью вербальной и невербальной информации**. Последнюю язык как ментальный феномен фиксирует и передает различными вербальными механизмами и при необходимости также вербализует ее. Значительную роль в этом отношении играют прецедентные тексты (далее: ПТ).

Ю. Н. Караулов, разрабатывая концепцию языковой личности, приписывает ПТ, одному из наиболее существенных элементов языковой личности, следующие свойства:

- **они значимы для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении;**
- **они имеют сверхличностный характер, то есть хорошо известны широкому кругу носителей языка, как предшественникам, так и современникам;**
- **данная языковая личность неоднократно обращается к такого рода текстам³.**

Ю. Н. Караулов полагает, что незнание прецедентных текстов «есть предпосылка **отторженности от соответствующей культуры**»⁴ (выделено мною — Л.Г.).

Именно поэтому особое значение приобретает литература как способ синхронного представления социально значимых разнородных стереотипов, как отображение синкретического образа «национального характера». Концепция «языковой личности» Ю. Н. Караулова представляется с этой точки зрения достаточно надежным лингвистическим основанием, позволяющим, с одной стороны, неспекулятивно и лингвистически описать «национальный характер», а с другой, — выявить национальную специфику, оставаясь в рамках лингвистического исследования.

Носителем национального характера, по Ю. Н. Караулову, выступает относительно устойчивая во времени часть в структуре языковой личности, некая доминанта, абстрагируемая от национально-культурных традиций и господствующей в обществе системы ценностей

² Bredella L. (Hs.) Perceptions and Misperceptions in the United States and Germany: Studies. In: Intercultural understanding. Tübingen, 1988. См. также: Jantz H. The Myth about America. Origins and Extensions. In: A. Ritter (Hg.): Deutschlands literarisches Amerikabild. Neuere Forschungen zur Amerikarezeption der deutschen Literatur. Hildesheim, New York, 1977.

³ Гришаева Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. – Воронеж: ВГУ, 1998. С. 216.

⁴ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. С. 216.

ных ориентации. ПТ образуют, согласно обсуждаемой концепции, третий уровень языковой личности — «коммуникативную сеть». Поэтому ПТ могут служить источником сведений с жизненно важных чертах каждой конкретной личности (в том числе и литературного персонажа). Особое значение приобретают сведения о чертах индивидуального характера, о системе оценок ситуации, о совокупности мотивов, целенаправленности личности. Именно поэтому ПТ могут стать чрезвычайно емким и выразительным средством создания художественного образа, выполняя разного рода функции; а набор ПТ, апеллирующих к фундаментальным морально-этическим и социально-значимым ценностям, может наглядно иллюстрировать национальную специфику в обсуждаемом плане. Следовательно, ПТ может служить своеобразной моделью концептуализации мира в определенном социуме.

Каждый текст — независимо от его принадлежности к определенному типу и от его функционально-стилистической вариативности — представляет собой упорядоченный комплекс вербальных и невербальных (аудиальных, визуальных, кинестетических) сведений, которые неразрывно связаны между собой. Тем самым каждый текст можно осмыслить как некий фрагмент из соответствующей национально-специфической концептуальной и языковой картины мира.

ПТ можно понимать как **прототип умственной переработки** внеязыковой действительности, следовательно, он может служить своеобразным инструментом передачи грядущим поколениям раз познанных предшествующими поколениями когний, среди которых, безусловно, характерные для соответствующего социума морально-этические нормы.

Примером ПТ в немецкой культуре может служить текст «Сказание об императоре», который в многочисленных вариантах повествует о добром императоре, который до наступления «лучших времен» спит в горе Кифхойзер и пробуждение которого и будет означать наступление «лучших времен». Эти сказания служат в Германии с 15 века своеобразным образцом суждения о том, насколько «хорош» или «плох» император. Для русской культуры таким образом могут, как представляется, считаться былины о Владимире Красном Солнышке. И хотя содержание соответствующих повествований, как правило, довольно далеко от фактов и, очевидно, нетождественно друг другу, эти сказания и былины сопоставимы друг с другом по своей функции.

ПТ поэтому можно считать **коммуникативным прецедентом, образцом**, который помогает в сходных условиях в будущем так или

иначе решать стоящие перед коммуникантами задачи (номинативные, коммуникативные и пр.) и как следствие — как в некотором смысле гносеологическим прототипом.

С этой точки зрения, ПТ можно определить как **культурно-специфический образец когнитивной** обработки внеязыковой действительности. Именно поэтому они могут выполнять функцию национально-специфического образца восприятия при оценке, мыслительной обработке повторяющихся и / или сходных / тождественных ситуаций. Выражаясь иначе, ПТ является комплексным прототипом для культурно-специфической обработки внеязыковой действительности и способствует тем самым скорейшему установлению взаимопонимания между коммуникантами, поскольку он одновременно представляет собой образец реализованных коммуникативных стратегий применительно к тем или иным условиям. В ПТ актуализируются хранящиеся в долговременной памяти вербальные и невербальные когнии, которые, с одной стороны, взаимообусловлены и дополняют друг друга, а с другой — напрямую связаны с морально-этическими ценностями народа. Таким образом, в этот уже однажды организованный комплекс информации, в уже имеющийся образец восприятия внеязыковой действительности встраиваются новые когнии; поэтому ПТ легко вызывается из долговременной памяти и служит образцом для ментальной обработки сходных и / или одинаковых ситуаций.

С когнитивной точки зрения, ПТ представляет собой комплекс гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных когний, хранящихся в долговременной памяти. Характерно, что соответствующими языковыми средствами именуется не один объект (как это бывает при именовании того или иного предмета) или кадр внеязыковой действительности (как, например, при установлении определенных отношений между двумя или несколькими объектами или при приписывании тому или иному объекту определенного свойства), а **целый комплекс ситуаций**, которые каузально связаны между собой и состав которого (комплекса) и порядок следования внутри него языковых средств именовании более или менее константный. В отличие от «нормальных» текстов, состав ПТ в значительной мере определяется в соответствии с хорошо известным каркасом, ср., например, известные варианты сказаний о кайзере Барбароссе или былины о Владимире Красном Солнышке. Поэтому свобода адресанта в значительной мере ограничена: отбор языковых средств зависит от уже имеющегося образца. Поэтому в ПТ варьируются √ степень детализации при повествовании / описании / ... соответствующего содержания, тип текста (повествование / описание / рассказ и т.д.), √ выбор средств именовании предметов / лиц / событий / ..., √

выбор средств выражения соответствующих грамматических категорий и т.д., в то время как содержание текста, в целом, не варьируется. Тем самым, в ПТ варьируется не **ЧТО**, а **КАК**; на этом свойстве ПТ основывается его способность служить для данной культуры прототипом, образцом восприятия действительности, который общеизвестен и употребителен.

В силу своей прямой связи с морально-этическими ценностями ПТ является прямой апелляцией к социально значимым ценностям, поскольку, как уже подчеркивалось, в ПТ связаны вербальные и невербальные когниции. Именно по этой причине ПТ может быть, с точки зрения языковой экономики, крайне выгодным средством, поскольку он может заменить многочисленные «нормальные» тексты.

С логико-семантической позиции, ПТ представляет собой **комплекс пропозиций**, которые могут быть, с точки зрения языковой формы, финитной конструкцией, группой слов той или иной структуры, одной лексемой или же макротекстами.

Каждый ПТ имеет ряд специфических, присущих ему как феномену черт. При этом следует иметь в виду взаимодействие общего и особенного, общего и единичного, равно как и взаимодействие общего, единичного и универсального, национально-специфичного и интернационального. С точки зрения синтаксиса текста, ПТ представляет собой когерентную последовательность языковых средств выражения, которые адресант целенаправленно (осознанно или неосознанно) отобрал для реализации своей интенции. Поэтому ПТ имеет все признаки текста: он может быть представлен в письменной или устной форме; в его основе лежит семантическая, синтаксическая и прагматическая когерентность текста; он имеет явно выраженную коммуникативную функциональность, оформленность, тему; он относительно закончен, упорядочен и т.д. ПТ произволен, константен, конвенционален; и поэтому он может служить средством хранения и передачи от поколения к поколению всего комплекса разнородных когниций, которые в определенный момент стали в данном обществе значимыми и актуальными.

Как **комплекс вербальных и невербальных когниций** ПТ формально и содержательно вариативен. Такая вариативность обусловлена принадлежностью конкретного текста к определенному типу и сорту текста, стилистической, коммуникативно-прагматической и т.д. вариативностью. На этих свойствах ПТ базируется упоминавшаяся выше черта текста произвольно и конвенционально соотноситься с фрагментом внеязыковой действительности, который представляет собой некий упорядоченный комплекс кадров = ситуаций, которые нужно называть, и тем самым — комплекс вербальных и невербальных конвенций. В силу сказанного ПТ

может стать в своей языковой форме вербальным образцом для именованной внеязыковой ситуаций теми или иными языковыми средствами.

Каждый ПТ может встречаться в соответствующей культуре в вербальной и в невербальной форме. В вербальной форме он может выступать как устный или письменный текст; вопрос об объеме ПТ несущественен для нашего рассмотрения; он может быть равен либо одной лексеме, либо одному предложению или даже целому тексту, который варьируется функционально-стилистически, по сортам и типам теста, по жанровым характеристикам или прагматическим. В невербальной форме ПТ фиксируется как предмет искусства (картина, статуя, памятник, архитектурное сооружение) из того или иного материала (в глине, стекле, из дерева и т.д.) или даже как предмет быта, сувенир, игрушка, открытка, фотография из разного рода материалов и разнообразные по форме. Для немецкой культуры можно привести в качестве примера текст *«Макс и Мориц»*.

Первоначально это был обычный текст, сочиненный немецким писателем и художником В. Бушем в середине прошлого века и рассказывающий в юмористической форме и ненавязчивой форме о проказах двух друзей, которые, в конце концов, были за свои козни поделом наказаны. Позднее этот текст вошел в обыденную жизнь немецких детей (одна из самых популярных книжек для детей вплоть до сегодняшнего дня). Сегодня можно встретить персонажей этой книги повсюду в виде серии картинок из книги В. Буш, как игрушки из различных материалов, открытки и т.д., причем, только по внешнему виду можно без труда узнать и Макса, и Морица. В семидесятые годы в бывшей ГДР в г. Галле, например, существовала бройлерная под названием «Макс и Мориц»; стены этой бройлерной были украшены иллюстрациями из книги В. Буша стихотворными подписями из этой же книги, а именно, сценами, изображающими, как друзья Макс и Мориц с помощью хитрости сначала убивают четырех кур у бедной вдовы Больте, а затем воруют уже поджаренных безутешной вдовой кур и поедают их всех сразу. Для людей, незнакомых с немецкой культурой, невозможно понять, почему в ресторанчике подают только жареную курятину, почему стены его украшены стихами. Более того, само название этого ресторанчика может быть прочитано как то, что владельцами этого ресторанчика являются люди с именами Макс и Мориц.

И вербальную, и невербальную форму фиксации ПТ в определенной культуре можно легко трансформировать одну в другую, напри-

мер, уже упоминавшиеся тексты «*Макс и Мориц*» или же «*Сказание об императоре*». Последний ПТ существует в немецкой культуре как в виде ряда текстов различной жанровой принадлежности, так и в виде сувениров или как памятник, дословно «цитирующий» в камне содержание соответствующего сказания о немецком кайзере Фридрихе Барбароссе:

В углублении, на старинной скамье в старинной одежде сидит мужчина с короной на голове, с бородой длиной в несколько метров в позе дремлющего человека. Любой человек, являющийся носителем немецкой культуры, без труда распознает, кого изобразили архитектор и скульптор, посвятившиеся памятник на горе Киффхойзер кайзеру Вильгельму, при котором в 19 веке объединилась Германия; более того, почти любой немец осознает, почему архитектурный ансамбль возведен именно на горе Киффхойзер и почему в архитектурном ансамбле представлены два кайзера, один из которых располагается под памятником другому и изображен спящим. Сказанное справедливо и по отношению к таким прецедентным текстам в немецкой культуре, как «Вартбург как замок немецкой нации», «Гейдельбергский университет как символ немецкой учености», «Гейдельберг как символ романтики, юности, любви» «Дуб как символ некоторых черт характера немецкого народа» и т.д.

ПТ можно без ущерба для успешной коммуникации в любой момент либо развернуть, либо свернуть в содержательном и / или формальном плане; важно, однако, отметить, что уже некогда сформированные и неоднократно использованные культурно-специфические образцы осмысления внеязыковой реальности остаются относительно постоянными и что носители языка и соответствующей культуры впредь придерживаться этих образцов и предпочитают варьировать их, вместо того, чтобы придумать новый образ, новое сравнение, новый тип и т.п., чтобы описать познаваемые отношения, актуальные в данный момент. Это не может быть случайным. Кроме того, частотность обращения к ПТ является весьма информативной: По тому, насколько часто тот или иной ПТ служит предпочтительным для представителей культуры средством апеллирования к социально значимым ценностям можно, с одной стороны, узнать, какие морально-этические ценности и социальные нормы являются наиболее актуальными и значимыми в определенных условиях, а с другой — какие ценности можно признать в соответствующей культуре основополагающими и сущностными (обращение к соответствующему образцу на протяжении многих веков и многими поколениями в различных условиях!).

Таким образом, ПТ представляет собой, с прагматической точки зрения, возможность с помощью минимума средств реализовать свою интенцию. При использовании ПТ речь, действительно, может идти о минимуме средств, поскольку соответствующие образцы осмысления действительности, с одной стороны, содержат уже готовые продукты речемыслительной и коммуникативной деятельности, типичные для данной культуры, а с другой — напрямую связаны с фундаментальными представлениями соответствующего социума о том, что есть хорошо, а что — плохо.

В этом смысле, ПТ действительно обладают громадным потенциалом: Они особо эффективны, так как они являются своего рода метафорой и тем самым образны и крайне выразительны; поэтому в силу общеизвестности тексты обсуждаемого типа в состоянии направлять деятельность адресата, влиять в определенном, нужном адресанту направлении на адресата, при этом такого рода воздействие не всегда бескорыстно со стороны адресанта, ср.: *Он добрый правитель – Он похож на Владимира Красно Солнышко; Он прекрасный государственный деятель — Это прямо-таки второй Петр!* или же для немецкой культуры: *Он как кайзер Фридрих Барбаросса; Народ всегда ждал доброго кайзера – Народ ждал, когда же проснется кайзер Барбаросса* и т.д.

Описанные особенности служат основанием для определения того, какие функции выполняют ПТ. Как образец когнитивной переработки действительности, ПТ в состоянии информировать адресата о различных аспектах:

- о системе основополагающих, максимально характерных для данной культуры ценностей, согласно которым каждый носитель языка и культуры оценивает свое место в социуме, а также классифицирует то или иное событие (в самом общем виде, по шкале «хорошо — плохо», «допустимо — недопустимо»), поскольку каждое действие личности укоренено так или иначе с помощью разного рода социальных институтов в морально-этической системе;
- о мотивах деятельности в тех или иных условиях личности (как произвольно-индивидуальной, так и социального типа);
- о наиболее характерных свойствах индивидуума;
- о типичных коммуникативных стратегиях при вербализации внеязыковой действительности и т.д.

Тем самым ПТ может служить надежным знаком национальной культурной специфики; однако, безусловно, при этом не исключена возможность учитывать случайно-индивидуальные и социально-типические черты личности (прежде всего адресанта, но возможно и адресата).

Следовательно, ПТ можно трактовать как выразительное средство, который может иметь разнообразные функции:

- представлять эпоху и характеризовать ее;
- выразительно и образно представлять какой-либо персонаж;
- быть в силу этого существенной составной частью речевого портрета персонажа;
- служить иллюстрацией национальной спецификой, схватывать сущность этой национально-культурной специфики;
- маркировать интенции адресанта 1 (= автора литературного произведения);
- маркировать кульминацию литературного произведения;
- служить символом, замещающим ту или иную личность / персонаж;
- способствовать разрушению стереотипов и предрассудков, помогать установлению взаимопонимания между народами, что при изучении неродного языка и знакомстве с иной культурой может быть особо значимым, ср. воздействие языковой единицы *Барбаросса* на представителя немецкой культуры — (!хороший кайзер) и на представителя русской культуры, незнакомого с соответствующими знаниями (план нападения «Барбаросса»). Последнюю функцию следует акцентировать потому, что восприятие чужого подчиняется иным закономерностям, чем восприятие знакомого, своего.

Анализ наглядно демонстрирует, что в немецкой культуре ПТ как в вербальной, так и в невербальной форме своего существования являются излюбленным средством апеллирования к национально-значимым ценностям. Об этом свидетельствуют, например, регулярно повторяющиеся обычаи и ритуалы (*карнавал, народные праздники либо общенационального характера, либо локального*); воздвижение памятников, различных по форме, но идентичных по своему назначению (*колонны Роланда как символ юридической самостоятельности города в различных частях Германии*); повторяющееся возобновление уже известных схем действия в разных социально-политических условиях.

Например, сжигание М. Лютером папской буллы в начале 16 века <=> сжигание на горе Вартберг недалеко от замка Вартбург прогрессивно и патриотически настроенными студентами книг, которые в то время в Германии считались реакционными, в день, когда М. Лютер сжег папскую буллу => сжигание книг, признанными немецкими нацистами «вредными» и «неарийскими», в тридцатые годы 20 века сперва в Берлине, а затем и в других городах); √ избрание общенациональных символов с опорой на уже известные образцы: (цвета «черный — красный — золотой» как символ для демократически настроенной молодежи в начале

19 века, во времена борьбы против Наполеона и позднее, в сороковые годы 19 века в период буржуазной революции и борьбы за единство Германии) <=> толкование этих цветов как символа демократии во второй половине 19 века => выбор этих же цветов в качестве цветов государственного флага Германии в 20-е годы 20 века при образовании Веймарской республики => выбор этих же цветов для государственного флага в 1949 году как в прежней ФРГ, так и в бывшей ГДР); √ повторение или возобновление проведения социальных акций: сбор буршешифтов (то есть студенческих корпораций) на горе Вартберг недалеко от замка Вартбург в 20-х годах 19 века => сбор студентов там же после объединения Германии в 20 веке или же мероприятия буршей (— членов студенческой корпорации) и мн. др.

Как представляется, такое частое обращение к уже известным образцам социальной активности и осмысления действительности свидетельствует о стремлении немецкой культуры в целом и ее отдельных представителей не прерывать свою культурную преемственность, обращаться к опыту прежних поколений, не пренебрегать им, не начинать всякий раз заново. Именно поэтому особое значение имеют памятники, подобные памятнику на горе Киффхойзер (*Kyffhanserdenkmal*) или памятник Армии в Тевтобургском лесу, неподалеку от Детмольда (*Arminiusdenkmal*), воздвигнуты либо в месте, на которое указывают старинные сказания, либо там, где, предположительно, состоялось соответствующее событие. Поэтому мотив создавать такого рода общенациональные символы одновременно говорит о непрерывности культурной традиции и желании представителей этой культуры чувствовать свою причастность к истории своей страны и к наиболее значимым — знаковым — событиям и персонажам.

Следует заметить, что использование ПТ можно признать немецкой культурной традицией: Так, ПТ об Армии-херуске служит основным средством, маркирующим главный конфликт в романе Л. Фейхтвангера «Братья Опперманны», текст Лознгрин — в романе Г. Манна «Верноподданный», текст о рыбе, пойманной рыбаком, — в романе Г. Грасса «Палтус», сказания о чернокнижнике докторе Фаусте и сказания о ведьмах с Брокена — в трагедии И. В. Гете «Фауст» и др. Можно было бы упомянуть и творения Р. Вагнера, который охотно использовал немецкие народные сказания, легенды и известные из прошлого литературные произведения, переосмысляя их в соответствии с требованиями времени и согласно своему мировоззрению. Аналогичные примеры можно найти и иных видах искусства.

Таким образом, черты, позволяющие отнести текст к прецедентному, основываются на двуединстве индивидуального и коллективного начал его бытования. Будучи уже готовыми результатами когнитивной деятельности человека по освоению им окружающего его мира, ПТ служат одним из важнейших средств обеспечения исторического континуума и пополняют тем самым культурное хранилище данного социума. ПТ представляют собой форму апелляции к художественным, историческим и морально-этическим ценностям народа, что и делает его уникальным способом приобретения сведений об обществе.

ПТ не есть нечто раз и навсегда застывшее. Многообразие путей распространения ПТ свидетельствует об их «жизненности», способности к развитию и модификации, что, в свою очередь, есть ответ на потребности той или иной эпохи в функционировании социума.

Наиболее продуктивный из способов бытования ПТ — номинативно-семиотический (термин по Ю.Н. Караулову), поскольку ПТ в этом случае приобретает признаки символа, а именно: лаконичность и сжатость, внутреннюю энергию выразительности, способность к разворачиванию в сознании каждого представителя данной культуры.

Наличие ПТ в дискурсе языковой личности симптоматично: подобно культурному коду, они выявляют тесную связь индивида с социумом и обнаруживают все составляющие его духовного мира, характера, интеллекта. Большой запас художественно-выразительной силы и емкость делают ПТ одним из наиболее эффективных и потому излюбленных средств создания образов литературных героев и воплощения в них индивидуально-типического.

© Гришаева Л. И., 2008

Колтышева С. Я.
Челябинск, Россия
**ШОУ-БИЗНЕС КАК СФЕРА-МАГНИТ
ДЛЯ РЕЛИГИОЗНОЙ МЕТАФОРЫ**

Abstract

This article is devoted to the cognitive analysis of conceptual metaphor SHOW BUSINESS IS RELIGION in contemporary Russian and American show business discourse. The pragmatic force and dynamics of religious metaphors in particular and functions of metaphors in show business discourse in common are discussed.

Данная статья посвящена когнитивному анализу шоу-дискурса через призму религиозной метафоры, образованной по модели **“Шоу-бизнес – это религия”** российском и американском медиа-дискурсе. Когнитивный анализ позволяет выявить прагматический потенциал и динамику представленной модели и функции

метафоры, которые она выполняет в шоу-дискурсе.

Метафорическое моделирование, как один из методов категоризации окружающей действительности и человеческого опыта, позволяет представить шоу-бизнес и его представителей в качестве религии, которую публика исповедует или отвергает, а представителей шоу-бизнеса в качестве богов, демонов, посредников между людьми и высшими силами. Когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Л. Талми, У. Чейф, Р. Джэкендофф, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, В. Г. Гак, Д. О. Добровольский, Н. Н. Болдырев, В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Н. Караулов, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. П. Чудинов и др.) как одно из инновационных направлений лингвистики, главное внимание уделяет человеческой когниции, исследуются не просто наблюдаемые действия, а их ментальные репрезентации (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека, которые и порождают действия на основе знаний¹.

Исследование теории концептуальной метафоры, составление классификаций и описание функционирования метафорических моделей, актуализированных в различных дискурсах, относится к числу наиболее перспективных направлений в современной когнитивной лингвистике.

Концептуальная система человека преимущественно метафорична. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира².

В современной лингвистике выделяется два основных направления описания закономерностей метафорического моделирования действительности: теория регулярной многозначности, разрабатываемая отечественными языковедами в рамках структурно-семантического описания языка (Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев, Н. В. Багичева, Л. В. Балашова, Н. И. Бахмутова, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.), и теория концептуальной метафоры, возникшая в США как направление когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) и успешно развиваемая в России³. Эти два направления имеют общие точки соприкосновения. В своем исследовании мы опираемся на

¹ Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. – С. 7

² Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. – С. 3

³ Там же. – С. 15.

теорию концептуальной метафоры (описание фреймо-слотовой структуры метафорической модели).

Задачей данного исследования является анализ общих и специфических закономерностей реализации и функционирования религиозной метафоры в российском и американском шоу-дискурсе, ее роли в преобразовании концептуальной картины мира автора и адресата.

Базой для данного исследования послужили 1600 словоупотреблений из 457 текстов, опубликованных в российских СМИ и 1400 словоупотреблений из 432 текстов, опубликованных в американских СМИ за период 2001-2007 гг.

Опираясь на собранные данные, можно сделать вывод о том, что метафорическая модель “Шоу-бизнес – это религия” является одной из продуктивных и динамичных моделей, как в русском шоу-дискурсе (188 словоупотреблений/11,8%), так и в американском шоу-дискурсе (231 словоупотребление/16,5%), что объясняется богатой историей и традициями различных религиозных вероучений, их мощным влиянием на массовое сознание людей, их идеологической направленностью.

Америка и Россия являются многонациональными государствами, где живут представители разных религиозных конфессий. Но преобладающим большинством, населяющим Россию, являются носители ортодоксальной православной культуры, а в Америке – носители католической культуры. И православная и католическая религии имеют общие христианские корни, заложившие общие церковные канонические основы. Именно в этом будут проявляться общие закономерности развертывания метафорической модели “Шоу-бизнес – это религия” в русском и американском медиа-дискурсе. Американцы являются более религиозной, ревностно соблюдающей религиозные традиции нацией в отличие от России, где религиозные традиции были забыты благодаря советской антирелигиозной пропаганде, существовавшей в течение 70 лет. Только после распада Советского Союза, с возникновением новой политической ситуации в стране многовековые религиозные традиции стали возрождаться. В этом будет проявляться специфика развертывания метафорической модели “Шоу-бизнес – это религия” в русском и американском медиа-дискурсе.

Шоу-бизнес – это сфера-мишень, реципиентная сфера в модели “Шоу-бизнес – это религия”. Шоу-бизнес является одним из ярких феноменов современного общества. Его значение не ограничивается рамками культурного процесса. Являясь одним из важных элементов современной социальной жизни, он становится своего рода индикатором происходящих в обществе процессов, он воздействует на мировосприятие практически всех слоев общества:

от детей до стариков, от совсем неграмотной части населения до интеллектуальной элиты. Шоу-бизнес – относительно новое явление для России, возникшее в эпоху постсоветской действительности. Термином “шоу-бизнес” мы определяем сферу деятельности исполнителей и организаторов концертных выступлений, насыщенных зрелищными эффектами, результат которой направлен на реализацию в массовой аудитории и получение коммерческой выгоды⁴.

Религия является сферой-донором, источником метафорической экспансии в сферу-мишень шоу-бизнес. Религия – одна из форм общественного сознания, совокупность мистических представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения⁵ Религия представляет собой социальный институт, это своего рода, “государство в государстве”, которое ведет бесконечную борьбу за власть над массовым сознанием.

Метафорическая модель “Шоу-бизнес – это религия” представлена, как в русском, так и в американском медиа-дискурсе следующими фреймами: “Мир светлых сил”, “Демонический мир”, “Культовые ритуалы”, “Места и предметы поклонения”, “Божья благодать и наказание за грехи”, “Чудеса веры”, “Церковная иерархия”. В представленной метафорической модели изначально заложена диалектика добра и зла, божественного и человеческого. Фрейм “Мир светлых сил” является одним из самых продуктивных в модели “Шоу-бизнес – это религия” (22 словоупотребления/11,7% в русском медиа-дискурсе). Это связано с историческими, культурными, религиозными и экстралингвистическими факторами. Боги, как бы они не назывались в разных конфессиях, являются высшей силой, способной карать и награждать, “эталоном”, “абсолютом”, высшей степенью совершенствования. Христос, Кришна, Будда, Мухаммед – пророки, посланники воли божьей на земле, посредники между людьми и богом. Когда автор высказывания метафорически отождествляет кого-то с богом, этим он подчеркивает значимость и статус героев высказывания, отношение к ним со стороны публики. Американский шоу-бизнес в меньшей степени метафорически представлен светлыми силами (9 словоупотреблений/3,9%) и в большей степени его ассоциируют с демоническим миром, с темными силами (25 словоупотреблений/10,8%), что свидетельствует о негативном отношении к данному явлению в целом и к представителям данной сферы человеческой деятельности в

⁴ Третьякова О. В. Современный словарь шоу-бизнеса в структурно-семантическом и функциональном аспектах. М, 2006. – С. 5.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994. – С. 588.

частности со стороны публики. В данном фрейме превалируют субстантивные развернутые метафоры. Здесь метафора выполняет номинативную, идеологическую и характеризующую функции. В состав фрейма “Мир светлых сил” входят следующие слоты: “Пантеон богов”, “Святые”, “Верующие”.

1. Фрейм. Мир светлых сил.

Слот 1.1. Пантеон богов.

Телевизионщики разных стран, разного цвета кожи и разного вероисповедания на самом деле молятся одному богу – Рейтингу [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

Еще там есть богиня прайм-тайма. Кем она приходится Рейтингу – матерью, дочкой, женой, сестрой или просто подругой, отечественной мифологии неизвестно [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 3.09.2006].

В конце августа разнокалиберный русский бомонд завершил летние каникулы посещением Imperia Show... в знаменитом на весь мир сардинском клубе «Billionaire», где собираются небожители со всего света [С. Никитин, Экспресс газета № 37 (606), 2006].

The Scandinavian gods (Lordi) looked quite naturally and their clothes seemed to have grown into their skins... [www.inform.com/Celebrity+News, Music+Stars, 25.05.2006].

Скандинавские боги (гр. Lordi) выглядели вполне естественно и их костюмы, кажется, выросли в их кожу... В данном высказывании автор апеллирует к прецедентным именам – языческим богам северных народов, викингов. *They jazz-gods (Ray Charles, Lue Armstrong, Ornette Coleman, Duke Ellington) ensure their eternity in music...* [www.chippewa.com, 27.04.2006].

Они боги джаза (Рей Чарльз, Луи Армстронг, Орнет Колеман, Дьюк Эллингтон) обеспечили свою вечность в музыке... Данные примеры окрашены положительной коннотацией, но с определенной долей иронии. Здесь также наблюдается явление персонификации, когда рейтинг отождествляется с богом, здесь используется онтологическая метафора. Автором используется троп – сравнение, когда представители шоу-бизнеса сравниваются с богами, с небожителями.

Слот 1.2. Святые.

Алла великомученица [А. Гаспарян, МК № 234, 24.10.2003].

Рождество Пугачево [А. Гаспарян, МК № 087, 22.04.2005].

То, что день рождения Блистательной (А. Пугачевой) – сущий праздник для геев России, – древняя аксиома. Любят они ее ... пощеньячи преданно, боготворят, аки Марию Магдалену [А. Гаспарян, МК № 087, 22.04.2005].

Теперь Игорь Наджиев готов распять себя на MTV [А. Гаспарян, МК № 040, 23.02.2007].

She (Madonna) seems to be eager to give herself to the fans as the new crucified Christ... [http://news.softpedia.com/news, 12.09.2006].

Похоже, она (Мадонна) горит желанием представить себя фанатам в качестве нового распятого Христа...

В данных примерах вновь прослеживается интенция автора привлечь внимание адресата и усилить воздействие на него за счет использования хорошо известных прецедентных ситуаций (библейских сюжетов) и прецедентных имен (библейских героев). Используется коннотация с положительным вектором в сочетании с большой долей иронии. Автор прибегает к использованию такой стилистической фигуры как сравнение.

Слот 1.3. Верующие.

В течение 2 часов 40 минут на сцену выходили люди, исповедующие религию Блюза, каждый по-своему [М. Пушкина, МК № 228, 07.10.2005].

...and thankful heathens around the world long for her (Madonna's) homilies... [http://news.softpedia.com/news, 12.09.2006].

...и благодарные язычники по всему миру ждут проповедей Мадонны...

В данных примерах используется положительная коннотация в сочетании с определенной долей иронии, которая усиливает эмоционально-экспрессивную окраску высказывания и воздействует на адресата.

В состав фрейма “Демонический мир” входят следующие слоты: “Демоны и падшие ангелы”, “Грешники”.

2. Фрейм. Демонический мир.

Слот 2.1. Демоны и падшие ангелы.

Они, безусловно, нашли друг друга. Стагреющий рок-демон, Эдмунд Шклярский и мрачная рок-звезда в самом соку Вадик Самойлов [А. Гаспарян, МК № 059, 19.03.2004]. Здесь автор использует коннотацию с отрицательным вектором в сочетании с тропом – антитеза, апеллирует к прецедентному имени (библейскому персонажу) тем самым, привлекая и удерживая внимание адресата и воздействуя на его сознание.

Светлана Конеген – чудовище из преисподней [А. Мельман, МК № 290, 28.12.2001]. В данном примере автор апеллирует к хорошо известному прецедентному имени, представляющему собой библейский фразеологизм. Высказывание обладает ярко выраженной негативной коннотацией в сочетании с большой долей иронии, автор также использует троп – гиперболу с целью утрировать отрицательные черты героя, что производит сильное эмоционально-экспрессивное впечатление на читателя.

Representing all the globe evil Marilyn Manson again made our hearts sink... [People, 03.04.2004]. **Представляющий всё мировое зло Мэрелин Мэнсон снова заставил наши сердца вздрогнуть. The demons (Lordi) rushed to the stage their name was legion every man could say this night...** [http://videoeta.com/person_home.html, 21.05.2006].

Демоны (гр. Lordi) ворвались на сцену, имя их было легион, каждый мог так сказать этим вечером... Is it possible to find a sort of Archangel Michael with his warriors to tame Paris Hilton with her fallen angels? [http://news.softpedia.com/news, 20.08.2007].

Возможно, ли найти кого-то подобного Архангелу Михаилу с его ратью, чтобы укротить Пэрис Хилтон с ее падшими ангелами?

Авторы данных фрагментов вновь апеллируют к прецедентным именам (аллюзивным антропонимам) и к прецедентным ситуациям (библейским сюжетам) хорошо известным реципиентам. При этом гиперболизируются основные качества героев высказываний. В данном случае используется коннотация с отрицательным вектором в сочетании с иронией.

Слот 2.2. Грешники.

Этот образ грешницы все крепче прирастает к Мадонне [Н. Разина, "Жизнь" № 4, 30.08.2006]. В данном примере вновь наблюдается обращение автора к библейскому персонажу (грешницы, намек на Марию Магдалену) в сочетании с негативной коннотацией и иронией.

Madonna even after confessing may only hope to be accepted in satanists' sinners records... [www.chippewa.com, 09.12.2007].

Мадонна даже после исповеди может, надеется только на причисление к лику объектов поклонения сатанистов... В данном случае автор использует канонический фразеологизм, изменив некоторые его компоненты. Высказывание обладает негативной коннотацией в сочетании с иронией.

3. Фрейм. Культовые ритуалы.

Данный фрейм является самым продуктивным в данной модели (25 словоупотреблений/13,3% в русском и 28 словоупотреблений/12,1% в американском медиа-дискурсе). Это объясняется тем, что **религиозные ритуалы являются – языком общения человека с богом, орудием и средством достижения целей.** Здесь наблюдается использование глагольных, субстантивных, адъективных метафор. В представленных примерах метафора выполняет номинативную, идеологическую (суггестическую) и характеризующую функции. В состав данного фрейма входят следующие слоты: "Проповедничество", "Жертвоприношения и ритуалы", "Люди проводящие ритуалы", "Предметы культа", "Религиозное чтение".

Слот 3.1. Проповедничество.

Возможно, эта тайная (вечеринка гр. "Blur") вечеря и стала началом истории брит-попа [И. Легостаев, МК № 216, 23.09.2005]. Данное высказывание окрашено негативной коннотацией в сочетании с иронией. Автор вновь обращается к хорошо известной прецедентной ситуации (библейскому сюжету), вызывая определенные ассоциации у читателя, привлекая его внимание и воздействуя на его сознание. Здесь также используется такая стилистическая фигура как сравнение. При развертывании модели "Шоу-бизнес – это религия" в американском медиа-дискурсе отсутствует слот 3.1. Проповедничество в отличие от русского медиа-дискурса. Таким образом, проявляется ассиметричность данной модели в русском и американском медиа-дискурсе.

Слот 3.2. Жертвоприношения и ритуалы.

Чтобы Рейтинг поднимался все выше, и выше, и выше, работники ТВ кладут на его алтарь силы, время, талант, здоровье [Е. Фомина, Телесемь Челябинск № 36 (230), 03.09.2006]. В данном примере автор прибегает к коннотации с негативным вектором в сочетании с иронией. Здесь представлена метафора основанная на фразеологизме в сочетании с стилистическим приемом – восходящая градация, благодаря чему происходит нарастание производимого высказыванием впечатления на адресата.

Но мало кто знает, что живая легенда (А. Пугачева) шла туда как агнец божий – на заклание, но с твердым намерением оставить народу свое завещание [А. Гаспарян, МК № 285, 15.12.2006]. Автор вновь "вкрапляет" в высказывание аллюзивный антропоним, ставший фразеологизмом. Высказывание окрашено негативной коннотацией с определенной долей иронии.

But Billboard decided on Tuesday, the day before weekly sales data is released, to reverse its policy, effectively anointing the Eagles as the top-selling act [J. Leeds, New York times, 08.11.2007].

Но газета "Billboard", появившаяся во Вторник, за день до выхода еженедельных данных по продажам, нарушила свою политику, усердно помазывая группу "The Eagles" на победу в этом списке.

В данном примере концептуальная метафора "помазывая" репрезентирует концепты "благословляя", "помогая", "направляя". Высказывание окрашено положительной коннотацией в сочетании с иронией.

Слот 3.3. Люди проводящие ритуалы.

...в этих стенах, дыша воздухом, который, возможно еще пропитан какими-нибудь микроскопическими бактериями от дыхания Леннона, Старра, Харрисона или Маккартни, наши рок-маги творили свои музыкальные чудеса [А. Гаспарян, МК № 250, 03.11.2006].

Короли трип-хопа колдовали в зале “Олимпийского” – многотысячную толпу качало, словно, от магических, шаманских манипуляций [К. Деловая, МК № 007, 14.01.2004].

Her (Whitney Houston's) heaven voice have been spelling the audience for a long time... [http://news.softpedia.com/news, 22.01.2003].

Ее (Уитни Хьюстон) божественный голос околдовывал публику долгое время...

В составе данного слота превалируют глагольные метафоры **“творили”, “колдовали”, “околдовывал”, “качало”** которые описывают ритуальные действия, производимые над зрителями, соперниками, работающими в области шоу-бизнеса. Больши́нство высказываний имеют коннотацию с отрицательным вектором в сочетании с иронией, призванных произвести сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя.

Слот 3.4. Предметы культа.

На Первом на этот раз отказались от полного иконостаса российских поп-исполнителей... [С. Одоевцева, МК № 289, 27.12.2001].

Лесбо-икона с севера [А. Гаспарян, МК № 053, 12.03.2004].

Статус гей-иконы у Примадонны (А. Пугачевой) – испокон веков. Сама она от этого не в восторге [А. Гаспарян, МК № 087, 22.04.2005].

Он (Шевчук) размахивал микрофоном как поп кадиллом... [www.mk.ru, 21.02.2003].

The female pop-icons in music I aspire to — Patti Smith, Chrissie Hynde, Annie Lennox — they embody this kind of punk-hippie attitude [W. Miller, New York times, 11.11.2007].

К поп-иконам в музыке я отношу Пэти Смит, Крисси Хинд, Энни Леннокс, они вызывают такое отношение.

В составе данного слота превалируют субстантивные метафоры-словосочетания, стилистические неологизмы **“поп-икона”, “лесбо-икона”, “гей-икона”, “иконостас поп-исполнителей”,** а также метафора-слово **“кадилло”**. Все высказывания окрашены в негативную коннотацию в сочетании с большой долей иронии, практически во всех высказываниях авторами используется троп – гипербола, который преувеличивает значимость представителей шоу-бизнеса. Здесь метафорически артисты представлены в виде предметов, наделяются их качествами и их значимостью.

Madonna's already prepared the blackthorn wreath and her own Gospel for moscow audience [http://news.softpedia.com/news, 12.09.2006].

Мадонна уже приготовила терновый венок и свое собственное Евангелие для московской публики. Здесь вновь прослеживается интенция автора обратиться к прецедентным именам и ситуациям из Библии, хорошо известным широкому кругу читателей, носителей ка-

толической и ортодоксальной культуры, вызывая тем самым знакомые ассоциации в сознании реципиента.

Слот 3.5. Религиозные тексты.

История знает такие религиозные литературные произведения, как «Евангелие от Матвея», «Евангелие от Луки» и т.д. Новое время и новые идолы предлагают “заблудшим овцам” свою религию и свое религиозное **“чтово”**.

“Откровения” на костях от Мадонны [Н. Разина, “Жизнь” № 4, 30.08.2006].

И к тому же на каждом шагу нарушаю главную заповедь нашего шоу-бизнеса: не показывать публике своих слабостей [С. Конеген, МК № 290, 28.12.2001]. В данном примере автор использует троп – сравнение в сочетании с негативной коннотацией и иронией, привлекая внимание адресата и воздействуя на его сознание.

...the fans either were taking after P. Diddy or reading his r'n'b mantras together [http://videoeta.com/person_home.html, 19.11.2007].

...фанаты, то подхватывали за Паффа Дидди, то читали его r'n'b мантры вместе. В высказываниях, представляющих данный слот, авторы вновь “вкрапляют” прецедентные (библейские) имена и ситуации (библейские сюжеты), вызывая знакомые ассоциации у читателей. Высказывания окрашены негативной коннотацией в сочетании с большой долей иронии.

4. Фрейм. Места и предметы поклонения.

Слот 4.1. Места поклонения.

Поломничество в Петербург [Н. Черных, МК № 135, 22.06.2004]. Автор прибегает к использованию анаграммы – зашифрованного смысла, к словесной графической игре (намек на Пола Маккартни).

И было, конечно, некое ощущение путешествия во времени и преклонения колена перед Гробом Господним (студии “The Beatles”) [А. Гаспарян, МК № 250, 03.11.2006]. Здесь автор вновь “вкрапляет” в высказывание прецедентное имя и прецедентную ситуацию, основанные на библейском сюжете, хорошо известные читателю, вызывающие определенные религиозные ассоциации у адресата. Автор использует троп – гипербола, что преувеличивает статус и значимость героев высказывания и в сочетании с негативной коннотацией и иронией оказывает сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя.

It will be Moscow where she (Madonna) will find her Golgotha successfully ... [http://news.softpedia.com/news, 12.09.2006].

Именно Москва станет Голгофой для Мадонны...

Слот 4.2. Предметы поклонения.

Fetishists all over the world dream of touching alive Madonna's relics... [National Tatler, 19.10.2006].

Фетишисты со всего света мечтают прикоснуться к живым мощам Мадонны... В данном примере вновь наблюдается использование прецедентных (библейских) имен и ситуаций. Высказывание окрашено негативной коннотацией в сочетании с иронией. Наблюдается гиперболизация статуса представителей шоу-бизнеса. При развертывании модели "Шоу-бизнес – это религия" в русском медиа-дискурсе отсутствует слот 4.2. Предметы поклонения в отличие от американского медиа-дискурса. Таким образом, проявляется ассиметричность данной модели в русском и американском медиа-дискурсе.

5. Фрейм. Божья благодать и наказание за грехи.

11 сентября Мадонна даст первый и единственный концерт в столице. Меломаны ждут его как *манны небесной* [Е. Иванова, Комсомольская правда № 117-т/32, 17.08.2006].

...фонограмме грозит жестокая *инквизиция* [www.mk.ru, 10.08.2007].

Московская дума объявила *крестовый поход* против исполнителей под фонограмму... [www.mk.ru, 10.08.2007]. В данных примерах вновь наблюдается использование хорошо известных прецедентных ситуаций. Лексемы "инквизиция", "крестовый поход" выражают концепты "расправа", "преследование", "гонение", "казнь", все это окрашивает высказывания в негативную коннотацию. Авторы используют троп – сравнение.

From that point "Tokyo" *fame crusade around Europe* started... [http://news.softpedia.com/news, 16.08.2007].

С этого момента начался *крестовый поход группы "Токио" за славой по Европе...*

In the early 1990s Norwegian black metal was associated with *Armageddon*... [W. Miller, New York times, 11.11.2007].

В начале 90-х Норвежский черный металл ассоциировался с *Армагеддоном*... Подавляющее число высказываний в составе данного фрейма представляют собой прецедентные ситуации, основанные на библейском сюжете или исторических событиях, хорошо известных носителям католической и ортодоксальной культуры. Высказывания обладают коннотацией с резко отрицательным вектором в сочетании с иронией.

6. Фрейм. Чудеса веры.

Реинкарнация Пугачевой свершилась... [А. Гаспарян, МК № 064, 23.03.2001].

Поэтому, когда заговорили о "*воскрешении*" т.А.Т.и, о том, что после всех несутельных скандалов... все начинает устаканиваться, девицы вплотную взялись за ум и уже готовы запоздалый второй альбом... [А. Гаспарян, МК № 274, 02.12.2005]. Лексемы "воскрешение", "реинкарнация" выражают концепты "зарождение", "перерождение",

"возвращение", "новая жизнь", что вызывает яркие эмоционально-духовные ассоциации у читателя. Авторы используют троп – сравнение в сочетании с положительной коннотацией и определенной долей иронии. Здесь также наблюдается интенция авторов обратиться к хорошо известным прецедентным ситуациям, основанным на библейском сюжете, на сюжетах, составляющих основу буддистских и индуистских верований.

Satanic stigmata on Marilyn Manson's face were terrifying the audience... [http://news.softpedia.com/news, 03.10.2004].

Сатанинские стигматы на лице Мэрелина Мэнсона ужасали публику...

Автор вновь апеллирует к прецедентным ситуациям, окрашивая высказывание в негативную коннотацию в сочетании с иронией, гиперболизируя внешний облик артиста, побуждая реципиента сформировать свое отношение к данному исполнителю.

7. Фрейм. Церковная иерархия.

В офисе "Первого русского радио", на котором теперь трудится г-н Новгородцев, *радио-патриарх* высказал свое отношение к некоторым "Brits"- фаворитам [А. Гаспарян, И. Легостаев, МК № 052, 03.07.2001].

Michael Jackson's *monklike austerity* was called by the series of destroying media-points ... [People, 05.01.2007].

Монашеский аскетизм Майкла Джексона был вызван серией разоблачающих статей в прессе... Авторами данных высказываний используются различные церковные саны, используется гиперболизация или преуменьшение статуса представителя шоу-бизнеса. Первое высказывание в данном фрейме окрашено положительной коннотацией, второе – отрицательной. В обоих высказываниях наблюдается ирония. Перечисленные выше приемы вызывают разно-полярное (положительное или отрицательное) отношение реципиента к представителям шоу-бизнеса.

Проведенный анализ метафорической модели "Шоу-бизнес – это религия" показал, что в российской и американской прессе наблюдается активное использование религиозных концептов. Как показывают рассмотренные примеры, данная метафорическая модель характеризуется открытостью, способностью ко все более детальному, не имеющему каких-либо границ развертыванию с использованием все новых и новых компонентов. Вместе с тем можно определить типовые направления развертывания данной модели: "Война Добра и Зла", "Паства", "Ступени совершенствования", "Места для проведения ритуалов". Подавляющую долю метафорических словоупотреблений в составе данной модели составляют прецедентные имена (аллюзивные антропонимы) и прецедентные ситуации (121 словоупотребление/64,4% в русском и 109 словоупотреблений/47,2% в амери-

канском медиа-дискурсах), хорошо известные носителям ортодоксальной и католической культуры и вызывающие у адресата знакомые ассоциации. В текстах российских и американских СМИ, посвященных шоу-бизнесу всегда присутствует определенная коннотация, которая может быть разно-векторной (негативной (уничжительной), положительной). Благодаря различным стилистическим приемам, высказывания о шоу-бизнесе приобретают яркую эмоционально-экспрессивную оценку, становятся более образными, что усиливает воздействие на читателя. В шоу-дискурсе, рассматриваемом через призму религиозной метафоры, ярко проявляется ее идеологическая (манипулятивная) функция.

© Колтышева С. Я., 2008

Коптякова Е. Е.
Сургут, Россия

**ГЕРМАНИЯ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПАХ
РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ**

Abstract

The article deals with the linguo-cultural nature of stereotype. The author touches upon the main features of this phenomenon, its functions and speaks on the ambivalent role it plays in creating the image of some state or nationality in the mind of the speaker.

Лингвокультурология, являясь на сегодняшний день самым молодым ответвлением этнолингвистики, объединяет в себе лингвистику и культурологию и ставит перед собой задачи изучения и описания взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета. Первоочередной проблемой лингвокультурологии является изучение вербальных средств и способов хранения культурной информации, а именно: концептов, стереотипов, эталонов, символов, мифологем и т.д.

Феномен «стереотипа» в последнее время находится в центре внимания социологов, этнографов, психологов, этнопсихологов, когнитологов. Представители этих наук выделяют в нем те свойства, которые они замечают с позиций своей области исследования, а потому выделяются социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т.д.

У. Липпман, впервые использовавший данное понятие в социологии, определял его как «упорядоченные, типичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права» [цит. по: Прохоров 2006: 68].

В когнитивной лингвистике стереотип рассматривается «как стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп» [Демьянков, Кубрякова 1996: 177].

В лингвокультурологии стереотип – это фрагмент или образ картины мира, существующий в сознании. «Это некоторый образ – представление, это ментальная «картинка», некое устойчивое, минимизировано – инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» [Красных 2002: 178].

Стереотипам присущ обобщающий характер. Наряду с этим свойством стереотип имеет логическую форму суждения, способность упрощать и эмоционально приписывать определенному классу лиц определенные установки или отказывать им в них (Демьянков, Кубрякова: 177)

Различают стереотип поведения, определяющий поведение и действия, которые следует осуществлять, и стереотип – представление, определяющий то, что следует ожидать в той или иной ситуации [Красных 2002: 179]. Первая группа хранится в сознании в виде штампов, выступающих в роли канонов. Они диктуют или предписывают определенное коммуникативное поведение, выполняя прескриптивную функцию. Вторая группа стереотипов, стереотипы-представления, хранятся в виде клише и функционируют как эталоны. Их отличие от стереотипов поведения состоит в том, что они «предсказывают не столько само поведение, сколько набор ассоциаций и предопределяют языковую форму, их выражающую, выполняя предиктивную функцию» [там же: 180].

В современной лингвистике выделяются следующие функции стереотипов [Демьянков, Кубрякова: 177]:

- когнитивная – генерализация информации при усвоении чужой культуры;
- аффективная – определенная мера этноцентризма в межэтническом общении, проявленная как постоянное выделение «своего» в противовес «чужому»;
- социальная – разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»: приводит к социальной категоризации, к образованию социальных структур, на которые активно ориентируются в обыденной жизни.

Образ любой страны присутствует в нашем сознании также в стереотипном виде. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди русских и американских респондентов с целью выявления стереотипных представлений о Германии, показали, что русскому и американскому национальному сознанию присущи следующие ассоциации.

Таблица № 1.

Стереотипные представления русских и американцев о Германии

№	Русские ассоциации	Кол-во в %	Американские ассоциации	Кол-во в %
1.	Война	29	World War II	31,3
2.	Любовь к пиву и сосискам	18,2	National character	18,1
3.	Географические названия	16,3	Geography	15,6
4.	Достопримечательности	11,2	Obsession with beer, sausages	10,8
5.	Национальный характер	6,1	Proper names	7,2
6.	Любовь к машинам	5	Personal experience	6,1
7.	Культурные феномены	4,7	Cultural phenomena	6,1
8.	Нетрадиционные формы искусства	3,3	Obsession with cars	4,8
9.	Персоналии	3,3		
10.	Признак немецкого – хорошее качество	2,6		

Как видно из таблицы, доминирующими стереотипными представлениями о Германии для обоих лингвосообществ являются «война» (например, Гитлер, фашизм) и «географические названия» (Берлин, Мюнхен, Рейн). Стереотипы «любовь к пиву», «любовь к машинам», «национальный характер» (пунктуальность, практичность), «культурные феномены» (Октоберфест, «Фауст»), «персоналии» (Гете, Бисмарк, Ангела Меркель) присутствуют и в русском национальном сознании и в американском, но имеют разные процентные показатели. Дифференцирующими для русского сознания выступают ассоциации: «достопримечательности» (Бранденбургские ворота, Берлинская стена), «нетрадиционные формы искусства» (лавпа-рад, ирокез, тяжелая музыка) и «хорошее качество». Данные категории хоть и представлены достаточно малым количеством, но не должны отбрасываться, потому как добавляют определенные штрихи к портрету Германии. В американском списке обращает на себя внимание категория «personal experience», в которую вошли ассоциации, непосредственно связывающих респондентов с Германией, например, такие как: родина предков, страна проживания родственников.

Ориентация по национальному признаку также играет важную роль в стереотипе. Национальный стереотип – «это обобщенно-типичные представления одного народа о другом или о самом себе» [Гудков: 20]. К этим

представлениям относятся исторически сложившиеся оценочные суждения о типичных особенностях психического склада, характера людей, принадлежащих к другому этносу, другой культуре. Национальные стереотипы отражают несходства в культурном опыте тех или иных народов. Хрестоматийными стали такие стереотипные представления, как пунктуальность немцев, чопорность англичан, открытость русских, прагматизм американцев, вспыльчивость итальянцев и т.д. Конечно же, речь идет не о всеобщих качествах народа, а только о типичных, то есть характерных для большинства народа.

Здесь уместно остановиться на взаимодействии понятий «национальный стереотип» и «национальный характер».

И то, и другое является своеобразным вербальным портретом чужого народа. Можно привести большое количество определений, которые в основном трактуют национальный характер как совокупность специфических психологических черт, образа мыслей, привычек, традиций, свойственных определенной социально-этнической общности. Нам кажется наиболее точным определение, представленное в работах С. Г. Тер-Минасовой, согласно которому, национальный характер – это не просто совокупность своеобразных, присущих только данному народу черт, но своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт [Тер-Минасова: 243]. Очевидно, что можно провести определенную параллель между понятием национального характера и понятием национального стереотипа, во многих случаях эти понятия почти сближаются. Однако существенное различие заключается в том, что «национальный характер» является родовым понятием, а «национальный стереотип» – видовым, т.е. частью национального характера.

Мы попытались экспериментальным путем установить основные черты немецкого национального характера с точки зрения русского национального сознания и американского. За основу была взята методика Е. Бартминского, согласно которой респондентами выделяются доминирующие черты характера в списке, разбитом на 4 группы: бытовые признаки (трудолюбивый, бережливый и др.), психические и интеллектуальные (вспыльчивый, чувствительный, серьезный и т.д.), социальные (законопослушный, скупой, пунктуальный и др.), идеологические (патриотичный, религиозный, националистический и т.д.) (Бартминский: 7-8).

Сам вопрос был сформулирован следующим образом: «Какие черты с Вашей точки зрения определяют немецкий национальный характер?». Полученные результаты обобщены в таблице:

Таблица № 2.

Стереотипные представления немецкого национального характера

№	Группа признаков	Доминирующие стереотипы немецкого национального характера	
		в русской языковой картине мира	в американской языковой картине мира
1.	бытовые	Педантичен, практичен, трудолюбив, аккуратен	Industrious,
2.	психические и интеллектуальные	Серьезен, эмоционально холоден (сдержан), горд	Serious, intelligent, cultured , emotionally cold, proud
3.	социальные	Законопослушен, пунктуален, организован	Well-organized, law-obedient, punctual, aggressive
4.	идеологические	патриотичен	Nationalistic, patriotic

В результате проведенного исследования было выявлено, что общими для обоих лингвосообществ являются следующие характеристики типичного немца: трудолюбив, серьезен, сдержан, горд, законопослушен, пунктуален, организован, патриотичен. В американском сознании практичность и аккуратность не являются доминирующими чертами немецкого национального характера. В русской языковой картине мира не отражены в той мере, в которой они выделяются американцами, воспитанность, образованность, гордость и националистичность немцев.

Причиной несовпадения стереотипных представлений является то, что стереотип коррелирует с «наивной картиной мира» и оценивать реалии жизни другого народа индивид будет только через призму своей культуры и исходя из своего личного опыта.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике принято подразделять национальные стереотипы на автостереотипы (отражающие то, что люди думают сами о себе) и гетеростереотипы (стереотипы, относящиеся к другому народу). Исследуя оба феномена, большинство ученых пришло к выводу, что каждая нация склоняется к завышенной самооценке и недооценке или негативной оценке других этносов.

Это объясняется тем, что носитель другой культуры традиционно воспринимается как «чужой». В оппозиции «свой – чужой» возникает конфликт культур: родная культура объединяет людей, но одновременно и отделяет их от других, чужих культур.

Данное противопоставление культур может осмысляться также как оппозиция «естественно – неестественно». Неестественным считается непонимание иностранцем языка, родного

для реципиента, непонимание культурных традиций.

Национальные гетеростереотипы вырабатываются в результате длительного процесса. Важными факторами их развития являются сами исторические судьбы народов, их переплетение, степень их родства, соседство или наоборот отдаленность друг от друга, взаимоотношения.

С. Г. Тер-Минасова выделяет и рассматривает следующие основные источники стереотипных представлений о национальных характерах [Тер-Минасова: 245].

1. Международные анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей попадают в одну и ту же ситуацию и реагируют на нее в соответствии с теми стереотипами, которые существуют на их счет на родине анекдота. Европейские стереотипы хорошо видны в следующей шутке: «Рай там, где повара – французы, механики – немцы, полицейские – англичане, любовники – итальянцы, а организуют все швейцарцы. Ад – где повара – англичане. Полицейские – немцы, любовники – швейцарцы, механики – французы, а организуют все итальянцы».

2. Национальную классическую литературу. Обратимся, например, к статье Джорджа Оруэлла «Англичане», где он очень тонко характеризует английскую нацию: «Стоит на минуту поставить себя на место иностранного наблюдателя, впервые оказавшегося в Англии, не непредубежденного и в силу рода занятий имеющего возможность общаться с рядовыми, полезными, неприметными людьми (...). Почти наверное он сочтет основными чертами рядовых англичан их глухоту к прекрасному, благонравие, уважение к закону, недоверие к иностранцам, сентиментальное отношение к животным, лицемерие и одержимость спортом» [Оруэлл: 221].

Приведем еще один пример, взятый из романа У. С. Моэма «Луна и грош», где автор описывает стремление англичан всегда соблюдать приличия: «Они встретились равнодушно, и разойтись им предстояло со вздохом облегчения. Такой обед был отбыванием светской повинности. Стрикленды «должны» были пригласить отобедать этих людей, ничуть им не интересных. Они выполняли свой долг, а гости – свой» [Моэм: 102].

3. Фольклор. Это самый надежный источник, так как представляет собой коллективное творчество и лишен субъективизма авторских произведений. (Робин Гуд вошел в сокровищницу национальных стереотипов как защитник всех обездоленных, Илья Муромец стал символом величия и силы, Иванушка-дурачок символизирует простоту и внутреннюю красоту русского национального характера, которые можно увидеть не глазом, а сердцем, он неказист,

смешен, нелеп, но выходит победителем из всех схваток, так как добр, смекалист, смел).

4. Национальный язык, который отражает, формирует и хранит стереотипные представления о национальных характерах.

Нельзя не отметить и роль средств массовой информации в формировании и закреплении национальных стереотипов. Используемые журналистами национальные стереотипы отражают специфику современного национального самосознания, национальную картину политического мира, характерную для современной политической ситуации. Эффективное использование стереотипных представлений способствует усилению прагматического воздействия текстов политической коммуникации и способно кардинальным образом повлиять на существующую в сознании читателя (зрителя) политическую картину мира.

Например, исследование образа России, создаваемое немецкими СМИ в 1990-е годы, показывает, что в то время преобладала тенденция негативного коннотирования России, формируя опять же негативные стереотипные представления о ней. На лексическом уровне и на уровне заголовков варьируются основные элементы негативных стереотипов: «царская держава», «атомная держава», «захватила», «каннексировала», «должна (имеет долги)». Традиционные стереотип «бедность, мафия, алкоголь, коррупция плюс гостеприимство, богатый выбор культурных мероприятий, знаменитые музеи и театры» продолжает господствовать в массовом сознании [<http://www.strana.oz.ru>].

Характеризуя стереотип как явление, В. А. Маслова отводит ему роль «представителя культуры» и «опоры личности в диалоге культур» [Маслова 2001: 108].

Являясь с одной стороны упрощенными и схематичными представлениями, которые характеризуют действительность в самом обобщенном виде, стереотипы, тем не менее, выполняют очень важную функцию: составляя основу менталитета любого народа, они помогают личности ориентироваться в окружающем мире. Миропонимание частично находится в плену у языковой картины мира, которая становится для определенного этноса фундаментом всех культурных стереотипов [Маслова 2004: 111]. Носителю одной лингвокультуры свойственно вырабатывать руководящие принципы и пользоваться категориями стереотипных представлений, чтобы сохранить обилие информации о представителях иного языка и иной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблины) студентов в 1993-1994 гг. / Е. Бартминский // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М., 1995. С. 7-9.

2. Гудков В. П. Стереотип России и русских в сербской литературе / В. П. Гудков // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. – 2001. – № 2. – С. 20-24.

3. Демьянков В. З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 177-179. (248 с.).

4. Красных В. В. Этнопсихология и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

5. Маслова В. А. Культурная коннотация как экспонент культуры в языковом знаке // Этносоциолингвистика: Хрестоматия / Авт.-сост. Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2004. – С. 98-115.

6. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 208 с.

7. Моэм У. Луна и грош. Эссе / У. С. Моэм. – М.: ЭКСМО – Пресс, 2001. – 532 с.

8. Оруэлл Дж. Англичане. / Дж. Оруэлл. Эссе. Статьи. Рецензии. Т. 2. – М., 1992. – С. 197-235.

9. Плотников Н. Русский жанр в немецкой прессе / Н. Плотников. – <http://www.strana.oz.ru>.

10. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М., 1996. – С. 67-74.

11. Тер-Минасова С. Г. Роль языка в формировании личности. Язык и национальный характер // Этносоциолингвистика: Хрестоматия / Авт.-сост. Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2004. – С. 241-249.

© Коптякова Е. Е., 2008

Надэль-Червиньска М.

Катовице, Польша

КАТЕГОРИЯ НЕСВОБОДЫ В ТОТАЛИТАРНОМ КОНТЕКСТЕ И ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕКСТА: РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ У ВЛ. ВЫСОЦКОГО

Abstract

The study presents analysis of art concept "paradise apples" in famous Russian poet Vladimir Vysocky's poetry. The analysis of three different variants one text facilitates understanding the problems of creative activity in totalitarian discourse and the leading motives in the famous bard's creativity.

*...Россия, растерзанная от подлости,
Знайте, кто он, и знайте, чей он.
Врубите Высоцкого!
Врубите Высоцкого настоящего!
Где хрипы и Родина, и горести,
Где восемнадцать лет нам товарищем
Был человек отчаянной совести...*

Андрей Вознесенский. *Голоса и молчание* (1980 год).

26 июля 1980 года Москва прощалась с этим¹. На состоявшейся гражданской панихиде прозвучали, в частности, следующие слова:

Жизнь художника исчисляется не очевидной длиной, но объемом значения. Ее скоропалительная напряженность отнимает у друзей и современников житейское блаженство встреч, созерцание милого земного соседства, но прибавляет дорогому образу и образу таланта вообще черту исключительной драгоценности, беззащитной и родимой непрочности. (Белла Ахмадулина.)

В музыку нашей жизни 60-70 годов он внес ноту высокой проникновенности, силы, жизнелюбия. Он пропел много печального о времени и о себе, и он же награждал нас – тех, кто с любовью собирал его записи, кто пел вместе с ним его песни, кто их слышал случайно из распахнутых окон – награждал нас подлинной поэзией, страстью и мужеством, необходимым для жизни. (Юрий Трифонов.)

Он предчувствовал свою смерть и много писал о ней. Она представлялась ему насильственной. Вышло иначе: его длинное сорокадвухлетнее самоубийство стало оборотной стороной медали – его яростного желанья жить. (Юрий Визбор.)

Текст, а вернее сказать – три варианта одного и того же текста, названного самим автором-исполнителем *Райские яблоки*, вписывается именно в эту концепцию восприятия непростого творчества Владимира Высоцкого – концепцию, как нельзя лучше выраженную тремя творческими его современниками: скоропалительность и напряженность, нота высокой проникновенности, на фоне прискорбного времени и предчувствия собственного конца.

Одновременно с тем поэтический дар Высоцкого был сродни мифическому дару *феникса*: умирать и возрождаться, умирать и возрождаться – в своих стихах и песнях, на подмостках сцены и на экране, но, главное, в жизни – снова и снова, на больничных койках, в отделении реанимации клиники Склифосовского. Поэтому все чаще в его песенных манифестациях, или, как их нередко называют, песнях-монологах, на смену прежней активной позиции и ориентации в будущее (см. ниже 1-й отрывок², из *Черные бушлаты*), приходит пассивность философской созерцательности, трагической в

своей безысходности³ (см. 2-й отрывок, из *"Не" и "ни"*):

Уходит обратно на нас поредевшая рота,
Что было – неважно, а важен лишь взорванный порт.
Мне хочется верить, что грубая наша работа
Вам дарит возможность беспешинно видеть восход⁴.

Устал бороться с притяжением земли,
Лежу – так больше расстояние до петли,
И сердце дергается, словно не во мне,
Пора туда, где только "ни" и только "не".
Пора туда, где только "ни" и только "не"⁵.

Здесь, однако, следует оговориться, что такое определение, как *песня-монолог*, применительно к творчеству Вл. Высоцкого зачастую, к сожалению, приводит к тому, что и аудитория и даже некоторые исследователи его творчества напрямую соотносят личность автора, а тем самым и его абстрагированное (творческое) и его конкретное (приземленное бытовыми реалиями) его, с лирическим героем едва ли не каждой его песни. И, поскольку лирических героев у Высоцкого, пожалуй, не меньше, чем им написанных текстов, личность самого автора-поэта приобретает мифическую поступь. Тем самым получается нечто вроде многоликого многорукого Будды, но со всеми чертами продукта – или продуктов, что будет точнее, – советской тоталитарной действительности.

Такое наивное восприятие творчества большого поэта в массе его почитателей, наверное, по-своему трогательно. Одновременно с тем, оно же ведет ко множеству досадных недоразумений, отраженных в части записок, во множестве приходивших на сцену из зала во время каждого, официально разрешенного властями, концерта. Записок, на которые Высоцкий слегка раздраженно, хотя и не без юмора, всегда отвечал: *нет, в лагерях не сидел; на фронте воевать не пришлось; на флоте не служил; на истребителе не летал; и сам не был ни конем, ни самолетом.* А на вопрос из зала, не менее частый: *Что Вы хотели сказать этой песней?* – отвечал: *Только то, что я в ней сказал...*

В то же время такое, слишком прямолинейное, если не сказать буквальное, понимание наивной частью слушателей его песен, всегда семантически сложных, многоплановых и неоднозначных даже в самых простых, казалось бы,

¹ Французская пресса, в частности, писала: *Ни одна газета, ни радио, ни телевидение Москвы не нашло нужным сообщить о его смерти* (Ролан Кэрл *Об этом будут говорить завтра. Прощай, Владимир Высоцкий // Нувель Обсерватор*, Париж, август 1980 г.) Впрочем, это немного не верно: краткие сообщения о его кончине были опубликованы в двух газетах, *Вечерняя Москва* и *Советская культура*, что потребовало от редакторов этих изданий, по тем временам, немало гражданского мужества.

² Выбор размера шрифта определяется нами возможностью размещения на странице сборника статей текстов Вл. Высоцкого в полном объеме и без потери графического, а вместе с ним и интонационного, авторского эффекта.

³ Что, впрочем, естественно также при тяжелом заболевании сердца. Однако для Высоцкого и это, как всегда, предлог для отвлеченного обобщения и размышления над проблемами куда более для него важными, чем собственное здоровье. Рамки запретов для него диктуют не столько предписания врача, сколько реалии тоталитарного бытия.

⁴ Высоцкий В. *Нере*: 17. Звукозапись на пластинке: Высоцкий Вл. *Вес взят (1969-1978)*, т. 24, Москва, Мелодия (конец 80-х годов).

⁵ Звукозапись на пластинке: Высоцкий Вл. *Вес взят (1969-1978)*, т. 24, Москва, Мелодия (конец 80-х годов). Далее тексты цитируются по тому же официальному собранию звукозаписей.

вариантах исполняемых текстов, кажется нам вполне закономерным. Оно, такое восприятие, обусловлено тем, что каждый голос поэтического не-я Вл. Высоцкого настолько убедителен и реален, словно он приглушенно звучит рядом с нами в вагоне грохочущего трамвая, слишком громко раздаётся по утренней рани из соседского окошка, становится случайно подслушанным нами на парковой скамейке фрагментом чужого диалога.

И в эту сумбурную разноголосицу советского бытия так или иначе, явно или неявно, иногда преднамеренно завуалировано и стерто, но всегда диссонансно врезается авторское я-кредо, бескомпромиссно расставляя точки над *и* и называя *не-я*, или *анти-я*, (то, о чем не говорить вслух, о чем стыдливо умалчивается, как будто этого вообще не существует), и позиция *я-кредо* бунтующего против такой бессловесной пассивности поэта, певца и актера, каждое со своей стороны и на свой собственный лад как бы нарушают всеобщий заговор молчания. А тем самым они нарушают навязываемые сверху жесткие правила *игры в молчанку* – в недозволённость и дозволённость, в послушание и покорность.

Так же, как кэрролловская Алиса-в-Стране-Чудес, сама по себе личность Высоцкого-поэта как бы перерастает любую из этих фальшивых ситуаций – так же, как его герой-памятник, герой-микрофон, герой-иноходец, герой-Як-истребитель, герой-волк, герой-спортсмен. Так же, но на свой антигероический лад перерастают каждый свою ситуации и герои поэтического не-я. Именно выход за флажки и рывок на побег делают с точки зрения тоталитарной цензуры социально опасными как героев и антигероев этих песен, так и личность самого непокорного автора. Делают опасным даже лирическое я его высокой любовной поэзии. Впрочем, любовь в понимании Высоцкого – это тоже всегда бунт: бунт на корабле, штормовая волна, недостижимая вершина, непреодолимые километры расстояний и границ.

И граница – это значимый рубеж, и он всегда между тем и этим: Россией и Европой, разрешённым и недозволённым, болотом покорности и запредельем свободы, миром мертвых и миром живых, этим светом и тем, личностью и властью, человеком и Богом. Тем самым можно выделить в творчестве Вл. Высоцкого одну тему, как бы главную и над всем довлеющую, которую мы сформулировали бы так: личностная Несвобода и тоталитарный Беспредел.

И то и другое для песен поэта понятия категориальные: поэтическое и человеческое *я* – как любого героя, так и самого поэта, в его лирической проекции, – постоянно ставится объективным контекстом (а именно: ограниченного колючей провокацией границ российского бытия) в ситуации экстремальные и практически для нормальной личности невыносимые. И ставится человек в такие условия, хотя и искусственно, однако всегда насильственно и противоестественно сущности самого этого *я*.

Тем самым стираются грани между бытием и небытием, между жизнью и смертью, между пространством до горизонта и тем невидимым, что находится по ту сторону, за его пределами. А единственной мечтой становится хоть один единственный раз в своей жизни увидеть то, что там вдали, за горизонтом. А все потому, что: *Я только подумал, чужие куря папироски: // Тут кто как сумеет, мне важно увидеть восход.*

Все, о чем мы говорили выше, так или иначе, но непосредственно относится к одному из поздних текстов Высоцкого *Райские яблоки*, известного в записях голоса поэта-исполнителя в трех вариантах [1, 2, 3]. Анализ этих вариантов и предлагается в данной статье.

Сначала приведем тексты варианта 1 и варианта 2, графически разместив строфы в таблице так, чтобы наглядно показать, в каких именно фрагментах оба совпадают полностью или почти полностью [в основном начало фрагмента 1 и фрагмент 5], в каких только отчасти [фрагменты 1, 2, 7], а в каких мы наблюдаем их принципиальное расхождение [фрагменты 2+3, 4, 5]:

Райские яблоки

1-й вариант текста

[Фрагмент 1.]
Я умру, говорят. Мы когда-то всегда умираем.
Съезжу на дармовых, если в спину сподобят ножом.
Убиенных щадят – отпевают и балуют раем,
Не скажу про живых, а покойников – мы бережем.

В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее на бок,
И ударит душа на ворованных клячах в галоп.
Вот и дело с концом. В райских куцах покушаю яблок.
Подойду не спеша. Вдруг апостол вернет, остолоп.

Чур меня самого! Наваждение знакомое что-то.
Неродящий пустырь. И сплошное Ничто. Беспредел.
И среди Ничего возвышались литые ворота,
И этап-богатый тысяч в пять на коленках сидел.

2-й вариант текста

[Фрагмент 1.]
Я когда-то умру. Мы когда-то всегда умираем.
Как бы так угадать, чтоб не сам, чтобы в спину ножом?
Убиенных щадят – отпевают и балуют раем,
Не скажу про живых, а покойников мы бережем.

В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее на бок,
И ударит душа на ворованных клячах в галоп.
В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблок.
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Прискакали. Гляжу – пред очами нерайское что-то,
Неродящий пустырь и сплошное Ничто – Беспредел...
И среди Ничего возвышались литые ворота,
И огромный этап, тысяч в пять, на коленях сидел.

Как ржанёт коренник! Я смирил его даром овсовым.
Да репей из мочал еле выдрал и гриву заплел.
Петр-апостол, старик, что-то долго возился с засовом,
И крихтел, и ворчал, и не смог отворить, и ушел.

[Фрагмент 2.]

Тот огромный этап не издал ни единого стона.
Лишь на корточки вдруг с онемевших колен пересел.
Вот следы песьих лап... Да не рай это вовсе, а зона!
Всё вернулось на круг, и распятый над кругом висел.

[Фрагмент 3.]

Мы с конями глядим: вот уж истинно – зона всем зонам.
Хлебный дух из ворот. Это крепче, чем руки вязать.
Я пока невредим, но и я нахлебался озоном,
Лепоты полон рот и ругательства трудно сказать.

Засучив рукава, пролетели две тени в зеленом.
С криком: *В рельсу стучи!* – пропорхнули на крыльях мечи.
Там малина, братва! Нас встречают малиновым звоном.
Нет, звенели ключи... Это к нам подбирали ключи.

[Фрагмент 4.]

[Фрагмент 5.]

Я подох на задах, на руках на старушечьих дряблых,
Не к мадонне прижат, божий сын, а в хорах холоп.
В дивных райских садах просто прорва мороженных яблок.
Но сады сторожат. И стреляют без промаха в лоб.

[Фрагмент 6.]

Херувимы кружат, ангел окает с вышки занятно.
Да не взыщет Христос – рву плоды ледяные с дерев.
Как я выстрелу рад! Ускакал я на Землю обратно.
Райских яблок принес, их за пазухой телом согрел.

Я вторично умру: если надо, мы вновь умираем.
Удалось, ох, ты мой! Я не сам – мне бы пулю в живот...
Так сложилось в миру: всех застреленных балуют раем,
А оттуда – Землей. Береженного Бог бережет.

[Фрагмент 7.]

В грязь ударю лицом, завалюсь после выстрела на бок –
Кони хочуть овсу, но пора закусить удила.
Вдоль обрыва с кнутом, по-над пропастью, пазуху яблок
Я тебе принесу – потому и из рая ждала...

Характерно, что варианты 1 и 2 значительно различаются также по музыкальному фону. Так, первый по этим признакам (аккорды, музыкальный рисунок, манера авторского исполнения, экспрессия неприятия и отрицания) тяготеет к трилогии 1. *Кони привередливые*; 2. *Очи черные*; 3. *Что за дом такой...* Второй вариант, в том числе и по медитативной окраске исполнительского прочтения со стороны самого же автора текста, более тяготеет к дилогии 1. *Как веревочке ни виться...*; 2. *Колокола*; и даже к *Охоте на волков*. Тяготеет к последней песне, в частности, в варианте исполнения на диске, изданном Вл. Высоцким во Франции⁶. Эта пла-

⁶ Этот последний, очень интересный, вариант песни *Охота на волков* не был включен в коллекцию пластинок фирмы *Мелодия*, на наш взгляд, специально. Так же не были включены и другие, слишком экспрессивные и резкие варианты исполнения ряда песен, которые заменены были при записи, как это называ-

Как ржанёт коренной! Я смирил его ласковым словом
Да репьи из мочал еле выдрал и гриву заплел.
Седовласый старик что-то долго возился с засовом.
И крихтел и ворчал. И не смог отворить, и ушел.

[Фрагмент 2+3.]

И измученный люд не издал ни единого стона,
Лишь на корточки вдруг с занемевших колен пересел.
Здесь малина, братва: нас встречают малиновым звоном!
Всё вернулось на круг. И распятый над кругом висел.

[Фрагмент 4.]

Я узнал старика – по слезам на щеках его дряблых!
Это Петр святой. Он апостол, а я – остолоп.
Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок.
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Всем нам блага подай! Да и много ли требовал я – благу?
Мне б – чтоб были друзья да жена чтобы пала на гроб...
Ну, а я уж для них украду бледно-розовых яблок,
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Седовласый старик, он на стражу кричал, комиссарил –
Прибежали с ключом и затеяли вновь отворять.
Кто-то ржавым болтом, поднатужась, об рельсу ударил
И – как ринутся все!.. В распрекрасную ту благодать.

[Фрагмент 5.]

Я подох на задах. Не при старых свечах-канделябрах –
Не к мадонне прижат, божий сын, а в хорах холоп.
Вот и кущи-сады в своих прорвах мороженных яблок –
Но сады сторожат. И убит я без промаха в лоб.

[Фрагмент 6.]

[Фрагмент 7.]

И погнался коней - прочь от мест этих гиблых и зяблых.
Кони просят овсу, ну и я – закусил удила.
Вдоль обрыва с кнутом, по-над пропастью, пазуху яблок
Я тебе привезу – ты меня и из рая ждала...

стинка, переизданная советской фирмой *Мелодия*, так и называлась: *Владимир Высоцкий в Париже*.

При этом первый вариант песни *Райские яблоки*, как мы видим, по отношению ко второму варианту, более ранний и потому, с точки

лось, "всего Высоцкого" на менее выразительные, порою даже поврежденные и неполные. К слову сказать, в архивах *Мелодии* французская запись этой песни Высоцкого есть, поскольку пластинка, записанная, благодаря жене поэта, Марине Влади, в Париже, была издана затем также в СССР и известна под условным названием *французский диск Высоцкого*. То же можно сказать и об исполнении Вл. Высоцким на французском языке песни *Кто-то высмотрел плод...* – песни, созданной первоначально автором как *песня задумавшегося Валета*, к аудиопостановке на студии *Мелодия* керролловской *Алисы в Стране Чудес*, не пропущенной в ходе работы над пластинками советской цензурой. Так, на мелодиевской пластинке зафиксировано публичное выступление Высоцкого, на фоне раздражающего шума невнимательной равнодушной толпы, в то время, как существует великолепный студийный вариант той же песни.

зрения творческого поэтического процесса, как бы текст *грязный*, а с точки зрения самого Высоцкого – недоработанный. Последнее хорошо видно при анализе тех поправок, которые были внесены в данный текст (2-й его вариант) позже самим автором.

Третий же вариант, известный только по любительским пленкам, есть рабочим вариантом первого текста, причем рабочим – в про-

*Соответствующие строчки поэтического текста
официальной концертной записи (на дисках пластинок)
- вариант 1 и вариант 2*

[Фрагмент 1.]

1. Я умру, говорят. Мы когда-то всегда умираем.

Я когда-то умру. Мы когда-то всегда умираем.

[Фрагменты 1, 4, 5.]

2. Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Но сады сторожат. И стреляют без промаха в лоб.

[Фрагмент 1.]

3. Петр-апостол, старик, что-то долго возился с засовом,...

[Фрагмент 5.]

4. Не к мадонне прижат, божий сын, а в хоромах холоп.

[Фрагмент 6.]

5. Удалось, ох, ты мой! Я не сам - мне бы пулю в живот...

[Фрагмент 7.]

6. Кони хочуть овсу, но пора закусить удила.

Кони просят овсу, ну и я - закусил удила.

(*Хочуть* - просторечно-диалектное в речи героя.)

[Фрагмент 7.]

7. И погнал я коней - прочь от мест этих гиблых и зяблых.

В то же время оба первых текста (1-й и 2-й варианты *Райских яблок*), как уже было отмечено, значительно отличаются друг от друга и музыкальным фоном, и повествовательным тоном, и содержательной стороной, причем не только в отдельных конкретных деталях и образах. А потому они оба представляются нам равно интересными для анализа и более того – поэтически равноценными, несмотря на специфику 1-го варианта, из-за которой текст можно охарактеризовать как *недоработанный*. Впрочем, если бы мы не имели перед глазами 2-го, более позднего, его варианта, то об этой “недоработанности” и речи бы не было: можно было бы говорить и о первом варианте текста как об одном из наиболее сильных по своему воздействию произведений позднего периода творчества Вл. Высоцкого.

Имея же перед глазами оба варианта текста и сравнивая обе записи его исполнения [1, 2], пожалуй, предпочесть какой-либо другому просто невозможно. Однако возможно, к примеру, говорить о том, какой из текстов и какое из исполнений сильнее воздействует на слушателя, находящегося в том или ином эмоциональном состоянии (как следствие той или иной ситуативной – *тоталитарной* либо *посттоталитарной* – модели). Кстати, на современном этапе развития российского менталитета обе эти модели, к сожалению, почти идентичны.

Именно поэтому тексты Высоцкого сегодня не только не устарели, но, напротив, обрели

цессе первоначальной его, если так можно выразиться, обкатки (как поэтической, так и исполнительской). Поэтому мы используем его в своем текстологическом анализе только как общий контекст творческого процесса создания текста, несколько дополняющий и расширяющий концептуальную семантику этого поэтического произведения Вл. Высоцкого:

*Вариант, записанный на магнитофонную ленту
в условиях неофициального концерта (ок. 1978 года)
- вариант 3*

Я умру, говорят. Мы когда-нибудь все умираем.

Жаль, в садах сторожат, что стреляют без промаха в лоб!

Тот апостол, старик, что-то долго возился с засовом,...

Не к мадонне прижат, божий сын, а к хоромам - холоп.

Удалось, Бог ты мой! Я не сам - мне бы пулю в живот...

Кони хочуть овсу, а пора закусить удила.

(Нелитературная форма глагола как стилистический прием, подчеркивающий просторечную интонацию.)

И погнал я коней - прочь от мест их гиблых и зяблых.

новую актуальность. А именно это не дает отодвинуть личность поэта на несколько страниц в истории российской литературы и словесности назад, как бы сегодня кому того ни хотелось бы.

Правда, тоже как бы в насмешку, возведенный над могилой памятник, как две капли воды походит на тот деструктивный кошмар, который лирическому герою певца виделся еще при жизни, как в страшном сне. Но, как и в стихотворении *Памятник*, надорванный голос поэта не удалось ни придавить каменной глыбой, ни сковать металлом, ни выправить-выпрямить, ни задушить. При этом *Памятник* по времени и семантическому контексту оказывается в одном ряду с анализируемым нами текстом *Райские яблоки*.

В основе данного анализируемого текста – текста как совокупности всех его трех вариантов – у Вл. Высоцкого заложена мифологическая (общечеловеческая, общекультурная) идея *моделирования мира*, с главной ее категориальной оппозицией *верх – низ*. Оппозиция реализуется в проекциях *тот свет – свет этот*, а также *мир живых* и *мир мертвых*, *земля – небо*, а в более широком контексте, как христианском, так и дохристианском, *ад (нижнее, в совокупности земного и подземного) – рай (верхнее, в совокупности небесного и запредельного)*.

В вариантном контексте данной песни оппозиционно актуализированы такие значимые категории как *земля – небо* (два пространства, *бытия* и *небытия*, реальности и ирреально-

сти), а также *адская жизнь* (на земле: реальное и знакомое) – *райская жизнь* (потом, когда-нибудь, как награда за пережитое: обещанное и ожидаемое).

Однако, как известно, в любой мифологической и народной традиции *верх* находится наверху, а *низ* внизу только в том случае, если сама модель мира гармонична и правильна, а в мифически упорядоченном мире царит покой и соразмерен порядок вещей. Если же мир находится еще в состоянии хаоса, то та же модель мира окажется перевернутой (вверх ногами): *верх* и *небо* будут при этом находиться внизу модели, а *низ* и *земля* вверху ее. Такой перевернутой проекцией модели мира будет, к примеру, *мировое дерево*, *растущее корнями кверху*, графический облик которого хорошо известен нам по старинным орнаментам и гравюрам средневековья. *Ад* и *рай* при этом словно меняются местами, человеческие чувства и представления обманны, а потому важно суметь отличить истинное от только кажущегося, реальное от мнимого, правду от лжи.

Модель мира в тексте *Райские яблоки* как раз и есть перевернутая: это как бы *мир шиворот-навыворот*, смоделированный наоборот либо вывернутый наизнанку. Это тот мир и тот *рай*, которого быть не должно. Но он именно таким существует в тоталитарной российской действительности. Поэтому, оказавшись *на небе(сах)*, лирическое *я* попадает в истинный *ад* лагерной жизни, а потому беспросветная *земная жизнь* начинает ему казаться настоящим *раем*.

Так, в частности, у Высоцкого *райская жизнь* – прежде всего знак отличия и награда, как ордена и медали, особенно охотно раздаваемые в России⁷ погибшим (убитым): *...Убитых щадят – отпевают и балуют раем, // Не скажу про живых, а покойников – мы бережём...*. Более того, он подчеркивает также следующее: *...Так сложилось в миру: всех застреленных балуют раем, // А оттуда – Землей. Береженного Бог бережёт...*

Тем самым живущим на земле обещано в награду *царство небесное*, пребывающим же в небесах, напротив, – *возвращение на грешную землю*. Песочные часы пребывания *тут* и *там* легко перевернуть, поставив с ног на голову. И в этом как раз заключается заведомый обман посулов и обещаний: душевного покоя не существует ни там, в заоблачных высях, ни здесь, на твердой земле.

С этой точки зрения заведомо ложных посулов (когда *рай* – только для жертв, для безвинно погибших и преждевременно от живущих

⁷ *Россия* – здесь, как и у самого Вл. Высоцкого, образ собирательный и обобщенный. Это и *советская Россия*, и весь *Советский Союз*, т.е. *тоталитарное общество, сталинское и постсталинское*, в современной же проекции не утратившей своей актуальности поэзии Высоцкого – также *тоталитарное общество* и *советское* и *постсоветское*.

ушедших) интересно обратить внимание на мнимое противоречие первой строфы вариантов 1 и 2 по сравнению с предпоследней строфой варианта 1: с одной стороны, это – *...Съезжу на дармовых, если в спину сподобят ножом...* (1: *удар ножа* здесь предательский, из-за угла, в спину) и *...Как бы так угадать, чтоб не сам, чтобы в спину ножом?...* (2: *удар ножа* здесь избавление от мучительной жизни, с которой сам бы не решился покончить), с другой же, это – *...Я вторично умру: если надо, мы вновь умираем. // Удалось, ох, ты мой! Я не сам – мне бы пулю в живот...* (1: [а] *пуля в живот* как смерть в бою, лицом к лицу с врагом, как героизм и, возможно, патриотизм: *если надо, мы все...*; и [б] *пуля в живот* как расстрел, насильственная смерть⁸). Однако концепция *райской жизни*, представленная в анализируемых нами вариантах текста Высоцкого снимает мнимость противоречия: в тоталитарном советском обществе насильственная смерть есть всегда смерть за идею (либо ты уничтожаешь врагов народа, либо тебя уничтожают как врага народа).

Итак, *райская жизнь* для советского человека и патриота, а патриотическим воспитанием, как известно, должны были быть охвачены все, – это так называемое *светлое будущее*, во имя которого *положены жизнь* (или даже *положено столько жизней*). Его, это *долгожданное будущее*, которое у всех *впереди* и которое, как обещают вожди, *наступит* когда-нибудь, люди на самом деле не столько ждут, сколько на него надеются, на него уповают. И умирают, конечно, раньше, чем оно наступает. Но умирают в уверенности, что оно *обязательно придет*, что, может быть дети доживут до него и его увидят. Тем самым христианские представления о *рае* как бы совмещаются с представлениями о *рае коммунизма*, как некой заслуженной и выстраданной награды в будущем, т.е. они тоже становятся неотъемлемой частью идеологической пропаганды⁹.

⁸ Которую сам поэт как-то назвал *пропуск в ту сторону земли*, который *выдал взвод*, когда *рука взлетела в пропасть с коротким криком: пли!* Смерть *от руки врага* это также *почетная, красивая смерть*: *...В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее на бок...* Причем, напомним, в общем семантическом контексте песен Высоцкого постоянно ставятся знаки равенства *страна Советов = лагерная зона*, во главе ее *руководитель* (И. Сталин) = *уголовный пахан*, советская психология = психология лагерников (уголовная, одинаково подчиняющая себе и преступников и безвинные жертвы). Поэтому и понятие *красивая смерть*, с одной стороны, принадлежит уголовной субкультуре, управляющей этим миром за железным занавесом, с другой же – является понятием идеологическим, внушаемым и насаждаемым сверху: скажут умри – умри без разговоров.

⁹ И в этой идеологической мешанине нет разницы между и *штрафными батальонами*, и – *добровольцы, шаг вперед*, и надпись на лагерных воротах: *все уши на фронт*. В контексте же военной темы Вл. Высоцкого (*а на войне – как на войне!*) результат будет тот же: *...награждали нас потом. // Кто живой – того медалями, // Ну, а мертвый кто – крестом...* Могильным, конечно. Впрочем, сегодняшняя Россия вновь сравнила *могильные кресты* и *кресты-ордена*.

И эта мечта о всеобщем равенстве и справедливости, достатке и счастье, а в конечном итоге – о *сытости* и распределении *каждому по потребностям*, в контексте русской советской ментальности называется *коммунистическое далеко*, как удивительно точно сформулировал это понятие-фантом предшественник Высоцкого, Вл. Маяковский. Но если второй из русских поэтов только хотел – или, можно сказать, грозился – *прийти ... в коммунистическое далеко* российской действительности, то Высоцкий, со своим лирическим героем, размышлявшим о *райских яблоках*, туда, в этот *рай неземной*, попадает.

Интересно наблюдать, как сам Высоцкий в своем герое совмещает реальную *скудость возможностей* российского бытия и, как следствие ее, *бедность мечтаний* в этих условиях – как мечтаний индивидуальных, так и коллективных. Тем самым *поздняя вставка* в некоторых из текстов *Евангелий* (также, кстати сказать, идеологизированная по своему характеру), принявшая окончательно вид *...Блаженны нищие духом...* вместо первоначального *...Блаженны нищие...*, как нельзя более подходит к идее *советского рая* – не столько для *нищих*, сколько для совершенно *обнищавших духом*. И только мятежное лирическое *я* героя текста в эту тоталитарную модель мира не вписывается и не хочет вписаться. За что это мятежное *его* в песне – *и убито, без промаха, в лоб*.

Приведем далее примеры *оскудевания желаний* из совокупного текста *Райских яблок*, т.е. из текста песни, без различения ее вариантов:

1) *...В райских куцах покушаю яблок...* (Просторечная форма глагола *покушаю* подчеркивает *обыденность* и *нищенскую примитивность мечты*, увы, даже в таком виде для большинства *трудноосуществимой*.)

2) *...В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблок...* (*Дивный сад* в русской традиции – это сад изумительный по своей красоте, но одновременно *дивный* – это невиданный, т.е. какого не бывает на самом деле, а потому нечто нереальное, недостижимое, *бледно-розовыми яблоками* бывают в пору созревания, когда они, зеленые и незрелые, только-только начинают *розоветь*, оставаясь еще твердыми, невкусными и терпкими *до оскомины*.)

3) *...В дивных райских садах просто прорва мороженных яблок...* (Солнце, не дающее *раю* тепла – *прочь от мест этих гиблых и зяблых!* Здесь *зябнут и души и яблоки*. *Обмороженные яблони и мороженные яблоки* на них – это так *несъедобно*, невкусно, нелепо и страшно¹⁰.

¹⁰ Этот страшный *рай* напоминает картину, описанную некогда во фронтном очерке Ильей Эренбургом: цветущие сады (кажется, тоже яблоневые) на севере Франции, по отступлении войск фашистской Германии, – деревья еще стоят в весеннем

Знакомыми реалиями войны, разрухи, голода, нищеты, смерти представляются также *ледяные пальцы, обмороженные губы и щеки, с та-ким же, как у яблок в этом диком раю, нездоровым румянцем*. И *прорва яблок* – никому не нужное, бесполезное огромное множество.)

4) *...Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок. // Жаль, сады сторожат (или: в садах сторожа, что...) и стреляют без промаха в лоб...* (Простреливаемое в любой точке пространство *райских кущ-садов* дает зримое представление о *лагерной зоне*, с вооруженными охранниками *на смотровых вышках*, по ее периметру. *Без промаха в лоб* – это не только ощущение безысходной безнадежности и поднадзорности, это еще и идея *обстрела – отстрела – расстрела*. А человек, на снегу или в непролазной грязи, либо волк, кабан, несчастливый *подранок*, в своем последнем, бесполезном, беспомощном *рывке на побег*, – это такая знакомая по многим песням Высоцкого *кувыркающаяся под огнем выстрелов живая мишень...*)

И наконец развитие того же самого традиционного образа *райские кущи* как традиционный *яблоневый*¹¹ сад, в результате нагнетающих напряжение повторов от строфы к строфе и особой семантической акцентуации:

5) *...Ну, а я уж для них (для друзей и жены-вдовы) украду бледно-розовых яблок. // Жаль, сады сторожат... (И так далее.) [...] ...Вот и кущи-сады в своих прорвах мороженных яблок – // Но сады сторожат. И убит я без промаха в лоб... [...] ...Вдоль обрыва, с кнутом, по-над пропастью, пазуху яблок // Я тебе привезу – ты меня и из рая ждала...* (Образ краденных в чужом саду *зеленых яблок* часто встречается в советской предвоенной и послевоенной литературе. *Яблоки за пазухой*, пусть даже воро-

цвету, но они уже все мертвы, поскольку отступавшая армия их повырубала под корень. Цветущий рай поэтому только призрачная видимость, как мертвая невеста в гробу, вся осыпанная живыми цветами...

¹¹ Крайне интересен тот факт, что собственно архаическое представление о *рае* как о *яблоневом саде* не лежит на поверхности общеевропейской традиции. *Ветхий Завет* свидетельствует о *райском саде* и о сорванном Евой *яблоке* с запретного *древа познания*. Однако в древнееврейской традиции, древнейшим памятником письменности которой и является данный текст (*Пятикнижие Торы*), *яблоко* как *плод дерева* традиционно означает прежде всего *гранатное яблоко*, или *яблоко гранатового дерева*. В то же самое время *райские кущи* = *яблоневый сад* есть исключительно представление древнееврейское, которое отражено весьма редким, если не единичным, ритуальным текстом – *застольной песней* в честь *невесты-царицы Субботы*. Этот текст исполняется вечером в пятницу, в канун *шабата*, и предшествует *кидушу*, возлиянию вина, перед вечерней субботней трапезой. Позволим себе процитировать фрагмент этого оригинального древнего текста в русском переводе: *Давайте же расскажем о тайнах Торы, о том, что скрыто, недоступно взору, спрятаано и запечатано. // И будет увенчана невеста – короной из высших тайн на этом празднестве в присутствии святых ангелов! // Да истребят злую силу хвалебные песни мои, чтобы смог я войти во врата священного яблоневого сада!* [Сидур *Тегилат Гашем*, Иерусалем – Москва, 1994, с. 147.]

ванные, как символ скудного счастья, ассоциируются в данном тексте с фраземой как у Христа за пазухой, быть или оказаться, т.е. испытывать безмятежное блаженство, часто немотивированное, чувствовать себя в полной безопасности. Ждать из рая в просторечии сталинского периода – верно ждать кого-то из лагерей, что само по себе было тогда мужественной и небезопасной для родственника врага народа гражданской позицией.)

6) ...Херувимы кружат. Ангел окает с вышки занятно. // Да не взыщут Христос – рву плоды ледяные с дерев. // Как я выстрелу рад! // Ускакал я на Землю обратно. // Райских яблочек принес, их за пазухой телом согрел... (Как вариантная разработка темы. Херувимы – воинственные ангелы старших чинов, вооруженные огнем и мечом. Кружат – как ангелы смерти и как черные вороны. Последнее сопоставимо с печально известными черными воронами, или воронками, ночами кружившими по большим городам, собирая по спящим квартирам новые жертвы репрессий. Ангел на вышке, т.е. стоящий на лагерьной смотровой площадке-возвышении, объединяет в данной строфе два противоположных по семантическим функциям понятия: ангел-хранитель человеческой души и охранник лагерьных заключенных. Окает – звукоподражательное, взводит курок.)

Ср. также в другой строфе, несколько раньше: Засучив рукава, пролетели две тени в зеленом. При этом засученные рукава – традиционный признак на Руси заплечного мастера, т.е. палача и ката, а зелёная форма и зелёные погоны – признак войск органов государственной безопасности (теперь они серые, голубые). Рассмотрим здесь же и остальные значимые для развертывания сюжета песни Райские яблоки метазнаки данного отрывка текста. Ледяные плоды на деревьях – как уже говорилось, мёртвое. Согретые телом, они оживают, оттаивают, возвращаются к жизни с того света – так же, как и лирический герой. Выстрел, которому рад, – дает избавление от такого рая: при этом возвращение из сталинских лагерей для человека, побывавшего в лагерях, все равно как возвращение на землю, с небес, и как возвращение к жизни.)

Далее, уже не так подробно и с минимальным комментарием перечислим остальные признаки советского рая, которые мы находим в тексте Вл. Высоцкого Райские яблоки:

1. Признаки нищеты и скудости знакомой всем и каждому тоталитарной действительности – как реалий бытия, так и человеческих желаний:

1) ...Всем нам блага подай! Да и много ли требовал с благ? // Мне б – чтоб были друзья да жена чтобы пала на гроб... (Т.е. чтобы хоть кто-то не покинул и в жизни, и в смерти, что так

редко случалось во времена сталинских репрессий.)

2) ...Чур меня самого! Наваждение знаемое что-то. (Или: Гляжу – пред очами нерайское что-то.) // Неродящий пустырь и сплошное Ничто – Беспредел. (Беспредел – в лагерном жаргоне засилие уголовных элементов, особенно издевающихся над интеллигенцией и политическими.) // А среди Ничего возвышались литые ворота, (Идея железного занавеса, отделяющего тоталитарную Россию от всего остального мира.) // И огромный этап, тысяч в пять, на коленях сидел... (Обычная форма издевательства над заключенными в фашистских и коммунистических концентрационных лагерях, в том числе и над новоприбывшими: их долгими часами заставляли сидеть вот так, молча, склонив головы.)

3) ...Подойду не спеша. Вдруг апостол вернет, остолоп. (Вдруг, по ошибке, его не пропускают в лагерьной рай. Отзвук наивной веры в возможность судебной ошибки, а потому и ее исправления самими карательными органами, НКВД.) [...] Петр-апостол, старик, (Или: Седовласый старик...) что-то долго возился с замком. // И кряхтел, и ворчал. И не смог отворить, и ушел... (Апостол, от которого зависит впустить или не впустить, и выпустить ли обратно, говоря словами самого же Высоцкого. Символ тюремного стражника, с ключами от камер.) // [...] Я узнал старика – слезам на щеках его дряблых. // Это Пётр святой. Он апостол, а я – остолоп... (Ключи от рая находятся в руках самого главного старика, т.е. хозяйна – хозяйна советского рая и лагерей. Таким, как известно, был сам Сталин, только он все держал в руках, тоже своих дряблых. Его же называли хозяином, а также, за глаза, стариком. В этом контексте непогрешимый апостол сродни пресловутому эпитету-идеологеме отец народов.)

4) ...Тот огромный этап (Или: И измученный люд...) не издал ни единого стога, // Лишь на корточки вдруг с занемевших колен пересел... (Единственное движение, которое позволялось лагерным уставом во время длительных и утомительных ожиданий, например, перед лагерьной проверкой. Идея тоталитарного беспредела при полной беспомощности и безответности человека-жертвы.)

5) ...Здесь малина, братва: нас встречают малиновым звоном! (Малина в уголовном жаргоне – безопасное место, где можно укрыться, спрятаться, переждав трудные времена. Малиновый звон – особый колокольный, которым с ликованием всенародно приветствовали царя-батюшку, в советском варианте отца народов И. Сталина. Малиновый звон в российской ментальности ассоциируется также с бессовестным беспросветным враньем, одурманиванием простого люда.) // [...] Засучив рукава, пролетели две тени в зеленом. // С кри-

ком *"В рельсу стучи!" пропорхнули на крыльях мечи. // Там малина, братва! Нас встречают малиновым звоном. // Нет, звенели ключи. Это к нам подбирали ключи... [...] // Не к мадонне прижат, божий сын, а в хоромах холоп...* (Нет обещанной малиновым звоном утешительной благодати, поскольку для тех, кто правит в хоромах, ты только бесправный холоп.)

Проанализируем семантику остальных метафрагментов приведенных фрагментов песенного текста. *Стук в рельсу*, вместо колокольного праздничного звона, как зов заключенных на общее построение и переключку. *На крыльях*, т.е. на погонах, тоже *зеленых*, скрещенные мечи: *щит* и такие *мечи* – геральдический символ советских органов внутренней безопасности – ОГПУ, НКВД, КГБ, а также последующих их аббревиатурных модификаций. *Звон ключей от катер заключения* ассоциируется с фраземой *подобрать ключи*, что в контексте *допросов с пристрастием* означало *расколоть* арестованного, заставив его назвать несуществующих сообщников, подписать донос на невинных людей, признать собственную вину в том, чего на самом деле не совершал.

2. В заключение хотелось бы обратить внимание еще на два фрагмента – из текста *варианта 1* и из текста *варианта 2*, не пересекающихся в общем контексте песни *Райские яблоки*.

1) *...вот уж истинно – зона всем зонам. // Хлебный дух из ворот. Это крепче, чем руки вязать. // Я пока не вредим, но и я нахлебался озоном, // Лепоты полон рот и ругательства трудно сказать...* (Посул хлеба держит голодного человека, крепче уз. Игра слов: *хлебный дух* и *нахлебаться*, но только озоном.)

2) *...Седовласый старик, он на стражу кричал, комиссарил – // Прибежали с ключом и затеяли вновь отворять.* (Искать подход и отворять ржавые ворота рая.) *// Кто-то ржавым болтом, поднатужась, об рельсу ударил // И – как ринутся все!.. В распрекрасную ту благодать...* (Ирония: ломиться толпами – в светлое будущее советских лагерей. Сродни *Ходынке* и *кровавому воскресению*.)

3. И, наконец, давайте посмотрим, что же в контексте русской ментальности означает само устойчивое выражение *райские яблоки* или, как чаще говорят в народе, *райские яблочки*. С точки зрения правильного понимания столь сложных семантически текстов-вариантов одной из песен Вл. Высоцкого, вариантов, объединенных этим общим названием, смысл фразеологизма не только нельзя считать мало важным, но даже, напротив, он приобретает для нас особую значимость, без которой правильное осмысление вариативности текстов песни как единого целого, на наш взгляд, просто не было бы достаточным.

Итак, *райская яблоня* русской традиции (как, впрочем, и любой иной славянской тради-

ции) – это *яблоня дикая*, лесная и дикорастущая, в отличие от так называемой *культурной*, или *садовой*, *яблони*. Отличается первая от второй, главным образом, своими плодами. У первой, лесной, они *маленькие*, у второй, садовой, *крупные*. У первой – на вкус *кислые*, *терпкие*, *худосочные* и *невкусные*, почти несъедобные, у второй – *сладкие*, *сочные*, *вкусные* и *аппетитные*. Это про яблочки второй говорят: *прямо сами с ветки в рот и просятся*. Мелкие же *румяные яблочки* лесного дерева *хороши только с виду* – издали они так заманчивы для тех, кто слишком наивен, однако лучше вкуса их не испробовать...

ЛИТЕРАТУРА:

1. Высоцкий Вл. *Нерв. Стихи*, Москва, 1981. (Текст *Райские яблоки* отсутствует.)
2. Звукозапись на пластинке: Высоцкий Вл. *История болезни (1969-1979)*, т. 26, Москва, Мелодия (конец 80-х годов).
3. Звукозапись на пластинке: Высоцкий Вл. *Речечка (1967, 1977-1980)*, т. 27, Москва, Мелодия (конец 80-х годов).
4. Магнитофонная запись (любительская), ок. 1978 года.
5. Высоцкий В. С. *Сочинения в двух томах*, Екатеринбург, 1997.

© Надэль-Червиньска М., 2008

Чащина С. С.

Нижний Тагил, Россия

КАТЕГОРИЯ «КАЧЕСТВО ТОВАРА» В РЕКЛАМЕ

Abstract

The article touches upon the problem of precedent phenomena in Russian and American advertisements of home appliances and cars in the aspect of their pragmatic potential. Precedent phenomena have the ability to accentuate single properties (one or more) of the advertised product. The most frequently accentuated property is "product quality" and the author analyses the mechanisms of its actualization with the help of precedent phenomena.

Исследователи рекламной коммуникации единогласно определяют одной из основных функций рекламы коммуникативное воздействие на потребителя (К. Л. Бове, Д. Денисон, М. Ю. Илюшкина, Е. С. Кара-Мурза, О. А. Ксензенко, А. Н. Лебедев-Любимов, М. А. Мануйлов, Е. В. Медведева, Ф. Г. Панкратов, Т. Е. Постнова, В. Р. Степанов и др.). «Под коммуникативным воздействием понимается воздействие на знания, отношения и намерения адресата в нужном для адресанта направлении» (Пирогова http).

Понимание рекламного текста как текста воздействия позволяет рассматривать его с позиций коммуникативно-прагматического подхода. С точки зрения прагматической лингвистики, рассматривающей широкий круг вопросов, связан-

ных с говорящим субъектом, адресатом и их взаимодействием в коммуникации, рекламный текст обладает прагматической направленностью, которая выражается в стремлении дать информацию о товаре, сформировать или поддержать интерес к товару или марке, побудить к осуществлению потребительского действия.

Отдельные средства коммуникативного воздействия на целевую аудиторию являются темой многочисленных публикаций.

О. В. Родина к средствам, повышающим коммуникативное воздействие рекламного текста, относит пресуппозиции, в которые входят национальная культура и менталитет народа, гендерные стереотипы общества, а также фоновые знания и единицы, их представляющие (Родина 2004).

Различные стилистические, синтактико-стилистические средства, а также контекст, в том числе и культурный, входящий в рекламный текст в виде идиом, цитат и образов известных личностей, рассматриваются в качестве приемов воздействия на потребителя в статье О. А. Ксензенко (Ксензенко 2003).

К средствам усиления прагматического потенциала рекламного текста относится также и экспрессивность: «Экспрессивность рекламного текста рассматривается нами ... как система используемых в тексте языковых средств и приёмов, которая позволяет наиболее выразительно представить денотат рекламы – товар / услугу – и прагматическую интенцию адресанта, вследствие чего воздействовать на сознание, поведение и деятельность адресата» (О. И. Воробьева [http](http://)).

Имплицитные сравнения, способные снизить негативное восприятие рекламы и повысить ее эффективность, также рассматриваются как прием, обладающий большим прагматическим потенциалом: «Использование имплицитной информации для создания эффекта сопоставления в рекламном тексте также имеет ярко выраженный прагматический смысл: явные сравнения зачастую запрещены рекламными кодексами, а кроме того, способны вызвать антагонизм как у конкурентов, так и у реципиента сообщения» (Аникин 2006: 175).

Прецедентные феномены обладают ярко выраженным прагматическим потенциалом, который проявляется, прежде всего, в том, что они являются «знаками, апелляция к которым в рекламном тексте ведет к актуализации знаний и представлений, связанных с прошлым культурным опытом языкового сообщества, значимых в интеллектуальном и эмоциональном планах для его представителей» (Кушнерук 2006: 202). За прецедентным феноменом всегда стоит инвариант его восприятия, который делает все апелляции к прецедентному феномену коннотативно окрашенными и служит условием актуализации его прагматического потенциала. Прецедентные феномены обладают

способностью выступать как средства коммуникативного воздействия также благодаря своей аксиологичности, наличию «шкалы оценок» в инварианте восприятия (Сорокин 1998: 33). Учитывая тот факт, что «воздействующую функцию выполняют только те характеристики качеств товара, которые несут в себе заряд оценочности» (Попова 2005: 10), прецедентные феномены являются средством, позволяющим повысить степень воздействия рекламного текста.

Существует ряд публикаций, в которых как единицы прагматического потенциала рассматриваются чаще всего прецедентные имена и прецедентные высказывания (Х. Кафтанджиев, С. Л. Кушнерук, Л. П. Прохорова, О. В. Родина). Отмечается, что прецедентные феномены используются для создания имиджа товара (Прохорова 2006), ассоциативной связи с теми или иными культурными символами (Прохорова 2006, Родина 2004), подчеркивания его статуса или качества через прямые и косвенные свидетельства известных личностей (Кафтанджиев 2004), для создания социально-психологических установок, предопределяющих выбор покупателя в пользу рекламируемого продукта (Кушнерук 2007).

Изучая особенности рекламы как вида словесности, Е. В. Медведева отмечает, что «современная реклама преследует цель внушить потребителю желание приобрести товар / услугу (то есть манипулировать получателем речи), делая основной акцент на каком-либо одном признаке товара и приписывая этому признаку особую ценность» (Медведева 2004: 47-48). Важным в указанном определении является акцентирование какого-либо одного признака товара. В данной статье мы попытаемся показать, что прецедентные феномены как единицы, обладающие прагматическим потенциалом, могут акцентировать конкретное свойство рекламируемого товара, а также выявить механизмы, лежащие в основе данного приема.

На основе анализа 1461 словоупотребления прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и автомобилей (787 в российской рекламе и 677 в американской) удалось выявить двадцать четыре категории свойств товаров, которые акцентируются при помощи прецедентных феноменов. Классификация показала, что лидирующую позицию в списке категорий свойств как в российской, так и в американской рекламе занимает категория «Качество» (9,9% в российской рекламе и 21,1% в американской). В связи с этим интересным представляется провести сопоставительное исследование прецедентных феноменов, акцентирующих качество товара в российской и американской рекламе.

Специалисты по рекламе утверждают, что эксплицитное позиционирование товара как качественного не является результативным

маркетинговым приемом: «Гладкие фразочки об обслуживании и качестве никогда не давали результата, а сейчас, когда они так и мелькают в газетах, на радио и телевидении, и вовсе уже ничего не значат. В сущности, каждый рекламодатель считает, что именно его фирма предлагает наилучшее качество и идеальное обслуживание. Клиенты уже слышали столько похвалы по поводу качества, что наверняка отключаются, услышав набившие оскомину банальности» (Денисон <http>). Но, тем не менее, рекламодатели стремятся включить в рекламный текст информацию о высоком качестве своего товара. На наш взгляд, эффективным механизмом включения этой информации может являться использование прецедентных феноменов в рекламном тексте. Ассоциативный потенциал прецедентного феномена и его дифференциальные характеристики представляют собой имплицитную информацию, которая эксплицируется в сознании адресата рекламного текста при обращении к прецедентному феномену.

Категорию «Качество» представляют прецедентные феномены всех видов – прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные имена.

1. Прецедентные тексты.

Пылесос Dyson DS15 Ball Animal Vacuum. *«Most vacuums are as agile as an elephant in a tree. This one's built on a ballpoint pivot, giving it catlike legerity around furniture and in corners. That's not why it made this year's list though. It's here because it sucks like post-1983 George Lucas movies and – thanks to a unique miniturbine in the extension wand – will gobble pet hair of drapes and upholstery. Don't get us wrong: you'll still hate vacuuming – you'll just hate it less»* [Men's Health 2005, Dec.].

В данном рекламном тексте наблюдается отсылка к совокупности прецедентных текстов – фильмам Джорджа Лукаса. Фильмы этого режиссера фактически осуществили революцию в кинематографе и стали культовыми для целого поколения. Сравнение мощности всасывания пылесоса с захватывающим эффектом от просмотра фильмов Джорджа Лукаса подчеркивает качество работы этого пылесоса. Данная фраза также рассчитана на припоминание положительного психологического настроения, который был у читателей этого рекламного текста во время просмотра фильмов, запуск положительных ассоциаций. Подчеркивание качества товара происходит с использованием стилистического приема сравнения.

Проектор OPTOMA HD72 DLP Projector. *«Finally, an affordable – and portable – way to be part of the HDTV revolution. Optoma's surprisingly light (7 pounds) high-definition projector delivers remarkably crisp and colorful images that can be blown up to 100 inches or more. The Yankees or*

Halo will never seem the same again» [Rolling Stone 2006, 13-27 Jul.].

В рекламе проектора используются прецедентное имя – название Нью-Йоркской бейсбольной команды *the Yankees* и символ прецедентного текста – название компьютерной игры *Halo*. Данные прецедентные феномены функционируют в рекламном тексте денотативно. Компьютерная игра «Halo: Combat Evolved» после своего появления в 2001 г. стала блокбастером и, по мнению многих геймеров, является одной из лучших компьютерных игр. Бейсбольная команда «the Yankees» известна в США своим высоким профессионализмом и великолепной игрой. Таким образом, как у прецедентного имени, так и у прецедентного текста актуализируется один дифференциальный признак – «высокое качество». Фразой «The Yankees» и «Halo» никогда уже не будут прежними» имплицитно то, что на таком проекторе, как OPTOMA HD72 DLP Projector, игры лучшей команды в США и захватывающая компьютерная игра станут еще лучше, что подчеркивает качество рекламируемого товара. Механизм, использующийся в данном рекламном тексте для акцентирования качества товара – денотативное употребление прецедентных феноменов с переносом дифференциальных признаков на товар.

BMW 5 серии: *«Автомобиль 2003 года в России»* Издательский дом Автопанорама. *«Лучший новый автомобиль класса «люкс» Ассоциация автомобильных журналов Канады. «Лучший автомобиль 2004 года» в бизнес-классе»* Auto, Motor and Sport, Германия. *«Автомобиль 2004 года»* Auto Magazine, Великобритания. *«Лучший представительский автомобиль 2004 года»* Autocar Magazine, Новая Зеландия [Maxim 2004, № 10].

В рекламе BMW используются символы прецедентных текстов – названия авторитетных российских и зарубежных автомобильных журналов, по чьим оценкам рекламируемый автомобиль является высококачественным. В основе акцентирования качества автомобиля лежит механизм свидетельства авторитета. Данный прием является единственным, позволяющим прямо заявить о высоком качестве товара без ущерба для рекламного текста, поскольку он добавляет весомости и объективности позиционированию товара как качественного. Имплицитное воздействие, которое осуществляют указанные прецедентные тексты, может быть следующим: «Авторитетные журналы отличаются объективностью мнения и жесткими критериями оценки. Их отзывы заслуживают внимания».

Камера FlashCam. *«Представьте... каждый кадр – как в кино. Это начало новой эры в истории видеосъемки. Это FlashCam – новейшая серия цифровых камер, записывающих видео на встроенную flash-память или карты*

памяти SD/MMC. *Флагманская модель серии, HMX-10, поддерживает съемку в стандарте HD-видео высокого разрешения (до 1,5 часов HD-видео)...*. Изображение на экране камеры «*HD-разрешение. Сверхчеткое изображение. Компактный и лаконичный дизайн*» стилизовано под текст, который появляется в начале каждого фильма «*Звездные войны*» [Men's Health 2007, № 12].

Невербальное прецедентное высказывание осуществляет отсылку к прецедентному тексту – фильму Джорджа Лукаса «Звездные войны». В данном случае связь между текстом рекламы и невербальным прецедентным феноменом является опосредованной. Под этим типом связи мы понимаем отношения частично перекрывания друг другом иконической и вербальной частей рекламного текста. Прецедентный феномен «привязан» к определенному лексико-семантическому (слово, словосочетание) или семантическому компоненту вербального текста. В рекламном тексте этим компонентом является фраза «Представьте... каждый кадр – как в кино». Подразумевается, что фильмы, снятые при помощи этой камеры, по качеству будут сопоставимы с фильмом «Звездные войны». Дифференциальный признак прецедентного текста «Звездные войны» – «качественный фильм», переносится на товар, что является механизмом акцентирования качества последнего.

2. Прецедентные ситуации.

Автомобильная магнитола Kenwood KTC-HR100 HD Radio Tuner. «*Car Audio system. The first high-definition receiver of its kind boosts FM and AM HD radio signals to near-CD quality. Listen to Rush Limbaugh and you can almost taste the OxyContin! Pick from a stable of compatible Kenwood head units, such as the 5025, which comes with 50-watt, four-channel speaker power, and add Sirius Satellite compatibility and removable faceplates to your quiver of options*» [www.maximonline.com].

В рекламе данной автомобильной магнитолы используются прецедентное имя *Раш Лимбо* (функционирующее денотативно), которое актуализирует прецедентную ситуацию. Раш Хадсон Лимбо – популярный радиоведущий и политический комментатор, выступающий со своим радишоу «The Rush Limbaugh Show». В 2001 году слушатели его шоу заметили изменения в речевом поведении ведущего. Раш заявил позднее, что причиной этого стала частичная потеря слуха. После нескольких операций слух восстановился, однако некоторые врачи считали, что потеря слуха была вызвана чрезмерным употреблением опиоидов, в частности препарата OxyContin. В октябре 2003 года Раш Лимбо был привлечен к судебной ответственности за нелегальное приобретение OxyContin. Таким образом, в рекламном тексте наблюдается отсылка к прецедентной ситуации – постоянное

употребление Рашем Лимбо препарата OxyContin. Фраза «*послушайте Раша Лимбо, и вы почти почувствуете вкус OxyContin*» подразумевает высокую реалистичность звука, что является критерием качества автомагнитолы. Однако у данной прецедентной ситуации не действуют какие-либо дифференциальные признаки, необходимые для формирования смысла рекламного текста, т.е. такое употребление прецедентной ситуации акцентирует качество звука автомагнитолы только формально.

Видеотелефон Auvi PHIP 100. «*This futuristic-looking model from St. Louis-based Auvi is proof that the sci-fi staple of videophone technology is finally becoming a reality. The Auvi's built-in 1.4-megapixel webcam shoots at up to 30 frames per second, which allows for impressive video quality – far better than the choppy images you're used to seeing of Anderson Cooper reporting from the latest ratings-boosting disaster zone*» [www.details.com].

Андерсон Хейз Купер – репортер канала CNN, чьей специализацией являются репортажи из горячих точек или с мест чрезвычайных происшествий. Данное прецедентное имя актуализирует прецедентную ситуацию – репортаж Андерсона Купера из той или иной зоны бедствия, картинка которого имеет соответствующее качество. Данная прецедентная ситуация имеет дифференциальный признак – «качество изображения», обладающий отрицательными коннотациями (плохое качество – изображение нестабильно, возникают помехи). В данном рекламном тексте качество рекламируемого товара акцентируется с использованием механизма создания положительного образа путем сравнения его с отрицательным образом – качеством изображения этого видеотелефона намного лучше, чем плохое качество изображения в репортажах Андерсона Купера.

Камера Canon EOS 300D. «*Камерная музыка. Счастливые обладатели цифровой зеркальной камеры EOS 300D производства компании Canon теперь могут стать еще счастливее. Уже начат выпуск новой усовершенствованной модели EOS 350D с разрешением 8,0 пикселей и скоростью непрерывной съемки 3 кадра в секунду. Камера стала еще легче, компактнее и удобнее в обращении. Например, отпечатки самого высокого качества ты сможешь получить без использования компьютера. Достаточно подсоединить камеру к фотопринтеру с помощью прилагаемого USB-кабеля – и готово! К слову, камеры Canon серии EOS предпочли свыше 70% фотографов-профессионалов на Олимпиаде-2004 в Афинах*». [Maxim 2005, №4].

В прецедентной ситуации *Олимпиада-2004 в Афинах* актуализируется следующий дифференциальный признак – «высокое качество во всем – от организации этого события до профессионального уровня его участников». Дан-

ный дифференциальный признак переносится и на рекламируемый товар – съемка такого события может производиться только при использовании высококачественной техники. Перенос дифференциального признака прецедентной ситуации на товар является механизмом акцентирования качества товара.

Sound-система Microlab Hi-Fi. «*Ты никогда не видел «Битлов» вживую. Ты никогда не водил болид «Формула-1». Ты никогда не видел шторм в океане. Ну и что? Зато ты можешь все это услышать! Microlab V3650*» [AudioVideo 2007, № 1].

Прецедентное имя *Биттлз* и прецедентная ситуация *гонки Формула-1* выступают в коллективном сознании россиян как показатели высокого качества музыки и спортивных соревнований соответственно. Тот факт, что слушая эту систему, вы получите эффект присутствия на концерте Биттлз и на стадионе Формула-1, говорит о высоком качестве звука. Поскольку критерием качества аудиосистемы является качество ее звука, мы выделяем категорию «Качество» как основную. Механизм, лежащий в основе акцентирования качества товара можно обозначить как перенос дифференциального признака «качество» на товар.

3. Прецедентные высказывания.

Навигационная система *Magellan*. «*All GPS are not created equal. Once again, the first name in navigation is also the first in innovation. Introducing the new Magellan Maestro 4250, the thinnest, most feature-rich vehicle navigation system available. It's the only portable GPS in the US or Canada that offers voice command and control. The only GPS in its price range that offers integrated live traffic functionality. The Magellan Maestro 4250 is the perfect holiday gift for the people on the go*». [Businessweek 2007, 19 Nov.].

Прецедентное высказывание «не все навигационные системы созданы одинаково» является квазичитатой из Декларации Независимости США: «We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty, and the pursuit of Happiness». Очевидно, что в данном рекламном тексте актуализировано только поверхностное значение прецедентного высказывания, имплицитный смысл которого можно выразить следующим образом – «наши навигационные системы не такие, как все остальные, они – лучше», что подчеркивает их более высокое качество. Механизмом акцентирования качества товара является использование прецедентного высказывания в его поверхностном значении.

Philips HD Flat TV with Ambilight. «*Simplicity is a button that transforms television. Philips HD Flat TV with Ambilight. The built-in Ambilight creates a unique halo of light around the screen that changes color with whatever you are watch-*

ing. Seeing is believing, – it transforms your viewing experience. Switch the Ambilight on, switch your senses on and switch the rest of the world off» [Premiere 2006, Nr 12].

Пословица *seeing is believing* (которая соответствует русской пословице «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать») подчеркивает высокую реалистичность изображения телевизора. В данном случае задействуется глубинный смысл прецедентного высказывания, так как у пословиц достаточно трудно проследить авторство или прецедентный текст: «смотреть фильмы на этом телевизоре – значит поверить в реалистичность происходящего на экране». Механизмом акцентирования качества телевизора является использование глубинного смысла прецедентного высказывания.

Кондиционер LG Art Cool. «*Погода в доме. Так приятно после длинного и напряженного рабочего дня окунуться в прохладу тенистого леса, вдохнуть чистейшего воздуха и почувствовать, как ваше тело благодарно расслабляется. А теперь представьте, что всю эту красоту вы сможете не только ощутить, но и увидеть в собственном доме благодаря уникальному кондиционеру Art Cool от компании LG, сменные панели которого украшают репродукции известных полотен*» [Elle 2005, № 8].

Прецедентное высказывание *Погода в доме* является символом прецедентного текста – песни Ларисы Долиной «Погода в доме». В песне можно наблюдать игру слов – погода означает и состояние природы, и атмосферу в семье. Благодаря использованию этой двойственности смыслов, прецедентный текст может акцентировать не только свойство товара, но и выгоду, которую получит потребитель от приобретения товара: «Реклама не должна раздувать качества товара и не должна его просто демонстрировать. Необходимо рекламировать какую-то специфическую пользу этого товара потребителю» (Кафтанджиев 2004: 40). Иными словами, кроме свойств товара необходимо рекламировать конкретную выгоду, которую этот товар принесет потребителю.

Качество товара подчеркивается путем интерпретации смысла прецедентного высказывания в контексте рекламного сообщения: «работа этого кондиционера настолько качественна, что он способен создавать погоду у Вас дома». При этом задействуется первое значение слова *погода* – состояние природы, и прецедентное высказывание выступает в своем поверхностном значении. Рассматривая прецедентные высказывания в системном аспекте, И. В. Захаренко выделяет три уровня смысла прецедентных высказываний: «1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания; 2) глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представ-

ляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру; 3) системный смысл, представляющий собой "сумму" глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций» (Захаренко 1997: 95). Однако если рассматривать прецедентное высказывание как символ прецедентного текста, оно актуализирует в сознании потребителя дифференциальный признак «атмосфера в семье». Выгодой потребителя будет следующее: «этот кондиционер создаст благоприятную атмосферу у Вас дома». В данном рекламном тексте при акцентировании качества товара используется механизм актуализации поверхностного смысла прецедентного высказывания, причем дифференциальные признаки прецедентного текста в данном случае оказываются незадействованными. Акцентирование выгоды, получаемой потребителем от приобретения товара, происходит при помощи апелляции к дифференциальному признаку прецедентного текста.

Пылесос De'Longhi Aqualand WF 1500 E. *«Гений чистоты. Пылесос De'Longhi Aqualand WF 1500 E. Техника, которая знает, что делает. Некоторые вещи умнее других. Например, стильный пылесос De'Longhi Aqualand WF 1500E от ДеЛонги, который не только чистит ковер и пол, но – внимание! – очищает воздух с помощью двух HEPA-фильтров, применяемых в современных очистителях воздуха. При необходимости он соберет даже разлитую воду. Экологично и быстро. Всем бы так работать»* [Men's Health 2003, № 03].

Прецедентное высказывание, квазицитата *гений чистоты* создает ассоциативную связь со стихотворением А. С. Пушкина «К***» (1825), а более конкретно – с последними строчками первого четверостишия: «...Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты». На наш взгляд, благодаря актуализации в сознании адресата инварианта восприятия прецедентного текста, данное прецедентное высказывание способно акцентировать несколько свойств товара – высокотехнологичность (гений), качество работы (чистой красоты) и дизайн (красоты). Такое предположение нам позволяет сделать и контекстуальное окружение данного прецедентного высказывания: высокотехнологичность («Техника, которая знает, что делает. Некоторые вещи умнее других»), дизайн («стильный пылесос»). Вывод о качестве работы данного пылесоса позволяет сделать сама квазицитата *гений чистоты*, причем при акцентировании данного свойства товара апелляция к прецедентному тексту не является существенной, и механизм акцентирования качества работы товара можно определить как апелляцию к поверхностному смыслу прецедентного фе-

номена. Ассоциативная связь с прецедентным текстом является средством создания экспрессивности, когда имплицитно, что уборка при помощи этого пылесоса позволит Вам создать не только физическую чистоту Вашего дома, но и духовную атмосферу чистоты в нем.

4. Прецедентные имена.

BMW M6. *«Which way to the Autobahn? Slide into the driver's seat of the BMW M6, glance at the speedometer topping out at 200 mph, and you'll be looking for some open road. Its design is perhaps the least daring of BMW's recent models. The M6 cuts as sensible a figure as a banker's blue suit from Savile Row. Like the best of Bimmers, it's more athletic than muscled»*. [Businessweek 2006 11 Sept.].

Savile Row – улица в Лондоне, известная расположенными на ней высококлассными ателье по пошиву мужской одежды, в которых одевались Уинстон Черчилль, Лорд Нельсон и Наполеон III. Кельвин Кляйн, Том Форд и Ральф Лорен черпали свое вдохновение из коллекций одежды, создаваемых в ателье на этой улице. В данном рекламном тексте фраза «M6 производит такое же впечатление строгости, как синий костюм банкира с Савиль Роу», в которой используется механизм сравнения, подчеркивает его дизайн. Однако прецедентное имя *Savile Row* также обладает устойчивым дифференциальным признаком «высокое качество», который в рассматриваемом рекламном тексте переносится на товар. Таким образом, в рекламном тексте при использовании одного прецедентного феномена подчеркиваются два свойства товара и актуализируются два механизма их акцентирования.

Фотоаппарат Sony Cyber-Shot DSC-T10. *«Michelle Wie is known for making extraordinary shots, and now for taking them. Inspiration for a sixteen-year-old golf phenom can be found everywhere from the golf course to the beach. That's why Michelle pockets her Sony Cyber-Shot DSC-T10 camera anytime she and her friends get together. Using features like Super Steady Shot optical image stabilization, she can capture clear, crisp pictures, even in low-light situations. So she keeps the mood without a blast from her flash. Perfect for a pro used to getting the shot she wants»* [Rolling Stone 2006, 19 Oct.]. На фото: Мишель Ви с фотоаппаратом в руках.

Мишель Ви – 16-летняя спортсменка, профессионально занимающаяся гольфом, участница многих крупных соревнований. В 2006 году журнал «Тайм» включил ее в список «ста людей, которые создают наш мир». В рекламном тексте используется полисемия слова «shot» – 1. Удар (в спорте); 2. Фотоснимок. Используя данную полисемию и механизм скрытого сравнения («снимки Мишель Ви такие же качественные, как и ее удары клюшкой для гольфа»), рекламодатель акцентирует качество снимков камеры. В данном случае наблюдается меха-

низм ссылки на известную личность, а в иконическом компоненте рекламного текста – фото Мишель Ви – используется механизм свидетельства известной личности.

Саунд-система Magnepan: «Обычные колонки – это как поверхностное знакомство, знакомство на уровне «Как вас зовут?» А «Магнепаны» – это когда начинаешь понимать, что за человек перед тобой...». *Илья Лагутенко* [Салон AudioVideo 2006, № 4].

В данном рекламном тексте музыкальный исполнитель Илья Лагутенко свидетельствует в пользу рекламируемой саунд-системы. Лагутенко известен как серьезный рок-музыкант, чье мнение обладает определенной весомостью. Несмотря на то, что он не говорит о качестве товара прямо, только один его положительный отзыв о рекламируемом товаре будет свидетельством качества последнего. Качество товара акцентируется с использованием механизма свидетельства авторитета, где прецедентное имя функционирует денотативно.

Домашний кинотеатр WEGA Theatre. «Новое имя большого кино. Для того, чтобы насладиться Большим Кино, не надо ехать в Голливуд. Специально для Вас компания Sony создала Домашний кинотеатр WEGA Theatre, в котором собрала воедино все свои лучшие технологии в сфере развлечений» [Men's Health 2003, № 12].

Прецедентное имя *Голливуд* является символом не только американской киноиндустрии, но и киноиндустрии вообще и обладает дифференциальным признаком – высокое качество фильмов, снятых на его студиях. В данном рекламном тексте качество изображения телевизора подчеркивается при использовании механизма переноса дифференциального признака прецедентного феномена «высокое качество фильмов» на товар: «с этим телевизором Вы окажетесь в мире качественных фильмов, и Вам не нужно ехать в Голливуд».

Прецедентные феномены обладают способностью воздействовать на потребителя, актуализируя в его сознании комплекс знаний и представлений, обладающих коннотативной окрашенностью и оценочностью. Использование прецедентных феноменов существенно усиливает эффект воздействия, так как позволяет имплицитно сообщить адресату информацию, которая по тем или иным причинам является нежелательной в тексте. Это относится, прежде всего, к введению информации о высоком качестве товара. Однако акцентирование качества товара при апелляции к инварианту восприятия прецедентного феномена осуществляется не во всех случаях, часто прецедентный феномен является средством создания экспрессивности, игрой слов или каламбуром. При этом дифференциальные признаки прецедентного феномена и инвариант его восприятия могут акцентировать другие качества реклами-

руемого товара или уникальное торговое предложение. Наряду с акцентированием одного свойства рекламируемого товара прецедентный феномен может подчеркивать несколько свойств. Указанная особенность обусловлена чрезвычайной емкостью прецедентных феноменов, их способностью к компрессии большого количества информации, которая выражается в дифференциальных признаках.

В результате данного исследования нам удалось выделить следующие механизмы акцентирования качества товара в российской и американской рекламе бытовой техники и автомобилей:

- Сравнение с переносом дифференциальных признаков прецедентного феномена на товар;
- Свидетельство авторитета;
- Ссылка на известную личность или свидетельство известной личности;
- Создание положительного образа товара путем актуализации отрицательных дифференциальных признаков прецедентного феномена;
- Перенос дифференциальных признаков прецедентного феномена на товар;
- Использование поверхностного значения прецедентного феномена (прецедентного высказывания), игра слов;
- Использование глубинного смысла прецедентного феномена (прецедентного высказывания);
- Использование системного смысла прецедентного феномена (прецедентного высказывания);
- Формальное функционирование прецедентного феномена.

Процентное соотношение прецедентных феноменов, акцентирующих качество товара, позволяет говорить о различном подходе к выбору товара у представителей двух лингвокультурных сообществ. Очевидно, что в России, где почти все автомобили и бытовая техника зарубежного производства, качество этих товаров не подвергается сомнению. У россиян до сих пор существует стереотип о более высоком качестве товаров, производимых за границей. Американцы же выделяют качество как важный дифференцирующий признак товара, будучи более осторожными и внимательными при его приобретении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Е. Е. Тактика имплицитного сопоставления в рекламном дискурсе США // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 175-179.
2. Воробьева О. И. Реклама как текст: прагматический и экспрессивный аспект. – www.filologdirect.narod.ru.
3. Денисон Д. Учебник по рекламе. – <http://e2000.kyiv.org>.
4. Захаренко И. В. Прецедентные имена и прецедентные высказывания как символы прецедент-

ных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып.1. – С. 95.

5. Илюшкина М. Прецедентные феномены в печатной рекламе // Проект Ахей. – 2004. – <http://mmj.ru>.

6. Кара-Мурза Е. С. Дивный новый мир современной рекламы: социокультурный, стилистический и культурно-речевой аспекты. – <http://www.gramota.ru>.

7. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. – М.: Эксмо, 2004. – 237 с.

8. Котов А. А. Теоретические основы для создания инвентаря речевых средств воздействия. – anti-glob.narod.ru/konf.htm.

9. Ксензенко О. А. Прагматические особенности рекламных текстов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. – М. Изд-во МГУ, 2003. evartist.narod.ru.

10. Кушнерук С. Л. Имена, которые открывают кошельки: мир кино в российской и американской рекламе // Политическая лингвистика ; Урал. гос. пед. ун-т / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 22. – С. 116-120.

11. Кушнерук С. Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 198-204.

12. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2007. – 384 с.

13. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 280 с.

14. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. – www.Dialog-21.ru.

15. Попова Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

16. Постнова Т. Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 106-115.

17. Прохорова Л. П. Интертекстуальность в рекламном дискурсе // Вопросы филологии. – 2006. – № 1. – С. 44-47.

18. Рекламная деятельность. Учебник для ВУЗов / под. ред. Ф. Г. Панкратова. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

19. Родина О. В. Прагматические пресуппозиции как фактор эффективности воздействия рекламного текста // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 4. – С. 108-118.

20. Сорокин Ю. А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Н. П. Вольская // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: «Филология», 1998. – Вып. 4. – С. 5-34.

21. Степанов В. Н. Реклама – двигатель ... о лингвистической природе эффекта речевого воздействия в текстах телерекламы. – uspu.uar.ru.

© Чащина С. С., 2008

РАЗДЕЛ 3. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ В СЕРЕДИНЕ ХХ ВЕКА

В американской науке термин «советология» (sovietology) получил широкое распространение в середине прошлого века для обозначения научного направления, посвященного изучению политики, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза [Малиа 1997]. В комплексе советологических направлений важное место занимает лингвистическая советология, которая изучает языковую политику в СССР, особенности советского тоталитарного дискурса, функционирование, взаимодействие и эволюцию языков народов Советского Союза и прежде всего русского языка в его официальном и диссидентском вариантах [Будаев, Чудинов 2007].

В настоящем разделе представлены две статьи, подготовленные американскими советологами в разгар холодной войны. В отличие от предыдущих выпусков нашего журнала, где публиковалась именно «классика» политической лингвистики, в этом выпуске опубликованы статьи не столько лучшие, сколько типичные для соответствующего этапа развития советологии. На этих публикациях легко обнаружить знаки искренней враждебности к Советскому Союзу. Вместе с тем легко заметить, что авторы хорошо знакомы с реальным положением дел в нашей стране, оперируют значительным фактическим материалом, хотя их общие выводы не отличаются значительной новизной или оригинальностью. Обе эти статьи переведены на русский язык и публикуются в данном сборнике прежде всего потому, что это поможет современным читателям лучше понять характер взаимоотношений двух ведущих мировых держав в середине прошлого века и тот этап, на котором находилась в те годы советология. Представляется, что именно о такой советологии Президент России сказал, что ее нужно «упразднить», поскольку она была чрезмерно политизирована и служила «инструментом, чтобы нанести друг другу как можно больше ударов, уколов и всяческого вреда» (официальный сайт Президента России www.kremlin.ru).

Отметим, что авторы предлагаемых публикаций широко известны в США и считались ведущими специалистами по Советскому Союзу. Профессор Фредерик Баргхорн после Второй мировой войны работал пресс-атташе в американском посольстве в Москве, а поэтому хорошо знал советскую реальность и взаимоотношения между Соединенными Штатами и Росси-

ей. С 1949 по 1951 гг. он возглавлял федеральный исследовательский проект по интервьюированию иммигрантов из СССР (так называемый «Гарвардский проект»), а в нач. 60-х гг. несколько раз приезжал в СССР, собирал в архивах материалы для книги «Советская иностранная пропаганда». В 1963 г. Ф. Баргхорн был арестован КГБ и освобожден по личной апелляции президента Дж. Кеннеди. Именно с тех пор Госдепартамент США запретил многим специалистам-советологам ездить в СССР.

С 1947 г. Ф. Баргхорн преподавал советологию в знаменитом Йельском университете, работал в Чикагском и Колумбийском университетах, а данная статья по своим жанровым особенностям во многом напоминает, с одной стороны, университетскую лекцию для первокурсников, а с другой – статью в популярной газете. Это исследование было опубликовано в 1954 году в журнале «The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science» [Barghoorn 1954]. Удивляет не тот факт, что Ф. Баргхорн видит множество недостатков в советской пропаганде и советском обществе, а то, что автор вообще не нашел в нашей стране чего-либо поучительного. В его представлении все коммунисты – это сознательные обманщики.

Профессор Эрнест Дж. Симмонс в середине прошлого века работал в Корнеллском, Гарвардском и Колумбийском университетах. Он считается инициатором изучения советской и русской литературы в США, является автором многих работ о русских и советских писателях. Особое внимание Э. Симмонс уделял влиянию идеологии на литературу. Профессор Э. Симмонс тоже бывал в СССР, но в отличие от Ф. Баргхорна показания он давал уже в США, в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая подозревала многих советологов, побывавших в СССР с научными командировками, в симпатиях к коммунистическому режиму.

Представленная в настоящем издании статья была впервые опубликована в сборнике, посвященном исследованию советского общества [Simmons 1961]. Публикации Э. Симмонса носят вполне академический характер, исследователь, несомненно, хорошо знаком с литературными текстами, о которых он пишет, и с биографиями ведущих советских писателей. Однако американский профессор не в полной мере представляет советские реальности, а предложенная им схема развития советской литературы чрезмерно прямолинейна. При всем этом он заслуженно считался лучшим в США специалистом по советской литературе.

Обе представляемые статьи вполне типичны для советологии середины прошлого века и знакомство с ними поможет лучше понять историю развития американской науки о политическом дискурсе Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. – 1997. – № 5.

Путин В. Выступление в Колумбийском университете 26.09.2003. Режим доступа: www.kremlin.ru.

Barghoorn F. The Soviet Image of the United States: A Deliberately Distorted Image // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1954. Vol. 295 (42).

Simmons E. Political Controls and Soviet Literature // Soviet Society: A Book of Readings. Boston: Houghton Mifflin, 1961.

© Будаев Э. В., 2008

Баргхорн Ф. К.

Коннектикут, США

Перевод: Полякова И. С.

**СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ:
ПРЕДНАМЕРЕННОЕ ИСКАЖЕНИЕ**

Эта статья посвящена официально одобренному Кремлем и Кремлем же созданному советскому образу Соединенных Штатов. Так как я не верю в то, что советская пропаганда является непобедимой, а советская мораль – неуязвимой, я хочу, прежде всего, сказать несколько слов об отношении к США обычного советского человека. Можно предположить, что тоталитарное государство боится своих подданных – наличие секретной полицейской машины является достаточным основанием для такого предположения. Оно боится своих подданных, потому что правит страной в большой степени с помощью террора и обмана, а такие методы вызывают недовольство. Я уверен, что в лучшем случае часть недовольства внутри Советского Союза происходит благодаря тому, что Америка выступает как главный источник и символ сопротивления кремлевской власти. Вдобавок, существует стойкая традиция дружбы с Америкой среди украинцев, грузин, русских и других народов, живущих под властью кремлевского режима. Одним из самых важных направлений советской политики начиная с 1945 года было стремление уничтожить эту традицию. Насколько я могу судить, эти усилия разжечь ненависть не были столь успешны, как мог бы ожидать человек, верящий в абсолютную способность тоталитарного режима формировать общественное мнение. Однако время, несомненно, будет на стороне Кремля, если не появятся другие силы как внутри советского общества, так и вне его. Чтобы сделать эти силы максимально эффективными, мы должны знать, что Кремль говорит своим подданным. Даже краткое изучение советской пропаганды требует разработки теоретической базы, на ос-

новании которой должны пониматься все заявления, символы и темы¹. Среди элементов, из которых складывается советская пропаганда, необходимо выделить, прежде всего, идеологию, холодный расчет и циничную демагогию. В Советском Союзе марксистско-ленинская доктрина в значительной степени превратилась из утопии в идеологию в том смысле этих терминов, как их использует Карл Мангейм в своей классической работе «Идеология и утопия». Однако, по моему мнению, сказанное относится в большей степени к внутренней, чем к внешней политике Кремля. Советы выработали общественную систему, которую можно охарактеризовать с помощью термина «государственно-монополистический капитализм». Новая элита использует марксизм-ленинизм как средство оправдания своей власти. Сложности в сохранении цельности советской доктрины, возникающие в результате несовпадения положений марксистского учения с реальной жизнью весьма значительны. Тем не менее, возможно, что они не так велики во внешней политике, как во внутренней. Вполне очевидно, что советская элита заинтересована в том, чтобы убедить самих себя и заставить верить своих подданных, что в СССР существует «социализм».

Еще больше они заинтересованы в том, чтобы закрепить мнение о «капиталистическом» мире как о недоброжелательной, агрессивной и одновременно нестабильной и разрушительной силе – такой, какой ее видели или представляли себе Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Сомнения, порожденные реальной жизнью в стране, компенсируются, вуалируются или погашаются привилегиями, пропагандой и полицейскими методами. Этот политический арсенал в совокупности с очень важным и сложным механизмом, общеизвестным как «железный занавес», используется для предотвращения иностранного влияния, направленного на подрыв единства между реальностью, обозначенной в доктрине, и реальностью, провозглашенной кремлевской пропагандой.

Требуется немало холодного расчета для осуществления упомянутого выше процесса. Маркс призывал своих учеников изменить мир. Советские правители стремятся реорганизовать его в соответствии с советской моделью. Но они должны принимать во внимание силы, противостоящие реорганизации, а также людей,

¹ Литература по советской идеологии и пропаганде, которая еще недавно была немногочисленной, сегодня стала настолько объемна, что невозможно составить достаточно представительный список для данной работы. Однако среди авторов, внесших значительный вклад в разработку этой темы, следует упомянуть хотя бы следующих: Раймонд А. Бауэр, Вальдемар Гуриан, Алекс Инкелес, Джордж Кеннан, Натан Лейтес, Джордж А. Морган, Баррингтон Мор младший, Итиел дэ Сола Пул и Сергиус Якобсон. Ряд кратких, но весьма полезных статей о различных аспектах советской пропаганды содержатся в сборнике, недавно изданном издательством «The Johns Hopkins University Press» под названием «The threat of Soviet Imperialism» (Baltimore, 1954).

не желающих «перевоспитываться» в соответствии с моделью «нового советского человека». Вся история большевизма демонстрирует необыкновенную ловкость, хладнокровие и настойчивость в осуществлении расчетов власти на «изменение мира» и одновременно на выживание и рост во враждебном окружении. Как отмечает Г. Морган, «Ленин и его последователи были не романтичными а, скорее, прагматичными фанатиками»².

Мы кратко остановились на «идеологических» и «рациональных» факторах, лежащих в основе советского поведения, включая поведение в области пропаганды. «Демагогический» или «манипулирующий» элемент в советской пропаганде приобретает необычайно своеобразные формы. В советской пропаганде необычайно высока роль обмана или, как его называют некоторые авторы, «преднамеренной дезинформации». В работах Ленина содержится немало призывов к большевикам «использовать» временных союзников, которые подлежат устранению или, при необходимости, уничтожению после того, как они сыграют свою роль. Социальные классы и национальные движения, включающие десятки тысяч и даже миллионов человек, были использованы таким образом, а затем ассимилированы, подавлены или даже «ликвидированы» в соответствии с ленинским лозунгом. Однако большевистский вариант пропагандистской демагогии не является обманом в обычном понимании смысла этого слова. Такая политика становится особенно опасной, так как доктрина и практическая деятельность большевизма оправдывают и превозносят наиболее утонченные формы искажения и обмана как высокоморальные поступки. Цели оправдывают средства. Недостойные средства могут рассматриваться в качестве инструмента для решения «временной» ситуации. Можно заметить, что в рамках данной доктрины эти недостойные средства являются «саморазрушительными», так как они ассоциируются с обществом и типом общественных институтов, которые неизбежно обречены на исчезновение.

ПРЕИМУЩЕСТВА И МАСТЕРСТВО СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Эти элементы, вероятно, не являются исключительно большевистскими. Уникальными являются их особые формы, комбинации, соотношения и объемы. Очень важно понять, что монополия на использование технологий медийной пропаганды в советской системе принадлежит немногочисленной группе людей. Тип организации, которым они располагают, предоставляет им огромные преимущества. В очень высокой степени он дает им мировую инициативу в политике и пропаганде. Внутри

страны они могут проводить политику максимальной интеграции, в то время как их внешняя политика может быть направлена на абсолютную дезинтеграцию. Конечно, это монопольное положение, вытекающее из политической и экономической монополии советской элиты, имеет ряд соответствующих недостатков. Кремль, даже в большей степени, чем верхние эшелоны элиты вообще, вынужден бороться за то, чтобы предотвратить отделение и изоляцию от реальности. До сих пор Кремлю удавалось решить эту проблему с удивительным успехом. Он выработал политическую, экономическую, военную и психологическую политику, которая сочетает исключительную стабильность целей с высокой гибкостью методов. Методы, с помощью которых был достигнут такой результат, известны недостаточно хорошо и не могут быть описаны и проанализированы в данной статье, но одной составляющей этих методов является, безусловно, повышенное внимание советских правителей к проблемам информации и разведки.

Лозунг для каждого периода

Твердо придерживаясь главной цели – поддержания и расширения зоны прямого административного советского управления и усиления щупальцев, которые протянулись в несоветские страны, Кремль принимает «генеральную линию» для каждого исторического периода, и, в определенной степени, для каждой политической ситуации и для каждого географического и культурного региона. Баланс конфликтующих интересов достигается на основе обширной информации и с помощью «коллективного» или «коллективного» метода принятия решений на самом верху. Мы знаем об этом процессе гораздо меньше, чем нам хотелось бы знать, но удивительно, что для каждой исторической ситуации существуют свои темы и даже лозунги. Конечно, они подвергаются изменениям без предупреждения.

Во время второй мировой войны значительная часть советской политики сводилась к часто повторяемому лозунгу «все для фронта». По окончании войны два других лозунга приобрели особое значение. Одним из них был лозунг «морального и политического поражения фашизма», который служил оправданием политики приведения «демократических» сил к управлению везде, где действовала советская военная и полицейская власть. С этим было также тесно связано обеспокоившее проницательных иностранных обозревателей в Москве в 1944 и 1945 годах требование усиления «военно-экономической мощи Советского Союза». Эти лозунги отражали понимание Кремлем того, что период равнения международных сил на «англо-советско-американскую коалицию» подходил к концу. Я уже писал об этом периоде и о ранних стадиях холодной войны в других рабо-

² The threat of Soviet Imperialism, p. 28.

тах, и поэтому не буду даже пытаться кратко охарактеризовать их в этой статье³.

«Доктрина Трумэна», план Маршалла и нервное напряжение, связанное с блокадой Берлина и корейской войной – все эти события принадлежали следующему периоду, описанному покойным Андреем Ждановым в его речи в честь основания Коминформа как борьба «двух лагерей». Конечно, наиболее важным событием этого периода была первая попытка мирового коммунизма распространить свое влияние с помощью военной силы в прямом столкновении с Соединенными Штатами. Я твердо убежден в том, что корейская война была крупной ошибкой Кремля. Основным последствием этой ошибки в исключительно сложной системе отношений был не столько вызов сопротивления со стороны Америки, сколько два других фактора: угроза и впечатляющая экономическая и военная мобилизация Соединенных Штатов и, что еще важнее, общее чувство тревоги и решимости Запада сопротивляться советской коммунистической агрессии. Здесь, конечно, не место для того, чтобы попытаться ответить на вопрос, почему коммунисты сделали этот конкретный шаг. Этому, вероятно, в большой мере способствовала победа коммунизма в Китае. Очевидная неспособность Запада справиться с этим бедствием, возможно, вызвала чувство самонадеянности. В то же время, растущий оптимизм по поводу перспектив развития всего «колониального» мира, который возрастал начиная с 1945 года, также внес свой вклад. Однако поражение при Дьенбьенфу и неспособность западных держав эффективно противостоять тактике Китая и Советского Союза в Индокитае и на Женевском совещании министров иностранных дел создают угрозу того, что коммунистам удастся вернуть, возможно, даже с избытком все то, что они потеряли в Корее.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

Порожденная корейской войной атмосфера вызвала сильную обеспокоенность и напряжение в Советском Союзе. В отношении советской пропаганды можно с полной уверенностью утверждать, что иррациональные воззвания, предназначенные для обеспечения массовой поддержки внутри страны, используются особенно широко, когда режим обеспокоен возможностью международного конфликта. Вряд ли Кремль когда-либо полностью, или хотя бы частично «чувствует» те сантименты, которые он пытается вызвать у русского и других наро-

дов во время кризиса. Тем не менее, он очень убедительно манипулирует символами патриотизма и защиты отечества от иноземных угроз. Первая широкомасштабная попытка использования символов русского национализма была сделана большевиками во время войны с Польшей в 1920 году, когда советское правительство сделало известного царского генерала Брусилова председателем специальной военной конференции⁴. Обычно скрытые, элементы русского патриотизма, которыми режим мог бы манипулировать, были максимально использованы во время Второй мировой войны.

Во время корейской войны, особенно в речи ветерана-пропагандиста П. Н. Поспелова, посвященной ленинскому дню 21 января 1951 года, Соединенные Штаты и американский народ были гневно осуждены как извечные враги русского народа. Тон речи Поспелова и большинства советской пропаганды этого периода свидетельствовали о том, что Кремль планировал расширение корейского конфликта. Эта речь была полна положительных патриотических символов, таких как «Россия», и отрицательных символов типа «кровососы», «звери», «людоеды», отражающих зоологическую ненависть к Соединенным Штатам. К этому периоду относится также создание советскими и китайскими коммунистами бактериологических артиллерийских зарядов. Пропаганда корейской войны была призвана максимально мобилизовать население Советского Союза, Китая и союзных государств на возможность любых последствий этой войны. Как и вся советская пропаганда, она имела превентивный и предвосхищающий характер. Ее минимальной целью было усиление образа американского «варварства». Во-вторых, она была предназначена для того, чтобы предотвратить использование американцами авиации, атомного и бактериологического оружия против Китая. И, наконец, она оправдала бы использование Китаем или Советским Союзом супервооружений.

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ

Возможно, что начало переговоров о перемирии в Корее обозначило начало новой фазы в советской политике. Заявления на XIX съезде партии, в особенности статья Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и его прощальное обращение к иностранным коммунистам подтвердили и определили новую тактику. Сталин выразил уверенность в том, что «противоречия» между капиталистическими державами, скорее всего, приведут к войне внутри капиталистического мира, чем между этим миром и странами советского блока. Таким образом, из всего арсенала доктрин он выбрал те, которые подходили к политике данного периода.

³ Barghoorn F. The Soviet Image of the United States. – New York, 1950. По вопросу использования соответствующей «линии» для данной исторической ситуации см.: КПСС в резолюциях. – М., 1953, т. 1, с. 517. Хотя в этом источнике речь идет о начале Новой экономической политики (НЭПа) 1921 года, он выражает основное правило советского поведения, которое действует и сегодня.

⁴ Fedotoff D. White. The Growth of Red Army. – Princeton, 1944, p. 210-211.

«ОСЛАБЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ»

Однако полное развитие линии XIX съезда партии не получило своего полного воплощения до периода после смерти Сталина. Вообще говоря, кажется, что ко времени написания статьи в июне 1954 года, несмотря на многочисленные отклонения, период после смерти Сталина сформировался как самостоятельный этап в советской политике по отношению к Соединенным Штатам⁵. Сталинские последователи действовали под лозунгом всеобщей кампании за «ослабление международной напряженности». Это ключевой лозунг периода, который мы сейчас переживаем, и он направлен, конечно же, против Соединенных Штатов. Иногда исползуются и другие формулировки, например такие как «мировая кампания за переговоры»⁶. К концу этого периода Кремль стал проявлять бóльшую уверенность в своих силах и начал оказывать давление на дрогнувший Запад. Ярким подтверждением этого является тот факт, что в первомайских лозунгах 1954 года («Правда», 21 апреля 1954) отсутствовало включенное в соответствующие призывы 1953 года утверждение о том, что не существует такого вопроса, который нельзя было бы решить с помощью переговоров. В оставшейся части статьи я попытаюсь сделать краткий аналитический обзор использования в пост-сталинский период темы «переговоров» против Соединенных Штатов. Одним из первых заметных воплощений этого тезиса была передовая статья в «Правде» от 24 мая 1953 года. Этот жизненно важный документ, занявший всю первую страницу «Правды», был ответом на речь премьер-министра Черчилля в Палате Общин в поддержку переговоров между западными лидерами и новым кремлевским руководством. Поддерживая инициативу Черчилля и положительно оценивая ее по сравнению с заявлениями президента Эйзенхауэра от 16 апреля и 20 мая, эта передовая статья отвергла предложение Черчилля о новом Локарно. Понимание Черчиллем германской проблемы было неверным, так как оно предполагало последовательное расчленение Германии, а «идея Локарно» не давала гарантии безопасности соседям Германии – Франции, Бельгии, Голландии, Польше и Чехословакии. Было искусно рассчитано, что передовая статья сыграет на разногласиях Соединенных Штатов и Великобритании. Хотя в статье и критиковалась суть предложений Чер-

чилля, его призыв о встрече великих держав на высшем уровне был поддержан. Это предложение противопоставлялось «вялым попыткам установить международное понимание» других западных государств.

Упомянутая выше передовая статья содержала резкую критику англо-франко-американской конференции министров иностранных дел, которая к тому времени была уже запланирована. После того, как эта конференция состоялась, 23 июля «Правда» напечатала в своей передовице комментарий об этой конференции. Одним из главных положений этого комментария было утверждение о том, что три западных державы проведением конференции продемонстрировали попытку обязать четвертую сторону, СССР, выполнять решения, выработанные «за его спиной». В этой передовой статье и в других заявлениях, сделанных летом 1953 года, высказывается контраргумент о том, что простые люди выражают мнение о необходимости проведения настоящей четырехсторонней конференции. Это народное пожелание заставило Госсекретаря Даллеса в конце концов согласиться с проведением четырехсторонней конференции. Делая это заявление, советская пресса также выразила сомнение в том, что западные страны, ведомые Соединенными Штатами, делают все возможное для «предотвращения реального снижения международной напряженности». Из этих передовых статей и из дальнейших заявлений возникает главный элемент «крупномасштабной» советской политики. Советская кампания за переговоры является всего лишь современной версией старой, но мощной большевистской стратегии, состоящей в попытке приписать ответственность за агрессию лидерам «капиталистического» мира. Что еще более характерно, советская пропаганда пытается использовать ситуацию, создавшуюся после в конечном итоге удачных мирных переговоров по Корее, и другие факторы, связанные с постсталинским раскладом международных сил, для того, чтобы показать, что если бы Соединенные Штаты захотели проявить достаточно доброй воли и понимания, то в холодной войне не было бы необходимости. Москва пытается навязать Вашингтону роль «противника мирного процесса».

СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА
в 1953 и 1954 гг.

Советская пропаганда по всем главным международным событиям 1953 и 1954 годов до сих пор точно укладывается в описанные выше рамки. Возвращение к конференциям великих держав по типу Ялтинской и Потсдамской конференций было, конечно, тем, к чему Кремль на самом деле стремился. Они надеялись использовать такие встречи для замедления западных мероприятий оборонного характера и для вбивания клиньев между и внутри

⁵ Наблюдалось важное «ужесточение» советской политики после падения Берии, но невозможно сказать, было ли реальное различие между внешней политикой Берии и политикой его врагов.

⁶ Передовая статья «Правды» от 24 июня 1953 года содержала это выражение, но одновременно предупреждала, что использование силы против любого «национально-освободительного движения» может привести к созданию «нового очага войны».

несоветских стран. Отказ от их проведения был окрещен как «реакционная» политика, направленная на поддержание гонки вооружений и доходов капиталистов. Советская пресса, дипломатический корпус и аппарат международных организаций коммунистического фронта, особенно Всемирный Совет мира, очень активно требовали проведения конференций такого типа. Советы требовали проведения конференций великих держав, а также заключения «мирного пакта» между Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, СССР и коммунистическим Китаем даже задолго до смерти Сталина. Новым и особенно коварным после смерти Сталина было то, что произошла смена декораций, посредством которой Москва пыталась показать, что наступила бы новая эра, если бы Вашингтон проявил достаточно понимания и пошел бы на удовлетворение желаний Москвы для «ослабления международной напряженности» хотя бы наполовину.

В данной статье недостаточно места для обсуждения или даже простого перечисления многочисленных второстепенных мер, принятых Кремлем для создания впечатления о том, что их новая пропаганда идет успешно. Среди этих мер необходимо отметить возобновление дипломатических отношений с Югославией, снятие некоторых произвольных и возмутительных требований, предъявленных ранее сталинским режимом по Турции, предоставление виз советским женам нескольких американских граждан и, возможно, самый важный и эффектный жест – ряд действий, направленных на возобновление более нормальной модели культурных отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Маленков даже посвятил целый параграф культурным отношениям в своей очень важной речи 8 августа 1953 года. Характерно то, что он упрекнул Соединенные Штаты в том, что они якобы сделали невозможным приезд команды советских шахматистов в эту страну (США) и предположил, что тем самым, как и многими другими действиями, приписываемый Соединенным Штатам обструкционизм разрушал положительные и конструктивные усилия СССР.

Военные планы США – до Сталина и после него

Но, как мы уже отмечали в связи с темой «ослабления напряженности», старая проблема войны и мира все еще лежала в основе советской пропаганды в отношении Соединенных Штатов. Для сравнения до-сталинского и пост-сталинского образа «американской угрозы» так, как Москва видит, или притворяется, что видит его, требуется значительно более глубокий анализ, чем может быть предложен в данной статье. Но абсолютно ясно то, что постсталинский подход является, по крайней мере, внешне, более надежным и менее напряженным и

настойчивым. Это можно сразу увидеть, сравнив речь Маленкова 5 октября 1952 года с его важным обращением от 8 августа 1953 года⁷. Какой бы качественный или количественный анализ мы ни использовали, мы обнаружим, что в документе 1953 года тема опасности или конфликта и внешней агрессии была заметно приглушена по сравнению с документом 1952 года. Из документов постсталинского периода резко исчезают наиболее оскорбительные и зажигательные символы, такие как «агрессор», «поджигатель войны», «людоед», «кровосос», которые широко использовались в вокабуляре советской внешней политики позднего сталинского периода. Вообще говоря, можно сказать, что если до смерти Сталина, вплоть до самого XIX Съезда партии и даже после него Соединенные Штаты обвинялись в заговоре и даже в планировании войны против Советского Союза, то сейчас главный упор делается на приписываемую Соединенным Штатам роль обструкциониста в решении основных вопросов международной политики, таких как Германская проблема, положение Китая среди великих держав, война в Индокитае. Но все-таки время от времени высказываются обвинения в адрес Соединенных Штатов в том, что их «правлящие круги» или «реакционные силы» планируют новую войну. Настоящий поток таких обвинений полился после Берлинской конференции, но не сразу по ее окончании, а в связи с выходом московской интерпретации тезисов о политике Соединенных Штатов на предстоящей Женевской конференции. Например, «Правда» от 26 марта 1954 года в одной из своих специальных передовых статей обрушила яростную атаку на госсекретаря Даллеса⁸. Передовая статья называлась «Сеятели страха и нагнетатели военной истерии». Она атаковала заявление господина Даллеса в сенатском комитете по международным отношениям от 19 марта, а также его речь в совете по международным отношениям от 12 января. Среди прочего, в передовице отмечалось, что «заявления Даллеса – не что иное, как попытка разжечь военную истерию в Соединенных Штатах с целью удовлетворить крайне агрессивные круги в США, недовольные результатами Берлинской конференции. ...» Тема «сеятелей страха» была продолжена в статье от 31 марта, в которой утверждалось, что «истерические вопли» господина Даллеса навредили американскому правительству дома и за рубежом. В «Правде» говорилось, что они никого не напугали и что для сокрытия этого «поражения» американская «буржуазная» пресса хранила молчание о советском ответе

⁷ См.: «Правда», 6 октября 1952 г. 9 августа 1953 г.

⁸ Обычно первая полоса советской газеты представляет собой набор постоянно воспроизводимых от номера к номеру штампов, но иногда важные специальные передовицы посвящаются текущим событиям.

на эти запугивания. Такие высказывания, однако, звучат относительно мягко по сравнению с преобладающим тоном советских комментариев на международные отношения в период до XIX Съезда партии.

Эти атаки представляют собой один аспект двунаправленной наступательной политики. Другим аспектом являются обещания и маневры, направленные на то, чтобы доказать народам мира, а также колеблющимся представителям элиты и правительственных кругов в Европе, что более не существует необходимости в делении мира на системы союзников и военные блоки. Первоклассным примером такой тактики до сих пор является предложение Молотова о том, чтобы Советскому Союзу было дано разрешение на вступление в НАТО.

Военная политика США

Этот набросок сегодняшнего советского образа Соединенных Штатов был бы явно не полным, если бы не принял во внимание американскую военную политику так, как ее видят в Москве. В течение всего послесталинского периода шло последовательное осуждение американских военных баз за рубежом. Характерное заявление было сделано маршалом Булганиным в его первомайском обращении в прошлом году, в котором он заявил: «Но так как до настоящего времени отсутствуют признаки того, что Соединенные Штаты снижают гонку вооружений и сокращают широкую сеть военных баз, распространенную на территории многих государств в Европе и Азии, и особенно на территории, граничащие с Советским Союзом, наше правительство в будущем предпримет усилия, необходимые для гарантии защиты и безопасности нашей Родины ...»⁹. В речи 8 августа 1953 года Маленков сделал значительный упор на проблему безопасности советских границ, особенно в Средней Азии. В самое недавнее время была высказана резкая критика в адрес американских переговоров с Испанией, Пакистаном и другими странами в отношении военных баз.

Еще одной важной темой выступают советские обвинения Соединенных Штатов в том, что они экипируют, тренируют и поддерживают иностранные войска. Особенно важной является кампания, так четко выделенная в заявлении Молотова на недавней Конференции министров иностранных дел в Берлине, о том, что Соединенные Штаты стараются создать новый вермахт. Во время осени и зимы 1953-1954 гг. советская пресса изобиловала тенденциозно представленными новостями по поводу встреч немецких ветеранов войны, похожие новости публиковались и об Австрии. Другой весьма заметной темой, которую можно назвать в этой

связи является утверждение о том, что германские промышленные и военные круги планируют новый аншлюс с Австрией.

Довольно естественно, но в крайне заигранных и искаженных формах советские государственные деятели и органы пропаганды продолжают упорно пробивать тему «бдительности» по отношению к агентам «империалистических» держав, реально или потенциально угрожающих Советскому Союзу. Особенно историчный характер «кампания за бдительность» имела в месяцы перед смертью Сталина, но и сегодня эта тема жива благодаря таким событиям, как выдвинутое в конце марта 1954 года обвинение против четырех членов американской военной миссии в СССР, которые, якобы, занимались шпионской деятельностью во время поездки из Владивостока в Москву. Вполне возможно, что этот шаг был предпринят Москвой как контрудар в ответ на побег в Японию агента МВД Растворова, явившегося для Москвы крайне неловким событием. Время от времени появляются нападки на якобы существующие планы Соединенных Штатов, направленные на вербовку советских граждан для подрывной работы в СССР, обычно в связи со средствами, выделенными согласно закону о взаимной безопасности для помощи беженцам из стран железного занавеса.

Нападки на различные стороны того, что мы называем политикой «освобождения», достигли значительной высоты в течение нескольких недель после восточногерманского восстания 16 и 17 июня 1953 года. Восстание явилось для Кремля неожиданным ударом и, возможно, было каким-то образом связано с падением Берии. Мы не можем отдать должное этому важному событию в этой статье, но необходимо отметить, что советская реакция на него была обеспокоенной и неискренней. Советская пропаганда, конечно, попыталась преуменьшить подлинно народные элементы восстания. Оно было приписано «фашистским наемникам». Среди всего прочего, советская пресса выдвинула обвинение, что «берлинская авантюра» была инспирирована американской «службой разведки». Совсем недавно советские лидеры обвинили Соединенные Штаты в том, что они нанимали агентов для свержения советского режима на Украине.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США

Даже в таком кратком обзоре как этот, нельзя не остановиться на обсуждении американской экономической и политической системы. Центром марксистско-ленинской доктрины по международным отношениям является тезис о том, что внешняя политика «империализма» неизбежно проистекает от сил, созданных капиталистической экономикой. Ленинская ортодоксальная точка зрения на этот важный момент

⁹ «Правда», 2 мая, 1953 г.

получает постоянную поддержку. Едва заметное отклонение от устаревшего ленинского образа капиталистических общественных отношений, замеченное в известной работе Евгения Варга «Изменения в экономике капитализма как результат Второй мировой войны» не пережило политику послевоенной реконверсии, и, по сведениям автора, в постсталинском периоде нет ничего, что могло бы свидетельствовать о движении к более тонкому и реалистическому подходу. Поэтому неудивительно, что «Правда» и другие издания в доброй старой традиции публиковали материалы о продолжающемся обнищании американских рабочих и фермеров, моральном и культурном вырождении и прочих явлениях в духе ленинского мифа.

Подобная ортодоксальность проявляется и в отношении к американской внутренней политике. Типичной в этом плане была статья И. Филиппова в «Правде» от 11 августа 1953 года. Филиппов мягко критиковал президента Эйзенхауэра за его якобы попытку представить деятельность восьмидесят третьего по счету конгресса «в наиболее благоприятном виде». По мнению советского журналиста, новый конгресс не мог отличаться от предыдущего. Его политика не изменилась, так как его классовый состав оставался прежним. Он состоял из адвокатов, бизнесменов, журналистов, богатых фермеров и нескольких реакционных лейбористских лидеров. Он просто продолжал программу Трумэна. Таким образом, советский образ американской внутренней политики мало отличается от того образа, который преобладал до смены руководства как в СССР, так и в США. Даже отношение к сенатору Маккарти и к людям с подобным образом мышления изменилось незначительно. Вообще Маккарти уделялось относительно мало внимания. При этом использовалась смесь тенденциозной критики с сатирой. Маккарти много раз подвергался критике и в американских, и европейских источниках. Очевидно, что советская пресса пытается использовать «Маккартизм» ни коим образом не с целью совершенствования советской политики или решения проблем коммунизма, а для демонстрации патологических тенденций в американской социальной и политической системе.

В течение всего рассматриваемого периода государственный секретарь Даллес был главной мишенью советской критики. Его часто называют «лидером» или «рупором» «наиболее агрессивных сил в Америке». В отличие от этого, критика в адрес президента Эйзенхауэра редко высказывается прямо, и если даже такое и происходит, то критикуется президент относительно мягко.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Я приберег в качестве последнего объекта для описания наиболее важные черты советского постсталинского образа Соединенных

Штатов. В советском отношении к атомному, водородному и другим супервооружениям наблюдаются поразительные новые оттенки. Главной отличительной чертой нового советского подхода является намного более свободная интерпретация, высказываемая самим режимом через свою монолитную прессу, таких вопросов, как советские и американские возможности в области этих вооружений. Возможно, что начало новому направлению было положено заявлением Маленкова в речи 8 августа по поводу того, что Соединенные Штаты больше не владели монополией на водородную бомбу. Маленков, Молотов и Булганин в середине марта делали прямые или «косвенные» заявления, из которых «было понятно, что Россия в состоянии адекватно ответить на любую ядерную атаку»¹⁰. Возможно, что эти заявления отражают возросшее чувство силы и безопасности советского режима, вызванное его прогрессом по сравнению с 1949 годом, когда президент Трумэн объявил о первом советском атомном взрыве. Но эти заявления, и в особенности приписывание агрессивных намерений Соединенным Штатам, против которых эти заявления делались, представляют собой только одну сторону полномасштабной политической игры Кремля с целью создания искаженного образа Америки. В частности, кажется, что, начиная с речи Маленкова, произнесенной в августе прошлого года, Москва старается направить исключительно против Соединенных Штатов страх, вызванный существованием оружия, которое с американской стороны было создано как главный элемент защиты от возможностей Советского Союза вследствие преимущества в населении, географическом положении и других факторах.

Предложение президента Эйзенхауэра на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций о создании общего фонда расщепляемых материалов для употребления в мирных целях сначала не было отвергнуто, но подверглось комментарию на первых страницах советских газет 22 декабря, спустя две недели после того, как оно было сделано. Комментарий, как и сделанное ранее сообщение о предложении, не содержал наиболее важных размышлений президента о разрушительной силе супероружия. Он был уклончивым и вращался, главным образом, вокруг идеи о том, что такие ограничения по использованию оружия массового поражения, как Женевский протокол 1924 года о химическом и бактериологическом оружии, могут дать «положительные результаты». Возможно, что такие заявления были призваны проторить путь для явно окончательного отклонения плана президента в начале мая.

¹⁰ Гарри Шварц в «Нью-Йорк таймс», 18 марта 1954 г. С марта в Москве было сделано несколько дополнительных более резких заявлений по этому вопросу.

РЕЗЮМЕ

К чему все это сводится? В целом, пост-сталинская Москва пытается, представляя образ Соединенных Штатов, создать впечатление, что ситуация в мире изменилась и что новый Советский Союз без устрашающей фигуры Сталина готов к сотрудничеству, но негибкие и обструкционистские Соединенные Штаты отказываются идти навстречу Москве. Тем временем, Москва возвращается к лозунгу «международной солидарности с пролетариатом всех стран»¹¹.

Сегодня советская генеральная линия внутри государства может быть кратко определена как советский национализм, а вне его – как парадоксальная, но в определенной мере успешная попытка солидаризации Москвы с национальными движениями, революциями и интернационализмом везде, где только эти силы могут быть использованы для ослабления влияния Соединенных Штатов. Многие будут зависеть от того, насколько эффективно Москва и Вашингтон смогут сформулировать и понятно представить различным мировым аудиториям образы, способные установить поддающиеся идентификации представления и вызвать необходимые отклики.

© Баргхорн Ф. К., 2008

Симмонс Э. Дж.

Итака, США

Перевод: Колтышева С. Я.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ
И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

В начале 20-х гг. XX века советская литература представляла поразительный контраст сегодняшней литературе. Свобода, можно сказать почти анархия, вдохновленная огромной энергией, которую принесла революция, царила в писательских кругах. Страстное желание радикальных писателей полностью отменить все старое, сосуществовало с осторожной политикой, поддерживаемой партией, которая считала, что лучшие классические произведения прошлого должны быть сохранены и осмыслены, чтобы на этом фундаменте была построена новая социалистическая литература. Либе-

ральные взгляды на права авторов выражать себя свободно, без страха преследования, традиции русского марксизма XIX века продолжали существовать и разделялись видными коммунистами в правительстве. Анатолий Луначарский, первый Нарком (Министр) образования, публично объявил, что революционному правительству следует сохранить право на индивидуальное творчество. Хотя сначала издательское дело было национализировано, начиная с 1921 года и вплоть до окончания НЭПа, частным издателям разрешалось работать, подчиняясь довольно формальной цензуре со стороны вновь созданной центральной правительственной издательской фирмы – «Госиздат». К 1922 в Москве действовало 220 частных издателей, они опубликовали 803 печатных работы (газеты, журналы, книги), но отказ цензуры последовал только в 5.3% случаев.

В этой революционной атмосфере относительной свободы появились многочисленные независимые писательские организации, каждая из которых имела свой манифест, декларирующий многообразие художественных целей и идеологических убеждений. Такие группы, как «Пролеткульт», «Серапионовы братья» и «Формалисты», смело провозглашали свои намерения вести литературный процесс без государственного контроля. Ведущие коммунисты как поддерживали, так и осуждали их в печати, а талантливый партийный литературный критик и издатель «Красной нови» Александр Воронский опубликовал в этом своем журнале в начале 20-х гг. работы членов различных групп – партийных писателей, попутчиков и даже буржуазных авторов. Как издателю ему было ясно, что он больше заинтересован в хорошей литературе, нежели в идеологических вопросах, он чувствовал, что каждая литературная работа имеет не только эстетический, но социальный аспект. Он считал, что искусство не должно быть посвящено агитации и пропаганде или службе пролетарскому государству или осознанному продвижению идей или ценностей.

Конечно, подлинный демократический дух раннего русского марксизма и чувство освобождения благодаря успешной революции не являлись причиной этой атмосферы свободы. Партия в эти ранние годы была слишком поглощена жестокой борьбой за установление власти и своим собственным существованием, чтобы эффективно заниматься проблемами контроля за литературой. Однако предупреждение о направлении будущей политики, возможно, появилось в начале 1920 года. Именно в этом году Ленин высказался о резолюции Конгресса «Пролеткульта», которая впоследствии была отменена. Резолюция выражала тезис о том, что пролетарская литература должна развиваться свободно от любого контроля со стороны правительства или партии. Центральный Комитет, однако чувствовал, что необхо-

¹¹ Второй из предпраздничных лозунгов, опубликованных в «Правде» 25 октября 1953 г. Этот лозунг, типизируя новый акцент на «пролетарский интернационализм», заменил соответствующий по номеру лозунг 1952 года, осуждающий «поджигателей войны». Сергиус Якобсон в своей статье для сборника «Language of Politics» (New York, 1949) показал, насколько полезным может быть изучение этих лозунгов для диагностики настроений в кремлевской внешней политике [упоминаемая Ф. Баргхорном статья была написана С. Якобсоном в соавторстве с Г. Лассвеллом, в русском переводе см.: Якобсон С., Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). – Прим. ред.]. Показательно, что в апреле 1954 года первым предпраздничным лозунгом был следующий: «Выше поднимайте знамя пролетарского интернационализма».

димо смягчить степень вмешательства, и опубликовал письмо в газете «Правда», которое убеждало творческих работников в том, что им будет гарантирована полная независимость.

В то время партия играла роль не диктатора, а арбитра в литературной борьбе того времени, которая происходила между, с одной стороны, пролетарскими группами левого толка, которые настаивали на гегемонии партии и правительственной поддержке развития пролетарской литературы, а с другой – группами правого толка, которые настаивали на полной свободе творчества. Эта борьба отражалась и в прессе. Хорошо известные партийные чиновники публично выражали свои мнения в поддержку той или иной стороны по этому вопросу. Интересно заметить, что Бухарин поддерживал позицию правого крыла, утверждая, что партия должна старательно избегать установления директив по вопросу литературы, так как подобные проблемы должны находиться вне политики.

На заседание агитационного отдела Центрального Комитета в мае 1924 года были приглашены представители всех фракций, чтобы представить свои мнения. Кажется, в полной мере все было отражено в этой демократической процедуре – и дискуссия, и формулировка, и голосование по выдвинутой резолюции. За этим собранием последовали другие встречи специальной комиссии Центрального Комитета (в феврале 1925), чтобы выработать политическое заявление, направленное на разрешение этого спора. Выводы комиссии были отражены в известной резолюции по вопросу литературы Политбюро (1 июля, 1925). Эта резолюция отвергла крайнюю позицию пролетарских литературных групп (пообещав им при этом будущее содействие), но она определенно поддерживала взгляды беспартийного правого крыла и его сторонников.

Двойственность позиции партии в вопросе литературного контроля и либерализм резолюции 1925 года, несомненно, были связаны как с социальными, так и экономическими условиями того периода и борьбой за власть внутри партии. То есть, политическая борьба отражалась в литературной борьбе – правые считали, что литература должна быть свободной от прямого влияния партии, делали акцент на эмоциональном, эстетическом и личностном элементе в творческом процессе; левые требовали четкого партийного контроля и подчеркивали основную образовательную, пропагандистскую и утилитарную функции литературы.

Рост партийного влияния

Было неизбежно, однако, что тоталитарная форма правления и однопартийность окончательно приведут к полному контролю над литературой как над любой другой идеологией. И было бы легко предложить марксистское обос-

нование такого развития: в социалистическом государстве идеологическая надстройка должна обязательно отражать социалистическую экономическую базу. Так как в своих работах Маркс и Энгельс мало обращаются к вопросам литературы, то определенные «отклонения» (от их теории) обнаружались уже во взглядах Плеханова. Советские критики вместе с Лениным и позднее со Сталиным окончательно разработали марксистскую теорию литературы, которая оправдывала в движении по направлению к абсолютному контролю партии над литературой.

Однако ни социализм, ни реальный тоталитаризм не были ещё достигнуты. Но с триумфом Сталина над Троцким и его другими врагами и внедрением первой пятилетки в 1928 году, партия почувствовала возможность продвинуться дальше в направлении контроля за литературой. Летом 1928 года Центральный Комитет собрал Всесоюзную Конференцию по вопросам агитации и пропаганды. Была принята резолюция, которая указывала на то, что все виды искусства должны быть мобилизованы, чтобы охватить все население, чтобы бороться за новое культурное мировоззрение в поддержку нового пятилетнего плана. Декабрьская конференция 1928 года выработала официальную точку зрения Центрального Комитета. Эта точка зрения была представлена в форме директивы издательствам, указывая на виды книг, которые они должны выбирать для публикации и характере тем, предлагаемым авторам. Резолюция была откровенным уходом от осторожной политики 1925 года и должна рассматриваться как первое усилие партии в вопросе контроля над литературой и использования литературы как инструмента в поддержке своей программы.

Во время этой кампании партия выдвинула другую политическую стратегию – ее решением было не поддерживать какую-либо из конкурирующих литературных групп. Вместе с тем партия оказала поддержку самой мощной организации, Российской Ассоциации Пролетарских Писателей (РАПП), как лучшей в организации литературы как инструмента пропаганды в продвижении успешного пятилетнего плана.

Благодаря поддержке партии и под руководством Леопольда Авербаха РАППу вскоре удалось установить контроль над многими литературными журналами и издательствами и таким образом обуздать непокорных писателей, которые не учли в своем творчестве «социального заказа» пятилетнего плана. Во многих отношениях РАППу удалось достичь необычного тематического соответствия в пьесах, романах и в поэзии, которые однообразно провозглашали достижения пятилетки. Несмотря на давление со стороны РАППа, писатели противились этим диктаторским методам, хотя и с не большим успехом. В это время РАПП, получивший огромный контроль над литературой, самоуверенно разработал свою собственную теорию

литературы, которая имела мало общего с абсолютной решимостью партии использовать литературу, чтобы пропагандировать достижения пятилетки. Хотя Авербах чувствовал необходимость помогать писателям, осознавать социальные требования, письменно он заявлял, что невозможно диктовать темы автору. Не продиктованные темы, говорил он, но соответствующий видение мира – важная составляющая писателя. Если его взгляд на мир марксистский и основывается на диалектическом материализме, то писатель осуществит свою миссию перед пролетариатом. Он даже позаимствовал из теории Воронского, официально дискредитированной, идею о том, что искусство – это познание жизни, но вопреки Воронскому он говорил о том, что искусство – это форма познания реальности, инструмент классовой борьбы и средство изменения социальной реальности. В дальнейшем руководство РАПП защищало литературу, посвященную реалистическому и психологическому образу «живого человека» и «срыванию масок» советской жизни, изображению как плюсов, так и минусов советской действительности. Партия не могла больше терпеть такую самонадеянность со стороны поддерживаемой властью организации и после нескольких оставшихся без внимания предупреждений, Центральный Комитет издал резолюцию (23 апреля, 1932 г.) о роспуске РАПП. В резолюции также было предложено образовать единый Союз Советских писателей, который в действительности был организован в 1934 г. после чего все другие литературные группы самораспустились. Этот шаг приветствовался как проявление свободы в советском литературном мире и даже за границей, т.к. он завершил диктат РАПП. В действительности это свидетельствует, указываящее на то, что партия, наконец, достигла того пункта, где она чувствовала, что может безопасно взять контроль над всеми литературными течениями в Советском Союзе и связать их своими целями.

Относительный успех первой пятилетки помог во многом утвердить власть партии и единоначалие Сталина. В противовес утверждению РАПП новая резолюция постановила, что нет необходимости в пролетарской литературе, т.к. с большим прогрессом социализма вся литература в Советском Союзе должна быть социалистической, по сути.

Существует веская причина полагать, что Сталин лично приложил руку к роспуску РАПП и породил идею создания одного большого Союза Советских Писателей. Разделение оппозиции для того, чтобы победить ее, – это типичная партийная тактика, но также это механизм объединения фракций в одну большую организацию для более эффективного контроля. Этот механизм возможен, только когда партия имеет огромную власть, и к 1932 г. партия достигла такой стадии развития. Свобода для писателей

скорее была воображаемой в то время, организация единого союза усилила контроль.

Это оказалось последним проявлением свободы личностей и организаций, чтобы противостоять в печати официальным решениям партии в литературном вопросе, руководство РАПП смело опубликовало жесткую критику резолюции 1932 г. в своем журнале «На страже литературы». Фактически это была критика Сталина. Они осуждали линию партии по вопросу о публицистической функции искусства, а также тех людей, которые, не зная ничего о литературной критике, пытаются навязывать свои взгляды в этом вопросе. На самом деле дух сопротивления партийному контролю заметно сошел на нет в литературных кругах. Многочисленные митинги писателей по всей стране, другие манипуляции и партийное давление были необходимы, чтобы добиться покорности. После этого в 1934 г. был создан единый Союз Советских Писателей.

С этого времени и до фашистского нашествия в 1941 г. советская литература развивалась в атмосфере диктатуры партии. Консерватизм взросления революции, которая уже начала влиять на литературу, был усилен всеохватывающим господством партии. В общем партия всё ещё предпочитала оставаться за кулисами, проявляя свой контроль главным образом через своего посредника – Союз Советских Писателей. Только изредка партия все же выпускала когти публично как в случае резкого осуждения формализма в искусстве газетой «Правда» в 1936 г.

Вместо различных и часто высоко индивидуалистических школ критики, существовавших до 1932 г., внесших блестящий и впечатляющий вклад в теорию советской литературы, теперь существовал лишь один авторитет Ленина и официальное художественное кредо соцреализма. В этот период были сделаны бессмысленные попытки возвысить Ленина до статуса универсального авторитета в литературе, основываясь на нескольких случайных замечаниях по вопросам литературы, разбросанных в его работах, нескольких коротких эссе, посвященных Толстому, которые скорее представляют собой больше социальную, нежели литературную критику, а также его статьи (написана в 1905 г.) «Партийная организация и партийная литература». Эта статья стала камнем преткновения для всех литературных критиков, главным образом, из-за способа оправдания партийного направления в литературе, коммунистический и некоммунистический, хотя есть причина сомневаться, что именно это намеревался Ленин сказать в своей статье. Некоторая оценка успеха этого апофеоза Ленина как литературного критика, а позже как писателя пришла из заявления о том, что «в его работах отражено все историческое развитие русской литературы» (Советская литература, № 1, 1951, с. 151).

После 1932 г. критики утверждали, что только автор с марксистско-ленинско-сталинским мировоззрением может правильно отражать жизнь в Советском Союзе и за рубежом и, следовательно, только литература, написанная с этих позиций, может рассматриваться как настоящее искусство. Марксистское толкование соцреализма замкнулось в закрытом и порочном круге, утверждая, что только реальность социализма – реальна, и, следовательно, всё, что чуждо социализму – нереально. Такая позиция была логическим результатом партийного диктата и отношения партии к правдивости искусства в литературе, что хорошо изложено в типичном заявлении одного из критиков, Серебрянского, в 1938 году: «Правда в искусстве – это способность говорить все необходимое, но говорить правильно, т.е. с определенной большевистской точки зрения» (Литературные Очерки, с. 231).

Вскоре после начала войны акцент пропаганды сместился от генеральной линии Коммунистической Партии к единству и патриотизму многонационального народа Советского Союза в защите родины, здесь можно усмотреть ослабление контроля над СМИ и интеллектуальной жизнью. В духе неожиданной свободы писатели изливали свои чувства в публикациях, которые часто имели мало общего с прежними предписываемыми образцами. В этой глубоко патриотической военной литературе можно найти даже прямую и скрытую критику партийного диктата. И в конце войны публичный доклад 10-го пленума Исполнительного Комитета Союза Советских Писателей откровенно выразил надежду выдающихся писателей, что вмешательство власти в искусство прекратиться.

Эти надежды были разрушены резолюцией (от 14 августа 1946) Центрального Комитета Партии по литературе вскоре после войны и соответствующим выступлением Андрея Жданова, члена Политбюро, в котором он четко указывал не только на литературу которую нужно считать антисоветской, но и определял виды книг, которые нужно писать после окончания войны. Как сейчас хорошо известно, эта резолюция вызвала наступление со стороны партии на все аспекты советской художественной и интеллектуальной жизни. В этот период “постепенного перехода от социализма к коммунизму” такой перенос в идеологической линии должен пониматься как отражение новой послевоенной национальной и межнациональной политики партии. Последующая «чистка» имела, несомненно, несколько целей, но определено одной из них был сигнал о том, что все интеллектуальные и художественные усилия должны подчиняться партийному контролю и служить одной цели – прославлению Советского Союза и его превосходства над капиталистическим Западом и Америкой.

На самом деле, наиболее очевидной чертой вмешательства власти в беллетристику в этот новый период, по сравнению с прежним, было прямое, открыто объявленное и полное господство партии в литературе. Было высказано требование партии поддерживать в литературе направляющий принцип партийности, который предполагает всеобщую организованную взаимосвязь литературы и политики. Такой всеохватывающий и жесткий контроль в литературе требует признание власти как безошибочного источника, на который все авторы и критики должны ссылаться. Естественно, Сталин в значительной мере занял место Ленина в этом отношении (как отправной источник), его идеи и взгляды быстро и без сопротивления были навязаны литературе. (Следует напомнить, что Ленин был удостоен такой незаслуженной награды только после его смерти). Однако высказывания Сталина, ещё более разрозненные, чем у Ленина, были усердно собраны и использовались критиками снова и снова повсеместно, чтобы освятить новую “линию” в литературе. Тем не менее, нужно сказать, что личные решения Сталина оставались в тени, не излагались, хотя изредка на них намекали как на нечто, сыгравшее значительную роль в направлении литературы, музыки и театра. Говоря об этом факте, есть подозрения на то, что именно Сталину принадлежит фраза, что “писатель – это инженер человеческих душ”. Советский критик пишет: “В самом деле, как глубока любовь и уважение человеческого и писательского труда, содержащаяся в этом известном определении Сталина! Только он, учитель миллионов, наставник наставников, для которого нет ничего более ценного на земле, чем человек, определил значимость писателя в народном обществе. Все сталинские принципы составляют творческое развитие ленинских взглядов на искусство и главным образом, ленинский важнейший, фундаментальный принцип социалистической эстетики – принцип большевистского партийного духа литературы” (В. Ермилов, Советская литература, № 4, 1950, с. 126).

Техники контроля

Теперь чудовищный аппарат контроля был развит, чтобы дать возможность партии осуществить её намерения по использованию литературы для своих собственных целей. Так как все производство, издательский процесс находились, в конечном счете, под правительственным контролем, взялись за содержание литературы. Решения, которые определяют общее направление, обычно инициировались Политбюро и реализовались в резолюциях Центрального Комитета, которые имели по существу силу закона. Одной из главных обязанностей Отдела Пропаганды и Агитации Центрального Комитета является четкое соблюдение идеологической линии в литературе и указание разны-

ми средствами на отклонения от главного курса. Время от времени Отдел может также продвигать новый аспект или толкование линии партии или делать акцент на необходимости уделять особое внимание этим вещам для писателей. Это обычно делается через статьи в «Правде», «Литературной газете» или через другой важный партийный орган. Следующий уровень ниже в иерархии контроля занимает Союз Советских Писателей, способный оказать немедленное давление на писателей. Союз Писателей разделен на секции, соответствующие различным областям литературы. Хотя коммунисты не представляют большинство среди членов Союза, все же они занимают большинство ключевых постов и контролируют Союз. Авторы поощряли читать свои произведения, над которыми шла работа, в секции Союза, которая и высказывала критические замечания по вопросу о том, воплотил ли писатель в своем произведении истинный дух линии партии. Дальнейшая проверка проходит в редакциях так называемых «толстых» журналов, т.к. лучшая литература, даже романы, появляется сначала в этих изданиях. Их редакционные советы, в свою очередь состоят главным образом из коммунистов и одна из их главных функций – проверка идеологической корректности представляемых им на рассмотрение произведений. Это же можно сказать о редакционных советах огромных государственных книгоиздательств. В итоге все литературные произведения должны получить одобрение официального правительственного отдела цензуры (Главлита).

Если литературное произведение проходит беспрепятственно через этот жуткий порядок и появляется в печатной форме с некоторыми идеологическими отклонениями, которые изредка случаются, это почти всегда выявляется рецензентами (литературные журналы, также как и книги, подвергаются цензуре). Если возникают некоторые сомнения в рецензировании произведения в подобных случаях или если рецензентам не удалось охарактеризовать идеологические ошибки, тогда в прессе появляется заказное официальное заявление для разрешения проблемы в нужном направлении. Подобные случаи грозят наказанием всем без исключения – автору, чиновникам Союза Советских Писателей, главному редактору журнала и издательству, недобросовестному цензору и редактору публикации.

Можно сделать вывод, что история контроля за советской литературой в последние 34 года тесно связана с историей партии. Партийное вмешательство в литературу развивалось от осторожного отношения в период, когда партия была относительно слабой и позволяла больше свободы в литературе, до стадии абсолютного контроля, который исходит от единственной власти партии сегодня. Резолюция ЦК

1925 года отражала компромиссное отношение, характерное для периода НЭПа и фракционной борьбы внутри партии. Резолюция 1928 года, обращенная к издательствам, связала литературу со службой «второй революции» – первой пятилетки и в тоже время символизировала растущее единство и силу партии под руководством Сталина. Резолюция 1932 года переместила акцент на пролетарскую литературу, которую затем назвали социалистической, и одновременно привела к роспуску всех литературных групп и созданию единого Союза Советских Писателей. Это свидетельство уверенности партии в своей власти над литературой. Резолюция 1946 года – это идеологическое отражение нового периода постепенного перехода от социализма к коммунизму, в котором партия различными способами публично установила свой абсолютный контроль над всеми идеологическими вопросами в национальной и международной политике с далеко идущими последствиями. Прежняя литературная свобода, предоставленная партией, была способом окончательно подчинить себе литературу. Если все христианское искусство было создано во славу Господа, то сегодня все советское искусство создано во славу Коммунистической Партии.

Писатель и его творчество

Какой эффект имеет подобная система продиктованной партией идеологии и безжалостного контроля над советским писателем? В этих цирковых трюках, устроенных партией, ушли из жизни многие писатели, оскверненные или разрушенные муштрой тоталитарного режима. Следует помнить, что в наше время масса так называемой художественной литературы – это продукт умелых ремесленников, а не истинных художников. Массовая печатная продукция и огромный рынок читателей сделали из литературы коммерцию. Те, кто пишут литературу в Советском Союзе, как и везде, делают это с единственной целью – заработать на ней, авторы в первую очередь заинтересованы в производстве того, что хотят издатели. То, что хотят советские издатели, продиктовано не только интересом читателя, но и соответствием курсу партии. В этом смысле правильнее будет сказать, что большинство писателей стремятся соответствовать требованиям издателей в тематике и идеологической направленности. Но совсем другое дело, когда истинный художник подчиняется губительному контролю. Всегда считалось, что полная свобода – это необходимое условие для существования творческого духа. Возможно, есть другая точка зрения, согласно ленинскому обобщению, человек не может жить в обществе и быть полностью свободным от его влияния. Ясно, что художник, область деятельности которого может быть реализм или фантастика, не может убежать от не-

преодолимого влияния установок, навязанных обществом или своих собственных идеалов. Он никогда не бывает полностью свободным. Но открытый или скрытый контроль может существовать для западного художника – экономический, социальный, законный или личностный, но факт остается фактом, он имеет свободу выбора темы и своего отношения к ней. В этом смысле он наслаждается большей свободой, т.к. самая суть произведения сконцентрирована в многообразии всевозможных отношений, в проявлении художественного суждения, в свободе выбора. В этом процессе автор живет своей собственной свободой.

Советский художник сегодня не наслаждается полной свободой выбора. На эту область человеческого опыта, которую он может отразить в искусстве, наложены рамки и его творческий дух ограничен моделями взглядов, убеждений и условностей, предписанных партией. Наказание за неисполнение предписаний обычно принимает форму публичного осуждения. Если автор не откажется от своих взглядов, его могут изгнать из литературы и в конце концов его может постичь печальная участь. В истории советской литературы осталось множество писателей, взгляды которых отличались от официальных. Эти люди уже не публикуют своих произведений и их дальнейшая судьба неизвестна. Некоторые из них, возможно, исчезли по другим причинам, нежели “литературное отклонение от основного курса”, но в большинстве случаев причиной было несоблюдение правил.

О психологическом эффекте такого вынужденного подчинения можно только догадываться. Когда это выливалось в протест, то имело плачевные последствия для писателя. Те, кто пытался найти компромисс, чтобы писать и жить, должны были испытывать постоянную боль и чувство насилия над личностью в принудительной, удушающей атмосфере.

Нужно отметить, что сильная вера в партию и все её постулаты иногда позволяла подлинному коммунистическому писателю принимать контроль как основы коммунистической религии, не препятствующие его художественному развитию. Здесь очевидна аналогия со средневековым христианским художником, для которого контроль церкви был неотъемлемой частью его религиозных убеждений. Страстная вера в коммунизм для его истинных приверженцев не требует обоснования. Подобно церкви средних веков, Коммунистическая Партия в Советском Союзе проповедует свою модель жизни, которую истинно верующий в партию проживает от колыбели до могилы. Где начинается вера, там заканчивается оправдание; художник верит и не спрашивает причин. Такие коммунисты воспринимают партийную дисциплину не как рамки, которые связывает, но как внутреннюю идеологическую силу, направляющую

их в их жизни. В такой странной, но правдоподобной манере партия и литература, как свобода и власть, становятся идентичными в сознании писателей с такой верой. «И партия и художественная литература в нашей стране имеют одну цель, – заявил выдающийся советский писатель Александр Фадеев в Париже. – Ни партия, ни правительство в Советском Союзе не вмешивается в личное творчество писателя; они никогда не диктовали и никогда не пытались диктовать темы и образы, не говоря уже о художественных формах» (Литературная Газета, 2 марта, 1949 г.). Многочисленные подобные заявления преданных партии советских писателей имеют фанатическую открытость. Например, другой выдающийся писатель – Константин Симонов – написал в «Правде» (26 ноября, 1946 г.): «Публично, с трибуны искусства на весь мир, мы заявляем и будем продолжать заявлять, что мы боремся за коммунизм и считаем коммунизм единственной дорогой человечества в будущее, наши коммунистические идеалы были, есть и будут незыблемыми, и никто не изменит их».

Из таких убеждений, несомненно, может появиться навязанное искусство, в котором идеологические рамки и контроль перестают быть преградой для творчества, потому что они не рассматриваются писателем с этих позиций. Акт художественного творчества становится актом веры в систему, которая контролирует его.

Литература и советская реальность

Несмотря на развитие контроля и его воздействие на писателя, необходимо оценить советскую литературу как явление жизни, которую она описывает. Если хорошая литература пропагандирует идеалы революции, то это не означает, что революция пропагандирует хорошую литературу. Художественную литературу, созданную в Советском Союзе за последние 34 года, можно рассматривать как репортаж, пристрастно представленный в духе официальных требований. Но очень ощутимая часть литературы соответствует традиционным канонам, эта литература обладает художественными качествами, глубоким значением. Почти вся эта литература представляет ценность для серьезного студента.

Недостатком такой литературы нужно признать ее подчинение изменяющейся идеологии, навязанной в разной степени. Но в чем никогда не будет сомнения, так это в том, что периодизация советского социального, политического и экономического развития четко отразилась в литературе. Это можно увидеть в текстовых изменениях, сделанных в романах, которые перепечатываются с целью подстроить их к изменившейся идеологии. В этом явлении заложена особая ценность.

Пока никто не смог научно оценить на примере литературы степень оппозиции режиму.

Многие темы запрещаются писателю. Однако к враждебным режиму элементам часто относятся как к обычным «буржуазным пережиткам». Тщательное исследование таких примеров подтвердило бы проявления такого рода и масштаб оппозиции в стране и, по крайней мере, некоторые методы, направленные на борьбу с оппозицией. В конце концов официальное представление о жизни в Советском Союзе, особенно с 1946 года, превалирует в подобной литературе, и нужно четко отделять официальную версию от советской реальности.

Положительной стороной советской литературы, об этом должно быть обязательно сказано, является описание разнообразной жизни людей, что можно считать хорошим пособием для студентов.

До образования единого Союза Писателей в 1934 г., когда партия получила возможность осуществлять более эффективный контроль, литература отражала с разной степенью достоверности суть советской действительности, ранние годы смертельной битвы между старым и новым в стремительном строительстве социалистического общества. Эта проблема приняла многочисленные формы в поэзии, драматургии и романах, успешно описывая события революции и гражданской войны, НЭП и первый пятилетний план, но фактически это была трагедия, принесенная в жертву коммунистической доктрине. Мотивация партии почти всегда присутствует в литературе, но что, как правило, забывается в этой раздражающей вездесущности партии в беллетристике – это то, что литература вполне правдиво описывает советскую действительность. В эти ранние годы определенная доля свободы позволяла критиковать как действия правительства, так и партии. Было много романов, пьес, стихов и рассказов в которых симпатия к оппозиции отчетливо вскрывала реальность её существования в советской жизни. Благодаря литературе можно проследить изменение модели поведения советских людей, которых мы видим в жестких сражениях гражданской войны и в титанических усилиях индустриального строительства и безжалостной коллективизации. Писатели и драматурги пятилетки, утомляли своих читателей и слушателей техническими деталями огромного строительного процесса. Повсюду в этой литературе личность приносится в жертву коллективным усилиям в атмосфере непрекращающейся борьбы и невероятных человеческих лишений. И коммунистическая бюрократия, воровство и широко распространенное мещанство бесстрашно высмеивались, особенно в литературе НЭПовского периода.

В начале 1930-х гг. партия начала атаку на писателей. Хотя литература изменилась, фундаментальная сущность осталась прежней. Официальная версия советской действительности превратилась в социалистическую уто-

пию. Стахановцы совершают чудеса труда на фабриках посреди всеобщего ликования, а крестьяне в колхозах борются с враждебной природой за урожай. И рабочие, и крестьяне обильно прославлялись докладами об их достижениях, и все они объясняли свой успех воодушевляющим руководством Сталина. Все образы, кажется, живут красивой, трудовой, героической жизнью и искренней радостью за свои достижения. Но главный человеческий конфликт обычно происходит между коммунистическими достоинствами, олицетворенными в массах, и «буржуазными пережитками», постоянно присущими образу злодея. И, конечно же, нет никакого сомнения в окончательном триумфе социалистических принципов.

Не вся литература сразу впитала эту официальную версию советской действительности; жизнь, без сомнения, идеализированная появилась в пьесах и романах, написанных во время войны. И ранняя сосредоточенность на коллективном образе была заменена вниманием к индивидуальности и ее адаптации к новой социалистической реальности. Многочисленные образы описывались в литературе – директор фабрики, председатель колхоза, инженер, сельский учитель, ученый, нефтяник, строитель, бригадир. В соцреализме, как настаивают советские критики, типаж не реален, но отражает тенденцию к развитию образа, который подразумевается в реальной жизни. Однако образы могут быть идеализированы, их деятельность в окружающей их обстановке дает источник социальной, политической и экономической информации, достоверность которой можно проверить элементами связанности или другими соответствующими факторами. Полное исследование могло бы быть проведено, например, по образу директора фабрики, изображенного в советских пьесах и романах. Результатом этого исследования стала бы информация, которую трудно или невозможно получить из других источников: образ повседневной жизни директора фабрики, его социальный статус, отношения с министерством, с рабочими, с райкомом, с парткомом фабрики, с фабричным комитетом, с госпланом и многие другие аспекты, которые составляют функционирование и экономическую политику советской фабрики. О таких фактах советский писатель обычно хорошо информирован, т.к. он обычно считает необходимым изучить факты из реальной жизни фабрики.

Во время войны литература следовала довольно свободным и неортодоксальным курсом, тематически сконцентрированным на борьбе против захватчиков. Своей художественной силой она вернула дух нелакированного реализма великой русской классики XIX века. Картины стойко переносящего трудности тыла, удивительные подвиги партизан и героизм на фронте открыли вечные качества русского народа во

время войны. Подобные факты наблюдались в литературе неоднократно. Эта военная литература полна избытком жизненных деталей и образами воинов Красной Армии. Почти каждый роман и пьеса содержит традиционный «образ врага». Все это служит для нас напоминанием о том, насколько мы были введены в заблуждение докладами пятой колонны в Советском Союзе до войны.

Нужно отделять литературу, написанную во время войны и посвященную этой теме, от послевоенной литературы. Последняя находится под влиянием резолюции по литературе Центрального Комитета 1946 г., которая требовала пропагандировать антизападные настроения и прославлять коммунистическое руководство. Как было указано ранее, новая политика стала результатом идентификации партии с литературой и проявления полного контроля партии над литературой. Политика быстро отражалась в тематике произведений: писатели должны были возвеличивать роль Советского Союза в войне (это часто доходило до заявлений, что мы выиграли войну, несмотря на союзников) и освещать темы послевоенного восстановления и реабилитации вернувшихся воинов. Позже в литературе появились другие темы – враждебный образ Запада и особенно Америки.

Интересно, может ли послевоенная литература, находящаяся под грузом такого бескомпромиссного контроля, иметь какую-либо значимость с точки зрения отражения реальной жизни в Советском Союзе. Недавняя интерпретация соцреализма, отражающая новую политику в литературе, свидетельствует о бесперспективности такого подхода. Советский критик заявляет: «Писатель, который в изображении наследия прошлого в сознании людей, просто записывает события без вмешательства в их ход, без принятия чьей-либо стороны, такой писатель не является социалистическим реалистом, его позиция чужда реализму...» (Анатолий Тарасенков, Советская Литература, № 5, 1949, с. 145). И затем этот критик продолжает осуждать определенные образы в современной советской литературе как «нетипичные» и «сильно искажающие» правду жизни. Нереалистично, что трусость одного офицера ведет к уничтожению целой дивизии и что солдат показывает свою слабость. Эти характеристики, заявляет критик, являются «искажением реальности».

Вкратце, можно сказать, что в этом новом мире советской реальности порок никогда не победит добродетель, а зло – добро. Игра складывается не в пользу плохого героя; он даже не реален, по крайней мере он исправится. По-видимому, можно писать об плохих людях, но только в качестве контраста хорошим людям. Они никогда не должны выигрывать; в конце произведения они либо изменяются, либо попадают в тюрьму, либо их убивают. Соцреализм в послевоенной литературе должен способствовать прогрессу советской жизни во всех ее аспектах или это не реализм. Таким образом, сегодняшний соцреализм, похоже, превратился в общепринятую сказку. Большой объем послевоенной литературы поддерживает эту концепцию соцреализма в его не изменяющемся черно-белом описании героев.

Однако настоящие проблемы советской жизни хорошо представлены в литературе, связанной с деревней или провинциальным городом, с фабрикой или с огромным строительством, – все это дает важную социальную информацию для исследователя. За последнее время растет число романов, концентрирующих свое внимание на отдаленных районах Советского Союза. Эти романы представляют интересный материал о жизни и людях этих отдаленных регионов в условиях социализма. Однако психологическое изображение образа безнадёжно стереотипно, обыденно и утомительно, опирается на официальную идеологию. Положительный герой сейчас почти всегда коммунист, отлитый по образу и подобию Сталина.

В своем послевоенном развитии советская литература превратилась в идеальный инструмент пропаганды, т.к. она представляет ряд последовательных, идеализированных героев-коммунистов, которые, как надеется партия, проживут свои собственные жизни, совершат героические поступки и проявят непреклонную верность режиму. Отрицательной стороной советской литературы можно назвать идеализирование жизни, которое партия навязывает народу. Она отражает коммунистические идеалы и служит наркотиком, необходимым для ухода от настоящего. Однако советская литература сегодня наилучшим образом может служить целям социального историка.

© Симмонс Э. Дж., 2008

**РАЗДЕЛ 4.
ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ,
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ**

Красильникова Н.А.
Новоуральск, Россия

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК СМИ КАК ОБЪЕКТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»
(МГУ, 14-16.02.2008)**

14 – 16 февраля в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова состоялась вторая международная научная конференция «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования».

Эта конференция показала, что за 5 лет, прошедших с первой встречи исследователей медиадискурса, данное научное направление набрало серьезнейшие обороты и сплотило в своих рядах многих известных ученых из России и стран ближнего и дальнего зарубежья, рассматривающих данный феномен в лингвистическом, психологическом и философском аспектах.

Конференция началась с пленарного заседания, которое открыла главный организатор конференции д.ф.н., профессор филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова М. Н. Володина. Привлек большое внимание доклад проректора МГУ и декана философского факультета В. В. Миронова об изменениях коммуникационного пространства России. Особенно запомнилась мысль Владимира Васильевича о том, что наравне с поп-культурой сегодня существует и поп-наука, и, соответственно, поп-ученые, деятельность которых основывается на двух принципах: популяризации продукта их умственного труда и его коммерциализации.

Вызвало активное обсуждение выступление д.ф.н., профессора, зам. директора Института языкознания РАН В. З. Демьянкова, посвященное контрастивному анализу языка и текстов средств массовой информации. Известный ученый обозначил возможные референции категориального местоимения «Мы» и личного местоимения «Я», встречающиеся в дискурсе СМИ России и в политическом его секторе в частности.

Д.ф.н., профессор Киевского национального университета им. Тараса Шевченко Л. А. Кудрявцева представила доклад «Речевое воздействие в современном масс-медийном дискурсе: украинский вектор», главным средством лингвистического исследования в котором выбрана концептуальная метафора.

С философской позиции по вопросу влияния СМИ на изменение традиционного понимания социализации выступил д.ф.н., профессор МГУ им. М. В. Ломоносова В. Г. Кузнецов. Взгляд на художественные конструкторы произ-

ведений искусства и массовых коммуникаций представил член-корр. РАН, профессор факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова В. Ф. Петренко.

Кроме того, все участники конференции имели удовольствие прослушать пленарный доклад профессора кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова Т. Г. Добросклонской о медиалингвистике как новой авторской парадигме изучения языка СМИ.

Мощным завершающим аккордом пленарного заседания стало выступление «патриарха журналистики» д.ф.н., профессора, зав. кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Г. Я. Солганика.

Дальнейшая работа конференции проходила в рамках секционных заседаний, распределенных по десяти направлениям:

- СМИ и информационно-языковая экология общества,
- СМИ и социализация индивида,
- психолингвистический / психосемантический аспекты анализа языка СМИ,
- когнитивно-дискурсивный анализ текстов массовой коммуникации,
- контрастивный анализ языка массовой коммуникации,
- анализ языка СМИ в функциональном и нормативном аспектах,
- реклама как особый тип текста массовой коммуникации,
- язык Интернета,
- современная политическая лингвистика,
- лексикографический аспект медиалингвистики.

Всего в конференции приняли участие свыше 200 человек, среди которых были как опытные, так и начинающие ученые, что позволило осуществить обмен современными научными идеями и взглядами на высоком профессиональном уровне и зарядиться сильнейшей позитивной энергией для продолжения исследования языка СМИ как объекта междисциплинарного изучения. Единственным пожеланием организаторам Международной научной конференции «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования» на будущее может быть расширение пленарного заседания таким образом, чтобы у всех участников конференции была возможность услышать доклады председателей секций и других известнейших ученых, количеству которых на данной конференции можно только позавидовать.

Тезисы всех докладов опубликованы в сборнике материалов конференции. Исследования проблем политической лингвистики представлено в публикациях уральских специалистов А. Б. Зайцевой, Н. А. Красильниковой, Е. А. Нахимовой, И. С. Поляковой, А. Б. Ря-

посовой, О. А. Солоповой, А. П. Чудинова, Т. А. Шабановой и др. Наши земляки активно участвовали и в работе других секций.

Названное издание может служить своего рода справочником по актуальным направлениям современной российской медиалингвистики, в том числе по проблемам массмедийного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного воздействия. Материалы II Международной конференции 14–16 февраля 2008 года (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова) / Сост. М. Н. Володина. – М.: МАКС-Пресс, 2008. – 520 с.

© Красильникова Н. А., 2008

Пирогов Н. А.
Екатеринбург, Россия

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ
Д 212.283.02 в 1994-2007 гг.**

Код совета	Д 212.283.02
Год открытия совета	1994
Специальности совета	10.02.01 – Русский язык (по филологическим наукам) 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (по филологическим наукам)
Председатель	Чудинов А. П., д-р филол. наук, проф.
Зам. председателя	Томашпольский В. И., д-р филол. наук, проф.
Ученый секретарь	Хабиров В. П., канд. филол. наук, доц. – до 1999 г., Пирогов Н. А., канд. филол. наук, доц. с 2000 г.
Количество диссертаций, защищенных в совете	Всего 195 защит, из них: докторских – 29, кандидатских – 166

Блок информации:

Диссертационный совет К 113.42.02 по защите кандидатских диссертаций по специальностям 10.02.01 (русский язык) и 10.02.20 (сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание) был создан в УрГПУ приказом ВАК от 12 марта 1994 года. Это был первый диссертационный совет по специальности 10.02.20, созданный «восточнее Москвы».

Состав совета был утвержден в следующем составе: доктор филологических наук, профессор Чудинов А. П. (председатель), доктор филологических наук, профессор Томашпольский В. И. (зам. председателя), кандидат филологических наук, доцент Хабилов В. П. (ученый секретарь), доктор филологических наук, профессор Бабенко Л. Г., доктор филологических наук, профессор Гарипов Т. М., доктор филологических наук, профессор Дьячков М. В., доктор филологических наук, профессор Демидова К. И., доктор филологических наук, профессор Журавлев А. Ф., доктор филологических наук, профессор Кодухов В. И., доктор филологических наук, профессор Комарова З. И., доктор филологических наук, профессор Левицкий Ю. А., доктор филологических наук, профессор Майданова Л. М., доктор филологических наук, профессор Плотникова Г. Н., доктор филологических наук, профессор Федосюк М. Ю., доктор филологических наук, профессор Фролов Н. К.

В 1996 году приказом ВАК указанный совет был трансформирован в Диссертационный совет Д 113.42.02 по защите кандидатских и докторских диссертаций по тем же специальностям.

В 2000 году приказом ВАК Диссертационный совет Д 113.42.02 по специальностям 10.02.01 (русский язык) и 10.02.20 (сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание) был трансформирован в Диссертационный совет Д 212.282.02 с сохранением специальностей, по которым принимаются диссертации.

Все эти годы председателем совета работает профессор А. П. Чудинов, ученым секретарем совета до 1999 года был доцент В. П. Хабилов, с 2000 года эти обязанности были возложены на доцента Н. А. Пирогова.

В 2000 году состав совета был утвержден в следующем составе: доктор филологических наук, профессор Чудинов А. П. (председатель), доктор филологических наук, профессор Томашпольский В. И. (зам. председателя), кандидат филологических наук, доцент Пирогов Н. А., доктор филологических наук, профессор Бабенко Л. Г., доктор филологических наук, профессор Гридина Т. А., доктор филологических наук, профессор Демидова К. И., доктор филологических наук, профессор Журавлев А. Ф., доктор филологических наук, профессор Комарова З. И., доктор филологических наук, профессор доктор филологических наук, профессор Кусова М. Л., доктор филологических наук, профессор Лазарева Э. А., доктор филологических наук, профессор Майданова Л. М., доктор филологических наук, профессор Пестова Н. В., доктор филологических наук, профессор Плотникова Г. Н., доктор филологических наук, профессор Попова Н. Б., доктор филологических наук, профессор Турбина О. А.,

В декабре 2007 г. решением ВАК Диссертационный совет Д 212.282.02 был перерегистрирован с сохранением прежних специальностей. В его составе произошли следующие изменения.

1. Выведена из состава совета (с учетом личной просьбы) доктор филологических наук, профессор Н. Б. Попова.

2. Введены в состав совета доктор филологических наук, профессор Н. Б. Руженцева, доктор филологических наук, доцент Е. Г. Доценко и доктор филологических наук, профессор Т. В. Попова.

Диссертационный совет чаще всего рассматривает диссертации, посвященные проблем сопоставительной лексикологии и грамматики русского и других языков; проблемы языковой эквивалентности в переводе; работы, посвященные стилистике русского языка, метафорическому моделированию картины мира, когнитивному изучению речевой деятельности и дискурсивным характеристикам общения.

За прошедшие годы в лингвистическом совете при УрГПУ были защищены 29 диссертаций на соискание степени доктора филологических наук и 166 кандидатских диссертаций.

В лингвистическом диссертационном совете за 11 лет аспирантами, докторантами и соискателями УрГПУ было защищено 45 диссертаций.

Еще 150 диссертаций защитили аспиранты, докторанты и соискатели из других организаций, среди которых преобладали представители Уральского государственного университета (22), Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (14), Челябинского государственного педагогического университета и Тюменского государственного университета (по 7), Удмуртского государственного университета и Челябинского государственного университета (по 6), Новосибирского и Шадринского государственных педагогических университетов (по 5). В совете защищались также диссертации, выполненные в Иркутском, Тверском, Кемеровском, Краснояр-

ском, Омском, Алтайском, Вятском, Пермском, Томском, Южно-Уральском государственных университетах, в Кузбасском, Нижневартковском, Ишимском, Оренбургском, Тобольском, Стерлитамакском, Липецком, Омском, Коми государственных педагогических вузах, а также аспиранты из многих других вузов, в том числе зарубежных (Монголия и Турция).

Показательно, что все эти специалисты своевременно получили дипломы докторов и кандидатов наук.

Бывшие докторанты, защитившие диссертации в лингвистическом совете УрГПУ, возглавляют Институты иностранных языков в Челябинском (Л. А. Нефедова), Тверском (Н. Л. Галеева) и Удмуртском (Т. И. Зеленина) государственных университетах, филологический факультет в Поморском государственном университете (Т. В. Симашко). Среди наших «выпускников» – руководители кафедр в УрГПУ (Е. В. Ерофеева, О. П. Казакова, М. Л. Кусова, С. А. Макеева и Т. Н. Осинцева), в Южно-Уральском ГУ (О. А. Турбина), в Тюменском ГУ (Н. Н. Белозерова, Н. Н. Лыкова), в ТюмГАСА (С. Д. Погорелова), в Поморском ГУ (Т. В. Симашко), в Сургутском ГУ (О. И. Усминский), в Удмуртском ГУ (Н. И. Пушина), в Уральском гуманитарном институте (А. А. Каслова), в Поморском государственном университете (Т. С. Нифанова), в Шадринском государственном педагогическом институте (О. И. Коурова), в Пермском ИПК учителей (Т. Б. Трошева) и в других вузах.

С участием докторов, защитивших диссертации в УрГПУ, были организованы диссертационные советы в Тюмени (К. А. Андреева, Н. Н. Белозерова, С. М. Белякова, Л. А. Вараксин, И. С. Карабулатова, Н. Н. Лыкова), в Челябинске (Л. А. Глинкина, А. А. Горбачевский и Л. А. Нефедова), в Ижевске (Т. И. Зеленина, Н. И. Пушина), в Твери (Н. Л. Галеева), в Архангельске (Т. В. Симашко, Т. С. Нифанова) и в Перми (Т. Б. Трошева, Н. В. Данилевская).

**Диссертации, которые были защищены в диссертационном совете
Д 212.283.02 (1994-2007 гг.)**

№ п/п	Тема диссертации (жирным шрифтом выделены докторские диссертации)	Диссертант (город)	Научный руководитель
1994 г.			
1.	«Функционально-стилистический аспект антонимических парадигм в художественных произведениях Л. Н. Толстого»	Елизарова Г. С. (г. Стерлитамак)	Введенская Л. А.
2.	«Роль глаголов со значением трудовой деятельности в отображении жизни уральцев конца XIX в.» (на материале рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка)	Кардапольцева В. Н. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
1995 г.			
1.	«Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношение родства»	Багичева Н. В. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
2.	«Грамматика восприятия в современном русском языке»	Башкова И. Г. (г. Красноярск)	Шмелева Т. В.

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

3.	«Модус-диктумная кореферентность и ее выражение в современном русском языке»	Ким И. Е. (г. Красноярск)	Шмелева Т. В.
1996 г.			
1. Д	«Семантический аспект русской глагольной префиксации»	Вараксин Л. А. (г. Тюмень)	
2.	«Гидронима российского Приишимья»	Карабулатова И. С. (г. Ишим)	Кодухов В. И.
3. Д	«Сравнительно-историческое исследование тенденций формирования французского классического предложения»	Турбина О. А. (г. Челябинск)	Скрелина Л. М.
1997 г.			
1.	«Высокочастотные глаголы в современном русском языке: лексико-семантическая классификация и регулярная многозначность»	Плотникова С. В. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
2.	«Лирические отступления как включенный текст»	Ермолаева И. И. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
3.	«Синонимия производных слов»	Роженцова Л. Н. (г. Иркутск)	Ташлыкова М. Б.
4. Д	«Сенсорно-прагматические и типологические аспекты русских тропов»	Усминский О. И. (г. Тюмень)	
5.	«Функционирование темпоральных существительных в поэтическом тексте»	Капленко В. Н. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
6.	«Русские глаголы с включенной актантажной рамкой: лексико-семантическое и денотативное пространство»	Плотникова А. М. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
7.	«Структурно-семантическое исследование группы существительных на – <i>ние</i> с отвлеченным процессуальным значением»	Смицкая О. И. (г. Оренбург)	Демидова К. И.
8.	«Субстантивные предложения со значением состояния окружающей среды в современном русском языке»	Рябкова Н. И. (г. Шадринск)	Мишина К. И.
1998 г.			
1.	«Семантическая структура от зоонимных прилагательных в современном русском языке»	Цыганкова А. В. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
2.	«Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х г.г. XX в»	Феденева Ю. Б. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
3.	«Названия бытовых емкостей в русском языке: историко-ономастиологический аспект»	Еремина С. А. (г. Екатеринбург)	Рут М. А.
4.	«Синтаксическая композиция тестов рассказов и киносценариев В. М. Шукшина: трансформационный аспект»	Качесова И. Ю. (Алтайский край)	Чувакин А. А.
5.	«Композиционно-речевая структура текста короткого рассказа И. А. Бунина»	Панченко Н. В. (Алтайский край)	Чувакин А. А.
6. Д	«Репрезентация отрицания в семантике лексических и фразеологических единиц (идеографический, ономастиологический, концептуальный анализ)»	Кусова М. Л. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
7. Д	«Деривационно-семантическое пространство русского глагола»	Попова Т. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
8. Д	«Грамматическая вариантность в истории русского языка»	Глинкина Л. А. (г. Екатеринбург)	
9.	«Когнитивно-прагматические особенности высказываний с глаголами речи в современном английском языке» (в сопоставлении с современным русским языком)	Вронская Ю. В. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
10. Д	«Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках»	Андреева К. А. (г. Тюмень)	

11.	«Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными сопоставительными» (в немецком и русском языках)	Тимерханова Н. Н. (г. Ижевск)	Ушаков Г. А.
12.	«Определение возможности синтаксической деривации существительного от прилагательного в современном русском языке»	Шарафутдинов Д. Р. (г. Екатеринбург)	Милославский И.Г.
13.	«Синтагматическое напряжение в романах В. Набокова»	Мухин М. Ю. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
14.	«Лексика удивления в русском и английском языках»	Рассказова Т. П. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
1999 г.			
1.	«Структурно-семантические свойства фразеологических единиц, построенных по модели глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта»	Харлова Н. М. (г. Шадринск)	Чудинов А. П.
2.	«Актуализация периферийных компонентов семантики во вторичных значениях глаголов»	Томилова С. Д. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
3.	«Лексическая эпантихемия в сопоставительном аспекте (на материале современного английского и французского языков)»	Бродский М. Ю. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
4.	«Семантика и функционирование конструкций, включающих глаголы движения, перемещения, изменения положения в пространстве и инфинитив цели»	Журавлева О. Н. (г. Киров)	Чернова С. В.
5.	«Деловые документы Тобольского мужского Знаменского монастыря II половины XVIII века как лингвистический источник»	Выхрыстюк М. С. (г. Тобольск)	Глинкина Л. А.
6. Д	«Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира»	Симашко Т. В. (г. Екатеринбург)	
7.	«Тексты «Троицкой таможни» конца XVIII века середины XIX века как лингвистический источник» (палеографический, графический, орфографический аспекты)	Сивкова Е. А. (г. Челябинск)	Глинкина Л. А.
8.	«Сопоставительное исследование прилагательных эстетической оценки в русском и английском языках»	Татаренко С. В. (г. Челябинск)	Скворцов О. Г., Чудинов А. П.
9.	«Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И. А. Бунина»	Житков А. В. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
10.	«Репрезентация способа, орудия средства в субъективной сфере предложений с глаголами действия, состояния и отношения»	Твердохлеб О. Г. (г. Оренбург)	Лазарева Э. А., Чудинов А. П.
11. Д	«Параметры типологии художественных текстов в деятельности теории перевода»	Галеева Н. Л. (г. Тверь)	Богин Г. И.
12.	«Семантическое пространство глаголов речевой деятельности в русском и английском языках»	Золотарева Н. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
13.	«Наречия времени в чешском и русском языках»	Попова В. Б. (г. Екатеринбург)	Турбина О. А.
2000 г.			
1.	«Высказывания с семантикой состояния: непосредственное описание эмоций и описание – воспоминание»	Лаппо М. А. (г. Новосибирск)	
2.	«Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью»	Белеева И. Д. (г. Екатеринбург)	
3. Д	«Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII-XX в.в.»	Трошева Т. Б. (г. Пермь)	Кожина М. Н.

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

4.	«Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости»	Дубровская О. Г. (г. Тюмень)	Фролов Н. К.
5.	«Итальянский герундий и его русские эквиваленты (видо-временные характеристики)»	Стуликова Ю. А. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
6.	«Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера»	Суспицына И. Н. (г. Екатеринбург)	Матвеев А. К.
7.	«Африкальная гомеология в поэзии М. Цветаевой»	Авдеева Г. А. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
8.	«Интертекст: типология, включение и функционирование в художественном тексте»	Снигирев А. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
9.	«Репрезентация идеи красоты в поэзии Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой»	Мухина Н. М. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
10.	«Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке»	Гоголина Т. В. (г. Екатеринбург)	Акимова О. Б.
11.	«Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах (на материале скороговорки и частушки)»	Муль И. Л. (г. Омск)	Гридина Т. А.
12.	«Ментальные ориентиры языковой игры в детской художественной литературе»	Никаноров С. А. (г. Шадринск)	Гридина Т. А.
14.	«Глаголы труда с оценочным компонентом в современном русском литературном языке»	Анферова Г. Н. (г. Шадринск)	Демидова К. И.
13.	«Диалектная фонетическая система одного уральского говора и ее функционирование в современных условиях»	Смирнова Я. Г. (г. Екатеринбург)	Демидова К. И.
2001 г.			
1.	«Структурно-семантические и грамматические свойства процессуальных фразеологизмов со значением становления»	Корнилова Л. Н. (г. Челябинск)	Глинкина Л. А.
2. Д	«Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики»	Белозерова Н. Н. (г. Тюмень)	
3. Д	«Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм (на материале современного английского языка в сопоставлении с данными русского и удмуртского языков)»	Пушина Н. И. (Удмуртия)	
4.	«Лингвистическое исследование асемантического текста»	Малов В. И. (г. Сургут)	Чудинов А. П.
5.	«Синтаксическая имплицитность во французском языке в сопоставлении с русским»	Аникина О. Е. (г. Челябинск)	Томашпольский В.И.
6.	«Сопоставительное исследование эквивалентности клише и штампов официально-делового языка (на материале стереотипных единиц французского и русского языков)»	Казанцев А. И. (г. Челябинск)	Томашпольский В.И.
7. Д	«Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система»	Казарин Ю. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
8.	«Образные семантические модели русских глагольных предложений»	Воронина Т. М. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
9. Д	«Когнитивно-типологический аспект имплицитности коммуникации»	Нефедова Л. А. (г. Челябинск)	Попова Н. Б.
10. Д	«Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX в.»	Руженцева Н. Б. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
11.	«Концепты жизнь и смерть поэзии М. Цветаевой»	Дзюба Е. В. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
2002 г.			
1.	«Лингвостилистический статус текстов юридической интерпретации и юридического толкования» (на материале русскоязычных и немецкоязычных текстов)	Боровкова М. В. (г. Екатеринбург)	Марова Н. Д.

2.	«Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе»	Колотнина Е. В. (г. Екатеринбург)	Скворцов О. Г., Чудинов А. П.
3.	«Прецедентный интертекст и проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе» (на материале английского, немецкого, и русского языков)	Саксонова Ю.Ю. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
4. Д	«Адекватность поэтического перевода и его внутритекстовых и внетекстовых связей»	Горбачевский А. А. (г. Челябинск)	
5.	«Название газеты: анимасиологический и стилистический аспекты»	Кравец Т. И. (г. Екатеринбург)	Лазарева Э. А.
6.	«Функционально-семантическое поле начала события в английском и русском языках: сопоставительный анализ аспектуальных средств»	Осинцева Т. Н. (г. Екатеринбург)	Хабиров В. П.
7.	«Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста»	Мухин Н. Ю. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
8.	«Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе»	Вершинина Т. С. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
9.	«Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте»)»	Носовец С. Г. (г. Омск)	Кузьмина Н. А.
10.	«Сопоставительное исследование терминологии сферы образования в аспекте прагматики и субъективной модальности» (на материале англоязычных и русскоязычных текстов)	Макеева С. О. (г. Екатеринбург)	Хабиров В. П.
11.	«Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации»	Миронова И. К. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
12.	«Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках»	Погорелова С. Д. (г. Тюмень)	Скворцова О. Г., Чудинов А. П.
13.	«Языковая игра как текстообразующий фактор» (на материале литературных сказок Л. Кэрролла)	Усолкина А. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.
14.	«Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)»	Ряпосова А. Б. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
2003 г.			
1.	«Когнитивная категория художественного пространства и ее репрезентация в романе М. В. Булгакова «Белая гвардия»	Коваленко Ю. Д. (г. Омск)	Кузьмина Н. А.
2.	«Сопоставительное исследование текстов испанского плутовского романа и их переводов на русский язык в липово-эстетическом контексте»	Голубева С. С. (г. Челябинск)	Турбина О. А.
3.	«Сопоставительное исследование диалогов со встречным вопросом в английских художественных текстах и их переводах на русский язык»	Власян Г. Р. (г. Челябинск)	Чудинов А. П.
4.	«Техническая метафора в художественной картине мира»	Борковец Н. И. (г. Челябинск)	Чудинов А. П.
5.	«Англицизмы в деривационно-лексикографическом аспекте»	Сэрээнэн Цэндсүрэн (Монголия)	Плотникова Г. Н.
6. Д	«Семантическая категория невольности осуществления в русском языке»	Стексова Т. И. (г. Новосибирск)	Чувакин А. А.
7.	«Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект»	Миронова П. О. (г. Омск)	Иссерс О. С.
8. Д	«Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком»	Зеленина Т. И. (г. Ижевск)	
9. Д	«Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения» (конструкция с включенным предикатом в присубъектной позиции)	Дьячкова Н. А. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

10.	«Испано-французские языковые контакты (сферы, и динамика проникновения испанских контактных элементов во французский язык)»	Кондакова М. Ф. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
11.	«Субъективная модальность политического дискурса» (на материале российских, британских и американских печатных СМИ)	Зятькова Л. Я. (г. Ишим)	Андреева К. А.
12.	«Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира» (на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста)	Тимофеева А. М. (г. Тобольск)	Андреева К. А.
13.	«Средства репрезентации начинательного и смягчительного способов действия в немецком языке»	Гашкова М. Г. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
14.	«Развитие арабского правового языка: межъязыковое и межкультурное взаимодействие и проблемы перевода»	Фаткуллин Б. Г. (г. Челябинск)	Хабиров В. П.
15.	«Предлоги в деловом языке второй половины XVIII века: структура, семантика, функционирование» (по материалам государственного архива Челябинской области)	Биньковская М. В. (г. Челябинск)	Глинкина Л. А.
16.	«Парцелляция в русском и французском языках: структурные и семантико-синтаксические особенности»	Богоявленская Ю. В. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
17.	«Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США»	Каслова А. А. (г. Екатеринбург)	Скворцов О. Г., Чудинов А. П.
2004 г.			
1.	«Грамматика и поэтика английской народной баллады: историческое развитие проблемы перевода»	Томберг О. В. (г. Екатеринбург)	Знаменская Т.А.
2.	«Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках»	Чибук А. В. (г. Нижний Тагил)	Томашпольский В.И.
3.	«Эвфемизм в политической коммуникации» (на материале английского языка в сопоставлении с русским)	Обвинцева О. В. (г. Екатеринбург)	Знаменская Т. А.
4.	«Газета в аспекте речевого воздействия на личность»	Горина Е. В. (г. Екатеринбург)	Лазарева Э. А., Чудинов А. П.
5.	«Концепты внутреннего мира человека в русских летописях» (на примере концептов душа, сердце)	Кондратьева О. Н. (г. Кемерово)	Пименова М. В.
6.	«Структурно-семантические особенности и степень адаптации англоязычной частично ассимилированной лексики в русском компьютере»	Кошкарлова Н. Н. (г. Чита)	Томашпольский В.И.
7.	«Высокочастотные имена существительные, прилагательные и числительные в современном русском языке» (по материалам лексикографий)	Климова Л. В. (г. Нижневартовск)	Чудинов А. П.
8.	«Концепты ум, разум в русской языковой картине мира»	Сергеева Н. М. (г. Кемерово)	Пименова М. В.
9.	«Категория гендера в английском языке в сопоставлении с русским»	Пылайкина В. П. (г. Екатеринбург)	Знаменская Т. А.
10.	«Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А. П. Чехова)»	Шебалов Р. Ю. (г. Екатеринбург)	Гридина Т. А.
11.	«Лексемы «любовь» и «love»: модели лексикографической интерпретации»	Киселева Е. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
12.	«Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц английского языка» (на материале прозы С. Моэма ее переводов на русский язык)	Гузикова В. В. (г. Екатеринбург)	Казарин Ю. В.
13.	«Семантические свойства вещественных существительных в русском и французском языках»	Соколова О. Л. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
14.	«Латинизированный семантический мета-язык в русском агрономическом подъязыке»	Хасаншина Г. В. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.

15.	«Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста» (на материале романов А.Мердок и их русских переводов)	Соловьева М. А. (г. Екатеринбург)	Знаменская Т. А.
16.	«Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках»	Устуньер Ильяс (г. Стамбул)	Гридина Т. А.
17.	«Вариативность термина и его субституция в русско-язычном и немецко-язычном тексте»	Жавкина Е. Б. (г. Чита)	Комарова З. И.
18.	«Семантическая деривация в афроамериканском и американском вариантах английского языка»	Шустрова Е. В. (г. Екатеринбург)	Хабиров В. П.
19.	«Манифестация текстофилософемной картины видения средствами зооморфической перспективы в текстах Ф. Ницше и их переводах на русский язык»	Шабаева М. А. (г. Екатеринбург)	Марова Н. Д.
2005 г.			
1.	«Терминосфера СМИ в русском и английских языках»	Ефимов Д. К. (г. Шадринск)	Комарова З. И.
2.	«Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации»	Чудакова Н. М. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
3.	«Сложные синтаксические структуры с определительным компонентом в афро-американском варианте английского языка в сопоставлении с литературным английским языком и диалектами Великобритании»	Богуславская Е. Л. (г. Екатеринбург)	Хабиров В. П.
4.	«Семантика и символика прилагательного <i>желтый</i> в русском языке» (в семасиологическом и ономазиологическом аспектах)	Слезкина М. Г. (г. Челябинск)	Турбина О. А.
5.	«Лексика художественных промыслов среднего Урала: структурно-семантический, лексикографический и полинативный аспекты»	Чижова И. Л. (г. Нижний Тагил)	Демидова К. И.
6.	«Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе»	Шилова Е. В. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.
7.	«Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ-ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии»	Красильникова Н. А. (г. Новоуральск)	Бабич Г. Н., Чудинов А. П.
8.	«Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет)»	Шаова О.А. (г. Екатеринбург)	Путырская Ю. М., Чудинов А. П.
9.	«Восприятие студентами прецедентных феноменов используемых в современной политической коммуникации»	Бирюкова Н.С. (г. Лангепас)	Руженцева Н.Б.
10. Д	«Сопоставительное исследование английской и французской национальной языковой картины мира» (на материале денотативных классов из сферы «природа»)	Нифанова Т. С. (г. Северодвинск)	
11.	«Явление мотивационной рефлексии в детской речи»	Колясникова О. С. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
12.	«Функциональные особенности репрезентации удивления в английском и русских языках» (на материале прозы Чарльза Диккенса оригинальных и переводных вариантов)	Мезенцева Т. А. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
13.	«Изменение глагольной лексики основного словарного фонда романских языков»	Гашков М. В. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
14. Д	«Теоретические основы цивилизационного направления в исследовании терминологии»	Палютина Э. Р. (г. Уфа)	Татаринов В. А.
15. Д	«Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира»	Дударева З. М. (г. Стерлитамак)	
16. Д	«Образ времени в диалектной картине мира»	Белякова С. М. (г. Тюмень)	

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

17. Д	«Генезис языка права: начальный этап» (на материале французских и русских документов X-XV веков)	Лыкова Н. Н. (г. Тюмень)	Томашпольский В. И.
18.	«Языковая картина мира в текстах английских стихов NURSERY RHYMES и в их переводах на русский язык»	Анашкина Н. Ю. (г. Екатеринбург)	Знаменская Т. А.
19.	«Особенности представления категории персональности в философских текстах И. Канта и их переводах на русский язык»	Серебрякова А. Ю. (г. Златоуст)	Турбина О. А.
20.	«Когнитивные функции цитаты в естественно-научном тексте» (на материале русского и английского языков)	Шагеева А. А. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.
21.	«Морфодеривационная структура русских субстантивов со значением деятеля в языковом сознании детей и взрослых» (на материале экспериментального словообразования)	Степанова Е. Г. (г. Сургут)	Попова Т. В.
22.	«Структурно-функциональные типы и прагматические характеристики эллипсиса во французском языке в сопоставлении с английским» (на материале газетно-журнальных публикаций)	Морозова Е. И. (г. Челябинск)	Томашпольский В.И.
23.	«Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии»	Шинкаренкова М. Б. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
24.	«Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе»	Булатова Э. В. (г. Екатеринбург)	Лазарева Э. А.
25.	«Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения» (в русском и французском языках)	Трушина Е. В. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.
26.	«Функциональные типы поэтической графики» (на материале русской поэзии XVII-XXI в.в.)	Бадаев А. Ф. (г. Екатеринбург)	Казарин Ю. В.
27.	«Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России»	Стрельников А. М. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
2006 г.			
1.	«Семантическая перспектива экзистенциальных символов в художественном тексте» (на материале произведений русско-немецко- и англо-язычных авторов)	Корнеева Ю. Б. (г. Екатеринбург)	Марова Н. Д.
2. Д	«Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как лингво-культурная ценность»	Коурова О. И. (г. Шадринск)	Чудинов А. П.
3.	«Лингвистическое исследование поэтической рифмы в раннем творчестве И. Бродского»	Костромина Ю. И. (г. Екатеринбург)	Казарин Ю. В.
4.	«Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе»	Шехтман Н. Г. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П. Бабич Г.Н.
5.	«Структура концептов <i>Правда, истина, truth</i> в сопоставительном аспекте»	Агиенко М. И. (г. Кемерово)	Пименова М. В.
6. Д	«Русское предложение с девербативным оборотом: особенности функционирования, синтаксический статус и семантические модели»	Долженко Н. Г. (г. Ханты-Мансийск)	Бабенко Л. Г.
7.	«Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности во французских и русских рекламных текстах»	Гусева Е. В. (г. Тюмень)	Томашпольский В.И.
8.	«Концептуализация как стратегия перевода научного текста» (на материале русского и английского языков)	Харитоновна Е. А. (г. Пермь)	
9.	«Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект»	Перескокова А. Ю. (г. Челябинск)	Чудинов А. П.
10.	«Концептуализация феномена отчуждения в русской и немецкой этноконцептосферах»	Зацепина М. В. (г. Екатеринбург)	Пестова Н. В.

11.	«Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе» (на примере России, Грузии и стран Балтии)	Будаев Э. В. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
12.	«Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка»	Слаутина М. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
13.	«Репрезентация «концепта» вдохновение в русской литературной традиции»	Головатина В. М. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
14.	«Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе»	Светоносова Т. А. (г. Екатеринбург)	Бабич Г. Н.
15.	«Лексикографическое представление спортивно-игровых терминов на основе сопоставительного исследования французской и русской терминосфер спортивных игр»	Хмелевская И. Ю. (г. Екатеринбург)	Путырская О. Г.
16.	«Субъективная модальность и тональность в политическом интертексте»	Тагильцева Ю. Р. (г. Екатеринбург)	Руженцева Н. Б.
17.	«Категоризация пространства в поэтическом тексте» (на материале поэзии И. Анненского)	Дудорова М. В. (г. Екатеринбург)	Бабенко Л. Г.
18.	«Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах» (на материале паремий и афоризмов)	Передриенко Т. Ю. (г. Челябинск)	Бабенко Л. Г.
19.	«Тезаурусное моделирование юридической терминологии» (на материале французского языка в сопоставлении с русским)	Быкова С. Е. (г. Екатеринбург)	Томашпольский В.И.
20. Д	«Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста» (аксиологический аспект)	Данилевская Н. В. (г. Пермь)	Кожина М. Н.
21.	«Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений»	Иванилов В. М. (г. Екатеринбург)	Гридина Т. А.
22.	«Процесс семантического отталкивания в русских народных говорах» (на материале зауральских говоров)	Парилова Н. А. (г. Шадринск)	Демидова К. И.
23.	«Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый/грязный» и «clean/dirty» (по материалам лексикографии)	Сергиенко Н. А. (г. Сургут)	Чудинов А. П.
24.	«Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русский перевод)»	Балашов С. Н. (г. Екатеринбург)	Знаменская Т. А.
25. Д	«Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков)»	Федуленкова Т. Н. (г. Северодвинск)	
2007 г.			
1.	«Концепты зло и EVIL в российском и американской политической картине мира»	Тихонова С. А. (г. Омск)	Кузьмина Н. А.
2.	«Английские контактные элементы в русском компьютерном подъязыке»	Глазырина А. И. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.
3.	«Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф. М. Достоевского»	Алексеева М. А. (г. Екатеринбург)	Плещев Н. А.
4.	«Функционирование пунктуационных знаков в тексте: сопоставительное исследование на материале французского и русского языков»	Дондик Л.Ю. (г. Нижний Тагил)	Томашпольский В.И.
5. Д	«Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект»	Дронова Л. П. (г. Томск)	Резанова З. И.
6.	«Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты»	Гашева О. В. (г. Екатеринбург)	Ерофеева Е. В.

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

7.	«Субъективная модальность в русских и английских рекламных проспектах образовательных услуг»	Казанцева Ю. С. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.
8.	«Метафора в российском педагогическом дискурсе»	Кабаченко Е. Г. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
9.	«Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова»	Прокопьева А. А. (г. Шадринск)	Чудинов А. П.
10.	«Толерантность – от феномена к лингвокультурному концепту»	Сумина Е. В. (г. Шадринск)	Пестова Н. В.
11.	«Сопоставительный структурно-семантический анализ бессоюзных сложных предложений в русском и немецком языках»	Зенченко М. А. (г. Екатеринбург)	Пирогов Н. А.
12.	«Реализация манипулятивного потенциала концептуальной метафоры в российском и американском политическом нарративе, посвященном войне в Ираке 2003-2004 гг.»	Чернякова М. В. (г. Челябинск)	Чудинов А. П.
13.	«Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ»	Моисеева Т. В. (г. Волжский)	Чудинов А. П.
14.	«Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект»	Воробьева Н. А. (г. Екатеринбург)	Коновалова Н. И.
15.	«Семантизация термина в научно-учебном проекте (на интеграле терминологии радиотехники в русском и французском языках)»	Иванова С. А. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.
16.	«Эвфемизация теонимов и демонимов в некоторых индоевропейских и афразийских языках»	Черникова Е. М. (г. Челябинск)	Томашпольский В.И.
17.	«Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование»	Краев С. В. (г. Екатеринбург)	Комарова З. И.
18.	«Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004г.»	Ворожцова О. А. (г. Екатеринбург)	Чудинов А. П.
19.	«Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской языковых картин мира»	Завьялова Н. А. (г. Екатеринбург)	Знаменская Т. А.
20.	«Семантика и функционирование слова <i>свобода</i> в произведениях А. И. Солженицына»	Злобин А. А. (г. Киров)	Чернова С. В.
21.	«Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи»	Сурина А. В. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
22.	«Антитеза в заголовках статей российской и французской прессы»	Плаксина Е. Б. (г. Екатеринбург)	Путырская О.Г.
23.	«Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М. А. Булгакова»	Головенкина Н. В. (г. Челябинск)	Кубасов А. В.
24.	«Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт)»	Антонова Ю. А. (г. Екатеринбург)	Руженцева Н. Б.
25.	«Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или туда и обратно» и его переводах на русский язык»	Назин А. С. (г. Сургут)	Черепанова Л. В.
26.	«Сопоставительное исследование функционально-семантического поля определенности / неопределенности в афроамериканском и британском вариантах английского языка»	Овешкова А. Н. (г. Екатеринбург)	Хабиров В. П.

© Пирогов Н. А., 2007

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ЗАЩИТЕ КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ
К 212.283.05 в 1998-2007 гг.

Код совета	К 212.283.05
Год открытия совета	1998
Специальности совета	13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (русский язык; уровень общего и профессионального образования) (по педагогическим наукам) 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (иностранный язык; уровень общего и профессионального образования) (по педагогическим наукам) 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (по педагогическим наукам)
Председатель	Чудинов А.П., д-р филол. наук, проф.
Зам.председателя	Комарова З.И., д-р филол. наук, проф.
Ученый секретарь	Гиниатуллин И.А., канд.пед.наук, проф.
Количество диссертаций, защищенных в совете	Всего 94 защиты

Блок информации:

Еще 10 лет назад защита диссертации по теории и методике преподавания русского и иностранных языков была возможна только в Москве и Санкт-Петербурге. Положение изменилось только в 1998 году, когда приказом ВАК РФ за № 316 – от 22 апреля 1998 г. в Уральском государственном педагогическом университете был создан Диссертационный совет К 212.42.09 по защите кандидатских диссертаций по специальностям 13.00.02 (теория и методика образования и воспитания: русский язык, иностранные языки).

01 декабря 2000 года приказом ВАК МО РФ за № 407- этот Диссертационный совет был трансформирован в Диссертационный совет К 212.282.05 по тем же специальностям с введением дополнительной специальности 13.00.08 (теория и методика профессионального образования).

Все эти годы председателем совета работает доктор филологических наук, профессор А. П. Чудинов, а ученым секретарем – кандидат педагогических наук, профессор И. А. Гиниатуллин. Показательно, что в состав совета по-

прежнему входят все специалисты, работавшие в нем со дня создания.

Этот диссертационный совет до сих пор остается единственным, принимающим диссертации по теории и методике преподавания русского и иностранных языков (специальности 13.00.02) на территории Уральского и Сибирского федеральных округов.

За время существования совета (1998-2007 гг.) в нём прошла защита 94 диссертаций на соискание учёной степени кандидата педагогических наук, представленных аспирантами и соискателями вузов из следующих городов:

Екатеринбург – 30 диссертаций (31,9%), Нижний Тагил – 7 диссертаций (7,4%), другие города УрФО (Нижевартовск, Ноябрьск, Тюмень, Челябинск, Шадринск) – 12 диссертаций (12,7%), Пермь – 19 диссертаций (20,2%), другие города Европейской части РФ (Ижевск, Киров, Липецк, Пенза, Стерлитамак, Сыктывкар, Уфа) – 10 диссертаций (10,6%), города Сибирского региона (Иркутск, Омск, Томск, Новосибирск, Новокузнецк, Красноярск) – 16 диссертаций (17%).

Диссертации, защиты которых прошли в диссертационном совете
К 212.283.05 в 1998-2007 гг.

№ п/п	Тема диссертации	Диссертант (город)	Научный руководитель
1998 г.			
1.	«Развитие выразительности речи младших школьников»	Казакова В. И. (г. Екатеринбург)	Аничкин С. А., Чудинов А. П.
1999 г.			
1.	«Подготовка студентов к работе с произведениями живописи при изучении русского языка в школе»	Сычугова Л. П. (г. Киров)	
2.	«Изучение именных частей речи на уроках русского языка в условиях интегрированного обучения русскому и родному (удмуртскому) языкам»	Шутова Н. А. (г. Ижевск)	Ушаков Г. А.

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

3.	«Обучение аргументированному общению студентов 3 курса языкового вуза»	Румянцева Т. А. (г. Пенза)	Шатилов С. Ф.
4.	«Развитие коммуникативных умений учащихся и возможности коррекции общения подростков на уроках русского языка»	Кармадонова О. Э. (г. Новосибирск)	Зайдман И. Н.
5.	«Рекламные тексты как средство формирования иноязычной коммуникативной компетентности в профессионально-ориентированном чтении»	Панина Е. Ю. (г. Пермь)	Серова Т. С.
6.	«Формирование структурно-композиционных навыков иноязычного профессионально-ориентированного чтения у переводчиков в условиях деловой коммуникации»	Улитина С. Г. (г. Пермь)	Серова Т. С.
2000 г.			
1.	«Методика создания и использования коммуникативных игр для формирования устно-речевых умений»	Федосеева Т. А. (г. Новокузнецк)	Вершинина Г. Б.
2.	«Экскурсионная речь как профессиональный педагогический жанр учителя-словесника»	Налимова Т. А. (г. Новокузнецк)	Вершинина Г. Б.
3.	«Обучение дошкольников иностранному языку на интегрированной основе» (на материале немецкого языка)	Агапитова Т. Г. (г. Пермь)	Серова Т. С.
4.	«Обучение студентов старших курсов языкового факультета самостоятельной учебной деятельности по усвоению грамматических явлений» (на материале немецкого языка)	Брусянина О. П. (г. Екатеринбург)	Гиниатуллин И. А.
5.	«Формирование умения восприятия образности при чтении иноязычного художественного текста у студентов старших курсов языкового факультета» (на материале немецкого языка)	Яндыганова Д. А. (г. Екатеринбург)	Гиниатуллин И. А.
6.	«Обучение дошкольников иностранному языку на интегративной основе» (на материале немецкого языка)	Нельзина Е. Н. (г. Пермь)	Серова Т. С.
2001 г.			
1.	«Совершенствование орфографической грамотности слушателей подготовительных курсов для поступающих в вузы»	Сарьянова Р. Ш. (г. Пермь)	Чудинов А. П.
2.	«Обучение профессионально-ориентированному информативному чтению-диалогу англоязычных научно-методических текстов»	Мосина М. А. (г. Нижневартовск)	Серова Т. С.
2002 г.			
1.	«Формирование умений коммуникативно-речевого взаимодействия при обучении иноязычному деловому общению»	Горева Т. А. (г. Пермь)	Серова Т. С.
2.	«Формирование умений невербального общения в ситуации иноязычного монологического высказывания» (на примере ситуации презентации)	Мощанская Е. Ю. (г. Пермь)	Серова Т. С.
3.	«Обучение студентов педагогического вуза речевому этикету как компоненту иноязычной культуры»	Филиппова Л. В. (г. Стерлитамак)	Утехина А. Н.
4.	«Индивидуализация обучения как средство формирования коммуникативной компетентности на уроках русского языка»	Ефремова О. А. (г. Новосибирск)	Зайдман И. Н.
5.	«Методика формирования коммуникативных и рефлексивных умений подростков на основе сказкотерапии на уроках русского языка»	Баранник А. С. (г. Новосибирск)	Зайдман И. Н.
6.	«Обучение квалификативному высказыванию на английском языке с использованием аутентичных текстов в 11 классе средней общеобразовательной школы»	Белкина Е. П. (г. Сыктывкар)	Годунов Б. П.
7.	«Обучение переводческой записи как программе	Аликина Е. В.	Серова Т. С.

	порождения устного текста перевода»	(г. Пермь)	
8.	«Дидактические основы формирования мотивации при обучении иноязычному профессионально-ориентированному информативному чтению»	Дубровина М. А. (г. Пермь)	Серова Т. С.
9.	«Подготовка студентов старших курсов языкового факультета к постдипломному практико-языковому самообразованию с использованием мультимедийных средств»	Золотавина Ф. Г. (г. Тюмень)	Гиниатуллин И. А.
2003 г.			
1.	«Методика создания и использования намека как приема педагогического воздействия»	Афанасенко О. Б. (г. Кузбасс)	Вершинина Г. Б.
2.	«Развитие интонационной компетентности младших школьников»	Василевская Н. Г. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
3.	«Общепедагогическая подготовка курсантов вузов МВД РФ»	Четвернина Т. Ю. (г. Екатеринбург)	Левитан К. М.
4.	«Развитие демократической культуры студентов юридического вуза»	Югова М. А. (г. Екатеринбург)	Левитан К. М.
5.	«Обучение стратегиям научной дискуссии на иностранном языке в неязыковом вузе»	Галанова О. А. (г. Тюмень)	Серова Т. С.
6.	«Обучение иноязычному профессионально-ориентированному аудированию на среднем этапе в условиях технического вуза»	Яковлева В. А. (г. Екатеринбург)	Сергеева Н. Н.
7.	«Информационная основа речевой деятельности в формировании лексических навыков аудирования иноязычного монологического высказывания»	Коваленко М. П. (г. Пермь)	Серова Т. С.
8.	«Культуроведчески ориентированная интерпретация иноязычных художественных текстов в профессиональном языковом образовании»	Голубкова О. Н. (г. Ижевск)	Утехина А. Н.
2004 г.			
1.	«Компьютерное тестирование как средство интенсификации обучения английскому языку в юридическом вузе»	Ялаева Н. В. (г. Екатеринбург)	Левитан К. М.
2.	«Обучение иноязычной диалогической речевой деятельности будущих учителей на основе страноведческой информации»	Канцур А. Г. (г. Пермь)	Серова Т. С.
3.	«Формирование умений самостоятельного совершенствования методической стороны профессиональной подготовки преподавателя иностранного языка (старший этап обучения классический университет)»	Бредихина И. А. (г. Екатеринбург)	Гиниатуллин И. А.
4.	«Технология развития навыков речевого этикета у учащихся 5-6 классов»	Толкач С. В. (г. Нижневартовск)	Чудинова И. С.
5.	«Дифференцированное обучение иноязычному чтению младших школьников» (на материале немецкого языка)	Чеснокова Е. В. (г. Липецк)	Сергеева Н. Н., Тучкова Т. У.
6.	«Повышение орфографической грамотности с учетом аудиальной модальности младшего школьника»	Юденко Ю. Р. (г. Екатеринбург)	Булохов В. Я.
7.	«Обучение ритмико-интонационной выразительности речи в профессиональном языковом образовании»	Милютинская Н. Ю. (г. Уфа)	Утехина А. Н.
8.	«Подготовка студентов старших курсов языкового факультета к самостоятельному совершенствованию письменной иноязычной речи» (на материале английского языка)	Хильченко Т. В. (г. Шадринск)	Гиниатуллин И. А.
9.	«Интегрированное обучение студентов экономических специальностей иноязычному монологическому высказыванию на основе текстов профессионального содержания»	Багарядцева М. С. (г. Екатеринбург)	Путырская О. Г.
10.	«Обучение слушанию как виду речевой и учебной деятельности учащихся старших классов»	Нефедова Н. В. (г. Ноябрьск)	Кусова М. Л.

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

2005 г.			
1.	«Обучение иноязычным фразеологическим единицам» (на материале французского языка как дополнительной специальности – 13.00.08)	Кустова А. Е. (г. Нижний Тагил)	Сергеева Н. Н.
2.	«Обучение аудированию иноязычной речи студентов неязыкового ВУЗа»	Зудова Я. В. (г. Верхняя Салда)	Сергеева Н. Н.
3.	«Изучение текста родословной на уроках развития речи как средство развития коммуникативных умений учащихся 9-х классов»	Чайковская Е. Н. (г. Новокузнецк)	Коротаева Е. В.
4.	«Развитие коммуникативных умений младших школьников во внеклассной деятельности» (на материале занятий детского фольклорного ансамбля)	Хвостова Е. В. (г. Нижневартовск)	Чудинова И. С.
5.	«Формирование лингводидактической компетенции студентов при изучении дисциплины “Теория обучения иностранным языкам”»	Тевелевич А. М. (г. Омск)	Сергеева Н. Н.
6.	«Обучение студентов III курса языкового педагогического факультета личностному самовыражению в письменной речи» (на материале пейзажного описания на французском языке)	Уляшева Т.В. (г. Сыктывкар)	Сергеева Н.Н.
7.	«Обучение гибкому профессионально-ориентированному иноязычному чтению в процессе профессиональной подготовки студентов»	Раскопина Л. П. (г. Пермь)	Серова Т. С.
8.	«Проектирование профессиональной подготовки конструкторов одежды в условиях ВУЗа»	Росновская Л. В. (г. Екатеринбург)	Закс Л. А.
9.	«Формирование фонетических и фонационных навыков иноязычной устной речевой деятельности у студентов неязыкового ВУЗа» (на основе английских песенных материалов)	Аристова Е. А. (г. Пермь)	Серова Т. С.
10.	«Формирование профессиональных и личностных качеств специалистов-переводчиков средствами физической культуры»	Леготкина Л. Р. (г. Пермь)	Серова Т. С.
11.	«Подготовка студентов старших курсов языкового факультета к самостоятельному совершенствованию риторического аспекта иноязычной монологической речи»	Макарова Е. В. (г. Екатеринбург)	Гиниатуллин И. А.
12.	«Решение коммуникативно-познавательных задач как средство обучения профессиональному иноязычному информативному чтению будущих учителей»	Ковалева Т. А. (г. Пермь)	Серова Т. С.
2006 г.			
1.	«Использование словообразовательных окказионализмов как текстообразующего средства при написании сочинений младшими школьниками»	Кулакова Н. В. (г. Красноярск)	Булохов В. Я.
2.	«Обучение слушанию как виду речевой деятельности в 5-6 классах»	Сегова Т. Д. (г. Нижний Тагил)	Чудинов А. П.
3.	«Формирование познавательной мобильности у старших дошкольников и младших школьников в лингвистическом образовании»	Нестерова Ю. В. (г. Екатеринбург)	Кусова М. Л.
4.	«Формирование адекватного отношения к опасностям техносферы у будущих учителей»	Чванов Н. А. (г. Екатеринбург)	Днепров С. А.
5.	«Формирование профессиональных умений иноязычного говорения при подготовке к дискуссии студентов неязыкового ВУЗа»	Ковалева Д. Б. (г. Омск)	Сергеева Н. Н.
6.	«Коммуникативный тренинг как средство совершенствования иноязычных устно-речевых умений студентов неязыкового ВУЗа» (на материале английского языка)	Милюшенко Т. В. (г. Омск)	Сергеева Н. Н.
7.	«Подготовка будущих лингвистов к самостоятельной учебной деятельности по овладению но-	Белоглазова С. И. (г. Екатеринбург)	Гиниатуллин И.А.

	выими профессиональными подъязыками»		
8.	«Методика создания и дидактической организации гипертекста при изучении теоретических дисциплин в профессиональной подготовке специалиста-переводчика»	Сюльжина Н. К. (г. Пермь)	Серова Т. С.
9.	«Развитие коммуникативной компетентности старшеклассников при создании портретного очерка и литературного портрета»	Груздева Н. А. (г. Екатеринбург)	Руженцева Н. Б.
10.	«Формирование межкультурной коммуникативной компетентности у студентов-менеджеров при изучении иностранного языка»	Куприна Т. В. (г. Екатеринбург)	Возженикова И. Д.
11.	«Обучение письменному реферативному изложению информации в процессе профессионально-ориентированного иноязычного чтения»	Колобкова А. А. (г. Екатеринбург)	Серова Т. С.
12.	«Разработка «электронного учебника» как условие развития проектировочных умений будущих педагогов»	Торлопова Н. И. (г. Нижний Тагил)	Коротаева Е. В.
13.	«Обучение будущих инженеров иноязычной диалогической речевой деятельности во взаимосвязи с профессионально-ориентированным информативным чтением»	Кабанова Н. Ю. (г. Пермь)	Серова Т. С.
14.	«Проектная деятельность студентов педагогического колледжа при обучении иностранному языку как средство формирования методических умений»	Фрицко Ж. С. (г. Красноуфимск)	Сергеева Н. Н.
2007 г.			
1.	«Навыки и умения осмысления и понимания в полном письменном переводе как дидактический объект профессиональной подготовки переводчика»	Наугольных А. Ю. (г. Пермь)	Серова Т. С.
2.	«Методика работы с аутентичными видеозаписями при обучении английскому языку в рамках элективного курса в ВУЗе» (продвинутый уровень)	Дворжец О. С. (г. Омск)	Сергеева Н. Н.
3.	«Социально-ролевой подход в обучении как фактор становления профессионально-педагогической компетентности будущих учителей»	Кустова О. Л. (г. Екатеринбург)	Коротаева Е. В.
4.	«Взаимное обучение как условие развития когнитивной мобильности у будущих учителей»	Аракелова Т. Л. (г. Нижний Тагил)	Коротаева Е. В.
5.	«Развитие речевой культуры младших подростков в V классе»	Алексеева Е. Д. (г. Стерлитамак)	Липецкая Л. М.
6.	«Развитие социокультурной компетенции в процессе работы с учебным аутентичным текстом при обучении немецкому языку студентов-регионоведов»	Ежкина Т. М. (г. Омск)	Сергеева Н. Н.
7.	«Учебный глоссарий как средство развития учебной иноязычно-лексической компетенции в профессиональном языковом образовании»	Ятаева Е. В. (г. Тюмень)	Гиниатуллин И. А.
8.	«Обучение студентов использованию императивных речевых жанров в педагогическом общении»	Григорьева М. А. (г. Новосибирск)	Зайдман И. Н.
9.	«Обучение студентов языкового ВУЗа самостоятельному совершенствованию сложных аудитивных умений иноязычной речи»	Позняк Д. В. (г. Екатеринбург)	Гиниатуллин И. А.
10.	«Развитие перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков»	Ярошенко О. Н. (г. Челябинск)	Репин С. А.
11.	«Развитие иноязычной учебной компетентности на начальном этапе профессионального языкового образования»	Солонина Л. В. (г. Шадринск)	Гиниатуллин И. А.

Раздел 4. Хроника, рецензии, письма в редакцию

12.	«Основы диагностики специальной познавательной компетентности в профессиональном языковом образовании»	Кирюшина О. В. (г. Нижний Тагил)	Гиниатуллин И. А.
13.	«Обучение иноязычному монологическому говорению во взаимосвязи с информативным чтением в процессе профессиональной подготовке будущего инженера»	Малетина Л. В. (г. Томск)	Серова Т. С.
14.	«Формирование организационно-исследовательского компетентности профессиональной подготовки будущих специалистов службы спасения»	Ваганова Г. В. (г. Екатеринбург)	Мельников Ю. Б.
15.	«Развитие информационной культуры студентов ВУЗа на основе культурологического подхода»	Степанова О. А. (г. Челябинск)	Литвак Р. А.
16.	«Формирование профессионально-педагогической направленности будущих учителей русского языка и литературы»	Колесникова Е. А. (г. Челябинск)	Литвак Р. А.
17.	«Развитие языковой личности младшего школьника в процессе лингвистического образования»	Демышева А. С. (г. Екатеринбург)	Кусова М. Л.
18.	«Развитие познавательной компетентности учащихся профессиональных образовательных заведений деонтического типа в процессе самостоятельной работы по истории»	Шаламов В. В. (г. Екатеринбург)	Гузненко З. И.
19.	«Использование исследовательских методов в лексической работе на уроках русского языка в основной школе»	Воробьева Т. В. (г. Екатеринбург)	Кусова М. Л.
20.	«Предтекстовый этап работы над сочинением в старших классах»	Кашникова И. В. (г. Екатеринбург)	Попова Т. В.
21.	«Обучение омонимичным грамматическим структурам студентов-филологов в процессе иноязычного чтения (на материале грамматических структур с компонентом haben/sein/werden)»	Стренадюк Г. С. (г. Екатеринбург)	Сергеева Н. Н.
22.	«Формирование иноязычного лексикона специалиста в интегративном обучении иностранному языку и общепрофессиональным дисциплинам»	Архипова Е. И. (г. Пермь)	Серова Т. С.
23.	«Компьютерное обучение испанскому языку на начальном этапе профессионального языкового образования»	Горшкова Е. Е. (г. Екатеринбург)	Сергеева Н. Н.
24.	«Формирование у студентов колледжа технологий сервиса готовности к профессиональному поликультурному взаимодействию»	Сличная Н. В. (г. Екатеринбург)	Моисеева Л. В.
25.	«Обучение студентов и учителей адекватным реакциям (на материале провокаций в педагогическом общении)»	Факторович Т. В. (г. Иркутск)	Зайдман И. Н.
26.	«Становление профессионального педагогического сознания обучающихся в условиях бинарной образовательной системы «лицей — колледж»	Кузнецова С. Ю. (г. Екатеринбург)	Симонова А. А.

© Гиниатуллин И. А., 2007

ERRATA

1. Письмо в редакцию

Я обнаружил две частные ошибки в своем исследовании китайского концепта *jieji*, «социальный класс». И хотя эти ошибки не влияют на общие выводы, считаю необходимым представить правильную информацию.

Упомянутый иероглиф *pinyin* и его транслитерация *fu*, чья редуцированная форма передает значение «левая рука», является семантическим элементом в комплексном иероглифе *jie*, который переводится скорее как «насыпь, курган», нежели «холм» источником www.mandarin-tools.com, доступ на который был сделан 10 декабря 2007 года. Он также образует семантический элемент комплексного иероглифа *ling* (холм) и целого ряда других иероглифов, некоторые из которых буквально или метафорически передают значение возвышенности. Согласно упомянутому источнику, в современном китайском языке *jie* означает «ступень». Значение «лестница» возникает в комплексном иероглифе *jietu*, в котором сочетаются «ступень» и «наклон», в результате чего получаем «наклонные ступени». Изображение, которое выглядит как лестница в правой руке, фонетический элемент иероглифа *jie* является частью еще одного иероглифа, также произносимого как *jie* и означающего «все, каждый». Данный фонетический справочник был выбран из ряда других для визуального представления информации из семантического справочника.

Более серьезным представляется мое заблуждение относительно *simin* и *shimin*, «жители города». В действительности, *simin*, являясь компонентом иероглифа «четыре» и «люди», относится к четырехчастному (ученые, земледельцы, ремесленники и торговцы) представлению горожан у классических китайских авторов. Таким образом, вопреки сделанному мной ранее утверждению, *simin* не соответствует оригинальному значению английского слова «commoner» исключая сельских жителей.

Иероглифы для *simin* представил и описал их значения, например, Ромеин Тейлор в своей работе «Китайская иерархия в сравнительной перспективе» (Romeyn Taylor, "Chinese Hierarchy in Comparative Perspective," *The Journal of Asian Studies* 48, 3 (August 1989), 498, 507). Ко времени написания своей работы я еще был не знаком со статьей Тейлора. То же самое значение, но не иероглиф, представлено в работе Филиппа А. Кана «Китайские взгляды на социальную классификацию» (Philip A. Kuhn, "Chinese Views of Social Classification," in Penelope J. Corfield, ed. *Language, History and Class* (Oxford, UK: Basil Blackwell, 1991), 231-232). Мне следовало сослаться на Кана, так как именно в его работах я впервые столкнулся с терминами *jieji* и *simin*, но позабыл источник. Кан (228-230) утверждает, что *jieji* обозначает концепт соци-

альной организации, характерной для Китая, где общество воспринимается как вертикальная последовательность множества чинов. Перечитав его анализ *jieji*, я настаиваю на своей интерпретации, которая, я полагаю, лучшим образом соотносится с дополнительными доводами, приводимыми Каном. В аргументе Кана не учитываются множественные визуальные контрасты между лестницей и тканью, связывающие китайский концепт с метафорами, существующими и за пределами Китая.

Я приношу свои извинения за сделанные ошибки; ответственность за них полностью лежит на мне.

Ричард Д. Андерсон, мл.
Лос Анджелес, Калифорния, США
11 декабря 2007

2. Сообщение редакционной коллегии

Необходимо внести уточнения в оглавление на английском языке.

Том 22 (2), 2007. На стр. 5 "What You Say Is What Get" читать "What You Say Is What You Get"

Том 23 (3), 2007. На стр. 5 "Dial G.F." читать "Fernandez-Diaz G."

Volume 22 (2), 2007. On page 5 for "What You Say Is What Get" read "What You Say Is What You Get"

Volume 23 (3), 2007. On page 5 for "Dial G.F." read "Fernandez-Diaz G."

Editorial Board

3. Сообщение редакционной коллегии

В томе 23 из-за сбоя в работе техники в статье доцента Керимова Р. Д. «Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ» (С. 96-107) были допущены некоторые неточности, а именно:

На с. 99 (второй столбик, третий абзац) вместо:

«В следующем случае (7) реализуется компонент устойчивого сочетания „eine weiße Weste haben“ в значении «иметь незапятнанную репутацию», а в буквальном смысле выражающее предмет мужского костюма – «жилет белого цвета» (ср. в русском языке: «быть (делать что-то) в белых перчатках»): (7) ...»

следует читать:

«В следующем случае (7) реализуется компонент устойчивого сочетания „eine weiße Weste haben“ в значении «иметь незапятнанную репутацию», в буквальном смысле выражающий предмет мужского гардероба – «жилет белого цвета» (ср. в русском языке: «быть (делать что-то) в белых перчатках»), причем в контексте высказывания «белый» цвет данного текстильного предмета подчеркивается другой метафорой, указывающей на цвет светлой цветовой гаммы – «золотисто-бронзовый» (нем. „die Goldbronze“): (7) ...»

На с. 104 (первый столбик, второй абзац) вместо:

«До сих пор в политических речах используются метафора «железный занавес» (нем. „der Eiserner Vorhang“), которая была введена в оборот в 1961 г. после строительства Берлинской стены, отделившей восточную часть города – столицу ГДР – от Западного Берлина. Данные действия восточногерманского правительства были восприняты в Западных странах, и, прежде всего – в ФРГ, весьма болезненно, а западные политики заявили, что на Европу «опустился железный занавес». В 1989 г. Берлинская стена «рухнула», но западные, в том числе и немецкие, политики до сих пор используют в своём риторическом арсенале этот образ, описывая исторические процессы в европейской истории второй половины XX в., а также якобы имевшее место, с точки зрения некоторых немецких политиков, «героическое» сопротивление восточноевропейских народов Советской власти, как, например, антиправительственные выступления рабочих и беспорядки в ПНР в 80-х гг. прошлого века».

следует читать:

«До сих пор в немецких политических речах используются метафора «железный занавес» (нем. „der Eiserner Vorhang“), которая для западногерманских политиков стала наиболее актуальной в августе 1961 г. после строительства Берлинской стены, отделившей восточную часть города – столицу ГДР – от Западного Берлина. Данные действия восточногерманского правительства были восприняты в Западных странах, и, прежде всего – в ФРГ, весьма болезненно, а западногерманские политики заявили, что «железный занавес» «опустился» на границу двух Германий. В 1989 г. Берлинская стена «рухнула», но западные, в том числе и немецкие, политики до сих пор используют в своём риторическом арсенале этот образ, описывая исторические процессы в европейской истории второй половины XX в., а также якобы имевшее место, с точки зрения некоторых немецких политиков, «героическое» сопротивление восточноевропейских народов своим коммунистическим режимам, как, например, антиправительственные выступления рабочих и беспорядки в ПНР в 80-х гг. прошлого века».

На с. 104 (второй столбик, третий и четвёртый абзацы) вместо:

«Конец холодной войны в Европе ознаменовался, по мнению современных немецких политиков, окончательным разрывом «железного занавеса», хотя ради исторической справедливости следует отметить, что на самом деле «железный занавес» никто не «рвал» и не «порвал». Его, а точнее – её (Берлинскую стену) – снесли те же, кто её в своё время и установил – восточногерманское правительство.

Даже начавшиеся в 1980 г. незаконные антиправительственные выступления недовольных повышением цен и подстрекаемых провока-

торами судостроительных рабочих в Польской Народной Республике, вследствие которых польское правительство было вынуждено передать власть в руки военных во главе с генералом В. Ярузельским и ввести в стране с 13 декабря 1981 г. военное положение, современные немецкие политики выдают за осмысленную и спланированную попытку противостоять коммунистическим властям, причём не ПНР, а СССР, хотя Советский Союз никакого отношения к этому кризису в Польше не имел и в его разрешении никаким образом не участвовал».

следует читать:

«Конец холодной войны в Европе ознаменовался, по мнению современных немецких политиков, окончательным разрывом «железного занавеса», хотя ради исторической справедливости следует отметить, что на самом деле «железный занавес» никто не «рвал» и не «порвал». На границе Восточной Германии и Западного Берлина его, а точнее – её (Берлинскую стену) – снесли те же, кто в своё время и установил – восточногерманское правительство. Да и само восприятие Берлинской стены как «занавеса» на границе между ГДР и ФРГ в корне неверно, поскольку в Берлине была установлена граница ГДР с Западным Берлином, который во времена существования двух Германий юридически никогда не был частью ФРГ, а имел свой особый статус и вплоть до 1990 г. всё ещё находился под оккупацией трёх держав-победительниц: США, Великобритании и Франции. «Снос» стены в 1989 г. на границе Восточного и Западного Берлина в современной единой Германии и во всём Западном мире воспринимается как открытие границы из ГДР в ФРГ, но это тоже миф, ибо юридически была открыта граница всего лишь в Западный Берлин, который, как уже было сказано выше, юридически никогда не был частью ФРГ и который в 1990 г., также как и ГДР, был присоединен к Западной Германии (ФРГ) в качестве (на тот момент) самостоятельной административно-политической единицы.

Начавшиеся в Польской Народной Республике летом 1980 г. незаконные антиправительственные выступления судостроительных рабочих, недовольных повышением цен и уровнем своего благосостояния в целом, вследствие которых польское правительство было вынуждено передать власть в руки военных во главе с генералом В. Ярузельским и ввести в стране с 13 декабря 1981 г. военное положение, современные немецкие политики выдают за осмысленную и спланированную попытку противостоять коммунистическим властям, причём не ПНР, а СССР, хотя Советский Союз никакого отношения к данному кризису в Польше не имел и в его разрешении никаким (военным) образом, кроме «братской экономической помощи» и идеологической поддержки польского правительства и Военного совета национального спасения ПНР, не участвовал».

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ,
ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
И ПЕРЕВОДЧИКАХ**

АНДЕРСОН РИЧАРД Д. (младший) (Richard D. Anderson, Jr.) – доктор философии, профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США), член правления Американской ассоциации политических наук.

АНИКИН ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, преподаватель Челябинского государственного университета.

АНТИПИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель Иркутского государственного лингвистического университета.

БАЗЫЛЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

БАРГХОРН ФРЕДЕРИК К. (Frederick C. Barghoorn) – доктор философии, профессор Йельского университета (Коннектикут, США).

БЫКОВА ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА – преподаватель Сургутского государственного университета.

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ВАЙС ДАНИЭЛЬ (Daniel Weiss) – доктор философии, профессор Цюрихского университета (Швейцария).

ГАВРИЛОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

ГРИШАЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета.

ЕРЕМИНА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ИВАНОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета.

ИГОШЕВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ – профессор, ректор Уральского государственного педагогического университета.

ИНЬИГО-МОРА ИЗABELЬ (Izabel Iñigo-Mora) – доктор философии, профессор Севильского университета (Испания).

КОЛТЫШЕВА СВЕТЛАНА ЯКОВЛЕВНА – преподаватель Южно-Уральского государственного университета.

КОПТЯКОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирант Сургутского государственного университета.

КРАСИЛЬНИКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, директор Новоуральского филиала Уральского государственного педагогического университета.

КУТЕНЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

МАСЛОВА ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА – доктор филологических наук, профессор Витебского государственного педагогического университета (Белоруссия).

НАДЭЛЬ-ЧЕРВИНЬСКА МАРГАРИТА (Margarita Nadel-Czerwińska) – доктор филологии, профессор Силезского университета (Катовицы, Польша).

НАХИМОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ПОЛЯКОВА ИРИНА СЕРГЕЕВНА – преподаватель Шадринского государственного педагогического института.

РУЖЕНЦЕВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

СИММОНС ЭРНЕСТ ДЖ. (Ernest J. Simmons) – доктор философии, профессор Корнеллского университета (США).

СТРЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ФЕРНАНДЕС-ДИАС ГАБРИЭЛА (Gabriela Fernandez-Diaz) – доктор философии, профессор Севильского университета.

ЧЕРВИНЬСКИ ПЕТР (Petr Czerwiński) – доктор филологии, профессор Силезского университета (Катовицы, Польша).

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

ШЕЙГАЛ ЕЛЕНА ИОСИФОВНА – доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного педагогического университета.